18+

СОСТАВИТЕЛЬ Х. М. ЦЕЧОЕВ

Нарт-орстхойский эпос вайнахов

Хасан Цечоев

Нарт-орстхойский эпос вайнахов

«Издательские решения»

Цечоев Х.

Нарт-орстхойский эпос вайнахов / Х. Цечоев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512004-5

Нартские сказания о героях-богатырях считаются общим достоянием культуры многих народов Северного Кавказа. Нарты — эпический псевдоним орстхойского народа, создавшего эпос и запечатлевшего в нем свое восприятие мира, общественные отношения, повседневный быт и духовные ценности на ранних этапах своей истории, известной науке как эпоха военной демократии. В образах воинственных и благородных героев эпоса воплощены главные качества самого народа: его дух, его стремления и его чаяния.

ISBN 978-5-00-512004-5

© Цечоев Х.
© Издательские решения

Содержание

Нарт-орстхойский эпос вайнахов 9
От составителя 10
Джуртубаев М. Ч. О вайнахском эпосе 12
Точка опоры 12
Концепция 14
Противоречия 16
Нарты и орстхойцы 18
Нарты и местные герои 20
Происхождение орстхойцев 22
Народ о нарт-орстхойцах 25
Противостояние 28
Главный герой 31
Нарты и благодать 34
Война с нартами 38
Карабулаки 41
Аланизмы 44
Библиография 51
I. ЖИЛИ-БЫЛИ НАРТЫ… 52
Как нарт-орстхойцы сгинули со света 52
Как погибли нарты эрхстуа 54
О вамполож 1 58
Гарбаш (великан-чудовище) 59
Орштхойцы (карабулаки) 60
Семь сыновей вьюги 1 62
Урузман, Орзми, Солса и Патараз, сын Хамчи 72
Оршамар Арш 74
Сын нарта 75
Сын землепашца и нарт-орстхойцы 78
Нарт-орстхоец Бексултан Бораган 1 80
Нарт-орстхоец Нярtби 82
Сказание о нарте Усе 83
Варанды 84
Нарт-орстхо Саид 85
Путешествие нарта 1 86
Орстхоевец—нохчо и орстхоевец-галга 89
Теча и его возлюбленная Цай 90
Нарт-эрстхоевец и кровник 91
Лорса и Солса 92
Нарт-эрстхоец Кускуз 96
Башни нарт-эрстхойцев 97
Мельничные жернова нарт-эрстхойцев 98
Как орстхойцы страну отвоевали 99
Гунойцы и энкалойцы 100
Гунойцы и айткалойцы 101
Из-за чего разорили орстхойцев 102
II. СОСКА СОЛСА И СЕЛА-САТА 103

Могучий Села 103
Сказание о Села Сате 104
Как Соска Солса победил Сартала 105
Как родился Соска Солса 109
Солса и Батига Шитка 110
Сноровистая Села Сата 112
Спор между Села Сатой и Мялха Азой 114
Гарбаши (великаны-чудовища) 115
Соска Солса и тазовая кость 116
Соска Солса и человеческий череп 117
Сеска Солса и вампал 118
Соска Солса и разбойники 119
Соска Солса и Горжай 120
Сильный Солса 123
Почему Сеска Солса стал одноглазым 125
Сиксолса и Гуй 126
Соска и Солса и накыстцы 127
Сеска Солса и Селий Пиръа 128
Как Сеска Солса похитил девушку 130
Сеска Солса и Бетта Лир 131
Сказание о нарте Соска Солса 134
Сеска Солса и Кинда Шоа 136
Как Кинда Шоа похитил девушку 138
Похищение дочери Сеска Солсы 139
Эшк и Сеска Солса 1 140
Две дочери, мать и Сеска Солса 141
Предание о Сески Солсе 142
Сиска Солса и старый пес 143
Почему говорят «говрабаьри» 144
Превратилась в голубку 146
Сеска Солса и волк 147
Я превосхожу тебя 148
Сеска Солса и лесной голубь 149
Соска Солса и Боткий Ширтка 150
Бийдолг Бяри и Сеска Солса 151
Молитва Сеска Солсы 153
III. ПАТРИЖ ХАМЧИЙ (БЯТАР) 154
Нарт Хамча и его сын Патараз 154
Хамчи Патараз и Мялха Аза 158
Волшебное кольцо 160
Как изжили обычай «цет» 162
Хамчи Патараз и Хромой Тимур 164
Солса и Патараз 166
Хамчи Патриж 167
IV. НАРТЫ И МЕСТНЫЕ ГЕРОИ 168
Сказание о великанах-вамполож 1 168
Тимар с обгоревшим боком 1 170
Герой-богатырь Тинин Вюсу 173
Тинин Вюсу и Эржи Хожа 1 176

Сказка про охотника и нарта 178
О Хане Гаммалте 180
Кто первым поселился в Насыр-Корте 184
Отцовское наследство 186
Дочь князя Айза и Муса 188
Лял-Султа 190
Два друга 192
Зулай 195
Медвежье ухо 197
Турпал Термола 200
Ачамза-курган (сын Лоаман Ха) 1 2 201
Конец владычеству нарт-орстхойца 205
Путешествие трех князей 206
Байнал-Бусани 208
Гардалой 210
Нарт-орстхойцы и несчастный человек 211
Невиданное дело 213
Сказание о нарте Сеска Солсе и Охкыр Канте 1 215
Любимая Альбика 216
Жена Пхагал Бяри и нарт-орстхоец 219
Пхагал Бяри 221
Пхагал Бяри и Сеска Солса 222
Сеска Солса и Бятар 223
Бятар и вампал 229
Бятар и девушка 230
Как Бятар проложил ущелье Ассы 231
Колой Кант 233
Сеска Солса и Колай Кант 1 236
Колой Кант 237
Нясар и Козаш 240
Внук Козаша и Германч 242
V. МЕЖДОУСОБИЦЫ НАРТОВ 244
Спор Гепака и Амира 244
Нарт-орстхоец Гожак 245
Наур и Гожак 247
Три брата нарт-орстхойца 249
Сын Оршмы 250
Нясар, его сын Сай и Ачам 252
Нарты из Энгеноя 254
VI. СКАЗАНИЯ О СЕМИ БРАТЬЯХ-НАРТАХ 255
Приключения нартов 255
Хорачоевское сказание 256
Сын земледельца и братья нарт-эрстхой 258
Надмогильный памятник нарт-орстхойцев 260
Гибель семи нарт-орстхойцев 261
Ялхой-мохкское сказание 262
Чухиева шайка 264
Куда девались нарты-эрхустойцы 265
Хребет семи братьев нарт-эрстхойцев 266

VII. БОТКИЙ ШИРТКА 267
Странствия Ботки 267
Гарског-хромоножка 270
Орхустойцы и Ботоко Ширтга 272
Смех, идущий за позорищем 275
Ответы Батоко Шертуко, или Цена Соска Солсы 276
Соска Солса и Батыг Шертга 277
VIII. ОСМЕЯНИЕ НАРТОВ 278
Гезама Али и Толам-Аго 1 278
Куллуби – победитель нарт-орстхойцев 280
Старик-бедняк и нарт-орстхойцы 282
60 орхустойцев и Цазик 1 283
IX. ГИБЕЛЬ НАРТОВ 286
Почему была наслана зараза 286
Отчего бог истребил орштхоев 1 287
Как погиб род нарт-орстхойцев 288
«Нарты верили в бога…» 290
Гибель орштхоев 1 291
Погибли в пещере 292
Сеска Солса и Жербаба 293
Чтобы котел говорил о нас 294
Сирая вдова и нарты 295
Нарты выпили медь 296
Когда оживут нарты 297
Царь нарт-эрстхойцев Науразе 299
Башня Науразе 1 300
Сказание о девушке-нарт 301
Последний нарт 302
Нарты из Герменчуга 303
Разгром нартов 305

Нарт-орстхойский эпос вайнахов

Хасан Цечоев *Составитель*
ISBN 978-5-0051-2004-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нарт-орстхойский эпос вайнахов
Составитель Х. М. Цечоев

От составителя

Перед читателем самое полное на сегодняшний день издание нарт-орстхойского эпоса вайнахов. К сожалению, многие читатели недостаточно хорошо знакомы с этим выдающимся памятником народной словесности; мы надеемся, что данный сборник даст широкой публике достаточно ясное представление о нем.

В нарт-орстхойском эпосе вайнахов многое (мотивы, сюжеты, герои и т.д.) совпадает с нартскими сказаниями других народов Северного Кавказа: абазинским, абхазским, адыгским, карачаево-балкарским, осетинским. Но многое в нем является и оригинальным, неизвестным в других национальных версиях Нартиады. Одной из отличительных черт вайнахских сказаний является, например, то, что в них нарты – это эпический народ, который всегда отождествляется с орстхойцами (карабулаками) – одной из трех этнических общностей вайнахов; им же приписываются многие деяния эпических героев.

В нартоведении принято считать, что нарт-орстхойские сказания, в отличие от других эпосов Северного Кавказа, не делятся на циклы. По этой причине они издавались и издаются или в различных сборниках, наряду с другими фольклорными произведениями вайнахов, или без всякой системы. Но это ошибочный взгляд.

По нашему мнению, героический эпос вайнахов состоит из девяти разделов. К первому из них относятся сказания, где нарт-орстхойцы представлены народом богатырей, сражающихся со злыми великанами и совершающих набеги на своих соседей, в том числе чеченцев и ингушей. Также в этот раздел включены и произведения, повествующие о подвигах нартов, с сюжетной линией, схожей со сказаниями других народов, у которых бытует нартский эпос. Далее следует самый большой цикл, в котором представлен главный герой нарт-орстхойского эпоса – Соска Солса (Сеска Солса). В третий цикл вошло несколько сказаний о другом нартском герое – Хамчи Патаразе. Три этих раздела, по всей видимости, являются наследием эпоса самих орстхойцев, это их взгляд на самих себя.

Если брать в целом отношение к нарт-орстхойцам в эпосе чеченцев и ингушей, то оно резко отрицательное, за исключением того факта, например, что в более поздние времена имело место частичное обожествление Соска Солса (Сеска Солса) вайнахами: в честь этого персонажа в горной Ингушетии возводились святилища, ему же посвящались и ритуальные молитвенники (Далгат, с. 118; с.133).

Нарт-орстхойцы, как отмечали исследователи, в сказаниях вайнахов преимущественно представлено как воинственное и алчное племя, постоянно жаждущее борьбы в поисках славы и добычи. Но всячески воспеваются и идеализируются «местные герои», мирные богатыри, как защитники родной земли, которые насмерть сражаются с нарт-орстхойцами. Сказания об их подвигах и победах над нартами составляют четвертый цикл, являющийся одним из самых больших.

Далее следуют повествования о междоусобицах нарт-орстхойцев, семи братьях-орстхойцах и о проныре Боткий Ширтке (не являясь нарт-орстхойцем, он выступает то в роли советника орстхойцев, то насмехается над нартами). Небольшой цикл составляют сказания, в которых нарт-орстхойцы выставлены простаками, которых легко одурачить. Это отражение того периода, когда горцы перестали бояться орстхойцев, сильно ослабевших в бесконечных войнах и междоусобицах, и поэтому уже не представляли для вайнахов серьёзной угрозы. В последнем, самом большом разделе, насыщенном богатой исторической информацией, включены тексты, рассказывающие о гибели нартов, после нашествия которых исчезла благодать.

Все сказания, помещенные в данном издании, снабжены комментариями составителей фольклорных сборников, из которых мы и перенесли их. Кроме того, мы сочли нужным в качестве предисловия к книге поместить одну из глав (посвященную вайнахскому эпосу)

большой монографии карачаево-балкарского фольклориста, заслуженного деятеля науки КЧР М. Ч. Джуртубаева «Происхождение нартского эпоса» (книга имеется в свободном доступе в Интернете). Полагаем, что она будет интересна не только специалистам, но и всем любителям и ценителям народной литературы.

Х.М.Цечоев

Джуртубаев М. Ч. О вайнахском эпосе

Точка опоры

Первые записи эпических сказаний ингушей и чеченцев были произведены Ч. Ахриевым (1871 г.) и У. Лаудаевым (1872 г.). Большая заслуга в ранней фиксации вайнахских сказаний и их исследовании принадлежит Б. К. Далгату; ряд текстов записан И. Магомаевым и Н. Семеновым. Многие тексты были опубликованы и после революции, в записи Х. Ошаева, С. Эльмурзаева, И. Дахкильгова, А. Мальсагова, Д. Мальсагова, Т. Эльдарханова, М. Кибиева и др. Весь этот наличный материал был издан в качестве приложения к монографии У. Б. Далгат (1972 г.), он и является основным источником в нашем исследовании.

Как пишет автор, ею были учтены не только все дореволюционные публикации, но и «значительное число сказаний, изданных в разное время на языке оригинала в советских изданиях», а также привлечены некоторые рукописные материалы и новые записи, произведенные в последние годы. «Публикация текстов, хотя и составляющих приложение к исследованию, осуществляется автором по принципам академического издания, в сопровождении научного комментария» (Далгат, с. 6). Весьма ценным представляется и составленный И. А. Дахкильговым сборник «Ингушский нартский эпос» (Нальчик, 2012), в который вошли многие тексты, отсутствующие в работе У. Б. Далгат, как опубликованные в различных фольклорных сборниках, так и неизвестные.

Циклов сказаний, посвященных подвигам и приключениям тех или иных героев, в вайнахском эпосе всего три: это сказания о Соска Солсе и Села-Сате, о Патаразе, о Ботким Ширтке. Песенно-стихотворных текстов нет, все произведения изложены в прозаической форме. В отличие от эпосов осетин, абхазов, адыгов и абазин, сказания вайнахов объединены сквозной темой – борьбой за землю, которую ведут чеченцы и ингуши, обитатели гор, с племенем нарт-орстхойцев (карабулаков), занимавшим равнину. «Местные богатыри» сражаются с персонажами, которые в других версиях Нартиады являются ее героями; грань между эпическими нартами и собственно орстхойцами-карабулаками – чисто условная; поэтому противники вайнахских («местных») богатырей именуются нарт-орстхойцами. Но, естественно, все симпатии сказителей на стороне местных героев, защитников родной земли от захватчиков-нартов.

Исследование У. Б. Далгат начинается с обзора этнической истории Северного Кавказа; к сожалению, ее воззрения нигде не выходят за рамки предписанного канонической версией. Она твердо верует в существование неких «субстратных пракавказцев», далеких предков «адыгов, осетин, чеченцев, ингушей и дагестанских народностей», с которыми столкнулись пришедшие из Средней Азии «ираноязычные» аланы; неясно, правда, почему среди перечисленных потомков «субстрата» оказались и осетины-иранцы. Не задается она и вопросом о том, почему ни один из народов «кавказской языковой семьи», веками проживая в одном и том же небольшом регионе и являясь потомками одного «субстрата», не понимает языка другого этноса, даже соседнего.

«Почти все появившиеся на Северном Кавказе пришлые племена, не исключая и сармато-алан, были кочевниками. В момент своего появления кочевники такого рода отличались традиционными чертами жестоких завоевателей». Кто имеется в виду под «пришлыми племенами», У. Б. Далгат не объяснила.

Но позже началась эпоха культурных, торговых и иных контактов. «Существует точка зрения, что сарматы и особенно аланы участвовали в этногенезе не только осетин, рассматриваемых в качестве их прямых потомков, но и других народов, в том числе вайнахов и адыгов».

Во взаимодействии скифо-сарматов и местных племен и развивалась, по мнению исследовательницы, культура народов Северного Кавказа; она добавляет и влияние сасанидского Ирана (Далгат, с. 9—10).

И все, казалось бы, складывалось вполне благополучно, но тут вмешались другие кочевники, «колыбелью которых были степи Монголии и Туркестана», «производительные силы которых были крайне ограничены» и которые почему-то радикально отличались от «кочевников-иранцев» (т. е. сармато-аланов), пришедших из Средней Азии. «После гуннского нашествия, в середине IV в., на северо-восточном Кавказе в ближайшем соседстве с гуннами появляются тюркоязычные кочевые племена „болгар“ – кутургуров, утургуров, савиров, куманов, а несколько позже аваров. Пришельцы были воинственными кочевыми племенами, которые производили грабежи с целью захвата добычи (неужели только они одни? – М. Дж.)». И далее У. Б. Далгат дает цитату из «Очерков истории СССР» (1958 г.): «Подобно гуннам, они оставили скорее своего рода негативные, нежели позитивные, следы в материальной культуре этого времени» (Далгат, с. 11—12).

Как и весь сонм официальных историков, о причинах такой брутальности тюркоязычных кочевников У. Б. Далгат, разумеется, ничего не говорит; следует принимать на веру, что средневековые тюрки отличались от всех прочих обитателей планеты повышенной агрессивностью и неистребимой склонностью к насилию. Вероятно, их производительные силы действительно «были крайне ограничены», вот и приходилось обирать до нитки все окрестные народы и племена (исключительно мирные и добрые).

Об участии тюрков в этногенезе народов Северного Кавказа исследовательница также не говорит, но отмечает: «С X по XIII столетие северная часть северокавказских степей была занята тюркскими племенами кипчаков. Процесс тюркизации некоторых кавказских народов (балкарцев, карачаевцев, кумыков и др.) имел немаловажное значение для формирования их духовной жизни» (Далгат, с. 13). О том, почему «тюркизации» подверглись именно эти народы, как это могло произойти и какие факты свидетельствуют в пользу такого мнения, ничего не сказано. Не говорит У. Б. Далгат и о том, почему, если эти кипчаки целых три столетия доминировали на всей равнинной части Кавказа, о них нет упоминаний в фольклоре ни одного из народов, населяющих этот регион, нет и этнонима в их языках (исключение составляют ногайцы). *кипчак*

Далее автор переходит к рассмотрению того общего, что имеется во всех версиях Нартиады, соглашаясь с В. Ф. Миллером, который полагал, что богатырские сказания северокавказских народов представляют собой «один эпический цикл», что проявляется «в обрисовке и характеристике нартских героев, в нартской номинологии, в своеобразии разработки мотивов героизма, в сюжетных и художественных деталях, наконец, в генеалогических отношениях нартских героев». «Сходство нартского эпоса у кавказских народов», как указывал в своих работах Е. И. Крупнов, объясняется «относительной однородностью и единством северокавказской материальной культуры и этнической среды» (Далгат, с. 15).

Концепция

Монографию У. Б. Далгат можно считать наиболее основательной попыткой разработки «субстратной» теории происхождения Нартиады. По мнению сторонников этой теории, Северный Кавказ некогда населял только один народ, говоривший на одном языке; и якобы этот народ послужил субстратом в этногенезе современных этносов региона. Но, так как эта теория была чисто умозрительной, то и все концепции, построенные на ее основе, были такими же умозрительными и состояли исключительно из предположений. Не составила исключения и концепция У. Б. Далгат. Пытаясь подкрепить ее, она, как и другие сторонники «субстратного» происхождения нартского эпоса, оперирует материалами только одной версии (в данном случае – вайнахской). «Вполне естественно, – пишет она, – что если в собственно кавказский этнический субстрат и проникали иноплеменные сюжетные комплексы, то они вживались в местную фольклорную среду. Применяя сравнительно-исторический метод в изучении богатырского и героического эпоса чеченцев и ингушей, мы будем исходить, во-первых, из понятия фольклорной общности „кавказского субстрата“, во-вторых, из тех специфических условий – исторических, этнических, идейно-эстетических, языковых, в которых формировались и бытовали эпические произведения».

В поисках истоков нартских сказаний У. Б. Далгат обращается к древним пластам вайнахского фольклора. «В качестве наиболее архаического составного, но далеко не исходного элемента вайнахского эпоса нужно признать теогонические рассказы о языческих богах и героях». «Более тесно примыкают к героическому эпосу сказания и предания чеченцев и ингушей о героях-богатырях – родоначальниках. В качестве наиболее древнего исходного начала героического эпоса вайнахов мы признаем сказания о великанах-богатырях, образы которых расцениваются как весьма архаическая типовая категория» (Далгат, с. 17—18).

«Достаточно обширный ареал распространения народных рассказов о великанах на Кавказе» «подтверждает (? – М. Дж.) предположение о существовании здесь некогда сформировавшегося древнего богатырского цикла». «Основными, если не исключительными, признаками персонажей указанного типа являются их физические качества – колоссальная величина, неимоверная сила, способность съедать огромное количество пищи, добываемой примитивными способами, начиная от каннибализма и кончая охотой, рыболовством и скотоводством» (Далгат, с. 18).

Но тут начинаются противоречия, причем непреодолимые. «В сказаниях и богатырских сказках великаны-богатыри не имеют героических функций. Если подходить к этим образам с позиции общепризнанных представлений об активном поведении героических персонажей в эпосе, то деятельность великанов-богатырей отличается достаточной пассивностью». Автор объясняет это эволюцией «народных представлений о различного рода великанах» – «с одной стороны, сохранялись их древние атрибуты, с другой – эти образы подвергались более реалистическому осмыслению».

«В последнем случае богатырство исполинов, способных перебрасывать скалы, совершать колоссальную работу, получало новое качественное выражение», т. е. пассивное богатырство переходило к активной героике. И если «большинство сказаний о древних великанах-богатырях имеют относительно „бесконфликтный“ сюжет», то в эпико-героическом контексте «наблюдается усложнение конфликтных ситуаций, в основе которых почти всегда лежит антитеза активного героизма эпических персонажей и пассивного могущества великанов» (Далгат, с. 18—19).

Как и почему персонажи древнего «великанского эпоса» поделились на два враждующих лагеря, – одни превратились в героев, а другие в их противников (причем нартами в эпосе вайнахов именуются эти противники), У. Б. Далгат не объяснила. И далее она отмечает: «Помимо

сказаний древних циклов о великанах-богатырях, у вайнахов широко известны и героические сказания о нарт-орстхойцах, входящие в состав общекавказской Нартиады», считая это «фактом одновременного сосуществования эпических сюжетов в разных повествовательных жанрах». Циклический эпос в сравнении с разрозненными сказаниями «представляет собой более позднюю по времени и сложную по своей системе художественную форму», возникшую в результате переработки древних сказаний о великанах (Далгат, с. 19; с. 25).

Таким образом, согласно концепции У. Б. Далгат, героический эпос вайнахов состоит из нескольких пластов:

«Первая эпическая группа – сказания о великанах, исполинах, богатырях-родоначальниках (последние постоянно имеют положительную характеристику). К этой группе относятся эпические рассказы такого рода:

а) о великанах циклопического типа;

б) об исполинах, не относящихся к типу циклопов (включая представление о будто бы реально существовавшем исполинском племени людей прошлого);

в) о могучих богатырях-родоначальниках (полумифических-полуисторических)».

«Вторую эпическую группу составляют рассказы о трех типах героев:

а) о нарт-орстхойцах, в числе которых встречаем такие общекавказские эпические имена и образы, как» ; *Сеска Солса (Соска Солса), Урузман (Орзми), Хамчи, Патарз (Патриж), Ачамза, Техшоко, Германчи, Шертга, Кинда Шоа, Чопа-Бороган, Гожак, Наур, Села Сата*

«б) о местных героях – ингушских и чеченских (в системе нарт-орстхойского эпоса), которые имеют, например, такие имена: Колай Кант, Охкыр Кант, Эшк, Горжай, и др. (преимущественно у ингушей); Ахмед, Толам-Аго, Чуара Нельбиевич и др. (у чеченцев)»;

в) «о безымянных нартах либо нарт-эрстхойцах и т. д. (у чеченцев); обычно речь идет о «семи братьях»; по аналогии «семь братьев-нартов» – у аварцев, даргинцев, лаков; встречается и у осетин.

Эти образы преимущественно наблюдаются в сказках богатырских и новеллистических. В богатырских сказках герои-богатыри имеют свои имена, например, Пахьтат, Фушт, Ботг и др.

К третьей эпической группе мы относим сказания, предания и легенды, которые непосредственно не относятся к нарт-орстхойскому эпосу». «Здесь тоже фигурируют местные герои, но они в основном находятся вне художественной системы нарт-орстхойских сказаний. Из местных героев назовем таких, как Баркум Кант, Нясар, Лорса, «Сын Лоаман Ха», Тинин Вюсу и др. В третью группу включены сказания и легенды о хромом Тимуре (Астах Темыр), т. е. Тамерлане» (Далгат, с. 26—27).

Противоречия

Таким образом, в отличие от всех других сторонников «субстратной теории» происхождения Нартиады, считавших достаточным основанием предполагаемое существование в далеком прошлом зачатков эпоса в среде гипотетической «пракавказской общности», У. Б. Далгат увидела истоки нартских сюжетов и образов в древних мифах о великанах, сохранившихся в фольклоре народов Кавказа. Но, подгоняя материал под свою концепцию, исследовательница совершенно не заметила, что в таком случае границы героического эпоса как жанра перестают существовать, поскольку включила в него и космогонические мифы, и мифы о языческих божествах, и сказки, и генеалогические легенды, и даже былички (см. тексты, приложенные к ее монографии), как и сказания о нарт-орстхойцах. С таким же успехом могли расширить до необъятных размеров свои эпосы и другие народы Кавказа.

Кроме того, выдвинув это предположение, У. Б. Далгат стала заложницей своей же концепции. Так, о великанах она пишет: «Следует заметить, что природа этих образов совершенно однородна. В основе их существа лежат древние мифологические представления людей, олицетворявших в образах страшных исполинов темную силу» (Далгат, с. 28). О том, когда, как и почему олицетворения «темных сил» превратились в положительно окрашенных героев, в монографии ничего не сказано.

К тому же исследовательница пишет: «Образы великанов по своей художественной сути лишены героического содержания и принадлежат к наидревнейшему эпическому типу». Но затем выясняется, что это не так, и великаны великанам все же рознь. «В сказаниях чеченцев и ингушей, которые следует признать наиболее архаическими, зафиксированы различные образы великанов. Однако если великаны-чудовища типа дэвов и каджей имеют древнеиранское, авестийское происхождение, то великаны-богатыри эпического вида – порождение местной богатырской традиции» – имея в виду, например, богатырей-родоначальников (Далгат, с. 28).

Иными словами, «свои», кавказские великаны – это богатыри и относятся к «эпическому виду», а вот древнеиранские дэвы и каджи – это чудовища. Несмотря на то, что и первые, и вторые «лишены героического содержания».

Не попыталась У. Б. Далгат ответить и на вопрос о причинах вражды нартов именно с великанами, поскольку объединила в одну группу образы богатырей-родоначальников и мифологических великанов, олицетворения стихийных сил и природных объектов. Все сводится к одной и той же фразе об «эволюции эпического образа вообще; от наиболее древнего его архетипа (в пределах внутреннего развития эпического образа от мифического существа к великану-человеку) – до ярко выраженного героя, оформленного во всем эпическом комплексе» (Далгат, с. 29).

Это лишь некоторые из многих противоречий, заложенных в концепции У. Б. Далгат, пытавшейся обосновать ее на материале чеченских и ингушских сказаний. Признать ее выбор удачным нельзя и потому, что в эпосе вайнахов нартами именуется реальное племя – орстхойцы (карабулаки); большую часть текстов, представленных У. Б. Далгат в качестве героического эпоса чеченцев и ингушей, составляют именно сказания о нарт-орстхойцах, противниках вайнахских героев. Пройти мимо этого факта невозможно, но невозможно и объяснить, почему «эволюция эпического образа» привела к отождествлению злобных великанов с орстхойцами, а богатырей-родоначальников превратила в «местных» героев. Как и то, почему тот же процесс не произошел в среде других народов Кавказа, признаваемых потомками одного и того же «субстрата».

« (выделено нами. – М. Дж.) сюжетное их развитие осуществляется в плане драматических коллизий, столкновений местных положительных героев с отрицательными нарт-орст-

хойцами». «Надо заметить, что местные герои в отличие от воинственных нарт-орстхойцев, совершающих походы и набеги, выступают в сказаниях исключительно в роли положительных героев. В большинстве случаев их изображают мирными тружениками, занимающимися земледелием и скотоводством, и вместе с тем они в сказаниях предстают людьми мужественными, могучими и отважными, способными охранять родную землю и своих родичей» (Далгат, с. 30).

В большинстве нарт-орстхойских сказаний

Таким образом, если даже образы местных героев и восходят к «великанскому эпосу» народов Кавказа, то неясно происхождение образов «злых» нартов (орстхойцев), собратья которых в остальных национальных версиях Нартиады не представляются в виде великанов-людоедов. У. Б. Далгат делает попытку найти выход, предполагая: «Не являются ли так называемые местные герои вайнахских сказаний олицетворением местных иберо-кавказских племен, потомков древних кобанцев, населяющих северокавказские предгорья и горы, а нарт-орстхойцы – поэтическим синтезом разного рода пришельцев-кочевников?» (Далгат, с. 30).

Исследовательница не замечает, что в этом случае она противоречит себе же; получается, что «поэтическим синтезом» пришельцы-кочевники-нарты стали только в эпосе вайнахов, но не у остальных потомков древнимх кобанцев. Далее следует еще более странное предположение: «Скорее всего здесь мы имеем дело не с каким-либо конкретным народом, а с обобщением каких-то исторических явлений, с образами, синтезирующими внешних и внутренних завоевателей, насильников разного рода, совершавших набеги в ту древнюю пору»; «…отрицательное (в основном) восприятие образов нарт-орстхойцев не может иметь сколько-нибудь определенный этно-исторический эквивалент» (Далгат, с. 31).

Как же не может, когда вайнахский эпос прямо и определенно называет противников «местных» героев «нарт-орстхойцами» и никаких «пришельцев-кочевников» (за исключением черкесов, ногайцев и кабардинцев) в сказаниях и преданиях вайнахов нет, а потомки орстхойцев-карабулаков и сейчас живут в Чечне и Ингушетии? Кроме того, если согласиться с предположениями У. Б. Далгат, получается, что другие народы Кавказа под именем нартов воспевали в своих сказаниях «разного рода кочевников, завоевателей, насильников», и только вайнахи – местных «иберо-кавказцев».

«Сам факт художественного проецирования в нарт-орстхойском эпосе вайнахов событий большой исторической давности, изображение походов и набегов воинственных нарт-орстхойцев на мирных тружеников – местных героев, их специфическая поляризация, идейно-художественная интерпретация упомянутых образов – все это, как и многое другое, свидетельствует в общей системе кавказской Нартиады об исконной (? – М. Дж.) древности нарт-орстхойского эпоса вайнахов» (Далгат, с. 31).

Но если нарт-орстхойцы вайнахского эпоса – «поэтический синтез разного рода пришельцев-кочевников», притеснителей чеченцев и ингушей, то кого следует видеть в героях эпических сказаний абхазов, абазин, адыгов, осетин, карачаево-балкарцев? Или эти агрессивные «пришельцы» враждовали только с вайнахскими племенами, а для остальных были благодетелями? И кто, в таком случае, создавал сказания о богатырях-нартах – сами «кочевники» или «автохтоны-пракавказцы»?

Но, к сожалению, такими вопросами У. Б. Далгат не задавалась. Поэтому и неудивительно, что в заключение II главы своей монографии она пишет: «В данном разделе книги мы старались на материале вайнахского и кавказского фольклора вообще сформулировать определенную концепцию. Сущность ее состоит в признании у многих кавказских народов древней великано-богатырской эпической традиции. На ее основе, на наш взгляд, и развивался героический нартский эпос» (Далгат, с. 103).

Разумеется, предметом нашего анализа будут сказания о нарт-орстхойцах, поскольку именно их, вопреки мнению У. Б. Далгат, и можно считать героическим эпосом чеченцев и ингушей, повествующим о борьбе их предков с воинственными иноплеменниками.

Нарты и орстхойцы

Относительно нарт-орстхойцев и нартов Ч. Ахриев пишет (в 1870 г.): «Во всех ингушевских сказках и песнях героями являются нярты (нарты) и орхустойцы с противоположными характерами. Первых изображают как людей в высшей степени добрых и нравственных, а потому не удивительно, что слово «нярт» сделалось между ингушами нарицательным именем. Ингуш, желая выразить посильнее похвалу кому-либо, говорит «нярт воI сана ва из», т. е. «он молодец, как сын нарта». Нарты «в памяти народа… являются рыцарями, защитниками слабых, и вот почему они ведут беспрерывную борьбу с орхустойцами, являющимися в народных сказаниях как люди злые, коварные, завистливые…

…По какому-то странному обстоятельству местом действий орхустойцев, как и нярtов, служит Галгаевское ущелье, между тем как постоянное жительство этих героев, как уверяет народное сказание, есть Осетия, именно Санаби… Число нярtов, как в сказках, так и в песнях, не определено, но орхустойцев считается 60 человек, и все они одного происхождения» (Далгат, с. 106).

По характеристике Ч. Ахриева, «нярты верили в бога и поклонялись ему»; «орхустойцы» хотя и верили, но всегда вели борьбу с богом (основанием для этого вывода является только один небольшой текст; имеется в виду языческое божество Села, чужое для карабулаков. – М. Дж.). «В наказание за это бог постоянно противодействовал их желаниям и предприятиям»; «…они, видя, что борьба их не равносильна, решились на отчаянную смерть: они расплавили красную медь и выпили ее…» (Далгат, с. 106—107).

По мнению сказителя Ганыжа, «нарты и орстхои во времена Моисея жили на плоскости примерно там, где находится Назрань». «Б. Далгат на основании этого пишет: «Если это и так и если это не есть позднейший перенос места жительства нартов вместе с переселением самих ингушей на плоскость, то это говорит много в пользу того, что нартский эпос развился на плоскости, а занесен и сохранился в горах» (Далгат, с. 108—109).

«По сказаниям, все орстхои вели бродячий образ жизни, были людьми сильными, жаждущими борьбы, они были злыми и коварными. Один из орстхоев будто бы даже соблазнил Мать вод – Химиханана. Сказитель Газбык (не разделявший нартов и орстхоев) говорил, что все орстхои грабили и обижали народ и помогали «только своим орстхоям». Сказитель Ганыж (разделявший нартов и орстхоев) уверял, что орстхои были храбрее нартов. Орстхои умерли, выпив расплавленную медь. Нарты были людьми богоугодными и благочестивыми. Жили они в селении Яндырка около Назрани. Нарты сами стали просить у бога смерти. И нарты, и орстхои погибли у Татар-Тупа (у нынешней станции Эльхотово).

В плоскостной Чечне и Ичкерии, по сведениям У. Лаудаева, различие нартов от орстхоев исчезает вовсе, и там о нартах говорится примерно то же, что об орстхойцах у ингушей. Лаудаев сообщает, что нарты в представлении чеченцев – «керестан-исполины, они везде являются угнетателями народа» (Далгат, с. 108—109).

На основе всех этих и других сведений Б. Далгат пришел к выводу «о тождестве орстхойцев с нартами других народов Кавказа». «Орстхойцы, утверждает он, есть копия с нартов кабардинцев, осетин и балкарцев. Основные черты этих героев у северокавказских народов одни и те же». Он же указал и на присутствие в эпосе вайнахов двух групп героев. «Во-первых, нарт-орстхойцев, справедливо подчеркивая при этом, что собственно чеченцы не всегда отличают нартов от эрхустойцев, называя „63 нартов“ то нарт-эрхустойцами, то просто нартами. Во-вторых, тип „чеченских (в смысле вайнахских. – У. Д.) нартов“, имея в виду сильных мирных обитателей, на которых нападали орстхойцы» (Далгат, с. 109).

Точка зрения Башира Далгата о тождестве нартов и орстхойцев предпочтительнее, в ее пользу свидетельствуют сами эпические тексты. Но считать утверждение Ч. Ахриева об их

различном нравственном облике ошибочным нельзя. На наш взгляд, он опирался на какие-то, не дошедшие до нас сказания, в которых отражалась память о периоде междоусобиц и столкновений на религиозной почве внутри карабулаков.

А. О. Мальсагов пишет: «Нарт-орстхойцы – герои в фольклоре вайнахов, известные многим народам Северного Кавказа под именем нарты. Нельзя отождествлять эпических нартов со сказочными. В последнем случае они, как правило, выступают в роли злых и глупых великанов. Такая тенденция особенно наглядно проявляется в чеченском языке» (Сказки и легенды ингушей и чеченцев, с. 338).

Согласиться с мнением о различии нартов эпических и сказочных в вайнахском фольклоре трудно, поскольку и те, и другие враждебны людям и выступают по отношению к ним в роли притеснителей. Различие в облике – нарты сказочные выглядят хтоническими чудищами-людоедами, а эпические нарты (в большинстве случаев) описаны как люди, – объясняется тем, что образы первых возникли в период ранних и весьма враждебных контактов вайнахов с карабулаками, а образы вторых относятся к более позднему времени и более близкому знакомству двух этносов.

Нарты и местные герои

По характеру своей эпической деятельности нарт-орстхойцы резко противопоставлены местным героям, что особенно наглядно по перечню основных черт тех и других, составленных У. Б. Далгат (в сокращении):

. Имеют имена собственные. Число их не определено. В народном восприятии идеализированы как положительные герои. Наделены не только силой и мужеством, но и благородством, умом и другими добродетелями. Воспринимаются как местные жители. Отдельным особым обществом не являются. Живут в башнях и повсеместно признаются основателями родов и фамилий. Занимаются мирным трудом, они пастухи и земледельцы; на нарт-орстхойцев не нападают. Выступают защитниками родной земли, стоят на богатырской заставе. С богами не борются, напротив, это люди богоугодные. Воспринимаются как реальные лица, коэффициент фантастического в их обрисовке относительно незначителен. *Местные (вайнахские) герои*

Имеют имена собственные, в числе которых есть и общенартские. Число нартов – обычно 60—63. В народном представлении воспринимаются как угнетатели-пришельцы, грабители и насильники. Сильны и мужественны, наделены хитростью, воинственны. Живут в башнях. В некоторых случаях считаются родоначальниками. Составляют отдельное общество. Основными занятиями нартов являются походы за добычей, разбой. Постоянно нападают на местных героев. Лишены патриотических черт, стоят на заставе только в редких случаях, когда имеет место побратимство (Соска Солсы) с местными героями. Богам чужим,вайнахским. – М. Дж. не подчиняются, ведут с ними борьбу. (). Коэффициент фантастического в обрисовке нарт-орстхойцев довольно значителен» (Далгат, с. 110—112). *Нарты (нарт-орстхойцы). выделено нами. – М. Дж.* ( ) **Воспринимаются как определенный народ, существовавший в прошлом**

Добавим к этому, что в некоторых сказаниях нарты изображены великанами-людоедами, иногда с одним глазом во лбу, а иногда многоголовыми. Если бы карабулаки-орстхойцы изначально были частью вайнахского этноса, ничего такого о них не говориться не могло. Характерно также примечание У. Б. Далгат: «В числе перечисленных тем мы не найдем темы труда. Эта тема не составляет предмета внимания тех эпических рассказов о нарт-орстхойских героях, в которых традиционная типология образов сохраняется полностью и которые со временем еще не подверглись деформации» (Далгат, с. 116).

И это вполне понятно. Было бы странно, например, встретить в русских былинах описание мирного труда «злых татаровей» или хазар. Но, разумеется, в вайнахских сказаниях достаточно часто говорится о трудовых занятиях местных героев. Казалось бы, все вполне ясно: в вайнахском эпосе речь идет о борьбе чеченских и ингушских героев с нартами, представителями чуждого иноязычного племени – слишком резко они отличаются друг от друга. Но такого вывода У. Б. Далгат не делает (как и другие нартоведы). Чтобы объяснить процесс появления нарт-орстхойского эпоса, она вновь выстраивает цепь предположений.

1. «Вполне возможно предположить, что вайнахи, „получив“ нартов от других северокавказских народов, спаяли их со своими древними преданиями и сказаниями». (Иными словами, получается, что в создании нартского эпоса участвовали не все потомки «кавказского субстрата», которому, по мнению У. Б. Далгат, и принадлежат эти сказания).

2. «…вполне вероятно предположить, что исторические орстхои-карабулаки могли запечатлеться в памяти народа как люди суровые и мужественные» и «рассказы о набегах и грабежах сильного воинственного племени орстхоев-карабулаков в ретроспективном восприятии народа смешались с древними эпическими образами».

3. «Попав в эпос, орстхойские герои спаялись с более древними эпическими образами, преимущественно (но не исключительно) отрицательного содержания – разного рода пришельцами и завоевателями, олицетворенными в тех или иных эпических персонажах».

4. «Присоединение к понятию „нарт“ слова „орстхой“, на наш взгляд, есть свидетельство местного осмысления и приспособления древней общенартской героической традиции к вайнахским условиям только определенного исторического периода» (Далгат, с. 114—115).

В эту цепь предположений поверить трудно, поскольку неизвестно, когда и от какого народа вайнахи «получили нартов» (или от всех сразу?) и почему у них не было «общенартской героической традиции»; неясно и то, почему образы нартов вдруг получили у них отрицательную окраску и зачем вайнахи присоединили к термину «нарт» свой этноним «орстхой»; если же «разного рода пришельцы» и до того времени олицетворялись у чеченцев и ингушей в образах нартов, то непонятно, почему У. Б. Далгат говорит, что они «получили» их у других народов (каких?).

Происхождение орстхойцев

Высказав предположение, что нарт-орстхойцы являются «олицетворением пришельцев», У. Б. Далгат, тем не менее, почему-то считала их одним из вайнахских племен. Никаких оснований для такого мнения не существует, но такова точка зрения и других нартоведов. Отмечая, что вопрос об отношении нарт-орстхойцев эпических к орстхойцам этническим представляет большую сложность, У. Б. Далгат пишет: «На наш взгляд, в данном случае имеет место частичная идентификация эпических героев с реально существовавшим вайнахским племенем карабулаков, о котором в фольклоре сложено немало фантастических рассказов, легенд и преданий» (Далгат, с. 113).

Почему же эти «фантастические» произведения были сложены именно об орстхойцах, если они являлись только одним из вайнахских племен, притом не самым большим? «По некоторым историческим сведениям, орстхои-карабулаки в период межродовых и межфамильных раздоров были наиболее воинственным и непокорным обществом, которое устрашало и подавляло слабые фамилии и роды, выселявшиеся с равнины на плоскость. В те далекие времена орстхои-карабулаки активно участвовали в поимке пленников и продаже их в Дагестане, в (кумыкском. – М. Дж.) селении Эндери, бывшем на Северном Кавказе центром работорговли» (Далгат, с. 113).

Но У. Б. Далгат не говорит, почему эти вайнахи-орстхойцы подавляли только своих соплеменников и только их продавали в рабство и почему рассказы об орстхойцах носили фантастический характер (что характерно для народных представлений о врагах-иноплеменниках), как и о том, почему у соседних народов (например, у тех же кумыков, ногайцев, осетин, кабардинцев) нет сказаний о войнах с карабулаками.

«Установлено, что вайнахские племена были одними из наиболее ранних обитателей Кавказских гор и ущелий, хотя точных исторических данных о времени их водворения в горы пока что не имеется. Местами первых поселений вайнахских племен считаются верховья Аргуна и Ассы». По чеченскому преданию, «некий аккинец, по имени Арштхоо, выселившись из своего общества (горного Аккинского общества) и спустившись со своим родом в Бамутское ущелье, основался у источников, называемых Черными Ключами (по-кумыкски – Карабулак). От населения, основанного здесь Арштхоо, образовалось особое общество, называвшее себя… Арштхой» (Далгат, с. 38; с. 41).

«По рассказам сказителя Ганыжа, некогда жили три брата: Га, Орштхо и Нахчо, от которых произошли все галгайцы, орстхойцы и нохчи. В представлении ингушей указанные братья пришли в горы с востока и поселились в месте Галга – и отсюда уже расселялись по всей чеченской и ингушской земле. Орстхои поселились в Датихском ущелье Галгаевского общества по течению реки Асса». «В ауле Датих первыми из потомков Арштхо были Дзаг Арштхоев и двоюродный брат его Чопа, сын Борага. Этот эпоним, как увидим, вошел и в богатырский эпос» (Далгат, с. 42—43).

«Арштхои начали расселяться по ущелью реки Асса и образовали много селений по ее течению до самого Аки-Юрта на плоскости. Там их стали называть русские и кумыки карабулаками» (Далгат, с. 43). В чеченских преданиях этих братьев зовут Ако, Шото и Га. «И здесь упоминается некий акинец Арштхо, который фигурирует как патроним арштхоев-карабулаков. В сказании „Об основании аула Оббоно“, записанном Ч. Ахриевым, говорится, что „наши предки происходят от орхустойцев“ и что они были славными героями и прославили себя между народами» (Далгат, с. 113).

Убедительное, на наш взгляд, объяснение этнонима дает А. О. Мальсагов: «По всей вероятности, «орстхой – арштхой – аьрашхой» происходит от «аре» (равнина, плоскость), ш – показатель множественности, «тIа – послелог, «хо – словообразовательный суффикс.

Таким образом, «орстхо – арштхо – аьрашхо» (житель равнины) в противоположность «лоамаро» (горец)» – (Далгат, с. 115).

Ч. Ахриев считал, что к историческим «преданиям ингуш отчасти должны быть отнесены сказания об орхустойцах». «При этом он рассуждал о них как о народе: «Об этом народе мною было сказано несколько слов в III выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах». Таким образом, Ч. Ахриев фактически связывал эпических героев из «сказаний об орхустойцах», которые он записал и опубликовал как эпические произведения, с орхустойцами в их этническом понимании» (Далгат, с. 112—113).

Однако понимание орстхойцев как особого, отличного от вайнахов народа отражается и в сказаниях. Герой по имени Чопа Борган был женат на лесной женщине (по мнению ингушей, лесные женщины отличались чрезвычайной красотой, в отличие от лесных мужчин). От нее у Чопа Боргана (в других сказаниях он именуется нарт-орстхойцем) был сын, который смертельно ранил своего отца в отместку за убийство дяди.

«». Она почувствовала человеческий запах и сказала дочерям: «» (Далгат, с. 261—263). *Умирая, он завещал, чтобы в комнате, где он будет лежать мертвый, никого не было. Так и сделали. Но одна из женщин из любопытства осталась с трупом. В полночь комната вдруг осветилась, это явилась лесная женщина со своими прекрасными дочерьми оплакивать Чопу Кто слышит наш разговор, да не удовлетворятся души его потомства!». Произнесши это заклятие, лесная женщина исчезла вместе с дочерьми. От женщины, спрятавшейся в комнате, произошли орстхойцы (карабулаки). Известно, что они самый беспокойный народ в мире и ничем не удовлетворяются*

У. Б. Далгат приводит и анекдот о том, как некий орстхоевец, со словами: «», трижды уводил и продавал в рабство одного галгая. В третий раз галгай спросил: «». О других чеченских и ингушских племенах и родах ничего такого почему-то не говорится. И опять же остается неясным, почему орстхои оставили по себе недобрую память лишь в фольклоре вайнахов, а и не других народов Северного Кавказа. «Еще и поныне, – пишет У. Б. Далгат, – ингуши и чеченцы рассказывали были и небылицы о своих отношениях с орстхойцами в далекие времена» (Далгат, с. 114). *Я, Муцарг, увожу тебя Все орстхойцы имеют имя Муцарг или это ты – один и тот же – все уводишь меня?*

Почему же нет таких же былей и небылиц о взаимоотношениях других ингушских и чеченских обществ? И разве сам смысл фразы У. Б. Далгат не говорит о том, что речь идет о совершенно чуждом для вайнахов племени? «Племенные столкновения в прошлом были не только между галгаями и орстхойцами, но и между орстхойцами и нохчами (нохчо – самоназвание чеченцев). Старик Муслим Мамергов, чеченец, рассказал в 1958 г. И. Дахкильгову следующее предание: «(кар.-балк. «нартский князь». – М. Дж.) …» (Далгат, с. 114). *Некий орстхоевец по имени Нярtби нартбий был суровым и воинственным человеком. Он притеснял нохчоев и издевался над ними, отбирая их земли. Один чеченец, говорят, рассердившись на Нярtби, воткнул ему кинжал в пах. Нярtби, придерживая рану одной рукой, другой вытащил свой меч из ножен и побежал за чеченцем. С разбегу он ударил его по голове мечом. Конец меча застрял в голове чеченца, весь же меч торчал наружу, свешиваясь назад. Убегающий в страхе человек не сразу почувствовал, что в голове его меч, он продолжал бежать и тогда он был похож на удода. Видя это, орстхоевец Нярtби, говорят, остановился и принялся хохотать. Указывая на бегущего, он кричал: «Смотрите, смотрите, вон бежит удод»; так со смехом он и умер*

Все эти рассказы, как и другие данные прямо говорят о том, что орстхойцы-карабулаки изначально вайнахским племенем не были. Если же придерживаться другой точки зрения, перед нами предстанет весьма странная картина: один из мирных вайнахских родов () переселяется с гор на плоскость, разрастается в мощное племя и переименовывает себя в «равнинни-

ков» (), однако соседи называют его «черными родниками», но не по вайнахски, а по-кумыкски. *лоамаро орстхой*

Затем это племя вдруг превращается в «воинское колено», но начинает воевать не с иноплеменниками, а со своими сородичами (чеченцами и ингушами) – отнимает их земли, ловит и продает их в рабство, совершает на них набеги, грабит и насильничает; более того, в фольклоре вайнахов оно становится эпическим племенем (с которым сражаются «местные» богатыри) с непонятным именованием «нярт», многие представители которого почему-то носят не чеченские и ингушские имена, а тюркские (см. ниже). Поверить в такие превращения трудно. Нарт-орстхойцы – явно не-вайнахское племя.

Народ о нарт-орстхойцах

Следует сказать, что эволюции образа местных героев в вайнахском эпосе нет, в то время как эволюция образа орстхойцев по материалам сказаний прослеживается ясно. Это является еще одним свидетельством в пользу мнения о том, что они были иноязычным племенем, представления о которых у чеченцев и ингушей по мере все более близкого знакомства с ними постепенно менялись. Как известно, иноплеменники-враги в фольклоре часто изображаются злыми великанами. То же самое мы видим и в эпосе вайнахов.

«Д. Г. Жантиева в своем интересном докладе на тему «Героический эпос горцев Северного Кавказа», ссылаясь на известную ей рукописную работу Ф. И. Горепекина «Ингуши» (т. IV, кн. 2), пишет следующее: «Жили нарты в подземельях… Они были настолько сильны, что вырывали большие чинары с корнями и рукой очищали их от листьев. Тело их, обросшее длинными волосами, прикрывалось кожей диких зверей. Последний представитель этого народа – нарт Тэймысхан встретился одному чеченцу, который спросил его: «Зачем вы, нарты, ходите по свету и причиняете зло повсюду?». Нарт пытался перехитрить чеченца и убить его, но это ему не удалось; он спрятался в подземелье, и больше нартов никто не встречал» (Далгат, с. 164).

По мнению У. Б. Далгат, этот «вид нартов-богатырей, запечатлевшийся в чеченских преданиях, относится к наиболее древнему типу». «В чеченских сказаниях такие древние нарты не имеют положительных характеристик. Эти великаны, живущие вдали от людей, обычно враждебны людям. Подобные образы довольно часто встречаются и в чеченских сказках, например, в записи Т. Эльдархановым чеченской сказки „Завет отца“. Здесь о нартах сказано, что это великаны неимоверной силы; живут они в пустынном месте, усеянном трупами людей, убитых ими. У нартов есть кони, борзые и соколы» (Далгат, с. 163—164). Почему же народ отождествил этих злобных и диких великанов именно с нартами, а затем и с карабулаками-орстхойцами, а не с каким-то другим племенем?

У. Б. Далгат считала, что образы этих великанов, имевших неприятный облик и злобный нрав, позднее были эстетизированы и нарты обрели вполне человеческий облик. «В большинстве случаев в чеченском языке нарты приводятся в классе „ду-ду“. К классу „ду-ду“ относятся мифические существа, например, ешап, убар (упырь), малейк (ангел), алмас. Вместе с тем о нартах иногда говорится как о людях в мужском классе» (Далгат, с. 172). Но вот что говорится в одном из сказаний: некий князь «долго шел, пока не встретил огромного нарта. Увидев его, нарт из своей ненависти к людям, бросился на него, но предусмотрительный князь убил его стрелой» (Далгат, с. 355). То же самое, например, в сказании «Разгром нартов»: «Между людьми и нартами возникали раздоры и войны». «От жажды нарты очень ослабели. Тогда люди и истребили их» (Далгат, с. 342). Противопоставление людей нартам есть и в других текстах.

Признаками наиболее древнего типа великанов, несомненно, являются черты хтонизма. Очевидно, однако, что нарты в ранних сказаниях вайнахов – это мифологизированный образ опасных и сильных врагов-иноплеменников. Потому-то у них, враждебных людям и живущих в пустынных местах, есть кони, борзые и соколы, что для хтонических чудищ (в которых У. Б. Далгат увидела прообразы нартов) было бы, по меньшей мере, странно.

В сказании «Тимар с обгоревшим боком» в роли Полифема выступает нарт-эрстхоец, который пас овец и на которого случайно наткнулся герой Тимар вместе с шестью своими братьями. Нарт был так огромен, что братья не смогли сдвинуть с места его шапку. Вход в жилище нарта, сделанного в скале, закрывал огромный камень. Тимар рассказывает своему гостю-охотнику:

« (нарт. – М. Дж.) ». *Он зарезал барана, съел его, а нам бросил кости, потом, хватая нас по одному, насадил на шампур и положил его над пламенем, чтобы подпалить нас. Съев моих шестерых братьев, он лег спать, меня же оставил в живых, так как я только с боку подгорел*

Но Тимару удалось спастись и вернуться домой. Охотник, выслушав его рассказ, нашел нарта-людоеда, расправился с ним, оживил братьев Тимара волшебным черным оселком и женился на их сестре (Далгат, с. 273).

В другом варианте герой Тюнин Вису встречает великана-пахаря Эржи Хожу, который рассказывает ему почти то же самое: «». Но Эржи Хожа, которого нарт посчитал слишком худым, ночью ослепил нарта и выбрался из пещеры (Далгат, с. 282). *Я и мои десять братьев отправились на охоту, где мы наткнулись на одноглазого нарта. Он всех нас поднял и опустил в кисет с табаком. Придя домой, он вытащил моих десятерых братьев из кисета, повертел их над огнем и, будто орехи, бросая их в рот, съел по одному*

Как и все нарты, герой Сеска Солса гибнет, по вайнахским сказаниям, выпив расплавленную медь. Но есть сказание, в котором его смерть описана по-другому: «». «» (Далгат, с. 336). *В давние воремена когда-то жил один мужчина по имени Сеска Солса. За один присест съедал он целого барана. Как заснет – неделю спал, а как бодрствует, так целый месяц ходит. А был он одноглазым. Сеска Солса не имел своего дома, потому и странствовал все время по долинам, горам и лесам На свете не было человека, кто мог бы одолеть Сеска Солсу. Однажды, когда он спал, его враги предательски выкололи его единственный глаз. Из-за этого Сеска Солса никуда не мог больше пойти и умер*

В этих сказаниях также проглядывают ранние представления вайнахов о нарт-орстхойцах как о хтонических чудищах: одноглазый нарт разгрызает людей, как орехи (но имеет кисет), нарт Сеска Солса не имеет дома, спит неделю, а бодрствует целый месяц и гибнет, как циклоп, которому выкололи его единственный глаз. В кар.-балк. сказаниях подобными чертами наделены только глупые и безобразные эмегены-великаны, лютые враги нартов.

«В сказке „Три брата и нарт-эрстхойцы“ образы нарт-эрстхойцев, потеряв свое эпическое значение воинов-завоевателей, превращены в трех- или девятиголовых чудовищ» (Далгат, 1977, с. 46).

Исследовательница не заметила, что противоречит сама себе. Получается, что нарт-орстхойцы были вначале представлены как воины-завоеватели, и лишь затем превратились в многоловых чудовищ. Но выше она же говорила о том, что образы древних великанов, «имевших неприятный облик и злобный нрав, позднее были эстетизированы и нарты обрели вполне человеческий облик».

На наш взгляд, все как раз наоборот: в архаических текстах вайнахов нарт-эрстхойцы представлены хтоническими чудищами, а в более поздних – воинами-завоевателями, необыкновенно агрессивными, но не лишенными и многих достоинств. «Ож-Болат – положительный герой, он помогает людям и противодействует злу. Вместе с тем он называется нарт-эрстхойцем, которые, по сказаниям, всегда враждебны людям» (Далгат, 1977, с. 46). Есть и сказание, в котором главный герой эрстхойцев – Сеска Солса – представлен не нартом, а просто сильным человеком: « (азербайджанцев. – М. Дж.). ». Они направили его к своей матери; зная, что они причинят Солсе зло, она помогла ему бежать. Братья пускаются за ним в погоню, но одноглазый нарт-эрстхоец, который пас овец, спрятал Солсу под язык, а трех братьев-нартов связал волосом, вырванным им из своей спины (Далгат, с. 283—284). *Кто обладает большей силой, чем я? – сказал Солса и отправился странствовать. Чтобы испытать свою силу, он кинул быка от Аксая через море в страну гажарий Он шел, сомневаясь, что найдется такой же богатырь, как он сам. Долго странствуя, он дошел до трех братьев нарт-эрстхойцев, которые косили сено*

Такими же чудищами предстают семеро нарт-эрстхойцев, живущие в башне, в другом варианте этого же сказания. Но спасает безымянного охотника (возомнившего себя самым сильным человеком на свете), спрятав в его в яме из-под выпавшего зуба, также нарт по имени Гонча, который пахал поле на семи кабанах. Прогнав преследователей, он рассказал охотнику о том, как он лишился зуба:

« (горский камин. – М. Дж.). ». До сердца Гончи шампур не дошел; когда Сарган уснул, он ослепил его и убежал. Нарт-эрстхоец бросил в него камень, осколок которого и выбил Гонче зуб. Характерно окончание сказания: «—» (Далгат, с. 285—287). *Нас было семеро братьев, из которых самым слабым был я. И была у нас одна сестра. Ее похитил нарт-эрстхоец по имени Сарган, с одним глазом в середине лба. Мы семеро братьев отправились отбить ее. Миновав семь гор, мы прибыли в то место, где жил Сарган. Любезно приняв нас, справившись о нашем здоровье, Сарган разжег товгу После этого он повесил над камином длинный железный шампур. Накалив его докрасна, Сарган стал по старшинству насаживать нас на шампур, продевая каждого через сердце Ты же не житель равнины, сказал Гонча охотнику в конце своего рассказа. – Иди домой и старайся жить честным трудом*

Выходит, что разбойничали и насильничали жители равнины, карабулаки-орстхойцы, в противоположность мирным вайнахам, труженикам-горцам. Но, как видим, уже не всегда и не все нарты представлены людоедами или грабителями; это результат более близкого знакомства вайнахов и карабулаков.

Противостояние

Во многих сказаниях нарты противопоставляются людям, но и хтоническими чудищами не выглядят – это люди, только необыкновенно сильные, воинственные и жестокие. «». «» (Далгат, с. 288). «». Мудрая вдова Жербаба подсказывает девушке, как избавиться от жестокого нарта. Она говорит ему, что без усов богатыря Тинин Вюсу и ножниц его матери Селасаты шубу сшить невозможно. Нарт вызывает Тинин Вюсу на поединок, но погибает от его руки (Далгат, с. 393). *Нарт-эрстхойцы жили по лощинам близ реки Ясса О них говорят, что они были высокого роста, плотные и каждый был сильнее семерых людей. Если у кого и случалась нужда в каком-нибудь обломке скалы или в топоре, они перебрасывались ими на расстоянии На местности, которая называлась Кире, жили семь братьев и сестра. Узнав, что они там живут, один нарт-эрстхоец убил семерых братьев, снял с них кожи, а сестру их забрал себе в жены. Когда он ложился спать, то сказал уведенной им девушке: «Уснув, я сплю целую неделю, не просыпаясь. Пока буду спать, ты сшей мне шубу из кожи своих братьев*

«». На своем громадном коне нарт отправляется в гости к чеченскому богатырю. Но хозяин, обладающий непомерным аппетитом, внушает нарту страх, и он говорит, что пришел заключить с ним родство (дружбу). *Гезама и его сын Гезама Али происходили из чеченцев. Однажды сын задумал отправиться с овцами в горы, где они давали хороший приплод. Толам-Аго был среди нартов именитый нарт. Толам-Аго узнал, что Гезама-Али с овцами находится в его крае. Имени Толам-Аго не смел назвать ни один житель города, в котором горело девять тысяч огней*

«—». *Толам-Аго возвратился домой. Однажды говорит он своим хилым (слабым, трусливым) нартам: «У Гезама Али овцы уже расплодились. Я был у него четыре года назад. Пойдите, пригоните овец и по доброй воле приведите и его самого. Прибыли они к Гезама Али, а было их 63 нарта. «Мы заберем твоих овец, по своей воле можешь пойти и сам». «Сам я не пойду, а овец забирайте», сказал Гезама Али. Они взяли овец и ушли*

Вернувшись домой, Гезама Али попросил отца изготовить ему 63 стрелы и, забрав их, пустился в погоню, перебил всех нартов и вернулся с овцами в свой стан. Оттуда он отправился к Толам-Аго, жена-красавица которого «». Победив нарта в поединке, чеченский богатырь пощадил его, но велел ему возвести три кургана и вспахать их (Далгат, с. 317—318). *поведала ему о подлом поступке мужа*

Три князя ехали, ехали, и «» (вряд ли сказитель говорил бы так, если бы считал орстхойцев одним из исконно вайнахских племен). « *добрались, наконец, до той страны, где жили нарт-эрстхойцы А нарты в это время забавлялись своими играми: стреляли из луков, а затем разбивали стрелы пулями – и делали это на всем скаку. Увидев остановившихся в изумлении князей, один из нартов и говорит другим: «Опять к нам забрались эти люди! Кроме беды, от них ожидать нечего. Перебьем их лучше стрелами!».*

»(Далгат, с. 355). *Но другие нарты не согласились, считая постыдным для себя истреблять подобных «мух» и решили показать им три такие опасные дороги, откуда бы они уже не вернулись назад. И вот, когда князья стали их расспрашивать о дороге, нарты так и сделали .*

Нарты уже представляются вайнахам просто соседним племенем, у которых все, как у людей (состязания, например); более того, нарты сами опасаются вайнахов. Напряженность в отношениях двух народов сохраняется, но заключаются и браки, и дружеские союзы, несмотря на то, что нарты (орстхойцы) – люди своевольные и вероломные, не признающие никаких преград своим желаниям и прихотям. Так, Сеска Солса пытается увезти Альбику, жену своего друга, местного героя Охкархой Канта. Ей пришлось пойти на уловку: женщина накормила нарта кашей, приготовленной на ее грудном молоке, а потом сказала, что теперь он

стал ее сыном. Благодаря этому дружба между двумя великими воинами осталась нерушимой (Далгат, с. 321—322).

Позорный поступок совершает и другой (безымянный) нарт-орстхоец. Узнав, что местного богатыря Пхагал Бяри нет дома, он хитростью вошел в его башню, остался в ней ночевать, а ночью изнасиловал его жену. «». Но Пхагал Бяри настиг насильника, снес ему голову и вернулся домой вместе с женой (Далгат, с. 323). *Утром он посадил опозоренную женщину на коня позади себя и отправился восвояси*

Местный богатырь Чуара Нельбиевич женился на царской дочери, ехал с ней домой в экипаже и наткнулся на семерых братьев, нартов-эрхустойцев. «», без оружия. Но его невеста успела бросить ему шашку, и он расправился с нартами (Далгат, с. 327). *Они его обманули, уверив в своей дружбе. Чуара Нельбиевич подошел к ним без оружия. Этим воспользовались братья нарт-эрхустойцы; они сели в его экипаж и помчались с его невестой. На своем коне, который случайно отвязался от экипажа, Чуара поскакал за ними*

По чеченскому сказанию, нарт-эрстхойцы враждовали с мярт-болатхойцами. Все 69 мярт-болатхойцев были уничтожены, кроме одного; его прикрутили проволокой к дереву. Далее появляется герой, отец которого завещает ему боевого коня, саблю «зильбухар» и панцирь. Герой должен отомстить нарт-эрсхойцам за их насилия (Далгат, 1977, с. 43—44).

«…отношения между нарт-эрстхойцами (всегда злодеями) и положительными народными героями (в данном случае это «семь братьев-нартов») всегда антагонистичные». «По рассказу, 60 нарт-эрстхойцев заслуженно погибли от семи братьев-нартов. Здесь же, вопреки повествовательной логике, с братьями жестоко расправляется Соскан-Солса, который почему-то идеализируется, хотя и является врагом добрых нартов. Выходит, что восхваляется приверженец зла и защитник кровопийц». С другой стороны, семь братьев-нартов, «которым в сюжете отведена положительная роль, в борьбе с нарт-эрстхойцами допускают, с точки зрения эпической этики, коварство: они не сражаются с врагами на поле битвы, а убивают их в собственном доме». «Известно, что по архаическим канонам героического эпоса чеченцев и ингушей нарт-эрстхойцы пьют расплавленную медь. Здесь о кипящей меди уже ни слова. Они «вместо алкогольного напитка» – «человеческую кровь должны пить» (Далгат, 1977, с. 45). Этот рассказ, вероятно, бытовал в среде самих орстхойцев, чем и вызвано, скорее всего, указанное У. Б. Далгат противоречие (интересно, что она ни разу не говорит о фольклоре ортсхойцев).

Сказание «Как орстхойцы страну отвоевали», вероятно, также идет из фольклора карабулаков. «». И тогда черкесы предложили орстхойцам решить дело поединком борцов. *Рассказывают, что земли, по которым протекают реки Фартанга и Сунжа, были заняты черкесами. За эту страну (земли) с ними постоянно спорили орстхойцы. Между черкесами и орстхойцами не прекращались войны, они нападали друг на друга, уводили людей в плен, грабили. Обеим сторонам надоела эта затяжная война*

«». Могучая женщина убивает черкесского борца, сдавив его за талию. «» (Далгат, с. 395). *Черкесский борец был очень высокий и грузный человек. Ни один орстхоец не был уверен, что сможет одолеть его. Начали они выдвигать друг друга. Так, не выходил от орстхойцев борец, и вот-вот могла разгореться война. Один старик-орстхоец велел позвать свою сноху. Любой мужчина едва доходил ростом до ее подмышек Испугались, растерялись черкесы. Все встали и ушли. Так орстхойцы и отвоевали страну*

Доминирующими темами эпоса чеченцев и ингушей, по мнению У. Б. Далгат, являются:

1. Тема «набега, столкновений и состязаний (по принципу эпической антитезы) нарт-орстхойских героев с местными героями».

2. Тема богоборчества (вряд ли можно считать враждебное отношение нартов к вайнахским божествам богоборчеством. – М. Дж.).

3. Тема благодати.

4. Тема гибели нартов (Далгат, с. 116).

«Тема набегапронизывает многие сказания как об отдельных героях, так и группах героев (нарт-орстхойцев либо нартов). Нарт-орстхойцы – не хлебопашцы и не скотоводы, они постоянно охотятся либо совершают набеги» (Далгат, с. 116).

Но это не совсем так. Например, Селий Пиръа, брат Сеска Солсы, уходит в Эл (подземный мир) и приносит оттуда водяную мельницу (до этого люди имели только ручные мельницы), т. е. выступает в роли культурного героя. За речкой Ярхсу лежат два громадных камня – жернова нартской мельницы (Далгат, с. 302). На высоком кургане северо-восточнее Шир-Юрта жил нарт-эрстхоец Гепак. «». «». Его младшего брата звали Венаг, и некогда на холме стояла его башня. «». *Существует высокий каменный забор, который, рассказывают, воздвиг он Гепак выращивал много зерна Нарт Амир имел много скота. Его он пас на Аккинской горе, и сам жил на ней*

Не чужды поздним нартам и обычные человеческие чувства. «». «». «». «» (Далгат, с. 288—289). «» (Далгат, с. 295). Один из нартов спасает человека, которого преследовали кровники, от огромных змей; накормив беглеца их мясом, нарт превращает его в богатыря (Далгат, с. 355). *Повыше Саясана, между хуторами Алерой и Турты, в горах жили нарт Теча и его возлюбленная Цай Теча жил на высоком склоне Рагний ургаш», «Цай жила на Джамби-ирзе Теча и Цай были нартами. Они очень любили друг друга Однажды вечером Теча на своем склоне заиграл на дечиг-пандуре, напевая красивые мелодии. Он пел и играл так, чтобы слышала Цай». «Она так заслушалась мелодией, которую наигрывал на пандуре ее возлюбленный, и мысли ее так рассеялись, что она сдаивала молоко от десяти коров на землю У одного из орхустоевцев умерла мать. Сильно горевал он по матери*

Но отрицательное и даже пренебрежительное отношение к нартам (в чем, видимо, отражается постепенное ослабление карабулаков-орстхойцев) в вайнахском эпосе проглядывает даже в тех текстах, где о них ничего плохого не сказано. В следующем тексте говорится о нарте, необыкновенном силаче, поселившемся в каком-то богатом ауле и женатом на красавице. «». Любовники попытались убить нарта, но тот, с помощью малолетнего сына, расправился с женой, князем и его узденями, а затем отправился бродить по свету и встретил другого нарта, по имени Али; далее следует его рассказ на мотив Полифема (Далгат, с. 268—270). *Польстился на нее аульный князь, да и красавица его полюбила. И говорит ей князь: «Что тебе за охота жить с нартовским отродьем?*

Главный герой

Сложные взаимоотношения местных героев и нартов в сказаниях чеченцев и ингушей охарактеризованы довольно отчетливо, поскольку все персонажи принадлежат к одному из двух противоборствующих лагерей: нарты олицетворяют зло, местные герои – добро. Главным героем нарт-орстхойцев и их предводителем является Соска Солса. О нем сказано: «». «» (Далгат, с. 273). «(медь. – М. Дж.)» (Далгат, с. 328). *Давным-давно жил человек Солса Солса был весьма умный и честный человек; он родился не от обыкновенной женщины, а прямо произошел от бога Очень гордый был расплавленное чаа пьющий Сеска Солса, бывший из нарт-орстхойцев*

В одном из сказаний Сеска Солса выступает в роли свидетеля поединка великанов (вампалов), причем проявляет вероломство. Некий великан, поджидая соперника, который должен проехать по этой дороге с его похищенной невестой, просит Солсу помочь ему: «». «—». *Теперь мы начнем драться. Если я его осилю, на моей спине между лопатками появятся изображения солнца и месяца. Только не спрашивай меня, что это такое. Если ты спросишь, я тут же умру Не буду спрашивать, обещал Солса*

Знакомый Солсе великан победил. Но нарт думает: « *Если бы умер и этот вампал, женщина досталась бы мне». Сеска Солса спросил вампала:*

– *Что это за изображения появились на твоей спине?*

». Но, встав носками на луку седла и протянув вверх рукоять плети, Солса не достал великанше даже до пояса, и она отказалась стать его женой (Далгат, с. 277—278). *– Почему ты совершил такую подлость? – воскликнул вампал и тут же умер*

«Этот эпизод вызывает отрицательное отношение к Солсе и объективно способствует отрицательной характеристике нарт-орстхойцев» (Далгат, с. 416). Как это соотносится с концепцией самой У. Б. Далгат, согласно которой образы нартов восходят к предполагаемому «пракавказскому» эпосу о великанах, неясно; во всяком случае, сказитель явно сочувствует чудищу, который выглядит более человечным, чем нарт.

Чуть ли не вполовине вайнахских сказаний осуждается и образ жизни, который вели нарт-орстхойцы. Когда Соска Солса спрашивает Батоко Шертуко, во что он оценивает его ружье, тот отвечает: «». « *Я оцениваю твое ружье ценой проса, помещающегося в дуле твоего ружья! Коня моего во что ты оцениваешь?» – спросил Соска Солса у Батоко Шертуко. «Твоего коня я оцениваю в корову!» – ответил Батоко Шертуко. «Как же ты так оцениваешь, когда мне за него давали пленника»», – возразил Соска Солса. «Почему я оцениваю твоего коня в корову, я объясню тебе: корова имеет вымя и четыре соска и выкармливает (ими) четырех человек. Неужели твой конь стоит больше четырех человек, выкормленных коровой?».*

». Батоко Шертуко заминается, и герой говорит ему, чтобы он отвечал без боязни. «». Ответ был понят Соска Солсой, когда он лежал бурной ночью на пастушеском стане, окруженном волчьей стаей. Волков отгоняла только старая собака, а он боялся высунуть голову из-под бурки. По другому варианту, ответ Батыга Шертги был иным: «» (Далгат, с. 297—298). *«Во что ты меня оцениваешь?», – спросил Соска Солса Ты стоишь хорошей собаки», – сказал Батоко Шертуко Я тебя не сравню и с последним человеком, так как ты против бога войну вел*

На вопрос Б. Далгата, «» (Далгат, с. 287). *был ли Соска Солса народным героем и приносил ли он пользу народу, сказитель Газбык ответил, что он помогал только своим орштхоям, своим близким, но всему народу не был полезен. Вообще все орштхои грабили и обижали других людей*

Интересны характеристики персонажей в сказании «Сеска Солса и Бятар». « *Говорят, жил когда-то молодец по имени Бятар. Кроме старой матери, никого не было у него. Бятар кормил мать и себя, да так и жил. Пахота его длинной была, широко косила коса, пас он*

своих овец и коров – и так проходили день за днем в работе. А к ночи, чуть наступит темнота, он играл на пандыре, развлекая своей игрой себя и мать. Он сторонился коварства, подлости и мирно жил своим трудом. Если где понадобится, то мог он показать и искусство боя, но никогда в войне источника богатства не искал. За ум и мужество, за силу и добрые мысли его уважали люди.

"Это взгляд вайнахских сказителей не только на двух персонажей, но и на самих вейнахов и противостоящих им нарт-орстхойцев. *В то время жил и человек по имени Сеска Солса. Он имел дружину и крепок был силой и мужеством. Поэтому люди его называли «Сеска Солса из кованой стали». И слава та о нем пошла потому, что он вместе со своими всадниками всегда воевал и совершал подвиги . „Бятар и Сеска Солса не знали друг друга. Сеска Солса всегда был победителем, любые преграды он преодолевал и, уверовав в свою силу, однажды спросил своего семиаршинного и всеведающего коня:*

–». *Есть ли человек на свете сильнее меня, мужественнее меня?*

Конь ответил, что есть на свете молодец по имени Бятар: «». *Не скажу, что у него больше, чем у тебя, силы и мужества, но не слабее он тебя*

Огорченный таким ответом, нарт нашел Бятара, они отправились к Элде, владыке мертвых, чтобы узнать, кто из них сильнее и мужественнее. Путь им преградила Ешап, страшное чудовище, сидевшее при входе. Разгневанный Сеска Солса ударил его мечом, но не срезал и волоска. Бятар поступил разумнее; он пообещал женоподобному чудовищу принести оттуда что-нибудь хорошее, и при этом отпустил ему пару комплиментов. Так они вошли в Эл, темное и холодное царство мертвых, встречая по дороге души усопших.

«». Разумеется, более мужественным, умным, сильным и благородным оказался Бятар. «» (Далгат, с. 304—309). *К ним стали подходить души, проклинавшие Сеска Солсу. Все они были кто без рук, кто без ног, кто без головы, либо с изрубленными, изрешеченными телами, и все они не забыли ничего дурного, что он сделал им. Эти души угрожали ему расправой, после смерти, когда он спустится в подземный мир. А путники все шли и шли. Теперь к ним подходили другие души – тех, которым Бятар помог при их жизни и сделал добро. Все они благодарили его за это Хотя Бятар и победил в споре, Сеска Солса, черной зависти в сердце не тая, заключил с ним дружбу. А затем свою от красоты умирающую сестру за Бятара выдал и тем родство скрепил с ним*

В вайнахских сказаниях, в отличие от адыгского и абхазского эпосов, свои, народные герои сталкиваются с героями нарт-орстхойскими (чаще всего с нартом Сеска Солсой) в прямом противоборстве. По совету хитроумного Ботоко Ширтги нарты решили угнать громадное стадо могучего пастуха-богатыря Колой Канта, жившего в пещере. Но Ботоко Ширтга предупреждает Соска Солсу, что с ним он не сладит. Орхустоец же уверен в своих силах – как это он, не имеющий соперников, не сладит с каким-то пастухом? Нарты с трудом отодвигают камень, стоявший у входа в пешеру и вступают в драку с любимым козлом Колой Канта, говорившим по-человечески. Затем на богатыря кидаются 60 орхустойцев во главе с Соска Солсой. «». *Колой Кант размахнул свои плечи и ударил всех орхустойцев о стену пещеры, а Солсе дал такую пощечину, что тот закружился, как кубарь. Они ушли от Колой Канта чуть живыми*

Тогда, по совету того же Ботоко Ширтги, Соска Солса пошел на хитрость – он велел своей сестре соблазнить могучего пастуха, чтобы он лишился своей силы. Ей удалось добиться этого, и через некоторое время богатырь ослабел до такой степени, что уже не мог плотно прикрывать вход в пещеру. Застав Колой Канта спящим на коленях у сестры Солсы, орхустойцы связали его арканом. «» и сестра Соска Солсы дала ему бедренную кость. *Орхустойцы зарезали его любимого козла для шашлыка. Колой Кант попросил у них, чтобы ему дали какую-нибудь кость его козла*

«». Поняв, что случилось какое-то несчастье, ее муж и деверь «». «». «» (Далгат, с. 311—314). *Колой Кант сделал из нее зурну и заиграл на ней жалобно. Звук этот был услышан*

женой старшего брата Колой Канта помчались в ту сторону, где жили орхустойцы, предчувствуя, что брата их, вместе с барантой, угнали орхустойцы Они уже догоняли орхустойцев между Джераховским и Дарьяльским ущельями, но бог, предвидя, что если братья Колой Канта догонят орхустойцев, то прольется человеческая кровь, провел для устранения кровопролития реку Терек так, что на правом берегу остался Колой Кант с братьями и сестрой Солсы и с половиной баранты, а на левом – орхустойцы с остальной половиной баранты Колой Канта как бы в калым за сестру Солсы С тех пор его никто не трогал и не покушался угнать его баранту

Полагая, что орстхойцы изначально являлись вайнахским племенем (которое почему-то воевало только со своими сородичами), нартоведы не обращали внимания на сведения, которые содержатся в эпосе. Все симпатии сказителей безраздельно принадлежат местным героям; мужество и сила нартов признаются, но они служат злу. Карабулаки были для вайнахов чужим племенем, в борьбе с которым они обретали сознание этнического единства, вступая в героический период своей истории. Победа чеченцев и ингушей над нарт-орстхойцами и ознаменовала самое начало этого периода.

Нарты и благодать

«Пожалуй, самыми характерными качествами всех нарт-орстхойцев вообще являются их гордость и непреклонность перед богами» (чужими, вайнахскими. – М. Дж.). «Нарт-орстхойцы довольно свободно обращаются и с могущественным богом грома и молнии Сели, которому в Ингушетии посвящены многие святилища» (Далгат, с. 118).

На сказании, которое имеет в виду У. Б. Далгат, стоит остановиться подробнее. «». Проходившая мимо вдова говорит им, что за семью горами пасется громадное стадо Горжая, на которое они еще не нападали, и нарты отправляются в набег. Соска Солса говорит, однако, что Горжаю надо дать знать о том, что они собираются напасть на его стадо. Но Горжай отвечает их посланцу: «». *Сидели орхустойцы; между ними находился Соска Солса. Они рассуждали: «Есть ли такой край, где (бы) они не были и не грабили? Как они могут напасть на стадо, из которого посвящают богу жертвы? Это будет с их стороны святотатством! Я тебе не верю*

Тогда нарты подговаривают его невестку сказать благочестивому богачу, что они совершили над ней насилие, но Горжай снова отвечает, что такого не могло быть: «». Невестка сказала нартам, что есть только одно средство подвигнуть Горжая на сражение – убить его любимую птицу. Ее убивает нарт по имени . Горжай поднял тревогу и обратился за помощью «». *Как могут напасть на мое стадо, которое я посвятил с благодарностью своему создателю – богу и высоким святым Орузби к богу и великим святым*

«» (Далгат, с. 310—311). *Его мольба была услышана Сели (богом-громовержцем). Потом поднялась буря, гроза, и все жители погнались за орхустойцами. Те из орхустойцев, которые стреляли лучше, шли последними. „Надо идти потише, пусть догоняет Сели, я пожму бока этому святому!“, – сказал Соска Солса. Действительно, их догнал Сели, и Соска Солса схватил святого и поломал ему ребра. Буря и гроза утихли. Святой перестал преследовать орхустойцев, и небо очистилось. Когда стало светло, орхустойцы позволили Горжаю догнать их. Соска Солса схватил Горжая, связал его и посадил на лошадь лицом к хвосту, потом пустил в поле на смех людям. Орхустойцы возвратились со стадом Горжая домой*

«Сказание любопытно не только тем, что божество, попавшее в эпос, не вызывает священного трепета и предстает в сниженном, бурлескном виде. Здесь, кроме того, умаляется и сама идея божественной власти. Ведь нравственная концепция такого праведника и боголюбца, как Горжай, оказывается совершенно поверженной» (Далгат, с. 118).

На наш взгляд, сказание любопытно другим – тем, что показывает нарт-орстхойцев глазами их самих. И, разумеется, ни о каком богоборчестве не может быть и речи. Громовержец Сели, которому поклонялись вайнахи и к помощи которого взывал благочестивый Горжай, для нарт-орстхойцев не является своим божеством, потому его и сокрушает Соска Солса.

Никакой идеологии нет ни у нарт-орстхойцев, ни у местных героев; вайнахский эпос представляет собой художественно-мифологическое повествование о затяжном этническом конфликте, разгоревшемся из-за права владеть плоскостными землями. Сведений о религии нарт-орстхойцев в эпосе очень мало – лишь один короткий текст, скорее всего, поздний. « *Когда-то нарт-эрстхойцы жили и у нас. Здесь, в ауле Энгеной, жили два брата Юртус и Иса. Они были выходцы из Малхесты, признавали единого бога Аллаха. Отсюда виден высокий берег реки Акташ. На том берегу жили злые нарты «керисти» (неверные, христиане), и они ели свинину. Юртус был сильный нарт. Мог он далеко бросать большие камни. Он сказал не признававшим единого бога нартам: «Перестаньте есть свинину или уходите с нашей земли». Злые нарты не послушались.*

» (Далгат, с. 343—344). *Тогда Юртус бросил из Энгеноя вон на тот высокий берег свою секиру (это расстояние километров в восемь). Злые нарты испугались, сбросили свиней с высо-*

кого берега вниз и покинули нашу страну. И до сих пор на том месте под обрывом, где упали жирные свиньи нартов, не растет трава

Показательно, что исчезновение земной благодати связано в вайнахском эпосе с появлением нартов (а также, в целом цикле сказаний, и с их гибелью). «». Некая женщина накормила Хамчи Патрижа и других гостей-нартов сытным хлебом, испеченным из муки, смолотой до его рождения. Узнав об этом, нарт хотел убить себя, но хозяйка удержала его: «». По другому варианту, Патриж умер от досады (Далгат, с. 301). *Хамчи Патриж родился на несчастье человечества. Пока он не родился на свет, если брали землю в руки и давили ее, из нее текло масло. До того хорошо было жить до него». Он же, родившись, принес с собой несчастье всему человечеству Все равно теперь не изменишь этого, хоть бы ты и умер – это воля божья*

Еще в одном сказании орстхойцев (не узнав их) угощает благодатной пищей старая вдова Жербаба: «». «» (Далгат, с. 329—330). Напомним, что и по адыгскому эпосу, благодать исчезла после рождения нарта Сосруко. *Эта мука и мясо у меня от того времени, когда на свет еще не появились Сеска Солса и 60 орстхойцев. Чтобы их род вывелся! Они, чтобы род их вывелся, забрали всю благодать Услышав этот разговор, Сеска Солса и 60 орстхойцев, говорят, остались с разбитыми сердцами*

Более подробно об исчезновении благодати говорится в другом тексте. «» (Далгат, с. 330). *В то старое время весь мир был благодатным. Во вселенной не знали, что такое дуновение ветра. С неба свисала нитка, на конце которой были лоскутки. Они никогда не шевелились. Да и могли ли они без ветра колыхаться? Люди жили в спокойствии и благодати. Посеянное, хранимое, как и принесенное, – все было изобильным. В то самое время в нашем краю появились нарт-орстхойцы во главе с Сеска Солсой*

«». *Со своими 60 нарт-орстхойцами он разорял села, совершал насилия над людьми. С появлением нарт-орстхойцев во вселенной появилось зло и задули ветры. Они уносили уложенное на горных холмах зерно, разносили скошенное сено. Посевы зерна стали малоурожайными; овцы и скот хирели. Все, создаваемое трудом человека, становилось не благодатным. В один из дней в большое село прибыл Сеска Солса со своими всадниками, чтобы людей ограбить, а оказавших сопротивление – убить*

Село было большим, поэтому, разделившись на группы, нарты решили сказать сельчанам, что приехали к ним в поисках пристанища. «Одну из таких групп приняла старая Жербаба, которая поведала им, что благодать исчезла с появлением нартов. «» (Далгат, с. 331). *После этого мы выкрадем из жилищ оружие и тогда возьмем село без ущерба для себя». Я и есть Сеска Солса, – сказал он Жербабе и ушел со своими орстхойцами не только из села, но и из того края. С тех пор их никто больше не видел*

В другом варианте сказано: «». Угостив этих братьев, некая бедная вдова поведала им, кто является виновником исчезновения благодати, добавив: «». «». Опечаленные братья решили умереть. Они объявили об этом всему селу и завещали похоронить их в одной могиле, воздвигнув над ней курган из камней. «». «» (Далгат, с. 332—333). *В прежние времена аул Ялхой-Мохк против нынешнего был гораздо больше. В нем жили семь братьев богатырей, отличавшихся силой и и молодечеством. Все их очень боялись, так как они мужчин убивали, а женщин подвергали насилию Дай бог погибнуть всем нынешним богатырям! С тех пор, как эти люди появились на свет, все в мире стало оскудевать И еще раз сказала: «Пусть будет проклято народившееся племя богатырей! После этих распоряжений братья расплавили в огромном котле красную медь и начали пить ее из огромных чашек После смерти братьев народ исполнил их завещание*

В кратком варианте сказания говорится: «» (вряд ли подобное говорилось бы, если бы под нарт-эрстхойцами подразумевалось одно из вайнахских племен). «» *В детстве я слышал от отцов своих, что в давным-давно прошедшие времена, в краю, где мы сейчас живем, находилось большое село нарт-эрстхойцев Среди нарт-эрстхойцев жили семь братьев и одна сестра.*

Все они были одинаковой силы и доблести. Все это происходило еще до наших семи предков, когда люди переселялись из Нашхи в Ялхой-Мохк .

«» (Далгат, с. 341). *Семеро братьев-нартов обладали неимоверной силой. Жители Ялхой-Мохка не могли поэтому ничем противопостоять братьям, притеснявшим людей. Тогда люди сговорились хитростью одолеть нартов. Когда семеро братьев, и их сестра улеглись спать в своем доме, люди подождали, пока они уснут, украдкой пробрались в дом и свалили большую опору, стоявшую посреди дома. Кровля обрушилась, и под ней были погребены нарт-эрстхойцы». «Когда погибли семеро братьев и их сестра, говорят, отсюда ушли и все другие нарт-эрстхойцы*

Показательно, что в этом сказании, как и во многих других, «людьми» именуются только вайнахи, но не нарт-орстхойцы, что ясно говорит о чужеродном происхождении карабулаков. О гибели нарт-орстхойцев говорится и во многих других сказаниях, но в некоторых сказано, что их обрекли на гибель божества. «». Но в других сказаниях говорится, что они жили в крепостях и приводятся имена царя нарт-эрстхойцев () или их могущественных владетелей, имевших свои дружины – . *Нарт-орстхойцы не гнушались плохих поступков. Свои неблаговидные дела они не считали позором. Собирая шайки, они нападали на людей, насильничали, пленяли в рабство. Вот так они и вели себя Науразе Козаш, Германч*

« (верховные божества вайнахов. – М. Дж.) » (Далгат, с. 335). *Поэтому Дяла и Села уничтожили их. Однажды, когда нарт-орстхойцы, собравшись в шайку, пошли на свои злые дела, под ними разверзлась земля, и они там так и остались, не сумев выбраться на поверхность. Когда кончились у нартов еда и питье, они съели своих лошадей. Тогда, говорят, Сеска Солса сказал: «Чтобы люди не говорили, что у нарт-орстхойцев опухли ноги и головы и они умерли с голода, умрем достойно, выпив расплавленную медь. Согласились с этими словами орстхойцы и выпили каждый по чаше расплавленной меди. Сеска Солса выпил сразу три чаши. Орстхойцы, выпившие медь, сразу умерли*

Наше мнение о том, что орстхойцы-карабулаки не являлись вайнахским племенем, подтверждается и в другом варианте сказания, одном из самых интересных. Показательно, что один вид нартов внушает людям страх: «». *Жила в Ичкерии сирая вдова, лишившаяся двух сыновей, убитых нартами. Сидя в землянке, старуха вспоминала о своем несчастье и горько плакала. Стенания ее были прерваны раздавшимся во дворе шумом. Выйдя из землянки, она к ужасу своему увидела семерых нартов и готова была бежать, когда один из них задержал ее и попросил накормить их*

Отведав благодатной пищи, нарты спросили ее, что это за чудо. В большинстве вариантов хозяйка почему-то не знает, кто перед ней. В этом тексте старуха говорит без обиняков: «(выделено нами. – М. Дж.) ». ***До нашествия нартов на Ичкерию*** *страна благоденствовала: хлеба, молока и масла было в изобилии. Дети наши росли и хорошели на радость наших старых лет. С появлением нартов все изменилось, видно бог наказал нас за грехи наши вашим нашествием. Урожаев не стало, коровы не дают молока, благодать, как река в море, утекла из Ичкерии. Глядя на детей наших, мы выплакиваем глаза и ускоряем печальные дни нашей жизни. Нарты убивают мужчин, а дочерей уводят к себе для бесчестья. Да будут прокляты нечестивые нарты со своим семенем; уж лучше бы бог наслал на нас моровую язву и истребил бы всех! Мясо и мука, вам поданные, сбережены еще с того благодатного времени, когда мы не ведали о нартах*

Как можно было не замечать, что в этих высказываниях речь идет об иноязычном племени, понять трудно. Почему сказано о времени, когда вайнахи не ведали о нартах? И разве могли нарт-орстхойцы, будучи вайнахами, совершить нашествие на Ичкерию?

Но особенно интересно окончание сказания. «» (Далгат, с. 337). *Услышав этот рассказ, нарты устыдились того, что они служат карой для народа, что они даже природу разгневали своими беззакониями. Раскаяние овладело их жестокими сердцами. Они сделались названными*

сыновьями старухи, обстроились жилищами вокруг ее землянки и, поженившись на невестах, ею избранных, слились с чеченцами. Некоторые, изменяя этот рассказ, говорят, что нарты после чудного обеда вместо браги (нихи) растопили красную медь, выпили и погибли

На наш взгляд, речь идет о смешении части карабулаков с чеченцами, в результате чего появились современные орстхойцы.

Война с нартами

Целый ряд сказаний посвящен описанию борьбы и победы вейнахов над нартами. «». *Давным-давно жил в Козашке нарт Козаш. Он был очень гордый и сильный человек. Его бурка была сделана из бород и усов известных мужчин. Отправляясь в гости или на войну, Козаш накидывал эту бурку. От берегов Терека до Сунжи вся долина Гарман принадлежала ему. На Ачамза-кургане жил нарт Ачамза, на Германча-кургане – Германча. Они оба тоже были сильные, но им далеко было Козаша. Они не давали горным людям ни выйти из гор, ни распахивать землю*

Способна ли была одна из вайнахских родоплеменных групп, заняв равнину, не допускать на нее всех остальных вайнахов? Да и зачем ей это было бы нужно? Если бы орстхойцы-карабулаки являлись чеченским или ингушским племенем, то, скорее всего, они выглядели бы авангардом вайнахов, стремившихся переселиться на плоскость и ведущих войну с ее обитателями. Но все наоборот: как раз орстхойцы и не пускают на равнину чеченцев и ингушей, вынужденных вести с ними затяжную войну.

«». *Однажды, ведя за собой горных людей, гарцуя на вскормленном жеребце по просторам Гарманской долины, вспугивая диких зверей из лука, деля между своими людьми земли этой страны, Нясар пришел к истоку (речки) Нясаре. Там на берегу он построил укрепление. Дошел слух и до Козаша, что Нясар отобрал у него край и в том крае поселил людей гор, а у истоков реки Нясар сделал себе укрепление. Грозный, рассвирепевший Козаш, собрав свое войско, выехал, чтобы убить Нясара, горных людей истребить, плоскость Гарман снова возвратить себе*

Но встреча Козаша и Нясара в поединке заканчивается гибелью Козаша. Услышав об этом, нарты Ачамза и Германча ушли из долины (Далгат, с. 388—389). Показательно, что все три нарта носят тюркские имена: Козаш, Ачамза, Германча (см. ниже).

Чужеродным для вайнахов племенем считал нарт-орстхойцев известный этнограф В. П. Кобычев, в 1969—1970 гг. занимавшийся сбором полевого материала в Ингушетии. «Почти во всех преданиях, связанных с основанием селений, происхождением фамилий и тайп, говорится о том, что ингуши были отнюдь не первыми обитателями занимаемой ими в настоящее время территории». В числе первых ее насельников упоминаются и нарт-эрстхойцы. «По сведениям, сообщаемым первым ингушским этнографом Чахом Ахриевым, нарты жили за двадцать поколений до ингушей». Земля в те времена была изобильной, но с появлением нартов это обилие исчезло.

«В связи с этим в ряде сказаний орстхойцы именуются не иначе как „нартским отродьем“, „врагами людей“. Очевидно, под давлением пришельцев предки ингушей были вынуждены переселиться с плодородной равнины в скудные и суровые горы. Со временем орстхойцы, по-видимому, слились с вайнахами». «По материалам С. Ч. Эльмурзаева, род карабулаков насчитывает 14 поколений, по нашим данным – 13 поколений»; по мнению В. П. Кобычева, эти сведения можно расценить «как указание на примерную давность окончательной ассимиляции орстхойцев-чужеродцев вайнахским этносом». «Однако и войдя в состав вайнахов, карабулаки-орстхойцы долгое время еще сохраняли свои эпические черты – большую подвижность быта, воинственность и враждебное отношение к ингушам, своим ближайшим соседям» (со ссылкой на С. Броневского).

«Крепким народом», – пишет В. П. Кобычев, – признают карабулаков-орстхойцев и наши информаторы. По сообщению жителя селения Алкун Оппиева Хасана (83 года), когда карабулакам удавалось захватить в горах ингуша, у него отбирали все, что было, а с самим поступали следующим образом. В рукава одежды просовывали длинную палку, к концам которой привязывали кисти рук. После этого его отпускали домой. Распятый таким образом ингуш

для того, чтобы пойти по горным тропам, должен был поневоле выделывать различные смешные движения и приседания. У карабулаков это называлось «ингушским танцем». «Указанная выше локализация нартов в Санибском ущелье Северной Осетии и некоторые другие данные, – заключает В. П. Кобычев, – позволяют поздних нарт-орстхойцев увязать с раннесредневековыми аланами и их потомками – осетинами, в той степени, конечно, в какой последние ими являются» (Кобычев, с. 26—29).

Согласиться с выводом В. П. Кобычева, по многим причинам, трудно, несмотря на его оговорку. Согласно канонической версии истории, осетины и вайнахи являются соседями вот уже на протяжении не менее 2000 лет. Однако чеченцы и ингуши почему-то не именуют осетин ни аланами, ни асами; не могли они называть их и нарт-орстхойцами или карабулаками. Каким образом раннесредневековые аланы «и их потомки осетины», являясь давними и ближайшими соседями вайнахов, могли превратиться в их фольклоре в орстхойцев, понять невозможно

Описанию тяжелой войны ингушей и чеченцев с карабулаками и победы первых посвящена чуть ли не половина вайнахских сказаний. «». «». *Говорят, что нарт-эрстхойцы жили в Большой Чечне, над Тереком и в Ингушетии. Нарт-эрстхойцы жили также вокруг Ножай-Юрта. Говорят, что царем – тамадой нарт-эрстхойцев, которые жили там, был Науразе. Недалеко от Ножай-Юрта, на горном хребте, есть место, где, якобы, была крепость, в которой жил Науразе За крепостью тянется гора „Коновязь Геры“. Там жил нарт-эрстхоец Гера*

«». В те времена в Цонтарой пришли в поисках земли чеченцы из аула Нашха и там «». «» (Далгат, с. 340). *Место, где жил нарт-эрстхоец Гяла, называется „Гяла-памятник“ (т. е. надгробный памятник Гялы) сговорились отнять у нарт-эрстхойцев землю, чтобы жить на ней Сперва чеченцы мирно просили землю. Нарт-эрстхойцы не отдали ее. Тогда чеченцы сказали: „Мы ничего вам не сделаем, если в течение семи дней вы уйдете отсюда. Если же к этому времени вы не отдадите нам землю, мы пойдем на вас войной“. Когда в назначенный срок царь Науразе и его товарищи не ушли, чеченцы приготовились пойти войной на них. На восьмой день на всех прилежащих хребтах и склонах гор чеченцы, привязав осоку к концам длинных жердей, зажгли ее и начали наступление на Ножай-Юрт. Когда Науразе увидел все горы в огне, он испугался и, говорят, вместе со своим войском удрал за Терек, не оказав никакого сопротивления*

Сказанное дополняется в другом тексте. «». «» (Далгат, с. 341). *Когда с горных высот вайнахи пошли войной на царя нартов Науразе и уже настигали его, он оттуда (где была крепость) забрал свою золотую казну и унес ее на восток, за речку Ямсу, где нарты и спрятали ее на одном из горных хребтов Он надеялся при удобном случае вернуться и забрать ее оттуда. Однако Науразе и его воины, разгромленные и разогнанные чеченцами, никогда больше не возвращались*

«Предание сухо излагает эпические факты, но представляет немалый интерес со стороны топонимических указаний мест, где жили некогда чеченцы и нарты. По рассказу выходит, что они жили рядом, но чеченцы отвоевывали у них землю. Здесь примечательно указание на то, что свои „походы“ за землю чеченцы начинают из страны Нашха, легендарной прародины чеченцев. Из предания следует, что нарты – это не чеченцы» (Далгат, 436). Об этом и речь. Кроме того, стоит отметить, что в сказаниях и преданиях вайнахо нигде не говорится, что у чеченцев или у ингушей был царь – только о нарт-орстхойцах; следовательно, и общественный строй у них был другим.

«». По совету мудрой Жербабы жеребца трое суток кормили жареным просом, не давая ему воды, а потом выпустили. Мучимый жаждой, конь копытом стал рыть землю в том месте, где в крепость по трубам шла вода. Воду перекрыли и нарты стали слабеть. «» (Далгат, с. 342). *В Курчалоевском районе возле Энгель-аула есть местечко Герменчик, обнесенное оврагом, и с ямой посередине. Рассказывают, что в этом месте жили нарты. Между людьми и нартами возникали раздоры и войны. Когда люди стали размножаться, нарты укрепили свой*

круг, засели в укреплении. Люди никак не могли в него проникнуть Тогда люди и истребили их. На том месте, где жили нарты, люди нашли много золота, серебра, детские колыбельки и другие вещи

Второй вариант сказания, полностью повторяя сюжет, более подробен. «» и провели туда воду. Далее следует тот же рассказ о жеребце. «». *Между Энгель-аулом и Азамат-Юртом есть курган, носящий название Яшарт. Там и в местности, которая называется Герменчуг, говорят, жили нарты. Раньше нарты издевались над людьми, но постепенно люди стали притеснять их. Люди не давали житья нартам, живущим на Яшарт-кургане, и они пошли жить к герменчугским нартам. Чтобы укрыться, нарты спустились внутрь укрепления Герменчуг Человек, следивший за тем, что делает жеребец, наклонился к воде и обрадованный произнес: «Ой, Кошкельды*

(Примечание сказителя: «По-кумыцки „Хошгельды“ означает: „да будет счастливым твой приход“. На этом месте, говорят, основано село Кошкельды, где и ныне живут люди»). Когда воду закрыли, нарты стали испытывать жажду. «». (Примечание сказителя: «Много времени спустя там находили оружие, которое они носили, их посуду и другие вещи»). «» (Далгат, с. 342—343). *Затем наступил голод, и они все погибли, не осмеливаясь выйти оттуда Некоторые же говорят, что нарты поднялись и тайно ушли куда-то далеко отсюда*

Некогда грозное племя, часто беспокоившее вайнахов своими набегами, в конце концов, было разгромлено ими и перестало быть источником постоянной опасности. В сказании «60 орхустойцев и Цазик» нарты уже являются предметом насмешек некоего Цазика, который водит их за нос, а потом, уверив, что Мать вод награждает всех, кто является к ней, заставляет нартов броситься в море. «», а их жены разбрелись в разные стороны (Далгат, с. 359). Точно так же дурачит нарт-орстхойцев трусишка Куллуби, как и некий старик-бедняк. *Таким образом все они и потонули*

В некоторых сказаниях нарты фигурируют уже в качестве защитников вейнахов. «» (Далгат, с. 378). *Ингушский Лоаман Ха, Нарт Нясар и Нарт Орстхо – все трое, сговорившись между собой, в то время несли там караул, охраняя покой горных людей. Говорят, что этот курган они и возвели. Обнаружив шайку, они отбивали награбленное ею, бродячему не давали прохода, сами брали набегами добычу, так и жили*

« (местность. – М. Дж.) ». «». Красавица Альбика даже именует Сеску Солсу «» (Далгат, с. 322; с. 323; с. 321). Есть и вариант, в котором Солса взывает о помощи «к верховному богу Дяла и богу грома и молнии Села, обратясь к ним со словами: «» (Далгат, с. 427). *В древние времена Пхагал Бяри, Колай Кант и Сеска Солса охраняли Галгай Коашке от набегавших снизу врагов Пхагал Бяри, Колоевский молодец и Солса, сын Сески, были побратимы. Раз, когда Солса, сын Сески, был захвачен, побратимы отбили его главой страны галгаев Дяла и Села, не дайте мне попасть в руки Колой Канта!*

Таким образом, вайнахский эпос замечательно последовательно показывает эволюцию представлений о нарт-орстхойцах: великаны-людоеды – смелые и сильные воины-иноплеменники, насильники и грабители – побежденное и осмеянное племя – часть вайнахского этноса.

Карабулаки

Но что за народ изначально были карабулаки и на каком языке говорили? Начнем с тюркского этнонима – , якобы означающего «черные ключи». Слово в тюркских языках имеет два десятка значений, в том числе «большой, великий», но основным является «черный». Вне всякого сомнения, тем районом, в котором карачаево-балкарцы сложились как этнос, является Прикубанье. означает «большая река», букв. «черная река» – Кубань, в верховьях именуемая , с тем же значением – «большая река»; значение этнонима таким образом, – «кубанец». Но и полное название Черекского ущелья – «Большая Балкария», букв. «Черный Малкар». Этноним восходит к другому тюркскому названию Кубани – «большая река»: , следовательно, также означает «кубанец». *карабулак къара Къара-чай Уллу-Кам къарачайлы, Къара Малкъар Къарабалыкъ къарабалыкъар*

В том же ряду находится и этноним . Рядом с карабулаками обитало другое тюркское племя – , еще одна часть аланского (карачаево-балкарского) народа; кстати говоря, в состав России дигорцы вошли вместе с балкарцами, в 1827 г., а не с осетинами (в 1784 г.), частью которых они являются ныне. «М. Кашгари (XI в.) называет их тюгер». «В Шамхорском районе Азербайджана имеется селение Дюгер, а в провинции Кютахья Турции – деревня Тюгер, где проживают тюрки-дюгерцы» (Бабаев, с. 87; с. 109). В «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина (XIV в.) упоминается эпоним одного из огузских племен по имени (Рашид-ад-дин, с. 88). Но и в труде Абуль-Гази-хана «Родословная туркмен» (XVII в.) четвертого внука легендарного Огуз-Хана от его сына Ай-хана тоже зовут ; в списке 24 огузских племен значится восьмым (Абу-ль-гази, с. 81). *карабулак дюгер Дукер Дукер Дукер*

В «Словаре тюркских наречий» Махмуда Кашгарского присутствуют и , именуемые двенадцатым племенем огузов. То, что в столь древних трудах дюгеры и карабулаки упоминаются в составе одного союза тюркских племен, а современные карабулаки и дигорцы живут на Северном Кавказе в недальнем расстоянии друг от друга, сохраняя свои этнонимы, случайностью быть не может. *караболоки (карабюлюки)*

Приведем интересную деталь. Представители разных колен народа часто дают друг другу клички. Иногда случайные, возникшие на основе созвучий или искажения этнонимов, иногда это старые племенные названия и пр. Осетины-иронцы кличут дигорцев «черноухими» (). Никакого объяснения этой странной дразнилки нам найти не удалось. Скорее всего, балкарцы поддразнивали своих восточных соплеменников-дигорцев, рифмуя их самоназвание со словом «черноухий». Позже осетины-иронцы перевели кличку на свой язык; естественно, рифма утратилась, а потому и причина появления такой дразнилки стала непонятной. Из этого следует, что кавказские дюгеры и карабулаки, возможно, некогда являлись одним из аланских племен, разделившимся после погромов, учиненных войсками Тамерлана. *шаухушт къарабулакъ къаракъулакъ*

«В сообщении С. Броневского, относящемся к 1810 г., о карабулаках мы читаем следующее: «По преданиям, существующим между горскими народами, карабулаки в древние времена составляли сильное воинское колено, которое было уважаемо от соседей как за храбрые дела, так и за соблюдаемую в общежитии справедливость. Они были богаты скотом и от произведений земли достаточное получали пропитание. Оставалось им наслаждаться изобилием и покоем. Но возгордясь сими преимуществами, карабулаки попустились на обиды и насильства, возжигали повсюду вражду и, наконец, обратили против себя всех соседей, которые, ополчась на них, соединенными силами истребили сей буйственный народ до основания» (Далгат, с. 113).

Возможно, об этих событиях и говорится в сказании, в котором орстхойцы противопоставлены вайнахам: «». «». «» (Антология ингушского фольклора, т. 7, с. 177—178). *Орст-*

хойцы очень буйно себя вели. Из-за того, что они грабили, притесняли мирных жителей их прозвали нарт-орстхойцами. Орстхойцы грабили окрест себя живущие народы. Более чем угон скота и овец, табунов коней прибыльнее было уворовать человека. Ибо, чтобы его вернуть, родственники готовы были отдать все, что у них есть Некая шайка пленила сына кого-то из влиятельных людей вайнахов Когда уплатить не смогли, они убили сына того именитого человека. Разгорелась кровная месть: стали убивать подряд всех орстхойцев, где кого застигнут; орстхойцы тоже в долгу не оставались

С. Броневский пишет о карабулаках: «Суть не большое колено, живут у истоков Сунжи по сунженским рекам Шангире (Осса) и Фортаме; граничат на Западе с Ингушами, на Востоке с Чеченцами. На Татарском (кумыкском. – М. Дж.) языке Карабулак значит черные ключи, однако Татары и Черкесы зовут их (сыта, медовая вода)». «Остатки Карабулаков, в числе 200 семей, находятся в зависимости Чеченцов, которые должны сами ожидать той же участи (т. е. подчиниться русским. – М. Дж.)». «Неоднократно прибегали к Российскому покровительству, прося защиты от притеснения Чеченцов, и почитаются в Российском подданстве, но по соседству с Чеченцами и Аксаевцами (кумыками. – М. Дж.) всегда терпят от них безпокойства» (Броневский, с. 167—169). *Балъсу*

– тюркский гидроним, озн. «медовая река»; вероятно, это карабулакское название одной из рек (Фортанги?); поэтому орстхойцев часто именовали По нашему мнению, карабулаки были одним из аланских племен и говорили на кар.-балк. языке, о чем свидетельствует и перечень имен собственных, принадлежавших нарт-орстхойцам (см. ниже). *Бал суу балсурцами.*

Нашествие войск Тамерлана радикально изменило этническую карту региона; исчезло государство Алания, население которой распалось на отдельные племена, вынужденные выживать в новых условиях, действуя на свой страх и риск. Одним из них и были карабулаки, после отделения дигорцев какое-то время сильно ослабленных. Затем, в результате каких-то внутренних процессов, произошла их консолидация, что позволило им достаточно долго доминировать в плоскостной части нынешних Чечни и Ингушетии, закрывая растущему населению гор путь на равнину. Но своими непрерывными набегами карабулаки настроили против себя всех вайнахов.

Вполне вероятно, что вторичное ослабление нарт-орстхойцев (карабулаков) было вызвано, не в последнюю очередь, их междоусобицами. В одном сказании, например, говорится, что могущественный нарт Козаш был в постоянной вражде с другим нартским владетелем по имени Германч. «». *Однажды Германч вместе со своей дружиной коварно напал на Козаша. Он перебил всех: и Козаша, и всех мужчин его дома, будь то младенец или старик, прикончил даже беременных женщин. Затем он поджег все хозяйство Козаша, а у пепелища остались лишь одни женщины. Считая свое дело законченным, Германч ушел восвояси. Но род Козаша не прекратился*

Одна из его снох, находилась в это время у своих родителей в горах и там разрешилась от бремени мальчиком. Когда он вырос, то отправился к черкесам, где заслужил уважение одного из князей, который дал ему свое войско. С этим войском юноша вернулся и напал на Германча. «» (Далгат, с. 391). *Ни одного мужчины не оставил в живых, а самого Германча пленил. Связанного бросил его внук Козаша перед женщинами, которые остались на пепелище его деда. Те же закололи его большими иглами*

Разгромленное племя постепенно лишалось своей территории, на которую переселялись горцы из соседних ущелий – в первую очередь, чеченцы-аккинцы. «На протяжении всего (XVIII. – М. Дж.) столетия происходит быстрое увеличение чеченского населения на равнине и в предгорьях». «К концу XVIII в. равнина вдоль правобережья Сунжи между реками Гехи и Хулхулау была населена чрезвычайно густо и постепенно пополнялась новыми переселенцами» (История народов Северного Кавказа, т. I, с. 372). Поражение карабулаков была неиз-

бежно, и в XVIII в. они уже считались частью вайнахов, но, впридачу к вайнахскому «равнинники», сохраняя и свое название – . *орстхой карабулаки*

Дальнейшая судьба карабулаков была еще трагичней. Они приняли активное участие в Русско-Кавказской войне и находились под угрозой полного уничтожения царскими войсками. А. О. Мальсагов пишет: «Орстхой – одно из чечено-ингушских племен, выселившееся в 50-х годах прошлого века в Турцию. В литературе известны под именем карабулаков. Часть оставшихся орстхойцев слилась с чеченцами, а другая – с ингушами» (Сказки и легенды ингушей и чеченцев, с. 349).

Вернуться на родину смогла только небольшая часть карабулаков. По этой причине очень мало сказаний, записанных у самих орстхойцев. Вот эти, смешавшиеся с чеченцами и ингушами карабулаки и передали им сказания о нартах.

Аланизмы

Выше мы говорили, что образы нартов и представления об их нравах в сознании адыгов отражают нравы и черты представителей их знати тюркского происхождения (черкесов и кабаров). В вайнахском эпосе мы наблюдаем обратное явление; предания о войнах с карабулаками соединились с их сказаниями о нартах (Соска Солса, Хамчи Патарз, Батоко Ширтга и др.). Поэтому двойное именование – нарт-орстхойцы – полностью оправдано содержанием эпоса, в котором провести четкую грань между эпическим сказанием и историческим преданием, как и между нартами и карабулаками, невозможно.

В этом параграфе, наряду с лингвистическими казусами и калькированными переводами тюркских выражений, мы рассмотрим имена нарт-орстхойцев, что позволит убедиться в правомерности наших выводов. Разумеется, во многих случаях нет уверенности, что наши объяснения верны, поскольку тюркские имена подверглись сильному искажению, а языком вайнахов, к сожалению, мы не владеем. Остается надеяться, что допущенные нами ошибки будут рассмотрены и исправлены фольклористами Чечни и Ингушетии. Ряд имен, принадлежащих нартам, героям второстепенным, присутствующим только в одном тексте или просто упоминаемым, объясняется, вероятно, на почве ингушского и чеченского языков. В других национальных версиях Нартиады их нет: , (брат Солсы по отцу), (сын Гарда), (младший брат Гепака), (девушка из нартов, возлюбленная Течи), дочь Ичархо), – (отец нарта Хамчи). **Лорса Уса, Барат, Гард, Загк Кускуз, Вадал, Гепак, Венаг Теча, Цай Тахшако, Толам-Аго, Гардалой, Ичархо, Марзина (Фярг**

Мать вод, обитающая в горных ручьях; по мнению У. Б. Далгат ее имя означает «мать вод», «от «хи» – вода, «мих» – ветер, «нана» – мать (Далгат, с. 51). Принять эту этимологию не позволяет присутствие в имени слова «ветер»: неясно, покровительницей какой природной стихии была богиня – воды или ветра. Но богиня с тем же именем – – является в кар.-балк. мифологии покровительницей ветров и супругой бога ветра и войны (); ее именуют «мать ветра Химикки». Имя образовано от «пустота, веяние»; ср. выражение «слабое (уязвимое) место человека». **Химиххи-нана –** *Химикки Эрирея Эрея жель анасы Химикки хим, хым, хам адамны хамлы жери*

Наше мнение подтверждается и другим фактом. «Как-то раз, сообщает Б. Далгат со слов сказителя Ганыжа, Химиххинана погналась за нарт-орстхойцами, когда они возвращались с охоты, но один из них в борьбе с ней успел ее осквернить, и Химиххинана, как нечистая, не могла более преследовать их и возвратилась к себе в воду». «Показательно, что у чеченцев и ингушей Химиххинана «не возвысилась до божества, ей не поклонялись и не особенно ее боялись» (Далгат, с. 52).

И это вполне понятно: для вайнахов Химиххинана являлась чужим божеством с непонятными функциями, а потому особым почитанием не пользовалась. Стоит отметить и другой факт: в японских легендах говорится, что однажды с материка на Японские острова вторглось некое конное племя, возглавляемое воительницей . На наш взгляд, в легенде говорится о вторжении одного из тюркских племен, в ходе великого расселения тюрков из их восточноевропейской прародины (см.: Джуртубаев, 2009). *Химикку*

– главный герой и предводитель нарт-орстхойцев. Несомненно, это имя восходит к тюркскому (варианту имени нарта Сосурука); по мнению В. И. Абаева, имя кипчакско-ногайское, от «иметь хмурый вид». Но у ногайцев нет нартского эпоса, и это, во-первых, во-вторых, Сослан (Сосурук) вовсе не самый хмурый из нартов – как раз он и отличается находчивостью, смекалкой. От карачаево-балкарского имени Сосуран; означает» приречный змей». Или от «сын берега» – поскольку родился из приречного валуна. **Соска Солса (Сеска Солса, Солсан)** *Сослан суслан суу ыз уран суу ыу улан*

– имя отца нарта Солсы. От кар.-балк. () имени пастуха, чье семя оплодотворило прибрежный валун, из которого и родился герой Сосурук. Созук, как и многие другие герои карачаево-балкарских сказаний, вошел в нартский эпос из тотемических мифов, где имел образ змея. Потому и имя его – – означает «растягивающийся». **Соска (Сеска)** *Созук Созукку Созук*

– святая женщина, вынувшая зародыш Соска Солсы из камня. «Сата – дочь языческого бога Селы, который повелевает громом и молнией» (Далгат, с. 418). Однако, в одном из сказаний говорится, что Села сам желал жениться на Села-Сате. Скорее всего, это искаженное кар.-балк. именование главной героини эпоса Сатанай-бийче – «почитаемая (святая) Сатанай». В карачаево-балкарской мифологии «ясная луна» является богиней луны (). **Сели Сата** *сыйлы Сатанай Сатанай ай*

, брат Сески Солсы. «По составу имени „Селий Пиръа“ – сын Селы (бога грома и молнии». , по мнению У. Б. Далгат, форма слова «фараон», что подтверждается ингушским мифом о вражде Пиръа с богом из-за престола; в основе мифа – библейский сюжет (фараон, вообразивший себя богом, потопление войска Пиръа волнами моря) – (Далгат, с. 423). **Селий Пиръа** *Пиръа пиргъаун*

имя того же Соска Солсы, встречается в одном из ингушских сказаний. Вероятно, кабардинская форма каачаево-балкарского **Созруко –** *Сосурукъ.*

нарт-богоборец, сын Созруко (в том же сказании). Неясно. **Курюко –**

вайнахские формы имени вождя нартов в кар.-балк. эпосе – ; от «волчий выкормыш»). Ёрюзмек вскормлен волчицей и носит волчью шубу. **Урузман (Орзми) –** *Ёрюзмек бёрю сюммек (бёрюсмек – ёрюзмек*

– возможно, другая форма имени **Оршми** *Орзми.*

, одноглазый нарт, великан-людоед – «имя этимологии не поддается» (Далгат, с. 417). Тюркское «белый (главный) хан»? **Сарган** *Сарыхан*

– нарт, по одному из сказаний – родоначальник карабулаков. возможно, то же, что кар.-балк. , сокращение имени . Во втором сказания варианте имя героя дополняется указанием на принадлежность его к тюркскому племени (и т. д.), обитавшему в Притеречье и некогда составлявшему население отдельного княжества. Аул сществовал еще в конце XIX в. недалеко от г. Грозного, на левом берегу Сунжи. Борганы впоследствии слились с кумыками. Кумыкское селение существовало до XIX в.; позже его жители полностью переселились в Турцию, их потомки ныне проживают в сел. Явукёй области Сивас (КЭС, с. 32). **Чопа, сын Барата; чаще Чопа Борган** *Чопа, Чёпе Чёпеллеу бораган, бора-гунн борган, баргун, барагун Брагуны Бораган-Юрт*

нарт, возлюбленный кабардинской княжны Ахловой. После его трагической гибели княжна построила мавзолей Бороган-каш, в котором и похоронили Бексултана (Далгат, с. 373). Кар.-балк. песня о набежнике Чюерди начинается словами: «Из Борагана выехали шесть всадников…». Имя представляет соединение двух тюркских титулов: + султан. **Бексултан Бораган –** *бек*

нарт. От арабского слова, означающего «господин». **Саид –**

, нарт – вероятно, усеченное кар.-балк. именование родоначальника рода Алик-лары, от «царь // царский»Или это арабское имя **Али** *алик, элик . Али.*

возможны два объяснения имени: от араб. «правитель» или от «век, вечный». **Амир –** *амр, амир омур, ёмюр*

– нартский кузнец, воспитатель Сеска Солсы. – вероятно, от тюркского «витязь». **Жов-Бятар** *Бятар батыр*

нарт, зять Соска Солсы. Его мать отличается неимоверной силой. Это отголосок карачаево-балкарских сказаний о нарте Алаугане и его сыне Карашауае (Шауае), матерью которого была великанша. – возможно, от » большой сокол» (тотемическое имя). – может быть, иска-

женное именование Карашауая в кар.-балк. эпосе – «молодой, юный». **Кинда Шоа –** *Къара Шауай къара шахан Кинда Генджаке*

отец нарта ПатаразаВ кар.-балк. эпосе – ; имя восходит к мифу о небесном быке (буйволе —), олицетворении темной дождевой тучи, которого приносит в жертву небесный герой и семя которого (дождь) дает жизнь растительности, плодородие и чадородие. Второе имя этого персонажа – («красный бык»; в ходе эволюции образа бык-туча стал олицетворением зари, которая в мифе рассматривалась как кровь быка. **Хамчи (Хамча) –** . *Хымыч, Хмыч гаммеш, хаммеш Къызыл Фук къызыл бук, бугъа*

– от кар.-балк. «из смелого рода» (означает «витязь, герой»//отважный, мужественный; а также «воин высшего (седьмого) разряда» и присоединялось к имени человека – Сосурукъ-батыр, Бора-батыр и т. д. **Патараз (Патарза, Патриж)** *Батыраз батыр*

– нарт. В кар.-балк. эпосе – , от слегка деформированного «неуязвимый». вероятно, краткая вайнахская форма того же имени. **Ачамза (Ачам)** *Ачемез Ачимаз Ачам —*

– дочь Ачамзы. Неясно. **Зайза**

– нарт; имя, вероятно, карачаево-балкарское, «оберегаемый, береженый», от «оберегать, беречь». **Асран** *аср*а

Все имена – тюркские: **Шесть братьев нарт-эрстхойцев:** *Ахамарза, Биймарза, Денгизбий, Темирбий, Карабий, Анарбий.*

– скорее всего, от «белый» + (иранский титул, часто встречающийся в тюркских именах). **Ахамарза** *акъ мирза, мырза*

ср. кар.-балк. имя Биймырза – князь + **Биймарза –** *бий мирза.*

– от () «море // морской» + «князь». **Денггизбий** *денгиз тенгиз бий*

– от «железо // + **Темирбий** *темир железный бий.*

– от «старший, главный» + **Карабий** *къара бий.*

– от «процветающий» + ? **Анарбий** *онгар бий*

– от кар.-балк. «нартский князь»; так в кар.-балк. эпосе титулуют двух персонажей – божество плодородия Кызыл-Фука и его противника, предводителя нартов Ёрюзмека. **Нярт**б**и** *нартбий*

, нарт, великан-пахарь; «это имя этимологии не поддается», – пишет К. Чокаев (Далгат, с. 417). В кар.-балк. ономастике много имен с окончанием —, но уверенного объяснения имени мы предложить не можем, как и ряда других имен нартов из вайнахского эпоса: **Гонча** *ча Гонча*

– нарт. Без особой уверенности можно предположить, что имя образовано из двух тюркских слов: «богатый» + «принц». **Байнал** *бай инал*

– карачаево-балкарское имя, озн. «батя, батюшка». **Атай**

, царь нарт-эрстхойцев. «Заслуживает внимания само иранское имя „царя“ – тамады нарт-орстхойцев – Науразa (от „нау“ – „новый“, „руз“ – год») – (Далгат, 436). **Науразa**

возможно, сокр. форма имени . Или это тюрк. и т. д. «дружинник, воин». **Наур –** *Науразa нёгер, нукер, нагур*

, жена Наура – скорее всего, вейнах. форма кар.-балк. имени главной героини эпоса + , сокращения обычного в тюрк. женских именах «моя госпожа, моя властительница». **Сатай-хан** *Сатанай хан ханым, ханум*

– имя жены Науразa. Неясно. **Саги**

,соперник нарта Наура – идентично имени героя кумыкской нартской песни – («старый Кожак») От «хозяин; учитель; господин; старец», присутствующего во многих тюркских языках (см. у Макса Фасмера), восходит к . **Гожак** *Къожакъ, Къарт-Къожакъ . ходжа къожакъ*

уменьш.-ласк. форма того же имени Ср. кар.-балк. фамилии **Козаш –** *Къожакъ. Кожаш-лары, Къожакъ-лары.*

жена Гожака – в кар.-балк. ономастике это имя присутствует, но его объяснения у нас нет. **Белашай,**

от тюркского «строитель крепостей» (или «житель крепости (цитадели)». **Германч –** *керменчи, керманчи*

сокращенный вариант имени Германч? **Гера –**

, мать семи братьев-богатырей из племени эрбый. Неясно. **Эмиль-Эрте**

от кар.-балк. имени «большой, крупный»? Или от «утес»? **Гяла –** *Гала гола*

неясно. **Юртус –**

, брат Юртуса – араб. имя **Иса** *Иса.*

(в другом тексте так зовут чеченского героя)скорее всего, араб. имя (либо). Перс. и араб. мена , вероятно, вошли в ономастику карабулаков в период принятия ими ислама. **Нясар –** *Наср Насыр Науразиса, Нясар*

предводитель шайки нарт-орстхойцев. Неясно. **Чухи –**

последний из нартов.От кар.-балк. «непоколебимый» **Тэймысхан –** *таймаз хан.* +

нартом не является, но постоянно выступает то в роли их главного советчика, то гасмехается над ними, то выручает их в трудных ситуациях. Может спускаться в царство мертвых. – ингушское слово, означает «ласка». В осетинском эпосе этот персонаж именуется Сирдоном, в карачаево-балкарском – Ширданом. В. И. Абаев объяснял это имя на основе осетинского «зверь». В кар.-балк. язык означает «неожиданное существо» (неожиданно появляющееся); – табуированное название крысы () и имеет все признаки героя эпоса тотемического, имевшего облик крысы – у него длинные усы, он живет под холмом в доме-лабиринте, хитер, умен, коварен и, внезапно появляется и так же внезапно исчезает. **Боткий Ширтка –** *Ширтка сирд е ширт анг ширдан гылдуу*

Происхождение имен главных героев Нартиады подробно будут рассмотрены в другой главе нашей книги.

Тюркские имена носят и некоторые местные герои.

, местный герой; «имя Тимар происходит от Тимура хромого (т. е. Тамерлана) – (Далгат, с. 415). Но, в таком случае, это просто тюркское «железо; железный». **Тимар** *темир*

трусишка, который сумел одурачить огромного нарта. Вероятно, от карачаево-баллкарского «князь, имеющий много холопов». **Куллуби –** *къуллу бий*

, жена местного героя Охкархой Канта; это кар.-балк. имя «белая (знатная) госпожа», от «светлая, белая» + «княгиня, госпожа»; ср. также «старшая госпожа». **Альбика** *Алабике ала бике, бийке, бийче Ажабийке*

, местный герой – имя, возможно, от тюркского «воин, дружинник определенного разряда». **Чуара Нельбиевич** *чора, джора, чура*

имя его отца, скорее всего, представляет собой соединение двух тюркских титулов: «принц» + «князь». **Нельби** , *инал бий*

« – имя собственное, встречаемое только в фольклоре». Распространенное объяснение имени Пхягал Бярий – от «пхьагал» заяц, «бьарий» – всадник, наездник, т. е. «заячий всадник». «Мифологическое объяснение „заячьего всадника“ может быть соотнесено с тотемом» (Далгат, с. 430). Это предположение не имеет ни оснований, ни доказательств; не ясно также, почему могучий богатырь разъезжал верхом на зайце. Это кар.-балк. «всадник на пегом коне» (букв. «пегий всадник»), понятое как созвучное «всадник верхом на зайце»; отсюда же «заячьи всадники» в фольклоре других народов Северного Кавказа. На пегом коне ездит в кар.-балк. эпосе вождь нартов Ёрюзмек. **Пхагал Бярий** *къолан атлы къоян атлы*

« – всадник величиной с кулак и локоть („бий“ – кулак, „дол“ – локоть, „бяри“ – всадник). Встречается в сказке и в эпосе» (Далгат, с. 430). И это, скорее всего, также лишь народная этимология. Кар.-балк. (нёгер) «воин, дружинник определенного разряда; спутник, товарищ» вайнахские сказители, видимо, приняли за «локоть». **Бийдолг Бяри** *жёнгер жингирик*

« – здесь имя собственное; вероятно, тюрко-монгольского происхождения, от слова «богатырь» (Далгат, с. 424). **Бятар**

На основе тюркского (кар.-балк.) языка находят объяснения и некоторые другие выражения и термины в эпосе вайнахов.

«», «которой часто вооружены эпические герои вайнахских сказаний и в особенности героических песен, в быту это дамасская сабля или меч с тавром на клинке, изображающая голову волка или обезьяны» (Далгат, с. 431). Это знаменитое тавро представляло собой перевернутое изображение головы обезьяны; поэтому кар.-балк. букв. означает «неправильная (перевернутая) обезьяна». **Терсмаймальская шашка** *терс маймул*

палица. Ср. карачаево-балкарское «палица». **Чхонкар –** *чонкур*

В вайнахских сказаниях «часто имеет место упоминание обычая установления молочного родства, существовавшего у вайнахов продолжительное время»; «в вайнахских сказках герои, которые братаются, обычно говорят друг другу: «Отныне мы клятвенные братья и энчики (т. е. молочные братья), сосавшие одну грудь» (Далгат, с. 429). **Молочные братья.**

Терминология, относящаяся к обычаю молочного родства (как и аталычества, и куначества) у народов Северного Кавказа – тюркская. – от кар.-балк. «сосок; воспитанник (выкормыш)». *Энчик эмчек*

« – по-ингушски и по-чеченски значит «рабыня». «В данном рассказе Горбож – не рабыня, служанка, а могучая великанша-людоедка» (Далгат, с. 422). Но во многих вейнахских сказаниях ее именуют и . Ср., например, фразу из сказания: «…»; «Гарбаш – здесь служанка, рабыня» (Далгат, с. 295; с. 420). **Горбож** *гарбаш Оршамар Арш сказал гарбаш этой девушки*

Вайнахское , несомненно, от кар.-балк. «домашняя рабыня; служанка», от «черноголовая». Причина появления в вейнахском языке второго значения термина («злобная великанша-людоедка»), вероятно, в том, что великаны и великанши были олицетворениями высоких и заснеженных гор Кавказа. Карачаево-балкарское «заснеженная вершина» полностью созвучно «дворовая девушка-рабыня». *горбож, гарбаш, зарваш къарауаш къарабаш къарбаш къарауаш*

– дракон, от общетюрк. «дракон» **Саьрмак** *сармакъ, сарубек, сарыуек* .

– богатырь, герой; например, «турпал по имени Солсан, сын Соски» (Далгат, с. 399). Общетюрк. термин, ср. кар.-балк. «богатырь; богатырский (конь)». Вошло и в языки других народов Кавказа – аварский, табасаранский (Абаев, ИЭСОЯ, т. III, с. 299). **Турпал** *тулпар*

. «…похищенных (для продажи в рабство. – М. Дж.) людей называли „есар“. „Есар“ – пленник» (Далгат, с. 447; с. 448). Слово проникло в ингушский язык, вероятнее всего, из кумыкского; тюркское озн. «пленник» (отсюда и русское ;кар.-балк.). **Есар** *есир ясырь жесир*

«», с помощью которого оживляли мертвых – типичный предмет, часто встречающийся в прозаическом фольклоре вайнахов. Обычно этот оселок каменный, что, на наш взгляд, может свидетельствовать об его отношении к древнекаменной эпохе. Во всех случаях предмет этот весьма архаического происхождения и магического назначения» (Далгат, с. 415). **Черный оселок**

Этот предмет, имеющий магические свойства, встречается в фольклоре и других народов Северного Кавказа; часто упоминается волшебный черный оселок в кар.-балк. сказаниях и сказках. Скорее всего, кар.-балк. «черное знание» (т. е. «черная магия») было принято за созвучное «черный оселок». Кар.-балк. озн. также и «буква», откуда выражение «грамотный», но букв. «знающий черное». *къара билиу къара билеу къара къара таныгъан*

. Сватаясь к дочери Сеска Солсы, нарт Кинда Шоа предлагает ему в калым большое стадо «». «Это довольно постоянная характеристика рогатого скота в вайнахском эпосе; синий цвет животных – чисто эпический, не соответствующий действительности» (Далгат, с. 319; с. 428). **Синие животные** *оброслих, беломордых синих коров*

Разумеется, синих коров не бывает. Возможны два варианта: либо вайнахи поняли кар.-балк. «серый скот», как «синий скот» – поскольку слово означает и «синий», и «серый» (о масти животных), либо приняли «множество скота» за «синий скот». *кёк малла кёк кёп малла кёк малла*

. Одним из любимых развлечений нартов, по вайнахскому эпосу, являлось метание камней или обломков скал; смысл этого занятия не указан. Не исключено, что это отражение памяти об одном из популярных кар.-балк. народных видов спорта – толкании камня (), вероятно, известного и карабулакам. В одном из вайнахских сказаний на предложение молодца выйти за него замуж, красавица отвечает, что пойдет за того, кто одолеет ее доблестью и силой. «» (Далгат, с. 289). **Метание камней** *къолташ оюн, хомпар таш оюн Они бросили два камня на спор: кто кинет дальше*

В одном из сказаний говорится, что нарты знали «птичий язык» (Далгат, с. 303). То же самое встречается и в кар.-балк. эпосе. Это результат путаницы, возникшей из-за созвучия кар.-балк. () «язык силы» (т. е. древнего магического языка, знание которого позволяло шаманам совершать чудеса), и «язык птиц». **Птичий язык.** *кюш тили кюч тили къуш тили*

. » (Далгат, с. 337). «Чаа – медь и олово в расплавленном состоянии. Нередко это эпический напиток нартов, характеризующий их могущество». «Иногда нарты, по сказаниям, пьют медь, как обыкновенный напиток» (Далгат, с. 431; с. 435). **Расплавленная медь** *«Когда нарт-эрстхойцы узнали, что благодать (изобилие) пропала из-за них, они докрасна расплавили медь и, выпив ее, все погибли. Люди употребляли брагу, а нарты, по гордости своей, пили расплавленную медь» (Далгат, с. 334). «Нарты, пьющие расплавленную медь, переселились на небо. На западе есть семь блестящих звезд, это и есть пропавшие нарты*

В одном из текстов уточняется, что медь была красная. Полагаем, что речь идет о самом обыкновенном черном чае, по кар.-балк. – «красный чай», что было понято вейнахами, как «красная расплавленная медь» (). Видимо, чеченцы и ингуши, в отличие от тюрков-карабулаков, в те времена чай не употребляли. Вначале «расплавленная медь» представлялась обычным напитком нартов; но он казался бы слишком крепким даже для нартов, поэтому поздние сказители стали говорить об его употреблении, как о способе самоубийства. *къызыл чай чаа*

Села-сата, жена Сескан-Солсы, втайне от него держала своего сына «в середине девяти медных пластов подземелья (формула „исс цIаста юккьа дIалачкъина“ – в девяти пластах меди выросший – типична для сказаний чеченцев и ингушей») – (Далгат, 1977, с. 44). **Девять медных пластов.**

Какие пласты имеются в виду и почему они медные, не сказано. Кар.-балк. «земля // земляной» было перепутано с «медь (желтая) // медный». Выражение () «семь (реже девять) слоев земли» обычно в мифологии, фольклоре и обычной речи карачаево-балкарцев; по этой причине в вайнахском сказании и говорится о подземелье. *жер жез жерни жети тогъуз къаты*

Много в нарт-орстхойском эпосе вайнахов и тюркских топонимов и гидронимов. Приведем лишь несколько примеров.

« – тюркское слово, чаще обозначающее „крепость“, укрепление». «В Чечне имеется два „Герменчика“ – около сел. Шали и между аулами Энгель-Юрт и Азамат-Юрт. Такое же село имеется у кумыков в Дагестане, а „холм Герминча“ – Герман-боарз – в Ингушетии» (Далгат, с. 437). Добавим и сел. Герменчик в Кабардино-Балкарии. Кар.-балк. означает «крепость, цитадель», «крепостца». **Герменчуг, Герменчик** *кермен керменчик –*

« – название местности, происходит от кумыкского Ичи-ери, что означает «местность среди гор». По-чеченски она называется «Нахчой-Мохк», т. е. «страна чеченцев» (Далгат, с. 436). Перевод неправильный, поскольку кумыкское означает «внутренняя местность». Но и в этом случае неясна причина появления в слове звука На наш взгляд, ближе кар.-балк. «внутрь // внутренний»; называлась именно внутренняя (горная) часть страны вайнахов. **Ичкерия** *ич ери К. ичкери Ичкерией*

– река Волга. От общетюркского названия этой реки – кар.-балк. **Эдал** *Итиль, Идыл, Идель, Эдиль.*

Даже река именуется у вайнахов по-тюркски – , от «быстрая». **Терек** *Тирк терк*

Чтобы поставить точку в вопросе о том,кем были нарты-карабулаки и откуда пришли в Чечню и Ингушетию нарты, приведем отрывок из одного текста. Замечательно, что эпос вайнахов и на этот вопрос дает прямой ответ, в сказании «Как погибли нарты эрхстуа», опубликованном А. Газдиевым в газете «Сердало» в 2011 г. и вошедшем сборник «Ингушский нартский эпос», подготовленный И. А. Дахкильговым (Нальчик, 2012).

« *Там, на закате солнца, где дальний Мингитау поднимает к небу свои белые груди, близко к тому морю, что вечно бьет прибрежные скалы своими черными, как ночь, волнами, жили в старину нарты – Эрхстуа. Злые то были богатыри, завистливые на чужой достаток; нападали они на мирных людей, не пославши им вперед вести о войне, отнимали у бедняков их последнее достояние. Не почитали нарты Эрхстуа и Сердцеведца, за это не дал он женам их плодородия. Было нартов только шестьдесят. Не благословил он их стада: от овец их рождались серые волчата, бурьяном дарили их поля, и мясо в их нартском котле о сорока ручках обращалось в вонючую падаль.*

– Куда пойдем мы в набег за добычей? На три раза семь дней в пути кругом наших жилищ земля стала серой пылью от копыт наших нартовских коней: четыре раза десять и один день надо нам ехать по пеплу сожженных нами селений; Два раза округлит луна свое лицо, пока доведется нам услышать человеческий голос, – так говорил товарищам-нартам разведчик их, хитрый Батоко Ширтяха, хитрый проныра, сумевший построить себе повозку из меди и спуститься на ней до седьмого адского дна.

И так продолжал он свою речь:

– Есть в восточной стороне среди лесистых гор и зеленых долин пещера. В нее загоняет Колой-Кант на ночь свои овечьи стада. Несметны его богатства. Но и силой с ним никто из живущих не может сравниться. Я не хотел бы видеть поднятую над нашими головами его вражескую руку.

Ему с гневом отвечал гремящим, как гром, голосом сильный Солса, князь нартов Эрхстуа. Слова о несметном богатстве Колой-Канта разожгли его жадное сердце.

» («Ингушский нартский эпос», Нальчик 2012, с.,296). *– Молчи, Батоко Ширтяха, сын раба-чужестранца, – сказал он. – Мы приняли тебя как товарища, но презираем как труса. Знай: мы, нарты, никого не боимся, и нет никого из живущих под солнцем, кто был бы сильнее меня. Веди нас немедля к пещере Колоя, коль знаешь дорогу*

(«Вечная гора») – карачаево-балкарское название горы Эльбрус. Случайно ли то, что нарты жили в окрестностях этой горы, где и ныне живут карачаево-балкарцы и случайно ли упоминание именно их названия великой горы? ***Мингитау***

Полагаем, что приведенные здесь факты, вкупе с тем, что мы выяснили выше, позволяют уверенно говорить о том, что карабулаки (как и борагуны) были одним из тюркских (скифо-аланских) племен, чьи сказания, в определенной мере, были усвоены чеченцами и ингушами; произошло это, судя по всему, относительно недавно, после их смешения с частью карабулаков (XVII—XVIII вв.

М. Ч. Джуртубаев

Библиография

Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. – Казань, 1914

Бабаев С. К. К вопросам истории, языка и религии балкарского и карачаевского народов. – Нальчик, 2000

Антология ингушского фольклора, том 4. Нартские сказания. Легенды. Грозный, 2006

Антология ингушского фольклора, том 7. Ингушские предания. – Нальчик, 2010 Дахкильгов И. А.

Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М., 1823.

Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследования и тексты. – М., 1972

Дахкильгов И. А. Мифы и легенды вайнахов. – Грозный, 1991

Дахкильгов И. А. Ингушский героический эпос. – Нальчик, 2012

Джуртубаев М. Ч. Происхождение карачаево-балкарского и осетинского народов. – Нальчик, 2010.

КЭС – Кумыкский энциклопедический словарь. – Махачкала, 2009.

Сказки и легенды ингушей и чеченцев. – М., 1983

Сказки, сказания и предания чеченцев и ингущей. – Грозный, 1986

Чудесные родники. Сказки, сказания и песни народов Чечено-Ингушской АССР. — Грозный, 1963

I. ЖИЛИ-БЫЛИ НАРТЫ…

Как нарт-орстхойцы сгинули со света

В то старое время весь мир был благодатным. Во вселенной не знали, что такое дуновение ветра. С неба свисала нитка, на конце которой были лоскутки. Они никогда не шевелились. Да и могли ли они без ветра колыхаться? Люди жили в спокойствии и благодати. Посеянное, хранимое, как и принесенное, – все было изобильным. В то время в нашем краю появились нарт-орстхойцы во главе с Сеска Солсой. Со своими 60 нарт-орстхойцами он разорял села, совершая насилие над людьми. С появлением нарт-орстхойцев во вселенной появилось зло и задули ветры. Они уносили уложенное на горных холмах зерно, разносили скошенное сено. Посевы зерна стали малоурожайными; овцы и скот хирели. Все, создаваемое трудом человека, становилось неблагодатным. [1]

В один из дней в большое село прибыл Сеска Солса со своими всадниками, чтобы людей ограбить, а оказавших сопротивление – убить. Следовавшие за Солсой люди сказали:

– Большое это село, много людей живет здесь. Мы пострадаем, если они окажут сопротивление. Лучше нам разделиться на группы и прибыть к ним в гости, сделав вид, будто мы ищем пристанище. После этого мы выкрадем из жилищ оружие и тогда возьмем село без ущерба для себя. [2]

Сеска Солса согласился. Разделившись на группы, нарт-орстхойцы направились в дома. С 13 нарт-орстхойцами Сеска Солса оказался в гостях у Жербабы. Жербаба охотно ввела гостей в комнату и принялась за угощение. В медный наперсток взяла муки для изготовления хлеба, отломила кусочек бараньего ребрышка и начала готовить пищу.

– Эй, чем это ты занимаешься? – спросил удивленный Сеска Солса. – Кого ты собираешься насытить такой малой пищей, приготовленной тобой?

– Э, мальчик, после того, как вы все насытитесь вдоволь, еще останется излишняя еда. Это ведь пища, которая была на земле до появления Сеска Солсы и его орстхойцев. Это было тогда, когда во вселенной не было ветра и была одна благодать. Кто не видел Сеска Солсу – да не увидит его, кто однажды видел – пусть не увидит больше! Появившись со своими нарт-орстхойцами, он унес благодать с нашей земли. Страна обнищала и люди разорились.

Услышав сказанное, Сеска Солса остался сидеть на месте, пригвожденный горем.

– Эй, что стало с тобой? – произнесла удивленная Жербаба. – Ты потерял цвет лица и стал как воск. Не ты ли Сеска Солса? Кто не видел – да не увидит, кто видел – пусть больше не увидит его!

– Я и есть Сеска Солса, – сказал он Жербабе и ушел со своими орстхойцами не только из села, но и из того края.

С тех пор их никто больше не видел.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 330. Сказание записано Д. Д. Мальсаговым на ингушском языке в 1964 г. со слов И. Х. Мальсагова, уроженца сел. Гамурзиево Назрановского района ЧИАССР. Сказитель слышал это сказание от Патархана Куциговича Арчакова в 1920 г.

В описании благодатного времени особый интерес вызывает представление о безветрии; этот же признак благодатного времени запечатлен и в ингушском предании «Магал» (ССКГ, вып. VIII, 1875, стр. 15). [1]

Намерение нарт-орстхойцев совершить разбой под сенью гостеприимства, по понятиям горцев, величайшее преступление. [2]

Как погибли нарты эрхстуа

Там, на закате солнца, где дальний Мингитауу поднимает к небу свои белые груди, близко к тому морю, что вечно бьет прибрежные скалы своими черными, как ночь, волнами, жили в старину нарты – Эрхстуа. Злые то были богатыри, завистливые на чужой достаток; нападали они на мирных людей, не послав им вперед вести о войне, отнимали у бедняков их последнее достояние. Не почитали нарты Эрхстуа и Сердцеведца, за это не дал он женам их плодородия. Было нартов только шестьдесят. Не благословил он их стада: от овец их рождались серые волчата, бурьяном дарили их поля, и мясо в их нартском котле о сорока ручках обращалось в вонючую падаль. [1]

– Куда пойдем мы в набег за добычей? На три раза семь дней в пути кругом наших жилищ земля стала серой пылью от копыт наших нартовских коней: четыре раза десять и

один день надо нам ехать по пеплу сожженных нами селений; два раза округлит луна свое лицо, пока доведется нам услышать человеческий голос, – так говорил товарищам-нартам разведчик их, хитрый Батоко Ширтяха, хитрый проныра, сумевший построить себе повозку из меди и спуститься на ней до седьмого адского дна.

И так продолжал он свою речь:

– Есть в восточной стороне среди лесистых гор и зеленых долин пещера. В нее загоняет Колой-Кант на ночь свои овечьи стада. Несметны его богатства. Но и силой с ним никто из живущих не может сравниться. Я не хотел бы видеть поднятую над нашими головами его вражескую руку.

Ему с гневом отвечал гремящим, как гром, голосом сильный Солса, князь нартов Эрхстуа. Слова о несметном богатстве Колой-Канта разожгли его жадное сердце.

– Молчи, Батоко Ширтяха, сын раба-чужестранца, – сказал он. – Мы приняли тебя как товарища, но презираем как труса. Знай: мы, нарты, никого не боимся, и нет никого из

живущих под солнцем, кто был бы сильнее меня. Веди нас немедля к пещере Колоя, коль знаешь дорогу.

Молодым ушел Колой-Кант из тех мест, где жил его род – тухум; безбородым мальчиком ушел он в неведомые леса и погнал с собою только семь овец, но впереди овец

шел старый козел, вожак стада, сильный смелый козел, одаренный разумом человека, а на тучных пастбищах, под охраной козла-вожака, овцы плодились несметно. Пищей Колою служило лишь мясо годовалых очец, питьем молоко; соли, волнующей кровь, и перебродившего питья, туманящего ум, никогда не вкушал он. Не видал женской прелести, ослабляющей тело… Могучий, кроткий, спокойный – был любимым слугой Сердцеведа.

– Враги идут на тебя, господин мой. Готовься защищать себя, свое богатство свое от злах, жадных нартов Эрхстуа, – сказал Колой-Канту его вещий козел, страж его стада.

Отвечал козлу Колой-Кант:

– Кто может напасть на мое белое стадо? Кто б ни пришелко мне, я приму его как гостя и как для гостя ничего не пожалею для него.

Темной ночью тихо подъехали нарты Эрхстуа к пещере Колоя; шли кони их волчьей поступью по траве, пробирались лисьей пробежкой меж ветвями кустов. У скалы,

закрывающей вход в пещеру, сошли нарты с коней, и все шестьдесят стали отодвигать скалу с места, упираясь в нее могучими плечами; до колен ушли ноги в землю; но скала не

сдвинулась и на ноготь.

– Вот приехали враги твои, господин, и хотят силою ворваться к тебе, – сказа Колой-Канту его вещий козел, вожак его стад по тучным лугам.

Отвечал Колой-Кант:

– Не верю я, чтобы то были враги: я зла людям не сделал. Я впущу их в сам в мою пещеру; приму их как гостей и свято соблюду обычай: ни в чем не отказывать гостю.

С этими словами встал Колой-Кант и тихо толкнув скалу рукой, легко отодвинул ее от входа… Ужаснулись могучие нарты, и в страхе отступили к своим коням.

– Войдите, путники, – молвил им ласково хозяин стада, – да будет приезд ваш на пользу вам и мне на счастье!

Но не захотели свирепые нарты войти гостями в жилище Колоя. Молча сели они на коней и уехали, не ответив ни слова.

– Дадите ли, нарты, мне десятую долю богатств Колоя, если я научу, как захватить их? – спросил хитрый разведчик Батоко Ширтяха, хитрый проныра Ширтяха, сумевший

спознаться с алмас, зеленоокой великаншей, лесной красавицей, одетой лишь своими волосами, злой страшной ведьмой, пожирающей грудных младенцев.

Крепкое нартское слово, нарушив клятву, дали нарты Батоко Ширтяхе, что ему отделят они десятину всех богатств Колой-Канта. Тогда молвил им хитрый знахарь-разведчик:

– В лесах быстрой Аргуни живут великанши-алмасы. Красивейшую из них я пошлю к Колой-Канту, чтобы она очаровала его женской прелестью и лишенного силы отдала в

ваши руки. Через три луны, три недели и три дня приезжайте в пещеру Колоя, там буду я вас ожидать.

У входа в пещеру, отпустив стада свои на пастбище, сидит Колой-Кант. И слышит он плач женщины в глубине леса; рыдания женские тревожат его кроткое сердце. И идет он

на голос. Перед ним – красавица. К скале прислонясь, стоит она, и слезы горными ручьями льются меж пальцами ее белых рук.

– Кто обидел тебя, женщина?

– Нарты, злодейское племя Эрхстуа – мои враги. Отец мой и мать, и все родные мои убиты ими, только я одна спасла свою жизнь, но заблудившись в этом лес, гибну теперь голодной смертью.

В пещеру свою ввел богатырь Колой предательницу, отогрел у огня ее тело, подкрепил ее пищей и сладким молочным питьем. Веселым огнем загорелись тогда

зеленые, словно глубокие озерные воды, очи алмас, жарким пламенем пахнуло на богатыря от ее золотых волос.

– Кого положил ты, господин мой? Кого обнимаешь ты, целуя и прижимая к сердцу? То – не женщина из рода людского, то – злая, коварная алмас, отродье бесов, – сказал

Колой-Канту его вещий козел, возвратившийся со стадами в пещеру; но не внял Колой-Кант его слову: не внял и убил своего верного слугу, ударив о камень.

Месяц прошел с неделей и днем.

– Что сделал бы ты, господин мой, с врагами моими, злыми нартами Эрхстуа, если б пришли они сюда, чтобы убить меня? – спросила алмас Колой-Канта, нежно ласкаясь к нему.

Вспыхнуло гневом сердце богатыря, не ведавшего раньше злобы, схватил он рукою скалу, что служила ему вместо двери, и далеко швырнул ее на чащу лесную: застонала, дрогнула земля от удара, с треском и гулом рухнули наземь столетние сосны.

– Я раздавил бы их так, как этот камень давит жалких червей.

Еще месяц прошел, прошли еще неделя и день. Опять спросила злая алмас Колой-Канта:

– Как бы ты казнил наших врагов нартов, если бы они пришли к нам?

Упершись плечами, с трудом пододвинул Колой скалу к ущелью и завалил его вход.

– Сюда они к нам не вошли бы, – молвил он тихо.

Три месяца минуло и три недели прошло с тремя днями.

– Ты очень силен, мой Кант! Но не оборвать тебе и тонкого шнурка, сплетенного из моих волос… Дай я свяжу тебе руки, – молвила злая алмас богатырю и с теми словами, будто шутя, опутала его могучие руки сзади золотыми волосами.

Раз богатырь свою силу напряг – шнурок впился в его кожу, от второго усилия – брызнула кровь от разрезанных мышц. Когда же рванул он со всей силы в третий раз, и

шнурок, не поддавшись, впился в тело до белых костей, то радостно крикнула злая алмас. Дикой медведицей ревет она в чаще лесной, воет хищной волчицей. И на зов ее словно

коршуны, что слетаются со всех сторон небосклона на труп, мчатся к пещере Колоя жадные нарты… И молвил им связанный богатырь – бессильный защитить своих белых овец. Так сказал он окружившим его нартам:

– Да будет вам, чужеземцы, приезд ваш на пользу, а мне на счастье! Принимаю вас в моем жилище за дорогих гостей. Все, что есть у меня – ваше; я – ваш слуга, вы же будете моими господами.

Злобно засмеявшись, отвечал ему Солса, старший над нартами, голосом, подобным грохоту катящегося с горы обвала, так загремел он в ответ:

– Приезд наш будет нам на пользу, мы берем все твои богатства. Мы будем твоими господами, а ты – нашим рабом. Будешь ты, скованный по рукам и ногам, молотить ячмень для наших жен, сидя в глубокой яме… Не хотим быть твоими гостями!

И ворвались алчные нарты в пещеру Колоя; кровожадные, стали рубить они овец, пробуя остроту своих мечей и силу руки. И с насмешками били ногами беззащитного и плевали в лицо связанного богатыря.

– Господа мои! – молвил им Колой-Кант. – Вы вольны над вашим слугой. Но во имя бога, прошу вас: убивая овец из моих белых стад, отделите десятинув жертву Серцеведцу и сыновьям его Елта и Этеру, и богу грома, грозному Сэлли, чтобы не прогневались на вас они, привыкшие вкушать дым сжигаемой здесь жертвы.

С насмешкой отвечал ему свирепый Солса, князь нартов:

– Пусть боги твои будут сыты прежними жертвами. Мы же не дадим и дохлого ягненка.

Тогда вступился за Колоя Сердцеведец. Грозного владыку грома Сэлли послал он к нартам, пировавшим в пещере. И смутил Сэлли их разуми, пищу в котле их обратил в расплавленную красную медь. Все нарты вкусили той меди, и умерли из них тотчас пятьдесят девять. Лишь шестидесятый – князь их, могучий Солса – долго боролся со смертью. Сгорая от палящей жажды, лежал он без сил у пещеры.

Ворон кружился над ним.

– Принеси мне воды, черный ворон! Я вдосталь поил тебя кровью людской…

– Не затем прилетел я. Жду твоей смерти, чтобы выклевать очи твои!

– Ты, волк, что глядишь на меня из чащи? Дай воды мне… Я был тебе другом и кормил тебя досыта мясом людским…

– Скорей умирай! Я хочу сожрать твое сердце!

– Будьте вы прокляты вечно! Напои меня, голубь! Я изнемог… Помоги мне смерти отдаться без стона, глядя ей прямо в глаза.

И добрый голубь принес ему воды в красном сафьяновом чувяке и освежил уста умирающего… Не было уже слов у князя нартов; рукой, которой он брал из котла жидкую медь, он погладил шейку воркующей птицы и от того виден теперь на шее голубя отблеск меди.

Так погибло все племя нартов Эрхстуа, и князь их, могучий Солса, стыдившийся жалости, так встретил конец свой. Со смертью Солсы развязался шнурок, опутывавший руки Колой-Канта.

Комментарии И. Дахкильгова.

«Ингушский нартский эпос», стр. 296—301. Нальчик, 2012. В литературно обработанной форме изложил Владимир Левченко. Текст опубликовал А. Газдиев в газете «Сердало» (22 сентября 2011 г.). Информатор и место записи не указаны.

В основе этого сказания лежит сюжет о лишении могучего пастуха – нарта Колой-канта своей телесной силы врагом (Сеска Солсой или князем) с целью угона его огромноо овечьего

стада. Однако приводимый сюжет во многих деталях отличается от традиционного. Например, искусительницей нарта является не сестра Соска Солсы, а алмас – персонаж низшей мифологии; в действие сказания введены боги ингушского языческого пантеона Села, Елта, Этир; сам Колой-кант представлен пассивным героем, поскольку не вступает в сражение с разбойниками, которых губит бог Села. Перекликается это сказание с другим – Соска Солса и Горжай».

В обоих сказаниях мирные пастухи, предупреждаемые об опасности, не оказывают никакого сопротивления, уповая на защиту бога, которому они возносят жертвы, что не спасает их от нападения разбойников. Традиционным является здесь мотив: умирающий Соска Солса просит принести воды у разных птиц и животных, и лишь один голубь помогает ему.

Отдельные детали, имена, мотивы этого произведения могут натолкнуть на мысль: не есть ли это компиляция из ингушских сказаний, записанных Ч. Ахриевым и Б. Далгатом.

Мингитау («Вечная гора») – карачаево-балкарское название горы Эльбрус (прим. составителя). [1]

О вамполож [1]
(отрывок)

В одно время с Соской Солсой жили в горах джелты (греки). Они были народ трудолюбивый и образованный, хоть не так, как теперь. Они были хорошие строители и построили много башен и замков. Кроме того, они оставили в разных местах большие клады. Они уехали от нас в какую-то другую сторону. После джелтов жили вамполож. Между ними были двуротые. [2]

Комментарий У. Б. Далгат.

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 275. Записано Ч. Ахриевым на русском языке. Текст опубликован без названия.

«Вамполож», в ингушской огласовке «вампалаш» (ж), означает великаны. [1]

Объяснение Ч. Ахриевым значение слова «джелты» как «греки», на наш взгляд, следует считать весьма субъективным. «Джелты», возможно, происходит от ингушского «джел» – загон, укрытие для овец; карачаевское «джалчы» – работник. [2]

Гарбаш (великан-чудовище)

Наши отцы говорили, что одна гарбаш имела девять тысяч голов. Были между гарбашами мужчины и женщины; они жили совершенно отдельно от обыкновенных людей и вели особый образ жизни. Орштхоец Чопа Борган видел, как гарбаши дрались. Вот что рассказывает нам предание стариков.

Однажды Чопа Борган поехал верхом на лошади. Проехав степи, он попал в лес. В лесу он увидел кровавую реку. Чопа удивился и дал себе слово не уезжать, пока не узнает, откуда эта кровь, и поехал вверх по течению реки. Когда Чопа доехал до опушки леса, он увидел лежащего на боку человека, величиной со скалу. Оказалось, что этот человек порезал себе мизинец и кровавая река образовалась из его крови.

Когда Чопа подъехал к нему, Гарбаш спросил его: «Что ты за человек и зачем пришел сюда?». Тот ответил: «Я Чопа Борган. Проезжая по лесу, я увидел кровь, и мне захотелось узнать, откуда кровь вытекает». «Я слышал много о тебе, – сказал Гарбаш. – Я думал, что ты витязь, а оказывается, ты не что иное, как муха». «Ну что ж, муха не муха, а тот самый Чопа я и есть. А ты зачем порезал себе мизинец и валяешься здесь?». «Да вот, – отвечает Гарбаш, – другой Гарбаш поехал за посватанной за меня девушкой. Я же хочу отбить ее и отомстить ему за это. Вот я и караулю его здесь, но, боясь заснуть, взял и порезал себе мизинец». «А, может быть, я тебе в чем-то помогу?», – спросил Чопа. «В чем же ты можешь помочь мне?». «Да хоть разбужу тебя, если ты заснешь». «Как и чем ты меня разбудишь?». «Я выстрелю из ружья». «Нет, ты меня этим не разбудишь, а вот я лягу головой к чинаре, и когда вдали покажется туман, то ты подруби чинару; дерево упадет на мою голову – и я проснусь».

Сказав это, он прилег головой к чинаре. Чопа сидел, сидел, и увидел, что между двумя хребтами в долине показался туман. Он мигом схватил топор, подрубил чинару и свалил ее; чинара упала Гарбашу на голову – и он проснулся. «Что такое? Зачем ты разбудил меня?». «А вон туман». «Это не туман, а пар от быков, на которых он везет мою невесту. Надо приготовиться». «А может быть, я и в драке помогу тебе?», – спросил Чопа. «Нет, ты мне не поможешь. Ты лучше спрячься. Когда мы закричим, ты подойди к нам. Мы умрем оба. Тебе останется девушка, при ней будут деньги: как угодно, так ими распоряжайся».

Гарбаш схватил чинару, вырвал ее с корнями, обчистил, как траву, и приготовился в ожидании врага. Когда противник приблизился, он кинулся на него. Тот тоже схватил чинару, и они начали бить друг друга; чинары поломались. Тогда Гарбаши схватили топоры и стали наносить ими друг другу удары, но у обоих противников были волшебные оселки, и потерши ими свои раны, они заживляли их.

В конце концов оба заревели и упали мертвыми. Тогда Чопа подошел к девушке и сказал: «Да, это не худо. Гарбаши убили друг друга, а мне остались девушка и деньги». «А что ты хочешь со мной сделать?» – спросила девушка. «Конечно, возьму тебя для себя». «Хорошо, иди сюда, я расставлю ноги, и если ты, вытянувшись во весь рост и протянув рукой плеть, достанешь до моих шальвар, то ты для меня годишься, а если не достанешь, то я и ты не годимся друг для друга». Чопа сделал так и не достал. «Ну, хорошо, быть по-твоему. Ты пойдешь домой, будь счастлива! Тем не менее я должен взять себе арбу, быков, деньги и все, что находится в арбе», – сказал он. Гарбаш пошла домой, а Чопа взял все и тоже отправился домой. [1]

Комментарий У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 275—277. Записано Б. Далгатом на русском языке в 1892 г. со слов сказителя Ганыжа.

Говорится «и до колен» (примеч. Б. Далгата). [1]

Орштхойцы (карабулаки)

Чопа, сын Барата, и Загк, сын Гарда, были знаменитые мужи; трудно было дать кому-нибудь из них преимущество; оба они жили возле реки Фортона, один на одном берегу, другой на другом; до сих пор видны следы их жилищ. Чопа не имел наследников, говорят, что он был женат на лесной женщине. [1] [2]

В Ногайской стране жил князь Баркчапо. Ему было предсказана смерть от руки или Чопы, или Загка. На том месте, где жители собирались для препровождения времени, лежало бревно с дуплом. Туда забрался Чопа с целью убить князя. «Нужно осмотреть бревно», – сказали ногайцы, когда пришел князь. «Что скажут прочие князья, когда узнают, что я не могу спокойно провести день и осматриваю даже бревно, на которое должен сесть?», – воскликнул князь и отклонил предосторожность своих подвластных. Чопа оставил бревно, перешел в отхожее место князя и стал его ждать. Князь пришел туда – и Чопа заколол его. [3]

Чопа продолжал связь с лесной женщиной, и у них родилось две дочери. «А что, Чопа, ты испугаешься, если к тебе придет ночью какое-нибудь чудовище?», – спросила однажды лесная женщина. «Нисколько не испугаюсь и буду защищаться, кто бы ни напал на меня!», – отвечал Чопа. «Сегодня я оставлю тебя одного, ты должен показать свою храбрость; в полночь придет к тебе лесной человек!», – сказала женщина.

Чопа остался в лесу один. В полночь поднялась буря, гроза, и все приняло страшный вид. Вдруг с вихрем появляется чудовище; оно освещалось огнем и подошло к Чопе. Чопа выстрелил в него. «Я брат той женщины, которая живет с тобой! – сказало чудовище. – Напрасно ты выстрелил». Раздался стон, и чудовище исчезло.

«Приходил к тебе кто-нибудь?», – спросила женщина. «Да, приходило в полночь огненное чудовище; я в него выстрелил. После этого оно сказало, что оно – твой брат; застонало и исчезло!». «Ты убил моего брата!», – стала упрекать женщина Чопу.

Связь между ними продолжалась, и у них родился сын. Когда сын подрос, Чопа стал опасаться мести от него за убитого дядю. Он вынужден был прекратить продолжительную связь с лесной женщиной и даже боялся ходить в лес.

Однажды Чопа отправился на плоскость к кабардинцам, которые жили на теперешней Назрановской плоскости. Чопа возвращался домой через ущелье Аршту. Перед входом в ущелье он наткнулся на огромное чудовище. Чудовище спросило, кто он такой. «Чопа», – отвечает тот. «Какой ты маленький человек!», – говорит чудовище. – Послушай, Чопа! Я – лесной человек. Мы, лесные мужи, полюбили ногайскую княжну. Чтобы не обидеть нас, княжна не захотела отдать предпочтения одному из нас; она велела нам удалиться и обещала сказать после за кого выйдет замуж. С дороги мой товарищ тайком воротился к княжне; его-то я и подстерегаю. Он будет возвращаться на арбе с невестой и деньгами. Между нами произойдет драка, и в драке мы убьем друг друга. Тогда тебе достанется невеста и огромное богатство. Но если я засну, то прозеваю товарища, и никакие твои толчки не смогут разбудить меня. Я лягу под дерево. Когда будет ехать мой товарищ, ты подруби дерево, чтобы оно упало на меня; только этим и можно меня разбудить». [4]

Через некоторое время поднялся ветер, и Чопа увидел, что едет лесной муж с невестой. Он стал рубить дерево, и оно упало на лесного человека, спавшего под ним. «Что ты меня будишь?», – спросил он Чопа. «Вон, едут!», – отвечает Чопа. Между лесными мужами произошла драка; они убили друг друга. Чопе остались невеста и огромное богатство. «Теперь ты должна выйти за меня!», – говорит Чопа невесте. «Лучше отпусти меня. Возьми себе все богатство. Ты не можешь быть моим мужем, потому что не можешь исполнить супружеские обязан-

ности». Чопа настаивал на своем. «Ну, если достанешь до моих колен, то я выйду за тебя!», – сказала княжна. Чопа не мог достать до ее колен. Тогда он отпустил княжну домой.

Чопа отправился дальше по ущелью Аршту. Не доезжая до аула Балтум, он встретил своего лесного сына. Между ними произошла драка. Чопа был ранен и ограблен сыном в отмщение за дядю. Чопу подобрали жители аула Балтум. Умирая, он завещал, чтобы в комнате, где он будет лежать мертвый, никого не было. Так и сделали. Но одна женщина из любопытства осталась с трупом. В полночь комната вдруг осветилась, это явилась лесная женщина со своими прекрасными дочерьми оплакивать Чопу. Затем они омыли и одели его. [5]

К рассвету лесная женщина говорит дочерям, что чует человеческий запах. «Кто слышит наш разговор, да не удовлетворится душа его потомства!» – сказала она. Произнесши это заклятие, лесная женщина исчезла с дочерьми. От женщины, спрятавшейся в комнате, произошли орштхойцы (карабулаки). Известно, что они самый беспокойный народ и ничем не удовлетворяются. [6]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 261—263. Записано Ч. Ахриевым на русском языке.

Место жительства Чопы и Загка говорит о том, что эти герои были из карабулаков, которых Ч. Ахриев называет «орштхойцами». [1]

Ингуши верят, что в лесах живет особая порода лесных людей. Лесные мужчины покрыты волосами; имеют страшный вид, свирепый и коварный характер; на груди у них острый топор. Лесные женщины отличаются чрезвычайной красотой; волосы у них до пят и прекрасного золотисто-серебряного цвета; но по характеру они так же злы и коварны (прим. Ч. Ахриева). [2]

Баркчапо – возможна аналогия с именем Борга + Чопа. Здесь его убивает «орщтхоец» Чопа. [3]

Отсюда начинается второй эпический рассказ, известный в вайнахском эпосе как моносюжетный. Все сказанное контаминировано из двух самостоятельных сюжетных звеньев. [4]

Дядя по матери и в настоящее время у ингушей пользуется большим уважением, что является подтверждением господства материнского (когнатического) рода в прошлом. [5]

Аналогичный сюжет зафиксировали Б. Далгат в рассказе «Чопа Борган» и Д. Мальсагов в рассказе «Сеска Солса и вампал». [6]

Семь сыновей вьюги [1] (Ингушское предание)

Это было в те незапамятные времена, как рассказывают старики-ингуши, когда землю населяли нарты, сотворенные всесильным Тга, после того, как он сотворил лучшее украшение Вселенной – снежного великана Бешлам-Корт. Нарты были могущественные и сильные люди-великаны, которых Тга поселил у подножия горы в тесной долине, по ложбине которой протекала бурная река. [2] [3]

Сначала в небольшом селении было немного людей – пара нартов, от которых впоследствии разошлось по долине и соседним черным горам многочисленное потомство. И чем больше проходило времени, тем больше людей оказалось на земле и тем больше аулов появилось у подножия гор. Великаны-богатыри славились неслыханным мужеством, храбростью и гордостью, особенно отличались этими качествами предки нартов, сотворенных всесильным Тга, которые поселились у Бешлам-Корта. Они не признавали соседних племен, давно уже утерявших с ними первоначальную связь, и проводили жизнь в набегах, грабежах и разбоях. В особенности они были беспощадны к нартам-людоедам и вели с ними никогда не прекращавшуюся войну, часто побеждая их вследствие своей природной хитрости и ума. [4]

Естественно, кого они еще боялись, – это великого нарта Тга, их творца и повелителя. Ежедневно приносили ему к подножию горы в жертву по одному нарту-людоеду из числа тех, которых забирали в плен во время набегов. Когда же случалось, что пленных не оказывалось и приносить в жертву ненасытному Тга было некого, они бросали между собой жребий и закалывали на алтаре того, кто вытягивал жребий.

Животных на земле не было, так как Тга, заселив нартами подножие Бешлам-Корта, держал у себя стада баранов, предоставив созданным им людям питаться, чем им будет угодно. Вот почему они и питались разными травами и кореньями, отыскиваемыми ими в долине. Их враги, нарты-людоеды, не довольствовались такой скудной пищей и стали поедать друг друга, но нарты Бешлоам-Корта рассудили, что если они последуют примеру своих соседей, то вскоре весь род их должен будет прекратиться, так как есть уже будет некого.

Однако трава и коренья не могли удовлетворить их вечного голода, и понемногу они стали роптать на Тга. В особенности плохо им приходилось зимою, когда начинали дуть холодные ветра, растительность вымирала и трава, заготовленная впрок, подходила к концу. В эту суровую зимнюю пору всесильный Тга ревниво прятал около себя солнце, чтобы оно сильнее грело его самого, и окутывал его толстыми облаками, чтобы оно не посылало тепло на землю. Словом, создав людей и населив ими землю, он перестал заботиться о них и предоставил их собственной участи, вероятно, решив заняться созданием кого-нибудь другого, более интересным делом.

Жилось нартам плохо и оттого, что они должны были ютиться в пещерах, спать на голых камнях и не имели возможности укрыться от непогоды и ветров. И когда Великий Тга в припадке веселья хохотал, сидя на своих облаках и греясь у солнца, как у хорошей печки, то от его хохота сотрясались горы и каменные обвалы свергались на землю и побивали многое множество людей. А когда он вздыхал от какого-нибудь неудачного дела, то вздох его доходил до земли в виде ужасного холодного ветра, от которого нарты не знали куда укрыться, так как пещеры были открыты с наружной стороны.

Ну а когда Тга принимался в припадке злобы плакать, то слезы его падали на землю целыми потоками дождя, и нартам опять-таки приходилось плохо. Но хуже всего было тогда, когда Тга принимался ссориться с женой, со старухой Химехнинен. Тогда поднималась буря, ветер со страшными порывами проносился над землею, вода в реке бурлила и выступала

из берегов, снег валил хлопьями и обвал за обвалом сыпался на несчастные головы нартов. И они начали роптать. [5]

Отношения между ними и Великим Тга совсем испортились. Они знали, по отдаленному преданию, что живет он в хижине из тростника, спит на толстых мягких облаках, ест досыта барашков и греется до пота у солнца. Но ропот не приводил ни к чему. Нарты все-таки продолжали зябнуть и голодать. И если от злости придумывали лишить Тга человеческой жертвы, то им это никогда не проходило даром: Тга посылал на них обвалы и вьюги, которые уносили вырванные с корнем травы; и еще посылал на них мор, от которого нарты умирали и ослабевали так, что людоеды их легко побеждали и поедали целыми толпами.

***

У самого подножия Бешлоам-Корта в глубокой и обширной пещере жил седовласый и длиннобородый нарт Созруко со своим сыном Курюко. Сколько времени жил старик на земле, он не помнил, не помнил себя и молодым, да и все, кто знал его, знали уже стариком. [6]

Иногда собирались к нему в пещеру другие нарты, и тогда старик начинал им рассказывать о величии Тга, о его жизни и могуществе. И все внимали ему благоговейно, уставя бороды в землю и поникнув головами. Созруко и сам не знал, что говорил; порой его слова походили на бред, и тогда все думали, что устами его вещает сам великий Тга.

– Как дивны наши родные горы! – восклицал, закрыва глаза, Созруко. – Как дивны они, когда утренние облака покрывают их розовой тканью, а всходящее солнце золотит их верхушки огнем… Велик в своем творении Тга!

– Велик в своем творении Тга! – вторили хором присутствующие.

– Тихо двигаются барашки-облака, – продолжал Созруко, – по длинной цепи гор, с любопытством заглядывая в ущелья и долины, в пещеры и пропасти. Кое-где из этого стада облаков выглянет красный утес, покажется верхушка черной горы. Утренний ветерок поднимается от улыбки Тга, и тогда тают белые облачка. Вершина Бешлам-Корта розовеет от счастья увидеть улыбку Великого Нарта. Велик, велик и могуч в своем творении Тга!

– Велик в своем творении Тга! – опять хором подхватили присутствующие.

– Бешлоам-Кот – сказал старик, – верхушкой своей упирается в небо, и голова его покрыта льдом и снегом, которые никогда не тают. И эти льды сверкают на солнце, как самоцветные камни… И гора наша выше всех гор на свете… Когда Тга творил мир, он раньше всего сотворил нашу гору, чтобы устроить на вершине ее удобный шатер из тростника, в котором он обитает, наблюдая оттуда за созданной им землею. Слава Великому Тга!

– Слава, слава Великому Тга!

Старик продолжал:

– Были другие нарты, которые пытались пробраться к его вершине, и все они погибли, все погибли, даже самые отчаянные смельчаки, самые лучшие воины! Давно это было… очень давно… когда я был еще юноше… не упомню. Страшен в гневе своем Великий Тга!

– Страшен в гневе своем Великий Тга! – повторили слушатели, после чего все погрузились в благоговейное безмолвие.

Только один из нартов, молодой Курюко, внимал речам отца с насмешливой улыбкой и дерзким сомнением. Давно уже сердился он на Великого Тга и не мог простить его равнодушие к созданным им самим нартам. Он, как и все, терпел голод и непогоду, но в то время, как все молчали, он громко роптал и проклинал свою участь. У него было доброе сердце и ему было жаль этих сильных, но беспомощных людей-великанов, лишенных самого необходимого на земле. Он понял, что если бы Тга, сотворив их, дал им стада баранов и тростник, то они жили бы счастливо, занимаясь скотоводством; людоеды-нарты прекратили бы свое гнусное ремесло, потому чо им не к чему было бы питаться людьми, и все набеги, разбои, распри и ссоры кончились бы на земле. Да и вместо умилостивительных жетв людьми можно было бы приносить в жертву баранов.

И вот Курюко вздумал перехитрить Великого Тга и доставить людям счастье. Но он долго откладывал исполнение задуманного плана, не решался на него. Он думал жертвоприношениями и мольбами умилостивить Великого Тга. Но Тга оставался глух к его мольбам, потому что жил в тепле и сытости; а еще в те времена было известно, что сытость служит помехой к пониманию голода.

Однажды, после славословия Созруко, сын его отправился в пещеру и заколол в ней пленного нарта-людоеда. Затем он взвалил его на костер и зажег под ним сухие корни низкорослых деревьев, принеся людоеда в жертву Тга.

Курюко горячо молился во время этого жертвоприношения. Так горячо молился, как никогда. Он тут же растянулся на голом камне в пещере, заснув глубоким сном. Проснувшись утром, он думал найти у входа в свою пещеру стадо баранов, но ничего не

нашел. Тогда он отправился к реке, рассчитывая увидеть на ее берегах лес тростника. Но и этого не было. Курюко страшно разгневался. Он знал, что нарт-людоед был последним в их пещерном ауле и что, следовательно, сегодня необходимо будет принести в жертву кого-

нибудь из своих. А он надеялся, что это не придется делать, что молитва его будет наконец услышана Всесильным Тга.

Тогда он возроптал. Он почувствовал в себе необычайную силу и великое мужество. Если бы ему предстояло теперь сражаться в рукопашную с самим Тга, он и этого не испугался бы. Вечером, когда нарты собрались к пещере Созруко, чтобы бросить жребий, кому из них быть заколотым и сожженным, Курюко обратился к ним с торжественной речью:

– Братья нарты! – сказал он им. – Великий Тга, о котором так много говорит всегда отец Созруко, забыл нас. Мы голодаем и бедствуеми принуждены убивать друг друга, чтобы удовлетворить ненасытного Тга. У него стада баранов, у него хижина из тростника.

разве не мог был он бросить нам пару баранови несколько стеблей тростника? Мы бы сумели расплодить баранов и развести тростник. Мы бы тогда жили счастливо. Вражда,

убийства и распри прекратились бы между нами… Но Тга слеп и глух. Он не видит наших невзгод и не слышит наших горячих молений…

В это время раздался сильный глухой удар грома, и у самой пещеры Созруко упал обвал, который чуть-чуть не раздавил смелого Курюко. Курюко разразился проклятиями и

вовремя отскочил в сторону. Из пещеры вышел старый Созруко и, воздев руки к небу, заговорил:

– Приветствую вас, собравшиеся здесь нарты! Сегодня мы не приносили жертву Великому Тга, и он справедливо гневается на нас. Вернулись ли наши воины?

– Да! – ответил кто-то.

– Привели ли они нарта-людоеда?

– Нет! – послышался ответ.

– Тогда приступим к метанию жребия. Кто-нибудь из нас должен быть принесен в жертву. Вы слышите, как гремит гром, как дрожат горы? Великий Тга гневается, что мы забыли о нем.

– А не он забыл о нас? – воскликнул Курюко.

Старик укоризненно посмотрел на сына.

– Молчи! – строго сказал он. – Не призывай на нас страшного гнева Великого Нарта!

– Я не боюсь его!

– Смотри, он первого накажет тебя.

Курюко дерзко улыбнулся, но промолчал.

Тогда начали бросать жребий. Нарты уселись широким кругом около отверстия в пещеру старика, а один из них – на скалу, выдававшуюся в виде навеса над входом в пещеру. Там он обернулся спиной к нартам и бросил через плечо камень вниз. Камень упал как раз у ног Курюко.

– Курюко намечен! – сказал старик-нарт с глубокой печалью. – Я говорил тебе. Тга накажет тебя! Прощай, сын мой! Никогда, никогда больше не увидят тебя глаза мои и уши мои не услышат твоего голоса. Да будет славно имя Великого Тга!

– Да будет славно имя Великого Тга! – повторили нарты.

Гром перестал греметь, небо сделалось ясным. Жертва была угодна Тга.

– Теперь ступайте готовить костер, – сказал Созруко и в великой печали удалился в пещеру.

– Я пойду, принесу старых сухих кореньев для своего костра, – сказал смиренным голосом Курюко, – у меня их много в пещере.

И прежде чем ему успели ответить, он исчез из виду. Курюко спустился к реке и скрылся в пещере, ему одному известной. Он боялся преследования и погони. Он досидел в укромном местечке до глубокой ночи.

– А! – злобно шептал он. – Ты избрал меня своей жертвой!.. Ты хотел, чтобы эти трусливые перед твоим могуществом глупцы сожгли меня в угоду тебе! Меня, единственного между ними, который осмелился роптать на тебя! И что же ты хотел показать этим? Только одно: ты боишься меня! Боишься – и потому хочешь уничтожить! Берегись! Я не боюсь тебя и вступлю с тобой в борьбу!

Он услышал невдалеке от своего убежища голоса. Это нарты искали его. Они удивлялись его побегу. Никто еще с тех пор, как существовали нарты, не уклонялся от жребия быть принесенным в жертву Тга. Поэтому они поверили ему, когда он заявил, что идет за корнями и отпустили его. Он долго просидел еще в своем убежище, пока все вокруг не успокоилось, и пещерный аул не уснул мертвым сном.

Небо заволокло тучами. Собиралась гроза. Ветер свистел и гудел с такой силой, что камни с шумом отрывались от гор и скатывались в долину. Небо было почти черное, река бушевала, бурлила, клокотала. Даже Курюко почувствовал что-то вроде страха в своей душе. Но он быстро с этим справился и вышел из своего убежища.

Узкое ущелье расширялось по мере того, как Курюко приближался к подножию горы, и вместе с тем долина реки поднималась все выше и выше, подходя к отрогам величественной вершины, покрытой вечными снегами и льдами. Он взглянул вниз, в долину. Угрюмо и неприветливо было внизу: по голым скалам ползла жалкая и низкорослая растительность – вереск, колючка и серые мхи. Река глубоко, на дне долины, все еще бурлила и клокотала, роясь по каменному дну.

Но еще угрюмее и неприветливее было там, наверху, где растительности почти не было, где скалы были обнажены даже от мхов, и где начинались унылые, безнадежные снеговые поля и вечные льды. И все вокруг мертво и уныло, безмолвно и дико, и черные скалы, торчавшие из-под белого снега, казалось, тосковали о чем-то.

Курюко поднимался все выше и выше. Ноги его были уже изранены об острые камни, но жажда мести все еще поддерживала его, и он не замечал усталости. Бодро шагал он, карабкаясь по скалам, цепляясь руками за острые выступы их и изранив себе, кроме ног, еще и руки. Когда он добрался до вечных снегов, то остановился в изумлении.

На остром выступе скалы он увидел серебристого хищного луня, который ворочал желтыми глазами и тупо созерцал окрестность. Над головой Курюко пролетел огромный орел, шумно взмахнув крыльями. Молодой нарт никогда не видел таких птиц, и ему подумалось: уж не дошел ли он до жилья Тга и не эти ли странные существа именно те бараны, о которых он так давно мечтал, и похитить которых он так смело собрался. Но орел пролетел, и серебристый лунь скрылся с его глаз.

Тогда он вспомнил о том, что старые люди рассказывали ему, когда он был еще малчиков, в его родном пещерном ауле. Они говорили, что кроме них, обыкновенных людей-нартов, Великий Тга ранее создал необыкновенных одноглазых великанов и поселил их между

собою и людьми. Тга, очевидно, по ошибке создал их слишком сильными и слегка побаивался их. Но когда создал, то было уже поздно, и он поспешил отдать в их пользование несколько животных из своих многочисленных стад. Чтобы поправить ошибку, он сотворил обыкновенных нартов и в отместку за свою оплошность, а также из жадности, лишил их всего и предоставил судьбе, требуя от них однако же непосильных жертв.

В скалах, между снегами и дном долины, приютилось несколько аулов одноглазых нартов. Сакли их, с плоскими крышами, покрытыми землею и камнями, прилепились к самым скалам. Курюко с удивлением оглядывал местность. Он не подозревал, что, кроме нижних нартов, на свете существуют еще нарты верхние, которые ближе к Тга, чем сородичи Курюко. У порога одной сакли он увидел одноглазого нарта. Растянувшегося на земле и крепко спавшего, так как его единственный глаз был закрыт. Нарт грузным, огромным телом загородил ему дорогу, и Курюко должен был перепрыгнуть через него, чтобы получить возможность идти дальше. Нарт приоткрыл глаз и взглянул на него. Было уже темно, но луна показалась на темном своде неба и освещала местность бледным светом.

– Кто ты? – спросил юношу одноглазый нарт.

– Я нарт из долины, – смело ответил Курюко.

– Что ты пришел здесь делать?

– Я иду к Великому Тга.

– Зачем?

– Это уж мое дело.

– А твое, так ступай и не мешай мне спать! Я сегодня охотился за ланью и устал.

«У вас есть за кем охотиться, – подумал Курюко с завистью, – а у нас, кроме травы и кореньев, ничего нет». Но громко он не сказал этого, а только спросил:

– А где живет Тга? Укажи мне дорогу.

– Не мешай мне спать! – проревел великан. – Иди все прямо. Вон там, впереди, белеет ледяное поле… Там живут семь сыновей Великого Нарта, семь юношей. Они укажут тебе дорогу… А если ты сейчас же не уйдешь, я тебя сброшу вниз, туда, откуда ты явился!

Курюко поспешил удалиться.

***

Действительно, вскоре он достиг царства семи сыновей Тга. Темно и холодно было в этом царстве. Бесконечные поля, покрытые пеленою белого снега, раскинулись далеко вокруг. Серые туманы, где сплошь, где обрывками, заволакивали небосклон. Стонали

ветры, бураны и метели, и вихри неслись по безлюдным полям: визг и вой их леденили душу отважного нарта. Печаль царила в этих суровых полях.

Курюко все шел вперед, не замечая того, как ноги его леденели от холода, не чувствуя ни усталости, ни желания отдыха и покоя. Он был полон одной мечтой: добраться

о цели предпринятого им путешествия. Жажда мести не только не утихала в нем, а разгоралась все больше и больше. И чем дальше он уходил от родных мест, тем больше

росло в нем чувство жалости к тем своим обездоленным сородичам, которые ради алчности и злобы Великого Тга обречены были на вечный голод.

Но что это?.. Перед ним одна за одной на снежных полях выросли семь огромных теней, которые закрыли собою полнеба. Они взялись за руки и загородили путь Курюко.

– Кто вы? – в страхе спросил он.

И вдруг поднялся сильный ветер, засвистел ураган, вздымая с полей белоснежную пыль и засыпая ею глаза Курюко. Это тени-великаны смеялись, и смех их производил снежную метель.

– Он спрашивает, кто мы?! – услыхал юноша их голоса, показавшиеся ему ревом бури. – Ты кто? Скажи нам, кто ты?

– Я нарт… нижний нарт… Курюко! – силился он перекричать свист и вой бури. Он вдруг пришел в ярость и крикнул, что было сил, теням: – Если вы хотите слышать, кто я, не делайте такого проклятого ветра! Пусть говорит кто-нибудь из вас!

Тени расслышали наконец его голос и замолчали. Буря разом стихла. Один из них, сделав другим знак молчать, заговорил с Курюко. Тогда он почувствовал, как холодный, но не очень сильный ветер стал обдувать его.

– Ты нарт из долины? – говорил голос. – Как же ты попал в наше снежное царство?

– Так вот, пришел…

– Сюда не забирался еще ни один нарт! – говорил голос.

– А я вот забрался.

– Зачем же ты пришел к нам?

– Я не к вам вовсе пришел. Я не знаю, кто вы…

– Мы сыновья Великого Тга.

– Вот к нему-то я и пробираюсь. Укажите мне дорогу. Где он живет?

И вдруг опять полнялся великий снежный вихрь. Все семеро принялись хохотать.

– Указать тебе дорогу? – проговорил, нахохотавшись, тот же великан, который говорил с ним раньше. – Хитрую вещь задумал ты, бедный нарт! Ты хочешь знать, где живет Великий Тга?

– Ну да!

– Над этими полями, выше высоких утесов и гор, выше ходячих туманов царит старый дух – Могущественный Тга. Его страшным именем названы и горы, и долины по

всей окрестной местности. Лица его никто никогда не видел. Но вид его страшен и мрачен, как говорит наша мать Химихнинен, царица здешних мест и мать здешних вьюг.

– Значит, вы мне поможете похитить тростник и баранов?

Семеро сыновей Тга стали советоваться между собою, и Курюко слышал легкое дуновение ветерка.

Потом все тот же великан обратился к нему:

– Хорошо, – сказал он с обычным своим легкомыслием, – мы согласны. Только что дашь ты нам за это?

Курюко долго думал, но ничего придумать не смог.

– Что у вас есь на земле?

– Есть трава, корни низкорослых деревьев и камни.

– Нам ничего этого не нужно.

– Есть у нас скалы и река.

– И это нам не подходит.

– Есть еще огонь.

– Это наш природный враг. От него мы растаем и погибнем.

– Есть болезни и смерть.

– Болезни и смерть? – повторил великан. – Это что же такое?

И когда Курюко объяснил ему, он сказал:

– Ну, это еще хуже огня! От смерти ведь тоже погибают, как и от огня! Нет, это нам не подходит.

– Больше у нас ничего нет.

– Ну, так и мы не можем доставить тебе баранов и тростник

.Курюко задумался.

– Стойте! – крикнул он что было у него сил. – Есть еще!

– Что же? Такое же все негодное, как то, что ты назвал? Коренья да камни?

– Не знаю. У нас есть молодые девушки-нартки.

– А! – радостно воскликнул великан. – Это такие люди без усов и бород? Я видел одну такую, когда спускался однажды до границы нашего царства. Она мне очень понравилась.

– Ты, верно, видел одноглазых девушек… У нас они лучше. У них по два глаза.

– И ты подаришь нам по тако девушке?

– Да.

Великаны опять пошептались между собой.

– Ну, – сказал опять тот, который все время говорил с Курюко, – мы согласны! Идем же, пока старик спит. Ступай за нами.

Они пошли вперед, взметая тучи снежной пыли. Курюко последовал за ними. Снег слепил ему глаза, забирался в рукава, леденил его. Зубы его стучали друг о дружку, и холод захватывал его дыхание. Но он все шел, еле поспевая за легкомысленными братьями.

Шли они долго, так долго, что Курюко не мог уже сообразить времени. И вот наконец ледяные поля кончились.

Взору Курюко открылась дивная картина. На самой верхушке, обнаженной от льда и снега, стоял трон, окутанный облаками. Сверху, с голубого неба, сияло горячее солнце, очевидно, никогда не заходившее, а по глубоким полям неба гуляли стада белых и серых барашков, и их было так много, что у Курюко не хватило бы уменья сосчитать их и закружилась голова от того, что он все время держал ее поднятой кверху. Вокруг трона росли целые леса великолепного тростника, а неподалеку от трона виднелась тростниковая хижина, из отверстия плоской крыши которой взвивался к небу синий дымок и пахло так вкусно жареным мясом, что Курюко почувствовал страшный голод.

Семь великанов остановились. Они сделались теперь меньше и шатались от слабости, как настоящие тени.

– Смотри, – прошептал один из них, и Курюко еле расслышал его голос, – вот он сидит, Тга, закрытый туманами и закутанный белым саваном. Он тихо дремлет, тоскуя в одиночестве. А там, в хижине, ему готовится пища.

– А как же достать барашков? – спросил нетерпеливо Курюко. – А как же вырвать тростник?

– Тростник около тебя, если у тебя хватит сил, вырви его. Мы не сможем этого сделать: мы очень слабы. Солнце – наш лютый враг. Если мы еще долго пробудем здесь, то вовсе растаем. Спеши, чтобы нам можно было уйти!

Курюко торопливо вырвал с корнем тростник, раскачал его над головой и бросил вниз на землю. В это время барашки низко спустились с неба и бежали по самой верхушке горы. Два барашка точно играли друг с другом, перегоняя один другого.

– Лови! – слабеющим голосом сказал один из семерых сыновей Тга.

Курюко расставил руки и поймал обоих барашков. Сначала они казались ему легкими и мягкими, как облачко, но потом он ощутил под из завитой, блестящей и шелковистой шерстью мясо и кости. Да, да, это были настоящие, живые барашки! Он взял по одному в каждую руку, сильно раскачал их над головой и бросил вниз, в родной аул.

– Они убьются! – с горестью сказал он, а сыновья Тга стали из всей мочи дуть, чтобы поддержать барашков и не дать им разбиться о землю. Но дыхание ослабевало все больше и больше у семи молодцов. Тем не менее, барашки закружились в воздухе и плавно стали опускаться на землю.

Но тут произошло нечто ужасное. Старый Тга проснулся. Облака вокруг трона рассеялись, и Великий Нарт выглянул из них. Лицо его было так страшно, что Курюко упал ниц и перестал дышать. Ему показалось, что он умер. И вдруг поднялся страшный ураган; небо сразу потемнело, солнце померкло, его заволокли густые тучи; целые груды обломков камней и скал стали срываться с окрестных вершин. В сознании Курюко промелькнула мысль, что теперь засыпаны каменными завалами пути и селения на его родине. Гора дрожала так, что

Курюко качало из стороны в сторону. Тга нагнулся над выступом скалы, тучи и туманы рассеялись, и он увидел внизу, на земле, ствол тростника, воткнутый в землю, и двух барашков, пасущихся на поляне. Тогда гневу его, казалось, не было предела.

– Обокрали! – закричал он, и все вокруг задрожало от ужаса. – Теперь будет расти тростник на земле и не будут мне больше приносить умилостивительных жертв, они забудут меня! Страшная кара, неслыханная кара ждет дерзких похитителей! Слушайте суд Великого Тга.

Он еще долго кричал, и семь сыновей его становились все слабее, слабее и меньше, а Курюко все еще бросало из стороны в сторону, и он еще не мог отделаться от дрожи.

Наконец Тга крикнул:

– Приди сюда, Химихнинен, коварная жена моя, родившая мне семь изменников-сыновей!

И тотчас же после этих слов что-то пронеслось по воздуху, и вьюга сделалась такою, что Курюко показалось, будто наступает конец мира.

– Слушай суд Великого Тга! – повторил громовым голосом Великий Нарт и смирил вьюгу.

Мать вьюг трепетно склонилась перед страшным властителем горы.

– Отныне дерзкий нарт, осмелившийся похитить у меня барашков и тростник, будет прикован в царстве одноглазых великанов в пещере. Он будет до тех пор прикован к скале, пока у людей не переведутся барашки и не иссохнет весь тростник. И никогда у людей не переведутся барашки и не иссохнет весь тростник. И всегда, на веки веков дерзкий нарт будет томиться в пещере. Горный орел будет ежедневно прилетать к нему и терзать клювом своим его сердце.

А ты, мать вьюг, царица Химихнинен, будешь сторожить его. У тебя будет гореть на снегу неугасимый огонь. Будет у тебя и неистощимый хлеб, и неистощимая нога барашка. И после каждой твоей трапезы хлеб и барашек окажутся на том же месте. Ты начертишь вокруг пещеры волшебный круг, которого нельзя будет перешагнуть ни одному смертному. Каждый смельчак, который покусится на это, будет сброшен твоим дуновением в пропасть, и ты его завалишь ледяным обвалом, мать вьюг! Вот тебе наказание за то, что родила мне семь легкомысленных изменников. Так говорит и судит Великий Тга. [7]

Мать вьюг вздохнула, и Курюко был унесен вихрем в пещеру. Тогда Тга вещал сыновьям:

– Вас, легкомысленные сыновья, я буду судить строгим судом. Дерзкий нарт, похитивший мое добро, думал о земном и хотел осчастливить родичей. За это он будет прикован к земле, к твердой скале, на вечные времена. Небо, в котором вы рождены, наскучило вам, я прикую вас к небу на веки веков. Вы будете украшать собою темное небо, все семь неразлучно, чтобы вам не было скучно… Вы будете блистать звездами и с недосягаемых высот смотреть на эту жалкую землю!.. И назовут вас люди Дердза-Куангидж (Вьюгины Сыновья)… [8]

И, сказав это, он повелел Богине Вьюг, старухе Химехнинен, вызвать великую бурю. Все семь сыновей ее были подняты на воздух, и по мере того, как они удалялись от земли, они становились все меньше и меньше и казались уже светлыми звездочками. Буря давно уже стихла, и все пришло в обычный порядок на вершине Бешлам-Корта.

***

Многое множество веков прошло после того, как нарт Курюко похитил у Великого Тга тростник и барашков и был за это прикован к острой скале. Многое множество раз сменялись зима летом и осень весною. Много на земле развелось барашков и тростника. И люди стали жить в полном довольствии, сытости и приволье. И все с глубокой благодарностью вспоминают до сих пор отважного нарта и из поколения в поколение передают повесть об его подвиге и гибели.

И только Курюко и до сих пор еще прикован к угрюмой скале Бешлам-Корта, и до сих пор ежедневно прилетает к нему горный орел и терзает его великодушное, храброе сердце. И до сих

пор сторожит его старуха Химихнинен и ест перед его утомленными глазами неистощимый хлеб и неистощимую баранью ногу. А ему, похитившему баранов, так и не удалось попробовать этой вкусной пищи. Старуха, озлобленная на него за наказание, которое ей приходится нести из-за него, и за потерю своих сыновей, кормит его сухими кореньями и поит снежной водой.

По ночам Мать вьюг глядит на далекое небо, с него светят ей семь звезд, которые были когда-то ее сыновьями, и горько плачет она об их неволе. Иногда она выходит из себя, неистовствует, бранится и бьет беспомощного нарта. И тогда сыплются на людей завалы, грозно воет в долине буря, огромными густыми хлопьями падает снег. Но все это очень редко приносит людям несчастье. Они греются в такие дни в своих тростниковых домиках у огня очага и едят вкусных барашков. Разве путник какой не успеет вовремя укрыться от непогоды и делается жертвой злой старухи.

Много дерзких людей за минувшие века пыталась пробраться за волшебную черту Бешлам-Корта, охраняемую Богиней Вьюг. Но все они, напуганные петушиным криком, которым их пугала старуха, бежали назад, если каким-нибудь чудом спасались от гибели. И тогда люди пришли наконец к убеждению, что нужно смириться, тем более, что нарты из поколения в поколение делались мельче и слабее, пока не выродились в обыкновенных людей. И эти обыкновенные люди признали власть Химихнинен и поставили ей в Девдоракском ущелье жертвенник, на котором и приносят ей умилостивительные жертвы.

***

Но Курюко все еще прикован к скале. Он часто в первое время кричал на землю:

– Есть ли у людей барашки и тростник?

И убеждаясь, что есть и то, и другое, надолго умолкал. Он оброс волосами и бородой, и сделались они белыми, как те снежные поляны, которые его окружали. Толстая цепь удерживает его за шею и скалы; ногти его отросли в виде могучих корней и слились с кряжами горы; глаза его горят, как каленые угли. Жажда мучит его: старуха редко-редко, в особенно добрые минуты, дает ему талого снега, который не утоляет жажды, а только раздражает его. И он кричит от этой мучительной жажды. Близ него журчит горный ключ с прозрачной, как кристалл, водой. Но только несчастный нагнется к ключу, как тот быстро от него убегает.

Бывают минуты, когда Курюко, не в силах перенести мучения, тихо стонет, и горячие слезы капают из его глаз. Эти слезы сбегаются в долинах и образуют целительные горячие ручьи, приносящие большую пользу людям. Одинокий страдалец вечно будет страдать за свой смелый подвиг, а люди вечно будут благоденствовать. Вот какие люди, рассказывают старики-ингуши, жили когда-то на свете, и вот почему нартских людей все любят.

Комментарии И. Дахкильгова.

«Ингушский нартский эпос». Нальчик, 2012, стр. 22—37.

Записал В. Я. Светлов. Опубликовано: Светлов В. Я. Сочинения. Спб., 1910. Т. 2, с. 198—214. Текст, видимо, записан в ингушском ауле Гвилети, находящемся у самой горы Казбек. Его жители освоили восхождение на эту гору: первым на нее когда-то поднялся житель аула Соси; на склоне горы жителями было построено святилище в честь грозной богини вьюг Дардза-нане и служившее временным убежищем при восхождении на Казбек, если вдруг устанавливалась неблагоприятная погода; жители аула славились как первоклассные проводники альпинистов и разных любителей путешествий на вершину горы. Сюжетные детали этого ингушского сказания перекликаются с кабардинскими сказаниями «Прикованный старик», «Месть Тха» (см.: Кабардинский фольклор. Нальчик: Эль-Фа, 2000, С. 105, 106). [1]

Тга – так В. Светлов назвал верховного Бога, «обитающего» на горе Казбек. Имя бога произносится Ткъа, но так как в русской фонетике нет фонемы «къ», В. Светлову пришлось передать ее через фонему «г». В этом произведении имеется некая литературная обработка, но исходная сюжетная канва народного текста в записи В. Светлова сохранена, о чем свидетельствуют имена богов, название созвездия Большая Медведица и пр. [2]

На основе сюжета этого произведения писатель С. Чахкиев написал драматическую поэму «Чаша слез», в которой богом – владыкой Казбека – назван бог грома, молнии, погоды Села. На самом деле никогда этот бог не соотносился с этой горою: поскольку у Селы есть своя гора – Цай-лам. Однако для литературного произведения такая вольность в перемещении бога с горы на гору допустима. Также вслед за С. Чахкиевым было создано литературное произведение под надуманным именем главного героя (Пхармат) А. Сулеймановым, который, следуя «Чаше слез», на горе Казбек также поместил бога Селу.

Казбек-гора (примеч. В. Светлова). [3]

В тексте нарты делятся на положительных и отрицательных. Такая дуальность типична для легенд и других фольклорных произведений. [4]

Химехнинен – в буквальном переводе с ингушского «Мать воды и ветра». Такое название в народе встречается редко: обычно называют раздельно – «Мать вод» и «Мать ветра». Как правило, с горою Казбек связываются две матери: по низу горы – «Мехка нана» (Мать страны, или – земли), с вершиной горы – «Дардза нана» (Мать вьюг). Функции всех этих Великих матерей В. Светловым спутаны. Но то, что эти Матери были ему известны, говорит в пользу того, что В. Светлов в общем был знаком с ингушской мифологией. Вместо Химиха-наны в тексте должна была быть Дардза-нана – Мать вьюг. Об этом невольно свидетельствует и сам В. Светлов – ведь он озаглавил этот текст «Сыновья вьюги», а в самом тексте пишет, что Казбек охраняет Богиня вьюг. [5]

Нарт Созруко – В. Светлов имя старейшины нартов, Созруко, позаимствовал из фольклора адыгов. В ингушском нартском эпосе это Соска Солса, которого никогда не называют Созруко. [6]

Тут В. Светлов Мать вьюг назвал именем Химихнинен, что не соответствует действительности. У ингушей богини вьюги, ветра, воды существовали отдельно. [7]

Так ингуши называют созвездие Большой Медведицы (примеч. В. Светлова). [8]

Урузман, Орзми, Солса и Патараз, сын Хамчи

Урузман, Орзми, Солса и Патараз, сын Хамчи, отправились на охоту. Целый день они напрасно прогуляли и ничего не убили. Когда они шли с неудачной охоты, Урузман на дороге убил зайца. «Напрасно я убил этого зайца! О горе, что я убил его! Как я разделю его между нами? Лучше бросить его на дороге!», – сказал Урузман. «Я тебе дам совет, но не знаю, как ты его примешь», – сказал Солса. «Если ты посоветуешь бросить его на дороге, то этим я буду доволен», – сказал Урузман. «Ты отдашь зайца тому, кто сделал что-нибудь удивительное». «Я на это согласен», – сказал Урузман. Тогда Солса вынул из кармана две пули, пожал их в руке – и у него очутились на ладони красавица и юноша и стали чистить внутренность зайца. Когда они закончили работу, Солса пожал их в руке – и они опять превратились в пули. [1] [2]

«Ну, теперь, Патараз Хамча, сделай ты что-нибудь удивительное, или расскажи что-нибудь удивительное!». «Что же вам рассказать? Однажды возвращался я усталый с дальней дороги и дал слово, что остановлюсь у того, к кому конь меня поведет. Конь мой остановился у двора вдовы. «Спасибо, меня сироту, вспомнил!», – сказала вдова и угостила меня самым лучшим образом. После ужина мы легли спать в одной секле [комнате], на двух [разных] постелях. В полночь я встал и подошел к ее постели, но вдова сказала: «Оставь меня! Я уже забыла заниматься тем, чего ты хочешь, после смерти своего хозяина». И я должен был оставить ее в покое.

Во второй раз я встал и опять пристал к ней. Тогда и она встала, взяла из-под подушки плеть и сказала: «Да превратишься в суку, лежащую возле двери!». И я превратился в собаку. Я прославился в целом крае, и народ говорил [о какой-нибудь собаке]: «Хороша, как сука, превратившаяся из Патараз Хамчи!». В горах паслось несколько стад, и волки их страшно истребляли. Пастухи должны были обратиться к хозяину: «Если нам, – говорили они, – вдова не даст суку, превратившуюся из Патараз Хамчи, то все стада будут уничтожены!». Вдова дала меня. [3]

В ту ночь, когда я пришел в горы, волки подступили, и я закричал: «Я сука, сделавшаяся из Патараз Хамчи! Подходите к стадам». Волки подступили, я бросился на них, задушил шесть штук и набросился на седьмого, старого волка. «Дай мне сказать три слова! Какая польза, если ты убьешь меня – старого волка? Я тебе дам полезный совет». «Какой совет ты дашь мне?». «Здесь убито шесть волков, и завтра пастухи будут спорить о том, чья собака убила волков. Ты поставь тогда всех волков на ноги – и собаки разбегутся в разные стороны». На другое утро, правда, был спор: чьи собаки убили волков. [4]

Спор кончился тем, что пастухи поставили волков на ноги, как живых. Собаки разбежались, а я бросился на волков. «Правда, – говорят пастухи, – эта сука убила этих волков!». Они стали давать мне молоко, но я ничего не ел. «Любимую собаку вдовы надо отправить домой», – сказали пастухи. Меня отдали вдове. У хозяйки я тоже ничего не мог есть. «Что я буду делать? Я живу без хозяина, могу жить и без тебя!». Она толкнула меня ногой и легла спать. Тогда я потихоньку взял плеть, ударил ею себя и превратился опять в Патараза, сына Хамчи; потом я ударил вдову и сказал: «Превратись в кобылицу шалуха!»,– и она превратилась. Вот, что со мной случилось», – сказал Патараз, сын Хамчи». «Теперь тебе, Орзми, рассказать что-нибудь удивительное». [5]

«Был я раз влюблен в женщину, и она тоже любила меня. Мы поклялись не расставаться никогда. Она умерла от болезни; я ужасно был поражен горем. Только один стыд – умереть из-за смерти любовницы – удерживал меня от самоубийства. Все родственники и знакомые, как мужчины, так и женщины, собрались ее хоронить. Я попросил у одной вдовы одежду и, одевшись в женское платье, отправился вместе с другими женщинами на похороны. Труп ее

лежал посреди двора. Всех пригласили войти в саклю, но меня нет. Я остался на дворе. Увидев труп своей любовницы, я решился исполнить клятву – не расставаться друг с другом. Я лег с ней и укрылся ее похоронным саваном. Вышедшим на двор хозяевам показалось, что труп ее распух, и они решили скорей похоронить ее. Лежа в могиле, я был доволен, что исполнил свою клятву.

Вдруг приползла в могилу змея. Я стал бить ее кулаком и убил. Через некоторое время приползла другая змея. Увидев, что первая лежит, она поползла обратно, но, спустя немного, возвратилась в могилу с травой и провела по телу убитой змеи. Змея ожила. Тогда я опять стал бить их, и они выползли из могилы. «Если эта трава оживила змею, то отчего ей не подействовать на мою возлюбленную?», – подумал я и провел травой по трупу. Возлюбленная ожила и сказала: «У меня бок болит, должно быть, я долго лежала6. Разговаривая о том, что с ней случилось, мы вышли из могилы. Теперешняя моя жена – та самая любовница. Прежний муж требовал ее обратно. Я только одно говорил: „Ты ведь похоронил свою жену!“. Вот, что случилось со мной! Не было еще примера, чтобы мертвый ожил!». По общему решению, зайца отдали Орзми.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 290. Записано Ч. Ахриевым на русском языке.

Все эти лица – одни из главнейших героев в сказаниях об орхустойцах (прим. Ч. Ахриева). [1]

Солса (здесь без Сеска) из двух пуль сделал «красавицу и юношу). Соска Солса обычно обладает волшебством (по его просьбе и Терек становится многоводным, и из тазовой кости оживает великан и т. д.). Не являются ли эти свойства Солсы проявлением божественной сути древнего героя? Может быть, неслучайно поэтому в горной Ингушетии было возведено святилище Сеска Солсы. [2]

Превращение эпического героя в собаку ударом заколдованной плети – сказочный мотив, часто встречаемый в нартском эпосе. [3]

Старый волк дает разумные советы. Таким же волк представлен в рассказе «Сеска Солса и волк». [4]

Шалуха – название лучшей породы лошадей (прим. Ч. Ахриева). [5]

Рассказ Орзми об оживлении своей возлюбленной схож с сюжетом сказания «Оршамар Арш» или «Оздамар Арш» (в последнем случае имя Оздамар более созвучно имени Орзми). [6]

Оршамар Арш

Жили некогда три друга: Сеска Солса, Батар Ширтка и Оршамар Арш. Они были хорошими друзьями. Больше, чем свою душу, полюбил Оршамар Арш одну от красоты умирающую девушку. Что бы он ни делал, эту девушку не отдавали за него. Он поклялся, что не женится ни на ком, кроме нее. Внезапно девушка умерла. Оршамар Арш сказал гарбаш этой девушки: «Когда будешь девушку одевать в саван, не давай никому знать об этом, и меня вместе с ней завернешь в саван». Сказав так, он хорошо ее одарил. Гарбаш сделала, как сказал Оршамар Арш. Вместе с девушкой его положили в могилу. Когда могильник закрыли, он разрезал саван своим алмазным кинжалом и сел возле любимой девушки. Он сидел горестный и задумчивый. 1 2 3 4

В это время приползла кремневая змея. Оршамар Арш разрубил ее на несколько частей. Немного погодя показалась еще одна кремневая змея. Увидев убитого друга [змею], она уползла обратно. Через некоторое время она вновь приползла, держа во рту золотой шарик. Положив все части убитой змеи одну к одной, она потерла золотым шариком все места, которых коснулся кинжал, и оживила ее. Увидев это, Оршамар Арш убил обеих змей, забрал золотой шарик и прикоснулся им к девушке. Провел по губам – дышать стала, провел по глазам – глаза открыла, провел по рукам и ногам – ожила и встала. Они разрыли могильник и вышли. Потом они стали мужем и женой. [5] [6]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей», М., 1972, стр. 295. Записано И. Дахкильговым в 1964 г. со слов Фатимы Ханиевой (57 лет) в г. Грозном. Ханиева родилась в сел. Насыр-Корт Назрановского района. Сказание она слышала от своей матери, Фатима и ее сестра Шишха – даровитые сказательницы. Все, что знают сестры, по их словам, лишь крупица репертуара их матери Даби.

Имя Оршамар Арш (Арш сын Оршамара) встречается только в этом сказании. Когда Фатима Ханиева рассказала это сказание, ее сестра Шишха заметила, что ей помнится, мать упоминала имя Оздамар Іаьрш (Арш, сын Оздамара), а не Оршамар Аьрш (прим. И. Дахкильгова). [1]

Выражение «от красоты умирающая девушка» обозначает высшую степень красоты героини; идиома употребляется в фольклоре и разговорном языке вайнахов. [2]

Гарбаш – здесь служанка, рабыня. [3]

Алмазный кинжал – по-ингушски «алмаза шалта», эпитет, редко встречаемый»; обозначает красоту и высокую прочность кинжала. [4]

Кремневая змея – по-ингушски «моакхаза текхарг», змея цвета кремня. [5]

Сестры Ханиевы утверждали, что это лишь часть большого сказания, в котором описываются деяния и двух других упомянутых героев – Батар Ширтки и Сеска Солсы (прим. И. Дахкильгова). [6]

Сын нарта

Жила княжеская дочь. Один князь надумал на ней жениться. Пришел к ней и говорит, чтобы она вышла за него замуж.

– Я решила выйти замуж за мужественного и храброго человека, – ответила девушка. – Мужчина, о котором ты говоришь – я. Что нужно сделать, чтобы доказатьсвое мужество и храбрость?

Чтоб вам пожелать всего лучшего, недалеко от этой девушки жила старушка-мать с сыном. Отец мальчика был всем известный нарт. Однажды он отправился пригнать табун коней. В бою семиголовый вампал нанес ему тяжелые раны, и отец возвратился домой. Во дворе он вырыл девять ям, поставил в каждой яме по двери, а за ними укрыл своего турпал-коня. А жене сказал: [1]

– Ничего не рассказывай обо мне и о моем турпал-коне нашему мальчику, пока ему не исполнится пятнадцать лет.

После этого он умер.

Княжеская дочь решила, что и сын должен быть таким же, как отец, и сказала сватавшемуся к ней князю:

– Твое мужество и храбрость я узнаю, если ты продашь этого юношу и вырученные деньги привезешь мне.

– Хорошо, – согласился князь и отправился к юноше.

– Пойдешь ли ты, юноша, со мной на море? Если пойдешь, узнаешь имя убийцы твоего отца и отомстишь за него.

«Я же молод, какая от меня польза князю?», – подумал юноша. Но, чтобы князь не заподозрил его в трусости, сказал:

– Князь, спасибо тебе, что предлагаешь мне пойти с тобой, но у меня нет коня для поездки.

– Это не беда, зайди ко мне и выбери себе из моего табуна лучшего скакуна, – сказал князь.

На второй день юноша пришел к князю. Сел на одного коня – у того спина сломалась, сел на второго – спина тоже переломилась, сел на третьего и четвертого – то же самое.

– Нет, из этого ничего не получится. Лучше я пойду домой и спрошу у матери, кто убийца моего отца и где его конь. Если я не найду коня, то пойду с тобой пешком. В то время юноше было двенадцать лет.

– Кто убийца моего отца и где его конь? – не давал покоя сын матери.

Мать не отвечала, так как боялась, что сына ее могут легко убить. «Надо действовать хитростью», – решил юноша и попросил мать:

– Нани, поджарь ячмень.

Мать быстро поджарила ячмень и поставила перед ним.

– Нани, я возьму его только из твоих рук, – сказал он.

– Живи долго, мой сыночек, – сказала она и подала на ладони горячий ячмень. Сын сжал руку матери, в которой был ячмень, так, что она вскрикнула:

– Отпусти мне руку, жжет!

– Кто убийца моего отца и где его конь?

– Твоего отца убил семиголовый вампал, сидящий в море. Если ты вскопаешь во дворе землю, то увидишь девять ям с девятью дверями; если взломаешь все двери, увидишь коня. Если ударом мизинца осадишь коня – значит, сможешь ездить на нем.

Сын отпустил руку матери, взял лопату и вскопал землю. Одну за другой вскопал он восемь дверей, а девятая сама распахнулась. Мизинцем юноша ударил коня, и тот оселна зад-

ние ноги. Тут же юноша оседлал его, надел уздечку и сел на него. Конь почувствовал, что наездник – турпал, и во всем ему повиновался. Очитил юноша коня от навоза, взял со стены шашку, лук и другое снаряжение и выехал во двор. Оторвал от конского хвоста три волоска и передал их матери:

– Нани, что в первую очередь делал отец, когда садился на коня?

– Перескакивал на нем через ворота.

Разогнал юноша коня и перескочил через ворота.

– Нани, я отомщу за отца и вернусь обратно. Если же со мной что-нибудь случится, то возвратится конь, которого ты узнаешь по трем волоскам. С добром тебе оставаться, нани!

Хорошо вооруженные, они с князем отправились к морю за добычей. По дороге им встретилось стадо коров.

– Давай угоним этих коров, – сказал князь.

– Нет, хозяева этих коров вместо воды давали моему отцу молоко. Не делать плохого хорошим людям.

Далее повстречали они табун коней.

– Давай угоним этот табун, – предложил князь.

– Нет, в нужную минуту хозяева табуна давали моему отцу лучшего скакуна. Лучше продолжим путь.

Затем им повстречались отары овец.

– Давай угоним эти отары, – снова предложил князь.

– Нет. И отары мы не тронем. Хозяева отар для уставшего отца резали барана и гостеприимно принимали его. Лучше совершим задуманное.

Наконец они доехали до синего моря.

– Что же мы будем делать теперь? – спросил князь.

– Ты останешься с моим конем у моря. А я пойду на дно морское сражаться с убийцей отца. В четверг взглянешь на море. Я буду сражаться с морскими вампалами, море

разыграется и будет все в крови и пене, польет сиьный дождь. От скрежета зубов вампала засверкают молнии. Тогда отпустишь моего коня, и он придет мне на помощь.

– Хорошо, иди спокойно, – сказал лукавый князь.

Опустился юноша в море. В четверг взглянул князь на море – оно бурлило все в крови и пене. Лил дождь и сверкали молнии. «После такого светопреставления не вернуться

юноше, а пойдет лишь туда, куда его отец», – подумал злобный князь. Забрал князь турпал-коня, думая, что юноша погиб, и отправился домой.

А было все так. На дне морском юноша подошел к башням вампалов и крикнул:

– Я пришел мстить за кровь отца, выходите, собаки! Вы думали, что убийство моего отца пройдет вам даром!

Вышел одноголовый вампал. Одним ударом юноша снес ему голову. Вышел двухголовый вампал, и обе головы его слетели. Такая же участь постигла трехголового,

четырехголового, и пятиголового вампалов. Затем вышел шестиголовый вампал. Юноша снес ему шесть голов. От его грязной крови все море почернело. Выбежал тогда семиголовый вампал величиной с гору – три дня и три ночи бился с ним юноша. Удары шашки высекали от него только искры, а тело его было твердым, как камень. От ударов

семиголового вампала на теле юноши оставались раны. Вышли они из моря, и юноша понял, что не одолеть ему шашкой семиголового вампала. Отбросил он шашку и взмолился:

– Ва, заходящее золотое солнце, помоги мне! – и, схватив семиголового вампала за пояс, бросил его наземь, затем вынул из его кармана нож и брусок, так как знал, что только они отрежут его голову. Отрежет голову – и поточит нож о брусок. Отрежет – и поточит. Так он отрезал все семь голов. Из вен вампала текла не кровь, а выползали змеи, пауки и всякая мразь. С тех пор на свете существуют насекомые и разная нечисть. [2]

Много ран осталось на теле юноши. С трудом добрался он до пастухов, пасущих овец, и с их помощью встал на ноги. Потом остановился у хозяев коней, которые дали ему лучшего скакуна, а затем у пастухов коров. Они утолили его жажду молоком. Живым и здоровым возвратился он домой и увидел, что двор его зарос бурьяном. В доме никого не было, а из курятника доносился голос:

– Да умрет твоя мать, куда делся мой сын?! Разве он вырос до того, чтобы вершить геройские дела? Не успел он подрасти, как ему пришлось покинуть белый свет и оставить меня, старуху. Куда же он делся? [3]

Юноша вошел в курятник, увидел мать в лохмотьях, ослепшую от пролитых слез.

– Не плачь, нани! Это я, твой сын, живой и здоровый стою перед тобой.

– Не береди сердце матери, оставшейся без сына. Моего сына убил черный вампал.

– Я жив, нани. Если не веришь, дотронься до меня.

Дотронулась мать и поняла, что сын ее жив. Он вывел мать из курятника, переодел ее и рассказал о том, как отомстил убийце отца. Услышав это, его мат прозрела и на кончиках пальцев пустилась в пляс.

В это время возвратился князь и сказал девушке:

– Я продал юношу, и за него мне дали вот этого турпал-коня. Ты теперь должна выйти за меня замуж.

Три дня девушка ждала возвращения юноши. И наконец дала согласие князю. Разгорелось тут свадебное торжество.

Хотя юноше исполнилось только четырнадцать лет, выглядел он тридцатилетним. Так повзрослел он за это время. Пошел юноша во двор девушки на веселье. Грустная сидела она у окна и вдруг заметила его. Она быстро подошла к нему и спросила:

– Разве ты не продан?

– Что это за враки! Я не дам себя так легко продать или купить. Откуда эти слухи?

– Мне рассказал об этом князь.

Юноша тут же сказал князю:

– Ты мой враг. Ты бросил меня, своего товарища, в беде и увел моего коня. Хвастался, что продал меня и хотел меня опозорить. Ты не князь, а жалкая вошь!

И сказал чванливый князь:

– Что ты можешь мне сделать, жалкая шубенка, объеденная молью?

– Я вот что сделаю, – сказал юноша, вырвал у него горло и бросил собакам.

– Я своих собак не считаю такими жалкими, чтобы они могли сожрать горло столь грязного человека, – сказала девушка и бросила его горло в мусорную яму.

Вокруг стояли удивленные люди.

– Продолжайте свадьбу, – сказала девушка, – я выхожу замуж за этого юношу-героя.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 147—151. Нальчик, 2012. В 1973 году от пожилой жительницы г. Грозного С. Гандалоевой записал И. Дахкильгов.

В оригинале назван персонаж «негIе», но по указанию редакции (и Лито) при первой публикации (в 1980 г.) он был заменен на «вампала». Уже писалось, что место древнейшего вампала занял неге. [1]

Для ингушского фольклора обычно обращение героев в тяжелую для них минуту за помощью к светилам. [2]

«Да умрет твоя мать» – в полном варианте означает «Да умрет вместо тебя я, твоя мать». [3]

Сын землепашца и нарт-орстхойцы

У пожилого землепашца был сын, не растущий при всех принятых мерах, хотя молодец достиг срока совершеннолетия. Добиваясь его роста, отец перепробовал все средства. Когда он потерял всякую надежду на выздоровление сына, то остановил лечение.

– Надо позаботиться о хлебе насущном, – скеазал старый землепашец, положил своего малорослого сына в карман и занялся пашней.

В один день при распашке надела он оставил крошечного молодца в борозде, а сам пошел по кругу. До возвращения землепашца на начало круга на прохаживающегося по

борозде человечка наткнулись нарт-орстхойцы. Они осторожно подняли маленького молодца с земли, положили в карман и понесли к себе домой.

Вернувшись на начало круга распашки, отец начал искать оставленного в борозде сына. Искал, потерял надежду найти его, и, подумав: «Он попал под какой-то пласт пашни и потерялся», – с жалостью к пропавшему сыну, ушел.

Нарт-орстхойцы четыре года кормили крошечного молодца всевозможными блюдами, лечили его как могли. Они заметили, что он значительно окреп и подрос. Поэтому сказали ему:

– Живо сбегай, сруби в лесу палку-посох для нужд своего путешествия.

Ушедший молодец вырвал из земли вместе с корнями дерево на жердь, с чем и вернулся, вопрошая:

– Это подойдет мне для палки-посоха?

Посмотрев друг на друга, нарт-орстхойцы сказали:

– Он пока молод. Его нельзя отпускать.

Нарты еще четыре года кормилит у себя молодца лесными орехами и другими продуктами. Затем снова послали они маленького молодца:

– Сбегай, сруби себе для нужд пешего путешествия палку-посох.

Ушедший вместе с корнями вырвал из земли средних размеров чинару, с чем и вернулся.

– Это подойдет мне для палки? – спросил он нартов и протянул в их сторону ствол дерева.

Силой молодца нарты снова остались недовольны. Четыре года они опять кормили его лесными орехами и прочей пищей, и снова послали молодца в лес. Он вернулся со стволом чинары, намного превышающей размеры прежнего. Крошечный молодец стал со временем велик ростом, дородным и сильным человеком, равным нарт-орстхойцам. Те снова послали его в лес, с тем же поручением. В тамошнем лесу он вырвал из земли вместе с корнями самую большую чинару, с чем и вернулся домой.

– Теперь к своему отцу можно отправлять это существо, – согласились нарт-орстхойцы. Они доствили его туда, откуда взяли когда-то, и оставили там. В том самом месте пахал свой надел его отец-землепашец. Из-за прошествия столь долгого времени и достижения сыном большого роста и дородности, сына он не узнал. Как зрелый человек обратился молодец к занятому пахотой отцу, пожелав ему доброго дня:

– Я твой пропавший сын, оставленный в борозде, – сказал он.

Отец удивился, засуетился и, в замешательстве, сказал:

– Неправду ты говоришь, мой сын был до того мал, что вмещался в карман, не был он похож на тебя.

Пришлось ему рассказать отцу обо всем, что с ним было. Тогда землепашец поверил, что это его сын.

Занятому вспашкой земли отцу молодец сказал:

– Отец, ты этих своих волов возьми и пойди отдохни. Я сам завершу пахоту и приду домой.

Старик не знал, какой силой обладал его сын. Он молча удалился, забрав своих волов, а прийдя домой, занялся приготовлением пищи.

Молодец без всяких затруднений, держа плуг одной рукой, вспахал отцовский надел, а по пути домой вырвал, потянув вверх, большую чинару. Затем подвесил к тонкому концу

ствола плуг, взвалил чинару на плечи и пошел домой. Добравшись до своего подворья, он сложил плуг, об колено переломал чинару на дрова и вошел в дом.

Отец, довольный возвращением к нему пропавшего сына, приготовил еду и пребывал в ожидании его прихода. Но приготовленной отцом пищи сыну, обладающему богатырской сило, не хватило даже пробы на вкус. Молодец таким количеством еды не смог утолить голод, поэтому съел всю кукурузу и просо. На второй день он сказал отцу:

– Отец, мы не сможем так жить. Нам нужны и пища, и питье. Я пойду и наймусь к какому-нибудь князю в работники.

Недовольный таким решением, отец, не имея характера и средств, все же отправил своего сына для работы по найму. Сын землепашца в далекой стране, достигнув одного поселения, стал ходить там и выкрикивать:

– Кто нуждается в наемном работнике?

Один князь вышел к нему навстречу и сказал: «Я нуждаюсь в батраке», – и взял его к себе. Князь, помимо этого молодца, имел еще и других работников. Он отправлял их по утрам на работу, выдавая им плату за ранее проделанную работу.

Прежних работников князь отправил за дровами, потом сходил к сыну землепашцу, и, застав его спящим, разбудил его:

– Тебе нужно идти за дровами, – сказал он и выдал ему долю еды.

Сын землепашца съел выданную ему пищу, и, подумав: «За дровами сходить успеется», – снова улегся спать.

С наступлением полудня он сходил в лес, вырвал из земли огромную чинару, принес домой, в присутствии князя разломал на колене дрова и сложил их. «Если он рассердится, то сможет сделать с нами все что угодно», – подумал испуганный князь. Он посоветовался с женой и отправил этого работника домой, щедро наделив его имуществом и большим стадом скота. Молодец, выращенный нарт-орстхойцами, добрался до дома, честно трудился и жил со своим отцом.

Комментарии М. А. Цечоева

«Чеченский фольклор», т. III, Грозный, 1964, с. 135—137. Записано в 1959 г. Эльмурзаевым С. Ч. со слов жителя с. Дарго Чолаева Эмина.

Нарт-орстхоец Бексултан Бораган [1]

Очень давно это было, когда среди арштхойцев жил Бексултан Бораган. Жил он в убогой, обросшей крапивой землянке, через которую проходил тайный ход в обширное подземелье. Из окрестных людей никто не знал этого тайного хода, кроме девицы-соседки Дженагаз Хайхатовой. Сам Бексултан всегда старался показываться людям человеком очень бедным, его видели всегда сидящим около землянки, греясь на солнце. Между тем он ездил на добычу, и в подземельн его хранилось много богатств. Так прошло его тайной жизни 20 лет.

Случилось, что Умагану, сыну кумыкского князя Анарбека приснился сон. Во сне ему старец говорил, чтобы он выехал для обучения к Бексултану Борогану. Рассказал сын этот сон своим родителям, но те, посмеявшись над ним, сказали, что незачем ему ехать к этому нечистоплотному человеку, над которым все смеются. На другой день старец опять явился во сне и советовал украдкой бежать от родных к тому же Бексултану. Мальчик покинул родителей и, перенеся всякие невзгоды, все же разыскал Бексултана. Долго отказывался тот принять мальчика к себе на воспитание и в помощь, но, наконец, согласился и принял мальчика в свое богато украшенное подземелье.

Прошло много лет. Князь Анарбек разыскивал своего сына и, не найдя его, от горя заперся безвыходно в своей башне. Между тем, мальчик возмужал и вскоре срок его обучения закончился. Тогда Бексултан поехал к князю Анарбеку объявить, что его сын жив, находится у него и пора его женить. Очень обрадовался князь хорошему известию и сказал, что за него была засватана дочь князя Анзора. Но тот, считая сына Анарбека погибшим, отдал свою дочь другому. Бексултан поехал к князю Анзору, увиделся с его дочерью и сообщил, что пропавший сын князя Анарбека жив и находится у него, и спрашивает о здоровье невесты. Узнавши об этом, князь Анзор очень обрадовался, но еще больше обрадовалась его дочь. Она очень торопилась увидеть своего жениха Умагана.

Назначив срок для сбора на пир, Бексултан вернулся в свою землянку. Вслед за ним приехал и князь Анзор, отец невесты, а с ним и 60 узденей. Войдя в подземелье, князь поразился его богатому убранству. Бексултан, думая одарить князя, спросил его, что он желает себе в дар: серебра ли, золота ли, коней, или невольников. Князь, подумав, ответил:

– Ничего мне из этого не надо, а если есть у вас девица, то пусть в одну ночь сошьет для всех нас 61 наряд.

– Будь спокоен, – сказал Бексултан. – Отведай мое угощение.

Зарезав для гостей 60 баранов и 60 быков, послал он Умагана к девице Дженагаз, напутствовав:

– Поезжай прямо к башне и, подъезжая к ней, ударь моего коня так, чтобы он с разбега ударился грудью о башню. И когда выглянет из башни девушка, то скажи ей, что у Бексултана сейчас в гостях 61 человек и для всех необходимо к утру приготовить наряды. Умаган так и поступил. Девушка сказала посланнику:

– Пусть не беспокоится Бексултан и пришлет своего нарочного, как только запоет утренний петух.

Утром, когда гости проснулись, около каждого из них лежал новый наряд.

После такого испытания князь Анзор вернулся домой. Поехал с ним к своим родным молодой Умаган, чтобы к условленному сроку приготовиться к пиру. В назначенный день все собрадись, не было только самого Бексултана. Посланные за невестой от князя Анарбека сваты три дня простояли у ворот князя Анзора, ожидая приезда Бексултана. Князь же Анзор, тоже надеясь на Бексултана, нарочно не звал своих сватов в дом, боясь мести другого жениха. Наконец, приехал Бексултан. Князь Анзор, показывая на Бексултана, сказал своей дочери:

– С этого дня ты уедешь в другой дом, но знай, что дорогою в темном лесу ожидает в засаде другой твой жених. Все тебя оставят, как почуют пороховой дым, поэтому ты доверься во всем Бексултану, и в бою будь его правой рукой. Закон не велит, чтобы в свадебной поездке был твой жених Умаган.

Лишь только они въехали в темный лес, как грянули выстрелы. Как мыши попрятались все спутники Бексултана. Осталась с ним только боязливая девушка, но и в трудном бою она заряжала и подавала своему спасителю ружья. Наконец, в рукопашном бою Бексултан пересилил своих врагов, но и сам был смертельно ранен. Бой кончился. Собрались спутники Бексултана. Известили о случившемся Умагана. Он явился. Умирающий Бексултан сказал ему:

– Поезжай к Дженогаз, скажи ей, чтобы она пригнала сюда табун лошадей, стадо быков и овец; пусть закажет арбу с чугунными ступами, железными спицами и стальными ободьями, пусть запряжет хороших пару быков в эту арбу, а остальной скот раздаст бедным. Всем пленникам моим пусть даст свободу и каждому по одному гарнцу золота и серебра, которые хранятся в подвале. Тело же мое пусть положат в арбу и пусть запряженные быки везут ее свободно, куда захотят и пока не остановятся сами. [2]

Дженагаз так и исполнила. И даже когда мертвого стали класть в арбу, то окружавшие люди не могли его поднять. Тогда сама Дженагаз уложила его, как ребенка в постель, а затем пустила быков, и сама пошла за арбой. Умаган же, взяв свою невесту, поехал домой. Быки шли до тех пор, пока ободья стальные не истерлись, а когда быки сами остановились, на том месте Дженогаз устроила могилу для Бексултана, сама же легла подле него и скончалась. Могила эта до сего времени находится среди поля, возле сел Плиево и Карабулака и называется Борага-Каш, т. «Могила Бексултана Борагана». [3]

Комментарии М. С. Цечоева.

Сказание возвращенонароду усердием и настойчивыми изысканиями ученого, краеведа и писателя Б. Д. Газикова. Им же оно опубликовано в республиканской газете Ингушетии «Сердало», №150 от 11. 10. 2011 г. под названием «Борга-каш». Сказание подверглось правке в конце 1930-х годов, но не попало в подготовленное тогда издание.

В сохранившемся фрагменте общей нарт-орстхойской родословной Борага (н) является сыном нарта Боры. Последний является родоначальником одного из ведущих подразделений всех нартов. [1]

Гарнц – русская дометрическая единица измерения объема сыпучих тел. В настоящее время используется в коневодстве: 1 гарнец в 1835 году равнялся ¼ ведра, или 12 стаканам, или 3, 276 литрам. [2]

Это есть тот памятник с надписью, о котором упоминает академик Гюльденштедт (примеч. Б. Д. Газикова). [3]

Нарт-орстхоец Нярtби

В сохранившемся фрагменте общей нарт-орстхойской родословной есть один из этнархов племени по имени Нярtби. Сказителями он представлен суровым и воинственным человеком, предводителем нарт-орстхойской дружины численностью в шестьдесят воинов. В гуще боя, сражаясь пешим, он одного за другим валил всадников противника вместе с конями с такой быстротой, что те не успевали сразить его ни клинком, ни копьем, ни стрелой. Нярtби жил на левом берегу р. Аргун и подконтрольный ему округ был в пределах нынешней Чечни. В округе поддерживалось спокойствие и два раза в год (весной и осенью) собирался («корм») для воинов. *дяттагIа*

В какой-то год при сборе средств на содержание войска в кусте поселений какого-то чеченского общества один из местных жителей, известный в округе проказник, в надежде занять в скором времени освобождающееся место старшины села, для показного авторитета, вступил в словесный конфликт со сборщиком (). Подошедший к бранящимся Нярtбий попытался успокоить обоих. Местный не унимался. Нарт-орстхоец проявил выдержку, обратился к населению и попросил увести этого возмутителя подобру-поздорову. Народ был готов поддержать нарт-орстхойцев. *мазкIой дяттагIа*

В этой ситуации горлопан замолчал, сделав вид, что успокоился. Затем, улучив момент, он коварно нанес удар кинжалом в живот предводителю нарт-орстхойской дружины и побежал в сторону близкого лесного массива.

Нярtби, придерживая рану одной рукой, другой вытащил свою саблю из ножен и побежал за злодеем. Он сумел при тяжелой ране нагнать убегающего и с разбегу ударить его по голове саблей. Конец сабли застрял в голове напавшего, но большая часть клинка с рукояткой торчала наружу, свешиваясь назад и качаясь в такт бега. В пылу сильного страха убегающий злодей не сразу почувствовал, что в голове его клинок. Он продолжал бежать и был похож на удода.

Нярtби увидел эту картину, остановился и начал хохотать. Указывая на бегущего, он кричал: «Смотрите, смотрите, как убегает тушолкотам1, тушолкотам…». Нарт-орстхоец, продолжая смеяться, упал и там же умер. [1]

Комментарии М. С. Цечоева.

Вариант сказания записал в 1989 г. Цечоев А. Х. со слов жителя села Сагипши Гандалоева Абдулазиза Товсиевича, 1900 (1904) г. р. Считается, что наиболее ранний вариант сказания в виде предания записал в 1958 г. И. А. Дахкильгов со слов старика-чеченца Муслима Мамергова. Этот текст опубликовала У. Б. Далгат (без названия) в книге «Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 114).

Тушолкотам – удод. [1]

Сказание о нарте Усе

Мой отец Бетаргали рассказывал мне о делах моего прадеда по имени Тони. Он прослыл в селе и во всем крае смелым и храбрым человеком. В то время возле села Шалажи на вершине соседней с Бора-лам жил нарт-орстхоец по имени Уса. На этой же горе он пас своих овец и скот. Уса никогда не спускался с гор на чеченские равнины, говоря, что там проживают джины. [1]

Однажды Тони ушел на охоту и как-то незаметно оказался у горы, где встретился с нарт-орстхойцем. Тони вежливо поприветствовал нарт-орстхойца и затем спросил:

– Это ты Уса, о котром рассказывают люди?

– А как обо мне рассказывают? – спросил Уса.

– Говорят, ты богат, храбр, выносли, воспитан.

– Храбрость всем нужна, а кто хочет жить, тот должен быть выносливым. Но самое главное, пожалуй, вежливость (воспитанность) – она превосходит все качества человека, – сказал Уса.

– Вот во всем этом я и пришел посостязаться с тобой, – хвастливо сказал Тони.

– С чего начнем? – спросил нарт.

– С вежливости.

– Хорошо. Подними сначала лежащую перед тобой каменную глыбу, – сказал нарт, указывая пальцем на огромный камень, высотой в пять раз превосходящий Тони.

– Я не шутить с тобой пришел, – недовольно ответил Тони, зная, что этот камень ему не поднять, и думая, что нарт подшучивает над ним.

– Я и не шучу. Попробую глыбу поднять сам.

Немного погодя он добавил:

– Влезь-ка на эту глыбу.

Тони кое-как взобрался на каменную глыбу. Вдруг камень словно взлетел в небо и упал. Свалился Тони с каменной глыбы, огляделся по сторонам и видит, что он находится вблизи своего села. Тогда Тони онял, что нарт бросил камень, которого он даже не мог сдвинуть с места. В мгновение ока пролетел Тони на камне расстояние, которое, охотясь, он преодолел в течение двенадцати дней. Не стал он возвращаться к нарту и пошел домой.

Каменная глыба, которую бросил нарт-орстхоец Уса, упала возле Шалажи у хутора Эвстари. Там еще не было хутора. Хутор построен много лет спустя после падения этой каменной глыбы.

Комментарии А. О. Мальсагова.

«Сказания, сказки и предания чеченцев и ингушей». Грозный, 1986, с. 286—287. Записал студент ЧИГУ им. Л. Н. Толстого на чеченском языке со слов Бетаргиреева Бусы (83 года) в 1971 году в селе Шалажи ЧИАССР.

Шалажи – село в Чечне. [1]

Варанды

В давние времена из-за моря на нашу землю, говорят, пришли какие-то люди. Затем они вернулись к себе, но один из них остался. Он был мужественным и сильным человеком.

На равнине в те времена жили кабардинские и кумыкские князья. Этот человек пошел в гости к одному из князей. Князю понравился пришелец, видимо, потому, что он на равных разговаривал с ним. Пришелец дал понять князю, что он ищет землю своих предков.

Через некоторое время пришелец женился на дочери князя. После этого князь уступил ему земли, где позднее основались села Малые и Большие Варанды, Чишки, Чехкари, Алхазурово. Пришелец поселился там, где теперь находятся Большие Варанды (Лакха Варанде).

В то время в Шатойской котловине жили нарт-орстхойцы. Однажды пришелец поссорился с одним из этих нарт-орстхойцев. Оба они одновременно пустили друг в друга стрелы. Нарту стрела попала в ногу. Стрела же нарта попала пришельцу в бедро.

Затем началось примирение. Пришелец запросил с нарта много скота, мотивируя это тем, что он может остаться без потомства. Нарт пошел на уступки, и они помирились.

Вскоре у пришельца родился сын. Нарт, узнав об этом, потребовал свой скот обратно, но пришелец не думал его возвращать. Спор между ними тянулся долго, и все же пришелец настоял на своем. Люди спрашивали пришельца:

– У тебя родился сын?

– Родился-то он родился, – отвечал пришелец, – да вот теперь имею «вражду из-за рождения» (варан дов).

От слов «варан дов», то есть «вражда из-за рождения», и пошло, говорят, название села Варанды; мальчика, по ответу отца, назвали Варандо, его именем назвали и село, в котором они жили.

Комментарии А. О. Мальсагова.

«Сказания, сказки и предания чеченцев и ингушей». Грозный, 1986, с. 353—354. В 1967 г. рассказал Абдурахман Амаевич Амаев (1882 г. р., житель села Варанды), безграмотный. Записал Я. З. Амаев.

Предание построено на народной этимологии: название селения Варанды объясняется от слов «вар» – рождение и «дов» – вражда.

Нарт-орстхо Саид

Говорят, в нашем селе жил нарт-орстхоец Саид. У него были очень длинные усы. Он связывал их на затылке, но и после этого концы усов свисали на спину. Также, говорят, волос от его бороды был прочнее булата. Как-то Тарковский Шамхал послал войско, чтобы схватить его. Но войско Шамхала испугалось Саида и не посмело даже подойти к нему. Тогда Шамхал послал к Саиду свою дочь и наказал ей, чтобы она стала его женою, а затем, когда он уснет, связала бы его. Для этого Шамхал дал ей веревку из шелка, которую свивали два года. Девушка стала жить с Саидом.

Однажды, когда он уснул, она связала его. Утром, проснувшись, Саид потянулся и легко порвал связывавшие его путы. Жена спросила его:

– Есть ли что-нибудь такое, чтобы ты не смог порвать, если бы связать тебя?

– Нет ничего такого, чем меня можно было бы связать, кроме волос из моей бороды.

Взяла дочь Шамхала у отца ножницы, которыми разрезают булат, и ими отрезала волос от бороды Саида. Этим волосом она связала его руки. Проснувшись, муж дернул руки, но волос впился ему до самых костей и не разорвался. Вот так, говорят, Тарковский Шамхал пленил нарт-орстхойца Саида.

Комментарии А. О. Мальсагова.

«Сказания, сказки и предания чеченцев и ингушей». Грозный, 1986, с. 423—424. В 1977 году рассказал Ахмед Мамадиевич Мамадиев (1902 года, сел. Гардали, безграмотный). Записал А. Аюбов.

Путешествие нарта [1]

Однажды один из нартов поселился в богатом ауле. Был он человек необыкновенной силы, ходил на охоту и убивал столько зверей, что мог прокормить целую деревню; но была у него и беда дома – жена-красавица. Польстился на нее аульный князь, да и красавица его полюбила. И говорит ей князь: «Что тебе за охота жить с нартовским отродьем?». «А разве возможно убить такого силача?», – отвечала жена. «А какова его сила?», – спрашивает князь. «Да он сразу же разрубает трех оленей и вырывает с корнем чинары, а иногда я обвожу его железной цепью, и он сразу цепь разрывает!». [2]

Тогда князь дал жене нарта стальную цепь и просил ею связать врага, как бы в шутку. Однако могучий нарт разорвал и стальную цепь. Тогда коварный князь дал своей любовнице шелковый канат, которым она и связала своего мужа. Рванулся нарт, но только на себе одежду разрезал; рванулся еще раз, но канат лишь впился в его тело. Стал он молить жену развязать его, но та не развязала, а лишь стала смеяться. Понял нарт, что его обманули, а баба позвала князя. Стащили они горемыку под кровать, сам же князь стал наверху баловаться. Набаловавшись вволю, любовники уснули.

Спят они, но не спит обманутый нарт, да плачет его маленький сынок. «Сынишка, – говорит бедняга, – вон там лежит моя шашка, принеси-ка ее мне!». Малыш притащил шашку, и, по просьбе нарта, сунул ее ему в рот. Разрубил нарт канат, затем зарезал жену и князя, вышел в другую комнату, где спало 63 княжеских узденя, и тех перерезал, головы их положил у ног зарезанного князя, вышел сам с сыном и отправился путешествовать. Долго он шел и пришел, наконец, к большому озеру.

А сынишка проголодался и стал горько плакать. Развел нарт костер, посадил около него сына погреться, а сам стал ходить кругом, нет ли какой-либо дичи. И вот бежит олень с золотыми рогами. Выстрели нарт в оленя, убил его, распорол ему живот и, вынув внутренности, стал их жарить на огне. Вдруг олень ожил, встряхнулся и побежал. «Что за диво?», – вскричал тогда удивленный нарт. А олень говорит ему человеческим голосом: «Да это разве диво? Ступай-ка к нарту Али, он тебе расскажет еще более удивительное!». [3]

Нашего нарта разобрало любопытство, и он отправился разыскивать рассказчика. Долго он шел и добрался, наконец, до того места, где жил нарт Али. Наш нарт рассказал ему все, что с ним случилось, и, в свою очередь, просил того рассказать свои приключения. Вот что рассказал нарт-эрхустоец Али.

– Нас было восемь братьев. Странствовали мы все по белу свету. И забрели однажды в жилище одноглазого великана. До вечера мы с ним разговаривали, а когда настал вечер, великан спросил на: кто же теперь приготовит ужин? Мы не решились, а великан зарезал семь лошадей, сложил их в громадный котел, сварил, дал нам по косточке, сам съел все: и мясо, и кости, и суп; растянулся и захрапел. Всю ночь мы дрожали от страха. Когда настало утро, то великан таким же образом схватил семерых моих братьев, сварил их в котле и съел. Остался лишь я один, а он пошел пасти. Насилу я вырвался и убежал. [4]

Тогда нарт поручил Али воспитание своего сына до пятнадцатилетнего возраста, а сам отправился разыскивать великана. Долго он шел и вот видит: покатая гора, а под ней лежит огромный великан с одним глазом на лбу и играет себе на дудочке, около него целое стадо баранов. «Здорово! – крикнул ему нарт. – Дай мне у себя переночевать, я страшно устал с дороги». «Ладно, – отвечает ему великан, – да только тебя не пустят мои собаки. Возьми вот мою папаху и покажи им!». Нарт взял папаху. Вскоре он увидел землянку и около нее 63 огромных собаки. Хватил он их так, что не только всех собак убил, но и от папахи шерстиночки не осталось, вошел внутрь и стал осматриваться. [5]

Видит он такой громадный котел, что его и семеро не поворотят, а хозяин пришел, налил туда воды и поднял его на одном ногте. Нарубил великан дров, зажег громадный костер, зарезал 63 овцы, съел все сам, ничего не оставив гостю, и уснул. Когда он захрапел, один из козлов и говорит гостю: «В полночь тебя хозяин убьет, но ты подвяжи себя под меня, и так он тебя не найдет!». Нарт так и сделал.

Ровно в полночь проснулся великан, наточил топор и стал искать нарта, но не нашел. Разозлился одноглазый, но не подал и вида. Утром по-прежнему он развел огонь, сварил 63 овцы, но не заснул и бросился на нарта. Нарт оказался сильнее, повалил великана и сел на него. Тот стал просить пощады. Нарт сказал ему: «Если хочешь, чтобы я тебя не убил, то оживи семерых братьев Али, которых ты съел!». «Кости их вон там в углу, отвечал великан, – в семи корзинах; там лежит и черный оселок. Сложи их как следует, и погладь оселком; тогда они оживут!». [6] [7]

Узнав все, что ему нужно, нарт убил великана, оживил по указанному им способу семерых братьев Али, и они все восьмеро отправились со стадом домой. А между тем Али долго ждал возвращения нарта и, подумав, что он убит, сам поехал разузнать, что с ним случилось; сына же приятеля оставил дома. Долго он ехал и вот видит около аула два кургана; около кургана пасутся телята, а какой-то сумасшедший пастух бегает между ними и то у одного поплачет, то у другого засмеется. [8]

Али подъехал к нему и спрашивает его с удивлением: «Что это ты делаешь?». «А вот, – отвечает пастух, – я плачу над одним курганом потому, что мне жаль нартова сына, что живет у Али, между тем как его отца считают убитым, и смеюсь над другим потому, что меня хорошенько угостят, так как этот нарт едет сюда с большой добычей и семью братьями Али». Последний, однако, ему не поверил и боялся ехать дальше, но вскоре показался и сам нарт с барантой и его братьями. [9]

Али подарил нарту тысячу рублей за спасение братьев. Стали они вместе пировать и плясать. После пира нарт хотел отправиться восвояси, но Али его не пустил, выдал за него свою сестру, жившую в другом ауле, и зажили они вместе счастливо.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 268—271.

Это сказание точнее было бы перевести с чеченского языка как «Странствия нарта». [1]

К данной публикации имеется комментарий Л. Лопатинского в его предисловии (стр.VII): «Сказка «Путешествие нарта» принадлежит к тому же типу сказок, что и кабардинская «Хагор» (СМОМПК, 1891, вып. XII, стр. 87), но последняя представляет собой контаминацию двух самостоятельных сказочных сюжетов, послуживших темой чеченских сказок: сказки «О Султане (ССКГ, вып. IV, стр. 22), в которой рассказывается о прелюбодеяниях жены (этот мотив есть и в нашей сказке), и превращениях обманутого мужа в собаку и воробья, в нашей – о приключениях героя в пещере одноглаза. [2]

Нарт в данном рассказе выступает в положительной, а не отрицательной (как обычно) роли. [3]

Оживление застреленной дичи – оленя, птицы из перьев (подобно Фениксу) – постоянный сюжетный мотив нартских сказок и сказаний. [4]

Отсюда начинается второй сюжет сказания с мотивом Полифема. [5]

Шапка, брошенная нартом, – общеэпическое место, часто встречаемое и в нартских сказаниях. Обычно эта шапка слишком тяжелая и ее нельзя сдвинуть. Здесь же герой не испытывает такого затруднения. [6]

Вполне возможно, что в данном случае мы имеем дело с эпической регистрацией весьма архаической аналогии: известно, что у многих пещерных, доисторических жителей кости съе-

денных животных, а также умерших людей хоронились тут же, в пещере: сохранение всех костей имело в первобытную эпоху и какие-то магические функции. По-видимому, и в сказке нарт не случайно оживляет кости съеденных великаном людей. Кости древнего человека оживляются и в сказаниях «Соска Солса и тазовая кость» – у Ч. Ахриева и «Гарбаш» – у Б. Далгата. [7]

«Черный оселок», оживляющий мертвое тело – типичный предмет, часто встречающийся в прозаическом фольклоре вайнахов. Обычно этот оселок каменный, что, на наш взгляд, может свидетельствовать об его отношении к древнекаменной эпохе. Во всех случаях предмет этот весьма архаического происхождения магического назначения. [8]

Плачущий и смеющийся пастух, выступающий в роли вестника и предсказателя событий, – весьма часто встречающийся образ вайнахского прозаического фольклора. [9]

В примечании к сказанию А. Грена сказано: «Кроме Али, существуют еще следующие имена нартов у чеченцев: Каали и Ичархо (по алфавиту барона П. Услара, Каали; в современной транскрипции: Кхаьаьали). Центр Галгаевского общества составляли жители трех аулов: Эгикал, Хамхи, Таргим. Выходцы из них назывались Кхаькхалахой (от кхаь – «три» и кхала – покрытие); местное происхождение и принадлежность нартов к центру Галгаевского общества подчеркивается в данном тексте именем Кхаьаьли (Каяли), принадлежность к горной Чечне – именем Ичархо. [10]

Орстхоевец—нохчо и орстхоевец-галга

Люди рассказывают, что после длительных странствий по свету вернулись домой два друга: орстхоевец-нохчо и орстхоевец-галга. Они стали клятвенными побратимами и зажили хорошо. Но случилось так, что оба полюбили одну девушку. Орстхоевец-нохчо, хотя и любил ее очень сильно, но способствовал тому, чтобы на ней женился его побратим орстхоевец-галга, который ничего не знал о чувствах своего побратима. Засватанные девушки в давние времена до свадьбы долго сидели дома. А тем временем у орстхоевца-нохчо померли родители, хозяйство его пришло в упадок, и, наконец, он разорился.

Настало время свадьбы орстхоевца-галга, и побратим пошел к нему, но орстхоевец-галга и на порог не пустил орстхоевца-нохчо. Мало того, послал людей, которые выгнали его от ворот взашей. «Остался я без побратима», – думал орстхоевец-нохчо, уходя от бывшего друга. Через какой-то час пути ему повстречались двое неизвестных всадников, у которых было две полных переметных сумы золота. Поприветствовали путники друг друга, сели, поели вместе, поговорили и о том и о сем. Когда настало время прощаться, те двое попросили орстхоевца-нохчо охранять их золото, пока они по делам пойдут за Терек и вернутся, и еще сказали, что если завтра к утру они не вернутся, он волен забрать их золото себе и идти, куда ему вздумается.

Не только до утра, но целых два дня и две ночи ждал орстхоевец-нохчо этих, случайно ему встретившихся товарищей, но они не вернулись. Делать больше было нечего, и он взял себе две переметные сумы с золотом. Шел он дальше и увидел сидящего у дороги бедного старика. Орстхоевец-нохчо дал ему слиток золота и поведал, как оно ему досталось.

Старик стал просить его, чтобы он взял его себе в отцы. Согласился орстхоевец-нохчо, и они пришли к нему домой.

Прошло два года. Орстхоевец-нохчо уважал старика и прислушивался к его советам. Старик оказался прилежным хозяином. С каждым днемих хозяйство налаживалось, и они

зажили очень хорошо. Как-то старик сказал своему сыну, чтобы он женился, и даже начал сватать для него подходящую девушку.

В день свадьбы орстхоевца-нохчо на его порог явился бывший побратим орстхоевец-галга. При всем собравшемся народе орстхоевец-нохчо рассказал, как с ним поступил орстхоевец-галга. Народ возмутился и стал требовать, чтобы непрошеного гостя вышвырнули вон. Но орстхоевец-галга попросил разрешить ему сказать несколько слов. Ему разрешили, и он поведал:

– Мой побратим орстхоевец-нохчо прав. Когда он бедный и обездоленный пришел ко мне, я, зная, что он у меня не возьмет золота, подстроил так, что навстречу ему пошли

от меня двое людей и дали ему золота. Не будучи уверен, что он с его помощью наладить хозяйство, я подстроил так, что его отцом стал мой отец, который весьма опытен в хозяйственных делах. И еще, девушка, на которой он женится, моя сестра. Скажите теперь, могу я зайти в этот дом и быть на свадьбе?

Конечно же. все были согласны и приветствовали его. Вот какими мужественными людьми были эти побратимы!

Комментарии А. О. Мальсагова.

«Сказания, сказки и предания чеченцев и ингушей». Грозный, 1986, с. 448—449. В 1980 г. рассказал Ахмед Биботович Евлоев (1890 года, сел. Али-Юрт). Записал М. Муталиев.

Теча и его возлюбленная Цай

Повыше Саясана, между хуторами Алерой и Турты, в горах жили нарт Теча и его возлюбленная Цай. Теча жил на высоком склоне Рагний ургаш [Расщелины хребта], что рядом с хутором Турты. Это место наводит на мысль, что здесь когда-то жил человек. Местность эта называется Теча-корт [Гора Течи]. Его возлюбленная Цай ж ила на Джамби-ирзе [Поляне Джамби]. Это место называют Цай-кераг [Камень Цай].

Теча и Цай были нартами. Они очень любили друг друга. Между местностями, где они жили, будет расстояние в 4—5 километров. Однажды вечером Теча на своем склоне заиграл на дечиг-пандуре, напевая красивые мелодии. Он пел и играл так, чтобы слышала Цай. Это было в то вечернее время, когда скот возвращается с пастбищ. В местечке Айти-Мохк, на Поляне Джамби, нарт Цай, возлюбленная Течи, доила коров. Она так заслушалась мелодией, которую наигрывал на пандуре ее возлюбленный, и мысли ее так рассеялись, что она сдаивала молоко от десяти коров на землю. [1] [2]

Нарт-эрстхоец Теча увидел это издали и, не сходя с места, оторвал от горного хребта скалу величиной в три-четыре арбы. Ради шутки он бросил скалу к Цай. Она очень обрадовалась этой шутке и в ответ бросила в направлении к Тече, к расщелинам хребта, другой камень. На камне, брошенном Течей, Цай на радостях так [бурно] протанцевала, что, повернувшись на пятках, сделала одну выбоину в камне, а ударив рукой – сделала вторую. После этого на том же камне, который и в ширину, и в длину имел по 3 метра, вновь принялась танцевать.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 289. Записано в сел. Алерой со слов колхозника Ханмагомеда Болтукаева.

Дечиг-пандур – древний национальный инструмент, напоминающий трехструнную балалайку. [1]

Здесь, как и в сказаниях о Колай Канте, о Науре и Гожаке, имеет место «мотив Орфея», но в специфической интерпретации: женщина, увлекшись музыкой, доит коров не в подойник, а на землю, чем подчеркивается высшая степень ее сосредоточенности и увлеченности. [2]

Нарт-эрстхоевец и кровник

В некоем селе жил человек, которому была объявлена кровная месть. Спасаясь от преследований врагов, он бродил по лесам.

Однажды он заметил своих преследователей и убежал в горы. Там он очутился на дне пропасти. Когда кровник сидел и отдыхал, он услышал шум, похожий на шум ветра. Это было к вечеру, когда солнце начинало садиться. Вдруг он увидел ползущих к нему вотангаров. Когда они окружили кровника, он испугался. В это время к нему с гулом приблизился некий нарт-эрстхоевец. [1]

– Что ты за человек? – спросил нарт-эрстхоевец.

Кровник рассказал о своем несчастье. Тогда нарт-эрстхоевец сказал:

– Вставай, пойдем переночуем у меня.

Вотангары поползли впереди них и заползли первыми в жилище. Вслед за ними зашли и эти двое. Нарт-эрстхоевец согнал вотангаров в одно место, закрыл их камнем и вместе с кровником пошел к себе. Затем нарт-эрстхоевец зажег большой огонь и поставил вариться много мяса; затем они съели его и легли спать. Утром, когда они проснулись, нарт-эрстхоевец сказал кровнику:

– Посмотри у себя подмышками.

Кровник увидел подмышками по одному бугорку. Оказывается, он вчера ел мясо вотангаров. Нарт-эрстхоевец сказал тогда: [2]

– Теперь иди. Ты стал богатырем, и ничего тебе не угрожает.

Так нарт-эрстхоевец проводил кровника.

Комментарии У. Б. Далгат

ЧФ, т. III, 1964, стр. 157. Сказание записано А.-Р. Зайнутдиновым в 1963 г. на чеченском языке со слов 60-летнего Масарата Хасаханова, жителя сел. Валерик.

«Вотангар» (чечен.), «воатагар» (ингуш.) – кавказский удав небольшой величины, но сравнительно с телом он имеет большую голову. [1]

В этом произведении впервые изображен несколько необычный нарт-эрстхоевец: он не воин, а обладатель чудес, пасет вотангаров и передает кровнику богатырскую силу. Здесь запечатлено древнее представление человека, верившего в магическую восприимчивость свойств съедаемого им животного или пресмыкающегося. [2]

Лорса и Солса

Лорса и Солса, родные братья по отцу, были орстхойцами. Однажды, когда Лорса усталый пришел с охоты, мать Лорсы сказала его жене: [1]

– Иди к Лорсе. Он, наверное, устал. И ложись спать в его комнате, возможно, ему что-нибудь понадобится.

Когда жена вошла, Лорса сказал ей:

– Иди к моей матери и ложись у нее – ведь она одна.

Жена пошла к свекрови, но мать Лорсы уже спала. Она, чтобы не будить ее, вернулась к Лорсе, но и он уже спал. Чтобы не будить их, жена Лорсы легла на веранде. Тут на нее наткнулись похитители людей и увели ее. Когда ее уводили, жена Лорсы не стала звать на помощь, чтобы не разбудить спящих. Утром Лорса проснулся и увидел, что жены нет. Он понял, что ее увели похитители людей. Оседлав своего коня, Лорса поехал искать жену. Уставший, голодный ехал он, когда увидел вдали один курган. «Отдохну-ка я на этом холме», – подумал Лорса и поехал к кургану, больше не останавливаясь. [2]

Взойдя на курган, он пустил коня пастись, а сам, подложив под голову седло, прилег отдохнуть. В то время, когда Лорса спал, мимо холма проезжал один князь с 63 всадниками. Князь увидел лежащего на холме Лорсу и послал к нему своих всадников, сказав:

– Посмотрите, кто он. Передайте этому человеку, чтобы он уходил прочь. Если он не согласится, дайте ему знать, что нас 63 всадника и один князь, а он только один.

Посланные князем всадники передали все, что им было велено. Лорса же дал такой ответ княжеским всадникам:

– Если вы гостьми приедете – я приму вас как гостей, если придете с враждой – буду с вами биться. [3]

Услышав от всадников ответ Лорсы, князь гостем пришел к Лорсе. Лорса зарезал своего единственного коня, поставил котел, сварил мясо и, накормив им гостей, уложил всех спать. Сам, сев на княжеского коня, прихватил 63 коней всадников, погнал их вперед, к отрогам гор, чтобы там попасти. Утром, приведя себе коня, он пристегнул к княжескому коню еще одного жеребца, а к 63 коням всадников пристегнул еще по 63 коня.

С этим всем Лорса вернулся к гостям. Поставив вариться оставшуюся половину конины и накормив ею гостей, Лорса оседлал всех их коней и пошел их провожать. Когда они расставались, Лорса спросил:

– С какими намерениями, для чего приезжали вы?

– Есть такой человек Лорса, из орстхойцев. Мы выехали узнать, что он за человек и каково его мужество. Мы желаем с ним встретиться.

Тогда Лорса сказал:

– В таком случае вы уже все узнали и уезжаете, повидав Лорсу и познав его мужество.

Тогда князь спросил:

– У тебя дети есть?

– У меня есть два мальчика.

– В таком случае, если у меня родится сын, наши сыновья будут присяжными друзьями. Если родится дочь, то наши дети будут мужем и женой, – сказал князь и передал Лорсе свою печать.

Когда, простившись с гостями, Лорса вернулся домой, он узнал, что его старшего сына увели похитители людей. Оттого, что не нашел он жену и сына, Лорса так сильно опечалился, что умер от разрыва сердца. Перед смертью он отдал младшему сыну печать, данную ему князем, передав ему при этом и свой уговор с князем.

После смерти Лорсы его брат по отцу – Солса, пригнав 63 готы и 63 пахаря, начал распахивать земельную долю Лорсы. Сын Лорсы прослышал об этом на пхегате. Мальчик пошел домой и рассказал об этом своей бабушке по отцу. Затем он отправился туда, где шла пахота, решив не допускать Солсу распахивать землю своего отца. [4]

Когда сын Лорсы пришел, то увидел, как Солса обрабатывал землю. Между ними произошел спор. Они говорили: «Буду пахать!». «Не будешь пахать»! Потом из-за этой земли началась ссора.

– Будем драться верхами, – договорились они и начали бой.

Когда сын Лорсы выбил из рук Солсы меч, они сошли с коней и стали драться врукопашную. Люди, видевшие это, сказали:

– Только матери могут разнять их.

Когда мать Лорсы и мать Солсы их разняли, то сказали внуку и сыну: «Почему вы деретесь между собой? Даже когда кто-то из вас воюет с недругом, другой обязан приходить ему на помощь».

Однажды сын Лорсы сказал своей бабушке по отцу, что он идет на поиски матери и брата [которых похитили]. По дороге он увидел мальчика, пасшего телят. Мальчик-пастух шел то в одну сторону, где лежал женский головной платок из домотканой шерсти, то в другую, где была поставлена палка. Когда он шел в сторону, где лежал платок, то смеялся, когда шел в сторону, где стояла палка, плакал. Поздоровавшись с ним, сын Лорсы сказал, что он удивлен тем, что он ходит туда и сюда и то плачет, то смеется. [5]

– Истолкуй мне причину этого, – сказал он.

– Идя в сторону, где стоит палка, я плакал, вспоминая свое одиночество. Идя в сторону, где лежит платок, я смеялся, надеясь, что сегодня вечером мне достанется хотя бы кость или что другое погрызть зубами.

– Ты – мой старший брат, – сказал сын Лорсы. – Ты должен мне посоветовать, как спасти тебя и нашу мать.

Тогда старший сын Лорсы сказал:

– Эти телята князя. Они все будут забиты сегодня ночью по случаю его женитьбы на нашей матери. В мою одежду переоденешься ты, а твою одежду надену я. Сев на твоего коня, я поеду мимо ворот князя. Увидев меня, князь скажет. «Не дайте гостю проехать мимо, зазовите его!». Когда вечером ты придешь с телятами, он скажет, чтобы на твоем теле накололи дров. С тех пор как меня привели к нему в рабы, на моем теле всегда колют дрова. Тогда я скажу князю: «Ведь это ночь, когда ты делаешь сага, не коли на его теле дрова». Князь скажет: «Гость говорит „не колите“. Не колите на его теле дрова!». После этого они захотят запереть тебя туда, где содержат меня. Я скажу князю: «Ведь это ночь, когда ты даешь сага, не запирайте его в эту ночь». Князь скажет: «Гость просит не запирать его в сегодняшний вечер. Оставьте его на свободе». [6]

Потом они захотят вытащить из дому лук, но никто этого не осилит. Тогда ты предложи им вытащить лук наружу. В первый раз тебе не ответят. Ты попроси об этом еще раз, а я тоже скажу им, чтобы разрешили. Когда ты вытащишь лук наружу, спроси: «Ударить ли мне стрелой в небо – и разнести его, ударить ли в землю – и разбить ее, или пустить стрелу в оленя, находящегося за семью горами, – и свалить его?». Князь скажет тебе: «Ведь небо и земля нужны нам. За семью горами находящегося оленя ударь и свали его». Тогда сам поймешь, в кого надо пустить стрелу.

Младший сын Лорсы сделал все так, как сказал старший брат. Когда князь сказал: «Свали оленя за семью горами», – младший сын Лорсы, выстрелив из лука, убил князя. Так, забрав с собой княжеское добро, пришли домой два сына и жена Лорсы. Когда они вернулись домой, мать Лорсы сказала: «Три раза приходил к нам вестовой и говорил: «Невесту забирайте».

Тогда сын Лорсы сел на коня и поехал, подумав про себя: «Я остановлюсь в том дворе, где ты остановишься, и проведу там ночь». Лошадь остановилась во дворе одной бедной вдовы. Увидев едущего сына Лорсы, вдова подумала: «Ко мне гость едет и хорошо, что едет, да плохо, что угостить его нечем». Войдя в дом, сын Лорсы увидел, что она бедна, и дал ей золотых денег, сказав, чтобы она принесла из лавки что-нибудь поесть.

Беря деньги, вдова сказала:

– Завтра дочь недалеко живущего отсюда князя выходит замуж. Она была посватана за другого. Три раза человека посылали к ее сватам с тем, чтобы они забрали невесту. Но он так и не забрали, а теперь она выходит за другого.

– Сначала ты побыстрее принеси из лавки что-нибудь нам покушать, – сказал сын Лорсы.

Когда она вернулась, сын Лорсы сказал:

– Я бы тебе и золотой рубль дал, и услугу бы ты мне оказала, если бы отдала эту печать дочери князя, которая завтра выходит замуж.

Взяв печать, вдова пошла к княжескому двору и, несмотря на то, что ее не пропускали, прорвалась туда, где стояла наряженная к свадьбе девушка. Взяв печать, девушка сказала:

– Скажи ему, чтобы он завтра пришел и, объяснив, что он зять этого дома, принялся помогать как родственник.

Утром сын Лорсы так и сделал. Он прислуживал во дворе князя, подоткнув полы черкески за пояс. Все, что нужно было сделать, сделал сын Лорсы во дворе. Тогда всадники передали князю:

– Во дворе есть некий гость, уверяет, что он зять этого дома. Он делает все, что нужно делать родственнику.

– У меня только одна дочь. Я не знаю, кто он. Надо у девушки спросить, кто он.

Когда князь спросил об этом у дочери, она ответила:

– Я не знаю, кто он. Вчера я получила твою печать.

Тогда князь послал человека навстречу свадебному поезду, сказав:

– Девушка не ваша и не моя, хозяин девушки уже появился. Не приезжайте за ней.

Так приехал сын Лорсы, привезя с собой дочь князя и половину его добра.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 382—385. Сказание записано М. Аушевым в 1962 г. на ингушском языке, со слов Османа Аушева, в сел. Сурхохи.

Лорса – это типичный «местный герой». Он напоминает Лоаман Ха из сказания «Ачамза-курган»; Лорса также оказывает гостеприимство иноплеменному князю и тоже идет вызволять из плена свою невесту. В сказании говорится, что Лорса и Солса братья и оба они орстхойцы. Это утверждение несколько противоречиво по следующим соображениям: Солса, стремящийся отторгнуть землю Лорсы, поступает совсем не по-братски. Типология образа Сеска Солсы в данном сказании вообще нарушена. [1]

Похищение людей и торговля ими широко практиковались на Кавказе в прежние времена. В Дагестане, например, центром торговли похищенных людей был Эндрей-аул. У вайнахов есть немало преданий о похищении людей. Похитители иногда возвращали свои жертвы за большой выкуп, либо продавали их в восточные страны, а иногда оставляли себе в качестве домашних рабов. Похищенных людей называли «есар». [2]

В вайнахских сказаниях это довольно постоянное эпическое место. [3]

Пхегат – место схода мужчин, своеобразные посиделки. [4]

Во многих вайнахских сказаниях телят пасут похищенные в плен дети. Выражение: «шел к платку – смеялся, шел к палке – плакал» является общим местом многих произведений вайнахской эпической прозы. [5]

«Сага» – по-ингушски обозначает пожертвование. Это то же, что мусульманское (арабское «садака». Пожертвование делается в ночь на пятницу. [6]

Нарт-эрстхоец Кускуз

Нарт-эрстхойцы жили по лощинам близ реки Ясса. У нас рассказывают о дорогах, по которым они якобы ходили, местах, где они будто бы жили. О них говорят, что они были высокого роста, плотные и каждый был сильнее семерых людей. Если у кого и случалась нужда в каком-нибудь обломке скалы или в топоре, они перебрасывались ими на расстоянии. На поляне Айга стоит камень, который бросил нарт Вадал, когда он из-за чего-то рассердился. На камне, говорят, есть следы его рук. Говорят, что надгробный камень Кускуз принадлежит нарт-эрстхойцу по имени Кускуз. Близ селений Галайты и Заман-Юрт лежат камни, которые будто бы метали нарт-эрстхойцы. В Гудермесском районе много рассказывают о нарт-эрстхойцах и их подвигах.

Комментарии У. Б. Далгат.

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 288. Записано в селении Ишхой-Юрт Гудермесского района в 1960 г. со слов Магомеда Татаева

В III томе ЧФ помещен целый цикл маленьких преданий о нарт-эрстхойицах. Их особенность состоит в том, что они соотнесены с так называемыми памятниками о нарт-эрстхойцах, т. е. с курганами, большими камнями и т. п. Короткие предания говорят о нарт-эрстхойцах как о людях, будто бы проживавших некогда в той или иной местности. В художественном отношении эти рассказы не представляют особого интереса. Тексты записаны С. Эльмурзаевым в течение 1958 – 1965 гг. на плоскостном диалекте чеченского языка в основном в Ножай-юртовском и Гудермесском районах Чечено-Ингушетии и частично в Дагестане – Хасав-юртовском и Новолакском районах, где тоже проживают чеченцы. В этот цикл входят также предания «Мельничные жернова нарт-эрстхойцев», «Спор Гепака и Амира», «Башни нарт-эрстхойцев», «Теча и его возлюбленная Цай».

Башни нарт-эрстхойцев

На противоположных берегах речки Ясса стояли две башни. В одной башне жил молодец, в другой – девушка. Молодец очень любил девушку, но она не соглашалась выйти за него замуж. Когда молодец, сказав ей, что хочет она или не хочет, но все равно должна пойти за него замуж, девушка ответила: «Я пойду за того, кто в споре со мной одолеет меня силой и доблестью». Они бросили два камня на спор: кто кинет дальше. Когда посмотрели на брошенные камни, оказалось, что они на одинаковом расстоянии от места, откуда их бросили. Об этих двух камнях и говорят, что тогда-то их бросили на спор один молодец и девушка.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 289. Текст записан в сел. Мескеты Ножай-юртовского района в 1959 г. со слов писателя Абузара Айдамирова; опубликовано без названия.

Мельничные жернова нарт-эрстхойцев

Выше Зандак-аула проходит невысокий хребет, который называется Ов-Мохк. За ним протекает речка Ярхсу. Под Амар-вершинами лежат два камня, которые, говорят, были жерновами мельницы нарт-эрстхойцев. Они, действительно, по виду напоминают жернова. Некоторые уверяют, что это жернова от ручной мельницы; и действительно, на верхнем камне имеется углубление, будто бы предназначенное для того, чтобы крутить его кистью руки. Камни те такие большие, что, сидя на лошади, можно на них разворачиваться в разные стороны. На плоскогорье Шамси, близ Зандака, вокруг селений Ножаи-Юрт и Дарги, есть места, где, говорят, раньше были могилы нартов.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 288. Записано в 1959 г. в сел. Зандак Ножай-юртовского района со слов учителя Алимпаша Мартынкаева.

Как орстхойцы страну отвоевали

Рассказывают, что земли, по которым протекают реки Фартанга и Сунжа, были заняты черкесами. За эту страну [земли] с ними постоянно спорили орстхойцы. Между черкесами и орстхойцами не прекращались войны, они нападали друг на друга, уводили людей в плен, грабили. Обеим сторонам надоела эта затяжная война. И тогда черкесы сказали орстхойцам:

– Выставляйте от себя одного борца, и мы от себя тоже выставим. Земли останутся за той стороной, борец которой победит. Если же никто из борцов не победит – будем драться войском на войско, страна на страну.

Орстхойцы ответили, что они согласны. Встали друг против друга войска орстхойцев и черкесов.

– Выводите своего борца, – сказали черкесы и вывели вперед своего борца.

Черкесский борец был очень высокий и грузный человек. Ни один орстхоец не был уверен, что сможет одолеть его. Начали они выдвигать друг друга. Так, не выходил от орстхойцев борец, и вот-вот могла разгореться война. Один старик-орстхоец велел позвать свою сноху. Любой мужчина едва доходил ростом до ее подмышек.

– Дерись с этим борцом, – сказал ей старик.

Пошла эта женщина на черкесского борца. Засмеялся черкесский борец. Он подумал, что эту женщину одолеть нетрудно. Он начал с борцовских приемов. А эта женщина-орстхойка не разбиралась ни в каких повадках [приемах] борцов; она подошла и просто схватила руками черкесского борца за талию. Как схватила, так и подняла, сдавила его руками – из него и душа вон. Испугались, растерялись черкесы. Все встали и ушли. Так орстхойцы и отвоевали страну. [1]

Люди спросили старика, откуда он узнал, что его сноха обладает такой силой. Тогда старик рассказал:

– Как-то раз я сидел и от скуки смотрел в окно. Сноха доила буйволицу. Буйволица наступила на подол ее платья. Ни окрики, ни удары не могли заставить буйволицу сдвинуться с места. Сноха подлезла под буйволицу и, подняв ее своей спиной, перенесла на другое место. Тогда я и узнал, что она очень сильная.

С тех пор орстхойцы жили на своей земле.

Комментарии У. Б. Далгат.

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 395. Предание записано И. Дахкильговым в 1967 г. на ингушском языке со слов Хамида Шалаева, жителя сел. Аршты. Галаев слышал это предание от Мухтара Даурбекова. Оригинал на ингушском языке и его русский перевод не публиковались.

Эпические рассказы о сильных женщинах, вступающих в единоборство с мужчинами, широко распространены среди орстхойцев, ингушей и чеченцев. Известно, например, и чеченское сказание примерно такого же содержания – «Черкесские хребты». [1]

Гунойцы и энкалойцы

Нарт-орстхойцы не проживали в крае гунойцев. Гундал основал Гуни-Юрт, но гунойцы – потомки Гундала, не уживались с соседями.

Как-то энкалойцы поехали в Ведено за невестой. Гунойцы устроили засаду, отбили невесту и захватили цIет (трофеи). Этот позор, нанесенный гунойцами, энкалойцы не могли смыть. Они продали много скота и за эту сумму призвали на помощь нарт-орстхойцев. Нарт-орстхойцы начали убивать гунойцев. В это время замужем за энкалойцем была одна женщина-гунойка. Она не вынесла убийства гунойцев, пригласила, говорят, на трапезу нарт-орстхойцев, напоила их ядом и всех умертвила.

По словам сказителя Гайтуркаева Мани, брак между гунойцами и энкалойцами – редкость. Против Гуни была «Белая дорога», которая после битвы гунойцев с нартами стала называться «Красной дорогой».

Комментарии А. О. Мальсагова.

«Сказания, сказки и предания чеченцев и ингушей». Грозный, 1986, с. 496—497.

Гунойцы и айткалойцы

Между гунойцами и айткалойцами возник однажды спор. Тогда айткалойцы наняли двух нарт-орстхойцев. В бою с нарт-орстхойцами погибла тысяча гунойцев. Тогда побежденные поставили последний труп вверх ногами и решили, что их больше нельзя убивать. (У чеченцев есть поверье, что последний из тысячи убитых становится на голову).

Айткалойцы сказали вдовам гунойцев, что они пришли бы к ним, если вдовы отдадут им свой край. Вдовы гунойцев приняли айткалойцев, напоили их ядом, и все они погибли. Так тысяча гуноек отомстила за своих погибших мужей.

Спустя много лет между гунойцами и айткалойцами вновь возник спор из-за земли. Во время боя между враждующими сторонами поднялся огромный холм, разделивший их зесмлю. Этот холм стоит и поныне в ауле Ларчашке и живут там айткалойцы.

Из-за чего разорили орстхойцев

Орстхойцы очень буйно себя вели. Из-за того, что они грабили, притесняли мирных жителей, их прозвали нарт-орстхойцами. Орстхойцы грабили окрест себя живущие народы. Более чем угон скота и овец, табунов коней, прибыльно было уворовать человека. Ибо, чтобы его вернуть, родственники готовы были отдать все, что у них есть. За мужчину можно было получить отару овец, за женщину стадо скота или табун коней. [1] [2] [3]

Некая шайка пленила сына кого-то из влиятельных людей вайнахов. За похищенного затребовали плату в три раза большую, чем за обычного человека. Когда, все же, им эту плату предложили, они затребовали еще большую плату. Когда ее уплатить не смогли, они убили сына того именитого человека. Разгорелась кровавая месть: стали убивать подряд всех орстхойцев, где кого застигнут; орстхойцы тоже в долгу не оставались.

Был среди вайнахов очень влиятельный человек. Он сговорился с царем, наущая его, что де, орстхойцы очень вредят государству и их необходимо выслать в Турцию. Так и сделали. [4]

Комментарии И. Дахкильгова.

«Антология ингушского фольклора». Нальчик, 2010, стр. 177—178. В 1973 году от пожилого жителя сел. Бамут Ибрагима Зовлиевича Гандалоева записал И. Дахкильгов.

В исторических источниках XIX века, когда в 1772 году орстхойцам разрещили с гор выселиться на равнмну, отмечалось, что они являются мирными скотоводами. [1]

Имеется ошибочная тенденция смешивать эпических нартов с этническими орстхойцами (см. об этом 4-й том «Антологии ингушского фольклора»). [2]

Как видим, отношение к женщинам было более преимущественным, чем отношение к мужчине. [3]

В некоторых преданиях имеется глубоко ошибочная тенденция сваливать вину за высылку орстхойцев на галгаевцев, не замечая явного и тайного агента, первейшего виновника, Муссу Кундухова. [4]

II. СОСКА СОЛСА И СЕЛА-САТА

Могучий Села

Могучий Села обитает на горе Цай-лам. Если эта гора не закрыта тучами, значит, Села отдыхает и не будет непогоды и дождей. У Селы был огромный меч, которым он рубил цолаш и шайтанов, которые подкрадывались к горе Цай-лам, чтобы навредить ему. проснувшись, он в гневе кричит и рубит их саблей. Поэтому в грозу гремит гром и сверкает молния. По воле Селы Миха-нана гоняет ветер, а Хи-нана льет дождь. [1]

Если Селе понравится какой-нибудь человек, он поражает его молнией. Узнав об этом, люди клали таких людей в склепы. Когда долго не бывало дождей, люди выносили, еще на моей памяти, тела этих людей из склепа, и Села посылал дождь, чтобы ими омыть тело этого покойника. Его дочь, которуюзовут Села Сата, была большой искусницей. Она могла за одну ночь соткать и сшить одежду на шестьдесят человек. Говорят, она дала женщинам нитки, иголку, наперсток и ножницы. Села же, говорят, дал людям саблю, кинжал и ружье. Если у Цай-лама кто-нибудь видел летающего орла, он возносил ему молитву, так как считалось, что Села иногда летает по небу в облике орла.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 85—86. Нальчик, 2012. В 1975 году от 70-летнего жителя сел. Мужичи Удина Балаева записал И. Дахкильгов.

Цолаш (цIолаш) – вредоносные духи языческой поры; с принятием ислама их место заняли шайтаны. [1]

Сказание о Села Сате

У орстхойцев была одна девушка, которую Бог создал такой красавицей, какой только мог. Никто из нарт-орстхойцев не мог жениться на ней, потому что ни один не хотел уступить ее другому. Села небесный тоже хотел обладать ею, но боялся Сеска Солсу. Пришел, наконец, смертный час этой девушки. Умирая, она сказала окружающим: «Карауль те мою могилу три ночи. Если будете караулить, Села не доберется до меня, а после трех ночей от трупа моего будет исходить запах мертвеца, и Села не подойдет к нему. Если же вы не будете караулить, то Села придет и осквернит мою могилу». [1]

После этих слов она умерла. Ее похоронили, и Сеска Солса три ночи подряд сам караулил ее могилу, но на третью ночь, под самое утро, задремал. Села воспользовался этой минутой, пришел, открыл могилу и осквернил труп девушки. Она тотчас же родила от него дочь. Когда Села собирался уже уходить, Сеска Солса проснулся, схватил свой лук и ранил убегавшего Селу. Из этой раны у Селы выходят внутренности, и урчание их производит гром. Сеска Солса взял дочь Селы и принес ее домой. Нарт-орстхойцы назвали ее Села Сатой. Она стала вдвое красивее своей матери и вышла замуж за человека, жившего на небе вместе с Селой. [2]

Млечный путь, называемый «Ча токхадаь мотт», то есть «Место, по которому пронесена солома» образовался, по преданию, в том местев том месте, где Села Сата пронесла солому для брачной постели. Уходя из дому за соломой, она приготовила из теста треугольный хлеб и положила его в горячую золу с угольками. Пока она возвратилась, два угла хлеба сгорели, а один уцелел. На небе теперь видни три звезды, образующие треугольник: одна светлая, а две темные; они называются Сата-боджал (илит треугольный хлеб Саты). Ингуши, проживающие на равнине, называют их проще: «Кхо ког» («Три ноги», в смысле: треугольник).

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 188—189. Нальчик, 2012. В 1891 году записал Башир Далгат в горной Ингушетии.

Села Сата в ингушском языческом пантеоне и сказаниях является дочерью бога грома, молнии и погоды Селы. Она почиталась как покровительница рукоделия (искусства) и новобрачных; перед замужеством девушки обращались к ней, ища помощи и защиты. Села Сата выступает то соперницей, то наперсницей дочери солнца Мялха Азы.

Боялся Сеска Солсу – в этом сказании и в ранее привиденном «Сеска Солса и Горжай» между нартом Сеска Солсой и богом Селой существует вражда, в результате которой Сеска Солса ранит бога Селу. Не зря Сеска Солса был возведен в языческий пантеон ингушей. Тут, возможно, имеет место соперничество нового бога с состарившимся богом, Селой. [1]

За человека, жившего на небе вместе с Селой, и при том с богом Селой человек никак жить не мог, поскольку Села обитает на своей тронной горе – Цай-лоам, а не на небе. На самом деле, согласно народной памяти, богом неба был Хало, к которому и ходила Села Сата. [2]

Как Соска Солса победил Сартала

Села Сата ходила по воду к роднику, что стекает со священной горы Цай-лоам. У родника лежал большой камень. Набрав воды, временами Села Сата садилась на этот камень и отдыхала. Иногда из вод ручья появлялась Хи-нана – Мать вод. Тогда они проводили время в приятной беседе. Вот как-то Села Сата задержалась у родника. Ее очень любил юноша Нyртби. Но Села Сата его и близко к себе не подпускала. Как-то, посидев на том камне, Села Сата ушла. Через какое-то время туда на водопой Нyртби привел своего коня. Пока он пил, Нyртби сидел на том камне. А он был еще теплый. Дело же было зимою. Сидя на том камне, тело Нyртби взыгралось, и от его тела брызги попали на тот кремневый камень. Нyртби очень постеснялся случившегося, посчитал себя опозоренным и ушел из тех мест в дальние края навсегда. С тех пор Села Сата больше не видела его. [1] [2]

Продолжая ходить по воду и временами садясь на камень, Села Сата стала замечать, что что он стал вспучиваться. Они спросила Хи-нану:

– Не слышала я и не видела, чтобы камень рос и пучился. А вот этот камень пучится и становится толще. В чем дело?

– Этот камень забеременел вместо тебя. Еще через три недели из этого камня выйдет чудесный ребенок. Это твой сын. Расти его, и ты не пожалеешь, – сказала Хи-нана.

Подхватила Села Сата под одну руку этот камень, а под другую кувшин, величиной в три бочки, и направилась домой. С того дня она стала на живот накладывать подушечки и притворяться беременной. А камень тем временем все толстел и пучился. По прошествии трех недель Села Сата вдруг проснулась в полночь. Дом весь озарился светом. Камень с громовым треском разлетелся на две части, а на полу оказался мальчик удивительной красоты. От него исходило сияние.

Сели нарты судить-рядить: что это за мальчик, от кого он явился, если Села Сата не замужем. Тогда Села Сата послала человека сказать этим судьям, что она тайно венчалась с мужчиной по имени Соси, который живет на окраине соседнего села. Соска был мужчина [3]

одинокий и в годах. Села Сата предусмотрительно подкупила его и научила, что надо говорить. Соси на этом суде подтвердил слова Села Саты, и ее оставили в покое.

За мальчиком закрепилось имя Соска Солса. Рос он день ото дня необычайно быстро. В играх не проходу сельской детворе. Не зная куда девать силы, он каждого встречного

ровесника валил наземь. Сельчане стали роптать на Селу Сату, стали попрекать ее непослушным сыном, просили угомонить его.

На окраине села в своей мастерской жил и работал кузнец Жов-Бятар. Села Сата попросила его: [4]

– Возьми этого мальчика к себе. Научи его кузнечному ремеслу. Он сильный, будет раздувать тебе меха.

– Мне-то что! Пусть работает, – ответил Жов-Бятар.

Мальчик оказался силою равным юноше, и кузнец остался им доволен. Мальчик одною рукою раздувал меха, а другой бил молотом по наковальне. К вечеру мальчик почему-то становился красным, как железо, накалившееся в горне. После работы вечером

он купался в реке, а затем шел домой. Когда же он купался в реке, вода закипала от исходившего от него жара. Жов-Бятар удивлялся этому и стал следить за мальчиком.

Работая, кузнец искоса поглядывал за ним. Заметил, что лишь только он отвернется, как мальчик тут же хватал двумя пригоршнями горящие угли и отправлял их в рот… «Нет

ничего удивительного в том, что тело мальчика накаляется, а когда он купается – вода в реке закипает», – отметил про себя кузнец.

Встретив Села Сату, он сказал ей:

– Из твоего сына вырастет доселе невиданный нарт. Телом он у тебя булатный и потому неуязвимый. [5]

– Откуда ты это знаешь? – поинтересовалась Села Сата.

Кузнец ей передал, все, что видел, и сказал:

– Хотя твой сын для меня незаменимый сподручник, но Всевышний не предназначил ему быть кузнецом. Он рожден нартом для походов и битв. Лучше забери его.

Села Сата отдала его в дружину нартских наездников. Когда кто-то из них приносил из похода одну долю длбычи, Соска Солса приносил их две. Однажды Соска Солса и нарты

пошли в поход в какую-то дальнюю страну. В те времена жил печально известный царь Сартал. Его еще называли царь Сармак, т. е. царь-Дракон. Он носил двойное имя, потому [6]

что днем он имел человеческий облик, а ночью обретал облик дракона. Днем он вел себя как человек, а ночами вредил людям.

Как-то, когда Соска Солсы не было дома, царь Сартал явился к Села Сате и предложил ей выйти за него замуж. Поговаривали, что у Села Саты был муж Соси, но уже и год прошел, как он умер. По обычаю, вдова может повторно выйти замуж лишь по

прошествии года со дня смерти мужа. Потому-то царь Сартал и явился с предложением по прошествии этого, обычаем установленного, срока.

– У меня сын уже взрослый, о замужестве у меня и мыслей нет. Брось эту глупую затею и иди своей дорогою, – ответила ему Села Сата.

– Твой сын вырос быстро, не по годам, а ты еще молода. Не выдумывай причин. Будет лучше для тебя и для твоего села, если ты выйдешь за меня!

– А при чем тут мое село? – удивилась Села Сата.

– А при том, что если ты не пойдешь за меня, я всех уничтожу, а село сравняю с землею, – ответил он.

Чтобы выиграть время, Села Сата попросила его:

– Дай мне сроку три дня: ведь такие дела не решаются так скоро. Мне надо посоветоваться с роднею.

– Даю тебе три дня. По их прошествии выйдешь за меня – станешь царицею, не выйдешь – ты и все вы погибнете.

Пригрозив, царь Сартал ушел. А Села Сата стала оглашать по селу:

– Я владею несметным количеством золота. Все его я отдам тому, кто сразится с ненавистным царем.

Никто не отважился ответить на ее призывы. Завидев ее издали, жители села закрывали окна и двери.

Некая косоглазая старуха сказала ей:

– Ведь у тебя твой собственный сын является нартом. Пусть он и сразится с этим царем.

– В эти три дня он не вернется. А явившись, сможет ли он одолеть столь сильного врага? – причитала Села Сата.

– В эти три дня он и вернется. Он сразится. Он и прижмет Сартала к земле, – стала уговаривать старуха. – Но убить его он не сможет, пока не лишит царя его правого глаза. В нем находится душа царя Сартала.

Пошла Села Сата к своему отцу – богу войны, грома и молнии Селе и попросила у него помощи. Села ответил:

– Негоже мне впутываться в дела людские, но поскольку ты моя дочь, я должен тебе помочь. Пусть твой сын Соска Солса лишь сбросит врага наземь. Как только глаза Сартала обратятся к небу, я пущу в его правый глаз стрелу и выбью его проклятую душу. [6]

На третий день Соска Солса прискакал домой. Но не успел он еще до дому доехать, как сельская молва ему поведала о домогательствах царя Сартала, о его угрозе уничтожить

всех до единого, о том, что некому с ним справиться. «Навряд ли будет так, как того желает злобный царь», – подумал про себя Соска Солса и вошел в дом. Села Сата сидела и шила

наряд невесты. Она все же решила, что лучше ей выйти замуж, чем подвергать сына смертельной угрозе.

– Чем ты занята? – спросил сын, хотя хорошо все приметил.

– Ты вырос, и я теперь решила выйти замуж за царя Сартала. Не думаю, что ты будешь против.

– Слышал я, что некоторые женщины на старости лет бывают неугомонными. Но до сего дня не верил этим слухам. А теперь вижу, что это правда, – возмутился он, выхватил из ее рук шитье, разорвал его и бросил оземь.

Нашел он в селе ту косоглазую старуху, дал ей золото и послал к Сарталу сказать: «Села Сата за тебя замуж не пойдет, и если ты не трус, то тебя на окраине села в таком-то месте ждет Соска Солса, чтобы с тобою сразиться».

Старуха в точности все исполнила. Сартал возмутился настолько, что от скрежета его зубов полетели искры, а уздечку коня он дернул так, порвал пасть коня. Поскакал он к

указанному месту. Что тут говорить! Разгорелся страшный бой. Бились саблями, пока они не разлетелись на куски. Стали они тогда дергать из земли чинары и биться ими. Не стало

вокруг чинар – схватились за куски скал. Наконец повезло Соске Солсе. Ударил он Сартала обломком большой скалы и сбил его наземь.

А бог Села тем временем с небес следил за боем. Лишь только Сартал упал навзничь, а затем его глаза обратились к небу, Села стрелой поразил его в правый глаз и вышиб грязную душу Сартала. Так погиб ненавистный царь Сартал, ночами превращавшийся в дракона.

Много походов совершил Соска Солса. Много сложили сказаний о нем и о его мудрой матери Села Сате.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 50—54. Нальчик, 2012. В 1993 году от 68-летнего беженца из села Яндиево Мусы Терсботовича Албакова записал И. Дахкильгов.

В этом сказании повторяется мотив рождения Соска Солсы из камня, а Села Сата также выступает его побочной матерью. Здесь же имеется мотив, свойственный героико-эпическим песням; враг домогается любви девушки (женщины), которую первоначально никто не отваживается защитить. Борьба главного героя с Сарталом-драконом сближается со сказочным мотивом драконоборчества.

Цай-лоам – словом «цай» ингуши обозначают святые, божественные места, праздники; «лоам» – гора. Эта божественная гора считалась троном грозного бога войны, погоды, грома и молнии Селы. По сказаниям, он является отцом Саты. [1]

Хи-нана – буквально «Мать воды» – древняя и добрая богиня, образ которой восходит ко временам матриархата. [2]

Соси – является ингушским произнесением библейских имен Иисус, Иосиф. Как явствует из текста, Соси введен в сказание лишь затем, чтобы как-то объяснить имя отца главного героя Соска Солсы, а заодно и уберечь честь Селы Саты. [3]

Жов-Бятар – Бятар – имя собственное, восходящее к тюрко-монгольскому имени Батыр (Богатур). Жов – большой молот. [4]

Здесь приведен своеобразный метод закалки главного героя. Общетипичным местом является утверждение, что тело Соска Солсы было из булата (закаленным), хотя по рождению героя можно возвести к эпохе каменного века. По всем остальным признакам он ярчайший представитель века железного. [5]

Сартал – он же и «сармак» (дракон). Этот дракон является персонажем ингушских мифов, сказаний и сказок. Возможно, что само имя Сартал и есть искажение сармак. Есть предположение, что слово «Сармак», возможно, восходит к этнониму «сармат». [6]

Стрела бога Селы – имеется в виду молния. [7]

Как родился Соска Солса

Одна девушка доила коров. Близ того места, где она доила, лежал синий камень. Молодой человек, любивший эту девушку, сел на этот камень, и, глядя на нее, пришел в возбуждение, отчего с ним произошло что-то; и от этого в камне образовался зародыш Соска Солсы. Об этом узнала святая женщина Сели Сата, она разбила камень и взяла оттуда Соска Солсу. [На мой вопрос, был ли Соска Солса народным героем и приносил ли он пользу народу, Газбык ответил, что он помогал только своим орштхоям, своим близким, но всему народу не был полезен. Вообще все орштхои грабили и обижали других людей.] [1] [2]

Комментарии У. Б. Далгат.

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 287. Сказание записано Б. Далгатом на русском языке со слов сказителя Газбыка.

Синий камень считается у ингушей особенно прочным. Рассказывают, что из него в далекие времена делали подземные тюрьмы для пленников. [1]

Сели Сата – имя собственное, встречается только в эпических сказаниях. Сата – дочь языческого бога Сели, который повелевает громом и молнией. [2]

Солса и Батига Шитка

У нартов был тамада по имени Соска. Его считали чуть ли не падишахом. Жена у него была своенравная. Однажды между супругами случилась размолвка, и, обидевшись, Соска ушел из дому к реке и сел на большой камень. Но прошло немного времени, как жена образумилась и пошла к нему. Подошла она сзади и, дотронувшись до плеча, предложила ему идти домой. Соска встал. И тут на виду у них камень лопнул, и посреди его появился мальчик. У этих супругов детей не было, и потому жена с радостью взялась за ребенка, но он был столь горяч, что обжег ее руки, но мальчик тут же сказал: [1]

– Не выпускай меня из рук. Как взяла, так и положи в реку.

Выкупала она его в реке, и тело ребенка стало стальным.

Вскоре от какой-то болезни Соска скончался, а мальчик почему-то заболел. Будучи вещим, он сказал матери:

– Пойди во-он по той дорожке, и там вдали ты увидишь родник. Если я выпью его воды, я выздоровею. Но учти, родник охраняет некто Батиг. Постарайся у него добыть этой воды.

Подошла она к тому роднику. Батиг сидел при нем и охранял его. Женщина обратилась к нему:

– Мальчик мой болен, просит воды из твоего родника, считая, что эта вода его исцелит. Дай же мне воды. [2]

– Эта целебная вода так просто не раздается. Ты должна пробыть у меня один год, и лишь тогда ты получишь эту воду.

Прожила она с Батигом год, и у них родился мальчик. Батиг сказал ей:

– Мальчик этот необыкновенный, владеет он разными чудесами. Он будет твоему сыну и братом, и другом. Бери воду и забирай к себе мальчика.

Пришла она домой, держа в одной руке мальчика, а в другой кувшин с водою. Лишь только мальчик с ее руки увидел другого мальчика, он тут же воскликнул:

– Приветствую тебя, Соска Солса!

– И я тебя приветствую, Батига Шитка! – ответил Соска Солса.

До того дня у этих детей имен не было. Они сами нарекли друг друга. Соска Солса выпил воды из того родника и тут же выздоровел. Выросли они. Подобно своему отцу, Соска Солса стал тамадою нартов. Шитка имел дар внезапно исчезать, а затем внезапно же появляться вновь. Он свободно уходил в подземный мир Эл, а потом вновь являлся в этот солнечный мир.

Мать Соска Солсы прослышала, что орстхоевцы напали на назрановцев, заперли их в каком-то доме и собираются поджечь его. Прибежала она к себе домой и стала укорять Соска Солсу: [3]

– Чего ты разлегся? Ведь орстхоевцы напали, пленили назрановцев и собираются их сжечь. Скорее езжай к ним на подмогу!

– Как я поеду, когда у меня нет ни коня, ни оружия?

– В свое время отец позаботился о тебе. Во-он на краю нашего сада имеется большое подземелье. В нем стоит твой конь, там же развешано и припасенное для тебя оружие. Расчистил он то место и увидел в подземелье богатырского коня и много самого разного хорошего оружия. Вооружившись, сел он на коня и выехал во двор. Мать стала напутствовать его:

– Когда доедешь до места, то не заезжай через ворота, а прямиком перескочи через ограду и ошарашишь врагов громовым криком.

Поскакал он. Доехал, увидел большой дом, в котором были заключены назрановцы, а вокруг дома была высоченная ограда. Вот-вот враги собирались все это поджечь. Не стал

он искать ворота, а прямиком перескочил через высокую ограду. Изумленные враги застыли на месте. Казалось, гром гремит, когда он прокричал:

– Кто во здравии, пусть выходи; кто идти не может, того на руках вынесите!

Начал он скакать по двору и рубить врагов. Кого убил, тот погиб, кто сумел – тот сбежал. Уничтожил он врагов и освободил назрановцев.

Когда Соска Солса вернулся, нарты сказали, что народ размножился и потому необходимо поделить пастбища. При дележе каждому досталось большое поле.

Батига Шитка же сказал:

– У меня всего-навсего один конь. Мне большого пастбища не надо. Лучше дайте у реки небольшую делянку, и этого мне будет достаточно.

Нарты с радостью удовлетворили его просьбу. Но ведь известно, что у реки пастбище бывает наиболее сочным. Вскоре конь Батига Шитки так разжирел, что его хребет не прощупывался. Соска Солса это задело. Послал он кого-то отрезать верхнюю губу коня Батиги Шитки. Вечером нарты сидели на пхегате – майдане, когда стал возвращаться сельский табун. Громко смеясь, Соска Солса воскликнул:

– Смотрите-смотрите, конь Батига Шитки настолько возгордился от своей справности, что начал смеяться!

– А чего ему не смеяться, когда он видит перед собою коней бесхвостых, словно девиц без шаровар, – ответил Батига Шитка.

Тогда только нарты обратили внимание, что все их кони не имеют хвостов. А произошло это потому, что, как только у коня Ботиги Шитки отрезали губу, вещему Батига Шитке это стало известно. Он тут же пошел в табун и поотрезал хвосты нартских коней. Увидя такой срам, Соска Солса потянул из ножен саблю. Поняв, что дело приобретает нешуточный ход, Батига Шитка тут же исчез.

Комментарии И. Дахкильгова.

«Ингушский нартский эпос», стр. 57—59. – Нальчик, 2012. В 2003 году от депортированного из сел. Базоркино Ази Куштова записал И. Дахкильгов.

Как видим, тут и далее имя Ботки Ширтки (Боткий Ширткъа иногда произносится в несколько искаженном виде.

Эта женщина напоминает Села Сату. [1]

Раньше некоторые родники являлись частной собственностью, если они находились на территории собственника. [2]

По всей вероятности, в этом сказании отразился единственный и некогда случившийся конфликт между орстхоевцами и назрановцами. В те времена обычными были территориальные [3]

споры и взаимные набеги. Информатор Ази Куштов разделяет орстхоевцев и назрановцев, противопоставляет их.

Мотив взаимных насмешек нартов и Боткий Ширтки был зафиксирован еще Ч. Ахриевым. Сам мотив отказался столь живучим (видимо, из-за своей анекдотичности), что дошел до наших дней, причем не только у ингушей, а и у сопредельных им терлоевцев (из общества ТIерло).

Сноровистая Села Сата

У нартов не было ни пшеницы, ни ячменя, ни проса. Села Сата считалась матерью нартов. В ее доме обитала ширтка-ласочка. Иногда Села Сата хвалила ее, приговаривая:

– Ласка хорошая, а мышь плохая. Ласка хорошая, а мышь плохая…

Ласке эта похвала настолько нравилась, что она начинала кружиться в танце. А когда она начинала танцевать, то тут же превращалась в волшебника Боткия Ширтку. У него была чудесная коляска из латуни. На ней он отправлялся то в тот подземный мир, то возвращался

вновь в этот солнечный мир. Поэтому-то в народе его и прозвали: «В подземный мир уходящий Боткий Ширтка, в солнечный мир возвращающийся Боткий Ширтка».

Однажды, вернувшись из-под земли, Боткий Ширтка поведал Села Сате про ешап, живущую под землей:

– В мире мертвых обитает страшное существо ешап. У нее есть много такого, чего нет в солнечном мире. Я иду от нее, наевшись каши.

– Каша? А что это такое? – поинтересовалась Села Сата.

Боткий Ширтка начал объяснять, что такое каша, но Села Сата стала притворяться, что ничего не понимает. Тогда Боткий Ширтка сказал:

– Садись в мою коляску.

Села она рядом с ним. Весело покатилась коляска куда-то к уходящей в землю пещере и сквозь нее привезла их в подземный мир.

– Видишь, во-он сидит могучая женщина? – спросил Боткий Ширтка.

– Вижу, – ответила она.

– Ложись здесь и притворись, словно с тобою случился припадок. Ешап подойдет к тебе и станет расспрашивать: почему ты здесь лежишь, что умеешь ты делать и о разном другом. А ты ей ответь: «Потеряла сознание и очутилась здесь, а сама по себе я хорошая

хозяйка. Эта ешап не имеет служанки, и потому ей туго приходится. Она возьмет тебя в услужение. А как быть дальше и что делать, ты сама поймешь.

Словно человек, лишившийся чувств, лежит Села Сата посередине дороги. Боткий Ширтка подошел к ешап. Поговорив с нею о разном, он спросил:

– Кто эта женщина, что лежит там, на дороге?

– Где? – спросив и увидев Села Сату, ешап подошла к ней, подергав и похлопав, привела ее в чувство и спросила:

– Кто ты и как сюда попала?

– Хозяйничала я у себя в доме и внезапно потеряла сознание. А очнувшись, я почему-то оказалась здесь.

– Так ты умеешь хозяйничать по дому? – поинтересовалась ешап.

– Да, меня считают умелой хозяйкой, – ответила Села Сата.

– Ты попала в те места, куда обычный человек не попадает. И теперь деваться тебе некуда. Я оставлю тебя при себе, будешь помогать мне по хозяйству.

Стала Села Сата хозяйничать в жилище ешап. А поскольку в этом деле с нею никто не мог сравниться, жилище ешап просто сверкало от наведенных чистоты и порядка. Всему этому ешап была несказанно рада. А у ешап был ячмень, которого у людей еще не было. Села Сата до тех пор ничего не знала и про наперсток, иглу и ножницы, которыми владела ешап. Тем временем Боткий Ширтка уже ушел в солнечный мир, пообещав Села Сате вернуться к такому-то времени.

Все, что было у ешап, и все, что она умела, не ускользнуло от Села Саты.

В назначенное время в подземном мире незаметно появился Боткий Ширтка. Он посоветовал Села Сате:

– Втайне от ешап изготовь ячменную кашу и спрячь ее где-нибудь в теплом месте. Воон в той коробке она держит хмель. Когда ешап ляжет спать, всю ночь вари эту кашу, добавив нее воду, мед и хмель. Затем опять поставь эту кашу на недельку!.. А тем временем я вернусь и скажу, что делать дальше.

Посоветовав все это, Боткий Ширтка сел в свою коляску и укатил в солнечный мир.

Села Сата сделала все так, как он посоветовал: и варила, и мед с водою добавляла, и сыпала туда хмель. Изготовила она большой котел жидкой каши.

Прошла неделя, и вернулся Боткий Ширтка.

– Скажи ешап, – посоветовал он, – что, чтя ее и желая ей угодить, ты приготовила эту сладкую кашу. Скажи: не обессудь, что она жидка, потому что, дескать, так ее готовят у нас. Похвали кашу, как можешь, и заставь ешап побольше съесть ее. Если так все и случится, она заснет крепким сном. Тогда бери у нее все, что тебе надо, и явись на это место.

Стала Села Сата еще обходительнее с ешап. Говоря, что приготовила особую кашу, которая в солнечном мире молодит людей, делает их бодрыми, она добилась того, что ешап съела всю кашу из котла. Захмелев, ешап разыгралась. Похвалила она Села Сату и наказала ежедневно варить подобную кашу. Стала она танцевать и петь песни. Затем, сказав, что ее тянет ко сну, она легла и уснула мертвецким сном. А ведь это была не жидкая каша, а непроцеженное пиво. И надо знать, что готовить его Села Сату научил Боткий Ширтка.

Села Сата взяла семена пшеницы, ячменя, проса, кукурузы. Также взяла наперсток, иглу и ножницы. Вскочила она в коляску Боткий Ширтки, и они вскоре вернулись в солнечный мир. С тех пор жизнь нартов облегчилась, потому что появились урожаи злаков; к тому же с помощью наперстка, иглы и ножниц Села Сата стала шить им красивую и прочную одежду. Принарядились и повеселели нарты. Когда-то потом Боткий Ширтка спросил у ешап:

– А где та служанка, что была у тебя в доме? Ты ее прогнала.

– Эта служанка оказалась хитрой женщиной. Уходя, она много чего хорошего унесла у меня. А вкус каши, которой она меня накормила, до сих пор стоит у меня во рту.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 191—194. Нальчик, 2012. В 1994 гогду от 68-летнего беженца из села Яндиево Мусы Терсботовича Албакова записал И. Дахкильгов.

По всей видимости, некогда в этом сказании был запечатлен процесс изготовления пива, но с принятием ислама, когда пиво уже перестали изготавливать, в этом сказании место пивного солода заняла жидкая каша. [1]

Спор между Села Сатой и Мялха Азой

Бог Хало владел небом. В его дружине находилось шестьдесят три воина. Наступил срок ему жениться. Он находился в сомнении, не зная на ком жениться, потому что в мире [1]

были две прославленные красивые девушки – Села Сата и Мялха Аза. Кого из них выбрать, он никак не мог решить. [2]

Его шестьдесят три нарта столь долго ходили в походы по бескрайнему небу, что одежда их основательно пообносилась. Необходимо было одеть воинов во все новое. И тут Хало сказал тем прославленным двум девушкам:

– Я женюсь на той из вас, которая в одну ночь сошьет для моих шестидесяти трех нартов одежду, которая каждому из них была бы впору.

Ночью, когда нет солнца, Мялха Аза не имела права никуда выходить, поскольку ее жизнь была связана с солнцем. Но этот запрет не касался Села Саты, поэтому она в полночь пошла в палаты, в которых спали те шестьдесят три нарта, и в одно мгновение на глаз сняла с каждого из них мерку. Утром засели и к вечеру закончили шить Села Сата и Мялха Аза. Сшитые одежды отдали тем шестидесяти трем всадникам.

Мялха Аза, отдавая сшитую одежду, сказала:

– Пусть каждый наденет то, что ему впору.

Села Сата же каждому всаднику отдала именно для него сшитую одежду. Сшитое Мялха Азой кому-то оказалось впору, а кому-то великовато, а другому маловато. А вот сшитое Села Сатой каждому нарту оказалось как раз по нему. Села Сата победила в этом деле. Хало женился на ней, а не на Мялха Азе. Но вот если бы Мялха Аза имела право ходить по миру и в ночное время, и, если бы она хотя бы краем глаза сумела глянуть на тех нартов, вот тогда только и можно было бы точно узнать, которая из двух девушек более искусна.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 194—195. Нальчик, 2012. В 1994 году от 68-летнего беженца из села Яндиево Мусы Терсботовича Албакова записал И. Дахкильгов.

Хало (ХІало – по-инг.) – бог неба. В горной Ингушетии имеются развалины храма ХІало-ерда. В обрядовой песне вызывания дождя также обращаются к богу Хало. По имени и функции этот бог напоминает урартского бога Халди. [1]

Маьлха Аза – дочь Солнца Аза. [2]

Гарбаши (великаны-чудовища)

Гарбаши были до того огромны, что громадный нарт Соска Солса верхом на коне проехал через отверстие тазовой кости одного из них. Соска Солса удивился и стал просить Бога, чтобы он воскресил великана, но без глаз. По просьбе Соска Солсы Бог воскресил великана; великан стал просить Бога, чтобы он дал ему глаза. Тогда Соска Солса испугался, как бы Бог не исполнил просьбу великана и стал молить, чтобы тот опять умер. Гарбаш умер. Эти великаны жили на земле раньше нартов.

Комментарий У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 274. Текст записан Б. Далгатом на русском языке в 1892 г. со слов сказителя Газбыка.

Соска Солса и тазовая кость

Давным-давно жил человек Солса. Люди жили тогда под землей в больших подвалах, выложенных камнем; эти подвалы в некоторых местах сохранились до сих пор. Солса был весьма умный и честный человек; он родился не от обыкновенной женщины, а прямо произошел от Бога. Однажды Солса проезжал по подземелью и ему встретилась на дороге тазовая кость человеческая, такая большая, что Солса на коне проехал сквозь нее.

Потом Солса опечалился, что нарушил спокойствие мертвого человека. Солса стал просить Бога, чтобы он воскресил этого человека в таком виде, каким он был прежде, и ударил кость плетью. В то же время из кости сделался человек, такой большой, как гора, но он был слеп и не мог видеть солнца. Солса просил об этом Бога, чтобы большой человек не сделал ему вреда.

Большой человек громко спросил: «Кто оживил меня?». «Я, Соска Солса!». (Соска прибавлено для обозначения имени отца). «Отчего же ты не дал мне зрения?» – спросил большой человек. Соска Солса отвечал: «Если бы у тебя было зрение, ты бы съел весь свет». «Что это за свет? – говорит большой человек. – Здесь прежде был один лес!». «Нельзя тебе рассказать, – отвечал Соска Солса. – Скажи мне, что ты прежде ел?». Вместо ответа большой человек пошарил кругом и, взяв большой камень, растер его руками и начал есть. «Мы ели это, – сказал большой человек, – и все, что нам попадалось». «Как же вы воевали друг с другом? – снова спросил Соска Солса. Тогда большой человек вырвал чинару, поспешно очистил и бросил ею в Соска Солсу. Но последний, увидев приготовление большого человека, заранее отошел в сторону.

Большой человек, бросив дерево, сказал про себя: «Я убил этого муравья за то, что он разбудил меня без зрения». «Как же ты убил меня, когда я жив?», – возразил Соска Солса. Большой человек в ответ на это сказал: «Кто родится после нас, те будут умнее нас, мы стыдились спасать себя от смерти и убивали друг друга чинарами». «Как же вы могли храбро воевать между собой, когда у вас была такая плохая пища, как ты показал мне, – песок, камень?», – говорит Соска Солса. Большой человек сказал ему: «Поезжай по этому своду до конца, там стоит береза, под ней лежат два хлеба, возьми и принеси сюда».

Соска Солса поехал, как сказал большой человек, нашел хлебы и привез их. Тогда большой человек спросил: «Как тебе кажется, хороши эти хлебы?». «Мне кажутся они очень хорошими, – отвечает Соска Солса. – Я был сильно голоден, откусил один только кусок и теперь сыт». «С этими двумя хлебами, – сказал большой человек, – мы могли путешествовать четыре месяца, а вы чем питаетесь?». «Мы маленькие, – говорит Соска Солса, – а все-таки мне кажется, что этих хлебов мало и на один раз».

«Должно быть, плохо на свете, – сказал большой человек, если вам на один раз идет столько хлеба, сколько нам шло на четыре месяца. Ты меня разбудил, дай же мне и зрение, а если не дашь, то сделай меня опять костью». Соска Солса взмахнул плетью – и большой человек стал опять тазовой костью.

Комментарий У. Б. Далгат.

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 273. Записано Ч. Ахриевым на русском языке. Текст опубликован без названия.

Соска Солса и человеческий череп

Как-то ехал Соска Солса по дикому полю. Начало смеркаться, и он стал присматривать, где бы остановиться на ночлег. Тут он увидел круглую гору, а в ней пещеру, в которую въехал, сидя на коне. Утром, когда стало светло, он увидел, что в нее ведут два одинаковых входа. Выехал Соска Солса из пещеры и когда немного отъехал, он увидел, что это был огромный человеческий череп. «Каким же огромным был человек, которому он принадлежал?», – подумал Соска Солса и взмолился к Всевышнему с просьбой оживить этого человека, но только так, чтобы он не мог ходить, а только сидеть.

Все, что Соска Солса просил у Бога, всегда исполнялось. Ожил великан, огромный, как гора. Дунул он вокруг себя и разогнал тучи. Соска Солса приветствовал его, тот, ответив на приветствие, спросил:

– Кто меня оживил? Почему отнялись мои ноги и я не могу встать?

– Потому, что я так попросил у Всевышнего. Мы, люди, ростом всегос твой палец, и ты бы нас просто перетоптал, как муравьев.

– Вижу, вы ростом весьма малы. Хочу хотя бы узнать вашу силу. Швырни-ка в меня камень, – попросил великан.

Бросил Соска Солса камень с кулак и попал великану в живот. Великан ничего не почувствовал. Он пошарил вокруг себя, оторвал кусок скалы и сказал:

– А теперь я швырну в тебя камнем.

Только он швырнул, как Соска Солса быстро спрятался за соседнюю скалу.

– Люди испортились, – сказал великан, – мужественный воин должен смеясь принимать удары, а не прятаться, как трусливая старуха.

Великан затем в ладони растер камень в песок:

– В наше время даже в камнях было масло, горы были полны разной дичи, урожаи были высокие. Старшие заботились о младших, младшие чтили старших. Люди не знали коварства, зависти и подлости. Честь ценилась превыше всего. Однако уже в наши дни говорили, что наступят такие времена, когда люди измельчают, начнут подличать, потеряют честь и стыд.

– Да, ты прав! У нас сильный обижает слабого и люди не гнушаются дурных поступков.

– Это не мое время. Зря ты меня оживил. Верни мне мой прежний облик черепа. Не хочу жить в такое время.

Соска Солса вновь взмолился и попросил Всевышнего, чтобы великан вновь стал костью. Тут же великан стал черепом.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 67—68. Нальчик, 2012. В 1961 году от 84-летней жительницы села Джейрах Лизы Мейдильговны Льяновой записал Магомет Арскаевич Льянов.

Сеска Солса и вампал

Однажды вверх по ущелью Ассы ехал Сеска Солса. Вдруг он увидел ручей крови, текущий стремительно, как вода из родника. «Ой, что это значит?», – удивился Солса. За Эршем, поднявшись по течению крови, он увидел огромного, словно гора, вампала. Мучимый сном, держа наголо меч перед собой, вампал, как только его клонило ко сну, ударялся головой об его острие. От этого и текла кровь. [1]

Солса, подскакав к вампалу, спросил: «Что ты делаешь? Зачем бьешься головой об острие меча?». «Вверх по этой дороге должен проехать один вампал, он увел от меня жену и везет ее с собой. Если я усну, то он проедет незамеченным. Поэтому я бодрствую. Как только меня начинает клонить ко сну, я просыпаюсь, ударившись головой, об острие сабли», – ответил вампал. – «Можешь спокойно уснуть. Как только покажется твой враг, я разбужу тебя», – сказал Сеска Солса. «Ты меня не добудишься, если даже будешь бить мечом. Правд, я мог бы улечься под этой чинарой, если ты при появлении вампала, подрубив чинару, свалишь ее на меня», – сказал вампал. «Я сделаю все, как ты сказал», – ответил Сеска Солса.

Улегшись, вампал мгновенно уснул. Солса стал на страже. Через некоторое время показался вампал, большой, как гора. Позади вампала [на крупе коня] сидела такая же огромная женщина. Солса быстро подрубил чинару и разбудил вампала. Проснувшись, вампал увидел своего врага и сказал: «Теперь мы начнем драться. Если я его осилю, на моей спине между лопатками появятся изображения солнца и месяца. Только не спрашивай меня, что это такое. Если ты спросишь, я тут же умру». «Не буду спрашивать», – обещал Солса.

Тогда стали вампалы биться. Вырывая с корнями столетние чинары, они, зажав их, будто прут, между пальцами, очищали от листвы и ударяли друг друга. Во время драки женщина-вампал сидела в стороне и спокойно пряла шерсть. «Из них для меня кто-нибудь да останется в живых», – думала она. Наконец, вампал, знакомый Солсе, победил, а другой пал замертво. Как только он испустил дух, у оставшегося в живых вампала между лопаток показались изображения солнца и месяца.

Увидев это чудо, Солса застыл от удивления. Придя в себя, он подумал: «Если бы умер и этот вампал, женщина досталась бы мне». Сеска Солса спросил вампала: «Что это за изображения появились на твоей спине?». «Почему ты совершил такую подлость?», – воскликнул вампал и тут же умер. Тогда стала причитать женщина-вампал: «Как ты мог сделать это? Я осталась теперь жалкой сиротой! За кого я выйду замуж?». [2]

Солса, усевшись на коня и хлестнув его плеткой, сказал: «Разве я не человек? Ты выйдешь за меня». «Если бы ты ростом был хотя бы мне до пояса, я вышла бы за тебя», – ответила женщина. Сеска Солса встал носками на луку седла и из всех сил протянул плетку кверху, но не дотянулся до ее пояса. Так он узнал, что женщина-вампал ему не пара. Солса остался на месте, а женщина, причитая о вдовьей доле, медленно направилась вверх по ущелью Ассы.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 277. Записано Д. Мальсаговым на ингушском языке, в 1928 г. со слов И. Богатырева.

Эрш – небольшое селение, которое находилось в Ассинском ущелье. Вампал сидит чуть повыше Эрша. В этом месте начинается наиболее суженная часть ущелья. [1]

Сеска Солса нарушает данное слово, допускает коварство и губит (без всякой пользы для себя) безвинного вампала. Этот эпизод в сказании вызывает отрицательное отношение к Солсе и объективно способствует отрицательной характеристике нарт-орстхойцев (хотя таковым Сеска Солса здесь и не обозначается). [2]

Соска Солса и разбойники

Как-то Соска Солса ехал вниз по Ассинскому ущелью. Ехал он по берегу реки. Она же в тот момент текла столь плавно, что стала убаюкивать его. Спешившись, он прилег. Тут подоспели разбойники. «Эге-е, богатырь в нашей власти!», – решили они. «Какой у него хороший меч», – стал говорить один из них. Другой сказал: «В его шапку я буду наливать пойло для собак». Третий произнес: «Из двух его сапог я сделаю себе салазки».

Солса же приснилась жена вампала. Снилось ему, что он уже вот-вот достанет до ее поясницы, и, еще сонный, стал распрямляться телом, а потом и вовсе встал на ноги. «Это какой-то мощный богатырь», – сказав, испуганные разбойники пустились наутек.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 109. В 1973 году от 80-летнего жителя села Бамут Паскоша Дадиевича Махаури записал И. Дахкильгов.

Этот текст является как бы продолжением ранее приведенного текста «Соска Солса и вампал». Подразумевается, что слушателю этот сюжет известен.

Соска Солса и Горжай

Давно это было. Сидели орхустойцы; между ними находился Соска Солса. Они рассуждали: «Есть ли такой край, где бы [они] не были и не грабили?». В то время, когда они вели этот разговор, возвращалась с реки одна вдова с водой. Она невольно подслушала разговор орхустойцев. Ее заметили и орхустойцы. «Она, вероятно, смеется над нашей самоуверенностью! Пойди узнай, Батоко Шертуко: может быть, она знает страну, в которой мы не были и не грабили?». [1] [2] [3]

Батоко Шертуко отправился к вдове спросить ее об этом. «Я вдова-сирота. Если ответ мой не понравится, орхустойцы могут оскорбить меня. Кто заступится за меня?». «Не бойся, скажи!», – говорят орхустойцы. «За семью горами пасется стадо Горжая, и на это стадо орхустойцы не нападали!». «Надо отправиться!», – сказали они все вместе.

Орхустойцы отправились в путь. Вот перешли они седьмую гору и увидели громадное стадо Горжая. «Стыдно и недостойно поступать тайным образом! – говорит Соска Солса. – Надо дать знать Горжаю, что орхустойцы собираются напасть на его стадо. Пусть приготовится!». Они послали к Горжаю. [4]

«Как они могут напасть на стадо, из которого посвящают богу жертвы? Это будет с их стороны святотатством! Я тебе не верю. Вероятно, между ними что-нибудь произошло», – сказал Горжай посланному и отправил его обратно. «Как же мы можем уверить его, что хотим сделать нападение, чтобы он поднял тревогу?», – сказал Соска Солса. «Его может уверить только невестка его, жена его младшего сына. Она ходит за водой того источника, из которого сам Горжай пьет воду. Если она скажет ему, то он поверит ей. Кто из вас способен завлечь женщину?», – спросил Соска Солса. «Я могу!», – сказал один из орхустойцев по имени Тахшако. [5]

Тахшако отправился рано утром, ко времени намаза, к источнику, откуда брал воду Горжай. К его приходу пришла туда любимая невестка Горжая. Он утащил ее, порвал на ней платье. Когда они возвращались, то Тахшако говорит ей: «Скажи своему свекру, что пришли орхустойцы, и в том числе Соска Солса, угнать его белое стадо», – пригрозив, что если она промолчит, то он разнесет слух, что он имел с ней любовное сношение. Он сказал, что будет ждать от нее ответа.

«Со мной сегодня сделал посрамление один из орхустойцев. Вот доказательство – разорванное мое платье. Он просил, чтобы ты приготовился к нападению на твое белое стадо», – сказала она Горжаю. «Женщина всегда остается бесстыдной! Я смотрю на тебя, как на женщину, потерявшую стыд. Как могут напасть на мое стадо, которое я посвятил с благодарностью своему создателю – богу и высоким святым. Когда я приношу жертву, то не жалею лучшего барана. Неужели есть у кого-либо жадное [корыстолюбивое] желание?». Горжай не поверил своей невестке. Невестка возвратилась к источнику, где ждал ее Тахшако, и сказала ему: «Я сказала своему свекру о намерении орхустойцев напасть на стадо, но он мне не поверил». Тахшако возвратился к своим.

«Ну, что тебе удалось сделать?», – спросили орхустойцы. «Я ждал любимую невестку Горжая у источника, и когда она явилась, я схватил ее, порвал платье на ней и велел сказать свекру о наших намерениях. Она возвратилась и сказала, что Горжай не поверил ей». «Какими средствами вызвать Горжая на тревогу?», – сказали орхустойцы. Они отправились за советом к пастухам. «Единственное средство – это убить любимую птицу Горжая, сидящую на его башне», – сказали пастухи. [6]

Тогда Соска Солса обратился к орхустойцам с следующим вопросом: «Кто из вас лучше всех умеет стрелять?». «Я могу!», – сказал один из орхустойцев по имени Орузби. Орузби, чуть только рассвело, отправился в дом Горжая и убил его любимую птицу. Рано встал Горжай

и увидел на дворе свою любимую птицу. – «Видно, меня не хотят оставить в покое!». Оседлав своего коня, сев на него, он поднял тревогу. Он обратился к небу со следующими словами: «Орхустойцы пришли угнать мое белое стадо, из которого я всегда приносил лучшего барана богу и великим святым. Заступитесь за меня все святые!».

Его мольба была услышана Сели [богом-громовержцем]. Потом поднялась буря, гроза, и все жители погнались за орхустойцами. Те из орхустойцев, которые стреляли лучше, шли последними. «Надо идти потише, пусть догоняет Сели, я пожму бока этому святому!» – сказал Соска Солса. Действительно, их догнал Сели, и Соска Солса схватил святого и поломал ему ребра. Буря и гроза утихли. Святой перестал преследовать орхустойцев, и небо очистилось. Когда стало светло, орхустойцы позволили Горжаю догнать их. Соска Солса схватил Горжая, связал его и посадил на лошадь лицом к хвосту, потом пустил в поле на смех людям. Орхустойцы возвратились со стадом Горжая домой. [7] [8]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 310. Сказание записано Ч. Ахриевым на русском языке. Текст опубликован без названия.

О слове «орхустойцы» следует заметить, что в нем окончание я добавил произвольно, для более ясного понимания. Строго говоря, нужно писать «орхустхой», так как по-ингушски, если речь идет о члене какого-нибудь общества, прибавляется большей частью окончание: в единственном числе – хо, а во множественном – хой. Так, в единственном числе говорят орхустхо, а во множественном орхустхой, орштохо (карабулаки) – орштохой, джерахо – джерахой, насырхо – насырхой и т. д. (примеч. Ч. Ахриева). [1]

В тексте некоторых ингушских сказаний у меня различно написаны имена героев. Так, например, в одном месте значится Барким, а в другом – Баркум. То же самое следует заметить об имени Батоко Шертуко, или Шуртуко и Ширтга. Это произошло оттого, что сказания мною записывались в различных местах, т. е. в горах и на плоскости: в горах говорят Баркум, а на плоскости Барким; так же в первой местности – Соска, а в последней – Сеска. Вообще в горах слышатся яснее о, у, а на плоскости эти звуки превращаются в и, ё. Вопрос: какое наречие чище, плоскостное или горское? Назрановцы считают свое наречие чище и деликатнее, поэтому относятся к горскому говору с насмешкой и презрением. Но, конечно, горское наречие чище, самобытнее, на него менее имели влияние посторонние наречия. Считаю также нелишним заметить, что у ингуш произносят прежде имя отца, потом сына. Так, например, Соска Солса. Здесь первым поставлено имя Соска, а затем сына его – Солса. То же самое – Батоко Шертуко. В рассказах ингуши произносят неразрывно оба имени – отца и сына (примеч. Ч. Ахриева). [2]

В этом сказании «вдова» выступает в роли ведуньи (как Жербаба – старая вещая вдова ингушских сказаний и сказок). У «вдовы» орхустойцы и узнают про отару Горжая. [3]

Древний эпический этикет, по которому враг предупреждал о нападении. [4]

Этот герой в других сказаниях не упоминается. Тахшако как имя собственное встречается у ингушей весьма редко. [5]

Возможно, что «птица» – атрибут какого-либо языческого бога, как, например, удод у богини Тушоли. [6]

Это второй (после древнего мифа «Рождение Села Саты») случай, когда Соска Солса победил верховного языческого бога Селу. [7]

Подобная езда седока (лицом к хвосту) – символ его позора и унижения. По древнему обычаю горцев Северного Кавказа и Дагестана, женщину за прелюбодеяние сажали на черного осла, задом наперед, и забрасывали камнями. Вполне возможно, что с этим обычаем связано и поведение знаменитого осетинского нарта Урызмага, допустившего кровосмесительный брак

с родной сестрой. В сказании «Как Урызмаг женился на сестре» герой добровольно садится на осла лицом к хвосту и трижды (по-видимому, в знак самоуничижения за совершенный проступок) проезжает мимо нартов (данный поступок героя в осетинских сказаниях сказителями не мотивируется). [8]

Сильный Солса

«Кто обладает большей силой, чем я?», – сказал Солса и отправился странствовать. Чтобы испытать свою силу, он кинул быка от Аксая через море в страну гажарий. Он шел, сомневаясь, что найдется такой же богатырь, как он сам. Долго странствуя, он дошел до трех братьев нарт-эрстхойцев, которые косили сено. Три брата обладали большей силой, чем Соска Солса. Они направили Солсу к их матери. Мать, предупредив, что ее сыновья намерены причинить ему зло, тайно помогла Солсе убежать. [1] [2]

Придя домой, сыновья спросили мать, где гость, которого они направили домой. Мать ответила: «Не задерживаясь, он ушел от нас». Тогда три брата поскакали вслед за умчавшимся Солсой. Узнав, что три могучих брата следуют за ним, чтобы причинить зло, он скакал во всю мочь. Вскоре он увидел одноглазого нарт-эрстхойца, который пас овец. Солса стал просить его о помощи. «Что ты натворил?», – спросил Солсу одноглазый нарт. «Чтобы испытать свою силу, я бросил через море быка. В это время меня заметили три брата – нарты и теперь преследуют, чтобы убить. Скрываясь от них, я и бегу», – сказал Солса.

«Глупый ты человек, – сказал нарт-пастух. – Я расскажу тебе, что случилось со мной, когда я сделал то, чего не следовало делать». И нарт-пастух начал рассказывать: «Нас было семеро братьев и отец. И, подобно тебе, мы не были уверены, что есть еще человек, имеющий большую, чем мы, силу. Однажды мы пошли охотиться. Через некоторое время полил проливной дождь, мы дошли до гор и зашли в одну пещеру.

В то время, когда мы скрывались в ней, козел, идущий впереди отары, рогами расшевелил скалу. Подошедший пастух прогнал козла и, воткнув ярлыгу в пещеру, отбросил скалу в сторону. Когда мы посмотрели, то оказалось, что пещера, в которой мы спрятались, была глазницей конского черепа, который и показался нам скалой. Выброшенные вместе с черепом, мой отец и шестеро братьев погибли.

Я, как видишь, остался невредим, если не считать, что лишился одного глаза. С нами, отправившимися искать человека сильнее нас, случилось такое несчастье. Глупое дело ты задумал», – сказал Солсе одноглазый. «Не говорил бы ты так, а оказал бы мне лучше братскую помощь», – попросил Солса. «Тогда залезай ко мне в рот», – сказал нарт-эрстхоец и спрятал его под язык.

Подъехавшие братья-нарты спросили пастуха – одноглазого нарта: «Куда делся молодец, который стоял с тобой?». Когда пастух сказал, что не знает, подошедшие три брата затеяли с ним драку. Они не отставали, и тогда одноглазый нарт вырвал волос из своей спины и этим волосом накрепко перевязал всех трех братьев. «Ну, мужчина, отныне не берись за дело, которое тебе не под силу, – сказал одноглазый нарт-эрстхоец, – на свете есть люди сильнее тебя», – и отправил Соска Солсу прочь.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 283. Текст записан С. Эльмурзаевым на чеченском языке в 1959 г. со слов Бетирсолта Гацаева, 82 лет.

В данном сказании о самом Солсе ничего не говорится; образ совершенно потерял свою типологию, имя же знаменитого нарт-эрстхойца произвольно присоединено к известному сюжету о великанах. Это явление совершенно не характерно для архаических редакций эпических сказаний. [1]

Гажарий – азербайджанцы (чечен.-ингуш. я з.). [2]

Наездники, рыскавшие в поисках добычи, ассоциировали себя с волком, также занимающимся этим промыслом. Поэтому в этой среде он был восхваляем. Совсем другое отношение к волку было у простых скотоводов.

Почему Сеска Солса стал одноглазым

Сеска Солса как-то известил своего друга, что к такому-то сроку приедет к нему погостить. Да вдруг накануне у него разболелся зуб, и потому он остался дома. Друг, не дождавшись Сеска Солсы, сам поехал к нему. Еще издали за метив приближение друга, Сеска Солса, посчитав, что болезнь зуба другом будет воспринята как пустая отговорка, выколол себе глаз и лег в постель.

Войдя в дом, друг упрекнул Сеска Солсу:

– Ты не хозяин своему слову. Почему не приехал, как было тобой обещано?

– Я случайно укололся и потерял глаз, потому и не смог к тебе приехать, – стал оправдываться Сеска Солса.

– Невелика важность, что глаз потерял, вот если бы у тебя разболелся зуб, это была бы большая причина, – сказал друг.

И тут Сеска Солса начисто поведал ему, что зубную боль он посчитал пустяком и потому лишил себя глаза, чтобы тем самым оправдаться перед ним.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 179—180. Нальчик, 2012. В 1974 году от 80-летнего жителя села Джейрах Инала Керимовича Цурова записал И. Дахкильгов.

Сиксолса и Гуй

Сиксолса жил в башенном ауле Лялах. Гуй же – в башенном ауле Тумаг. Оба они были известными мужчинами и между ними постоянно имелось скрытое соперничество. Как-то Сиксолса находился в соседнем башенном ауле Кязи и приятно проводил время за беседой с некой вдовой. А оставленное им без присмотра стадо зашло на земли тумгоевцев. Тумгоевец Гуй весь этот чужой скот загнал к себе во двор. Узнав это, Сиксолса явился ко двору Гуя и вызвал его на поединок. Между ними был уговор: биться без оружия, кулаками и пощечинами. Сиксолса одолел Гуя, поверг его наземь, уперся коленом в его грудь и уже приготовился было его убить, но Гуй попросил: «Не убивай. Я отдаю тебе от своей земли такую долю, какую ты сможешь отхватить бегом в течение одного часа». [1] [2]

Согласился Сиксолса и отпустил Гуя. Побежал Сиксолса и уже через полчаса добежал до башни Салги. Их жители, боясь заодно потерять и свои земли, крикнули ему: «Эй-й, Сиксолса, пока ты тут бегаешь, дома у тебя обрушилась крыша и придавила твою семью!». Сиксолса поверил этому и побежал назад. Так ловко жители Салги уберегли свои земли.

Гуй телом был огромный мужчина. Сиксолса все же оказался проворнее.

Комментарии И. Дахкильгова.

«Ингушский нартский эпос», стр. 314—315. Нальчик, 2012. В 1974 году от 45-летнего жителя аула Хани Абдулы Алиевича Ханиева записал И. Дахкильгов.

В горной Ингушетии прежде имелось родоплеменное общество Чулхой. В него входили жители башенных аулов Могате, Хани, Лялах, Кязи, Бишт, Тумаг, Хули, Гув и др. В сказании нашли отражение давние типичные для горных обществ территориальные междоусобицы.

Гуй – один из предков рода Тумгоевых, славился непомерным ростом, силой и аппетитом. Чах Ахриев в работе «Ингуши. Их предания, верования и поверия» (Сборник сведений о кавказских горцах, Тифлис, 1875. Вып. 8) о Гуе пишет следующее: «Из уважения к силе и храбрости Гуя сыновья его сделали ему памятник: столб, вышиною в две сажени, шириною в два аршина; памятник этот своею величиною представляет будто бы настоящую величину роста Гуя». [1]

Сиксолса – видоизмененное имя Соска Солсы. Заметим, что этот герой часто посягает на чужие земли («Ачамза курган», «Лорса и Солса»). [2]

Соска и Солса и накыстцы

Соска Солса однажды поехал на своем коне в селение Накыст (недалеко от Тумги Галгаевского общества). Он въехал в селение, доехал до середины, но никто его не пригласил к себе в гости. И так как он долго стоял так на улице, то лошадь его захотела пить. Никто не дал и воды для лошади. Тогда лошадь ударила копытом в землю: образовался родник, и она напилась воды. Родник этот существует и поныне. Так как накыстцы оказались людьми негостеприимными, то Соска Солса сказал, уезжая: «Пусть потомки ваши будут ниже других [фамилий] «. [1]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 303. Сказание записано Б. Далгатом на русском языке со слов сказителя Газбыка.

Это показывает, как высоко стоит гостеприимство в глазах ингушей (примеч. Б. Далгата). В Ингушетии немало преданий о так называемых слабых (низких) родах, которые якобы таковыми [1]

стали из-за совершения нехорошего поступка, за что кто-то проклинает их, как это в данном случае и сделал Солса.

Сеска Солса и Селий Пиръа

Сеска Солса и Селий Пиръа были братьями. Старший брат, Сеска Солса, был могучий и сильный телом. Младший, Пиръа, был слабый телом, но хитрый и умный человек. При желании он отправлялся в подземный мир – Эл и вновь возвращался в солнечный мир. Однажды, отправившись в Эл, Селий Пиръа возвратился с водяной мельницей. До этого у людей имелись лишь ручные мельницы, поэтому они и назывались рукомолками. Принесенную мельницу Селий Пиръа поставил на реке и начал молоть зерно. Люди рассказывали об этом удивительном, невиданном чуде. [1] [2]

Слух об этом дошел и до Сеска Солсы. Он решил взглянуть на чудо. Прибыл Солса к мельнице и, запустив свою ручищу, унес ковш и оба жернова к себе. По дороге, когда он нес все это, у него упал потрясок от ковша. Он поставил мельницу у реки возле своего дома, но из-за потерянного потряска ему пришлось рукой пропускать зерно из ковша в отверстие бегуна. Сеска Солса из-за этого не мог отойти от мельницы. Тут пришел к нему Селий Пиръа и сказал. «Я могу сделать потрясок, чтобы не приходилось тебе стоять прикованным к мельнице, но ты за это выделишь мне половину доли». [3]

Солса согласился. Если бы Солса и не унес силой мельницу, то все равно получил бы половину общей доли, ведь они были тогда неразведенные братья. [4]

Однажды Сеска Солса вздумал разделиться с братом и сказал ему: «Теперь мы должны разделиться». «Будем мы разделяться при людях или без них? Я хорошо знаю, какую долю ты мне выделишь», – сказал Пиръа. «Что же я тебе выделю?», – спросил Солса. «Ты мне дашь всех белоголовых синих коров и земли, заваленные мусором и навозом от всего села, лежащие внизу», – ответил Селий Пиръа. «Он знает, что я ему дам только худшее из выделенного, потому и не просит другого, – подумал Сеска Солса, – видно, такие коровы и земли ни к чему не пригодны». Сеска Солса так и сделал, как просил брат. Но Селий Пиръа хитростью добился у своего брата лучшей доли.

Селий Пиръа, принесший с того света мельницу, во многом облегчил труд людей, которые раньше размалывали зерно на рукомолке. Но одно искусство дал людям и Сеска Солса. Однажды на охоте он потерял глиняную трубку. Не имея листьев кукурузного початка, чтобы свернуть закрутку, когда ему очень захотелось курить, Сеска Солса сорвал с липового пня луб. Из него он и скрутил закрутку. После этого майстинцы и стали закручивать табак в липовый луб. [5] [6] [7]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 302. Сказание записано Д. Мальсаговым в 1935 г. в ауле Пхуга (Пхьуга) в Майстинском ущелье. Имя сказителя не зафиксировано.

Сеска Солса и Селий Пиръа были братьями. Это единственный случай, когда упоминается брат Сеска Солсы. По сказанию, Солса изображен антиподом Пиръа (и по физическим данным, и по уму). По составу имени «Селий Пиръа» – Пиръа – сын Селы (бога грома и молнии). Такой образ в мифологии вайнахов не был зафиксирован, однако И. Дахкильгов сообщил доселе неизвестный в печати ингушский миф. В нем говорится, что Пиръа враждовал с богом из-за престола. Он соорудил из латуни подобие небосвода и по нему катал бочки (имитация грома), сверху лил воду (имитация дождя) и говорил: «Я ли не бог, я ли не заставлю гром греметь, я ли не посылаю дождь?». Но бог терпел его, так как он имел три добродетели: уважал стариков, любил детей, ценил хлеб и даже крошки подбирал. Но шайтан сыграл с ним коварную шутку, и Пиръа бросил эти три добродетели (как это случилось, не сказано). Тогда бог покарал Пиръа на 500-м году его жизни. Говорится и другое. Однажды Пиръа с войском переходил

море, и волны, по воле бога, затопили их. В данном случае использован библейский сюжет; бог уподобен фараону, преследующему Моисея, который вел свою паству из египетского плена. [1]

Пиръа напоминает Боткий Ширтку. Он также запросто уходит в Эл и приносит людям оттуда всякие блага, Солса же и его сподвижники способны только их уничтожать. [2]

Т. е. палочка, которая служит регулировке подачи зерна из бункера; по-ингушски называется «кIар-кIар». [3]

У неразведенных братьев, которые еще не разделили свое имущество, по обычаю, все хозяйство является общим достоянием. [4]

По оригиналу не совсем ясно, о чем идет речь – о пне или куске дерева. [5]

Луб – тонкая внутренняя часть липовой коры. [6]

Майстинцы – жители Майстинского общества. [7]

Как Сеска Солса похитил девушку

Жили нарты Хамчи Патараз, Орзми, Боткий Ширтка и Тахшако, удовольствие от битв получающие. Возглавлял их Сеска Солса. Его конь никого к себе не подпускал. Если Сеска Солса садился на какого-нибудь другого коня, то у того ломался хребет. Таким огромным был Солса. Сам он был из мелхистинцев. Сеска Солса полонил людей. Он брал в плен известных девушек, знатных юношей и возвращал их за выкуп. [1]

Его насилие надоело людям. Они задумали пленить Солсу и решили это сделать так. Люди распустили слух, что есть одна красивая девушка, которую замуж ни за кого не выдают, а сами устроили вокруг нее засаду. Эти разговоры дошли до Сеска Солсы. Своим товарищам он сообщил, что решил похитить эту девушку. Товарищи стали отговаривать Солсу, но он их и слушать не стал и поехал за девушкой. Девушка была помещена на склоне высокой горы. Сеска Солса перелетел на коне через ущелье и опустился на склове около девушки. Он усадил девушку на круп своего коня и перескочил ущелье обратно.

Это ущелье, которое Сеска Солса перескакивал на своем коне, находится между двумя селами и называется «Место, где перепрыгивал конь Сеска Солсы». Там имеются отпечатки, оставшиеся от копыт коня Сеска Солсы, в которых могут поместиться два человека.

Комментарии И. Дахкильгова.

«Ингушский нартский эпос», стр. 110—112. Нальчик, 2012. В 1973 году от 80-летнего жителя села Бамут Паскоша Дадиевича Махаури записал И. Дахкильгов.

В сказании Сеска Солса не случайно назван мелхистинцем: сам информатор П. Махаури принадлежал к ингушскому племени мелхистинцев. [1]

Сеска Солса и Бетта Лир

Иногда, в лунные ночи, можно увидеть вокруг луны светлый круг. Если вам интересно узнать, как это бывает, послушайте.

Нарты были огромными людьми. Села Сата – ясновидящей. Она могла подниматься в небо, если захочет, опуститься на землю и даже попасть на тот свет. Однажды с небес спустилась золотая цепь. По этой цепи спустился Сеска Солса и стал прямо перед Сатой. Сата-ясновидящая сразу поняла, что Бог послал ей его.

– Я появился на свет без матери. А без матери и жизнь не жизнь. Никто не думает и не заботится обо мне. Может, ты станешь мне матерью? – спросил он.

– Хорошо, я буду тебе матерью, – сказала она.

– Отныне я – твой сын, – сказал Сеска Солса.

И стали они жить-поживать.

У Села Саты не было своих детей. Наверное, поэтому она любила их. Иногда она приводила детей с улицы. Умывала их, давала им сладостей и, приласкав, отпускала обратно.

– И охота тебе ласкать оборванных, грязных детей, – сказал Сеска Солса однажды.

– А что мне делать, – ответила Сата, – если у нас нет своих детей, чтобы заботиться о них и воспитывать. Ведь и ты не хочешь никак жениться.

– А я не вижу подходящую девушку, на которой мог бы жениться.

– Я знаю, кто тебе понравится – это Бетта Лир – Лунное сияние. Если говорить о ее красоте, то Бог не сотворил ничего прекраснее ее. Когда она пьет воду, видно, как по ее горлу проходит вода, чего не коснется ее рука, все преображается.

– Это то, что нужно, – сказал Сеска Солса, довольный, затем спросил: – Где она живет? Как мне ее добиться?

– На краю земли стоит плита. На ней стоит огромная башня, уткнувшись вершиной в небо, низом – в землю. В этой башне горит огонь, языки пламени от этого огня уходят

далеко в небо. Бетта Лир живет в этой башне. Когда ей вздумается, она уходит в небо с языками пламени и, покружись там, возвращается обратно. Там же в башне живет и ее отец

– Месяц. Вечером он выходит из башни, утром приходит обратно и ложится спать. Ищи поддержки у Ботки Ширтки, только он тебе поможет заполучить ее.

Боткий Ширтка имел одну особенность. Если произнести вслух его имя, он вдруг появлялся из ниоткуда.

– Кто меня звал? – сказал он, появившись из ниоткуда и на этот раз.

Она рассказала ему обо всем, тогда Боткий Ширтка сказал:

– Это нелегко сделать, однако, при желании, нет ничего невозможного. Мы вот что сделаем. Несмотря на то, что Бетта Лир не стареет, ее отец давно хочет выдать ее замуж.

Так как девушка сама этого не хочет, то она пошла на хитрость. Она сказала месяцу, что выйдет замуж только за того, кто сумеет снять с ее пальца кольцо. И вот как нужно это

сделать: обычно она садится у окна и вытягивает руку, а от руки ее исходит свет, который освещает всю землю. Ни у одного всадника, прыгавшего вверх, чтобы достать кольцо, не

получилось это сделать, потому что каждый раз, когда кто-нибудь приближался к вершине башни, по велению ее хозяйки башня начинает уходить еще выше в небо.

Это еще ничего. Эта девушку, которая живет на краю света, охраняет девятиглавый дракон. Если снести ему голову, она сразу становится на свое место и срастается с шеей. Вот что мы должны сейчас сделать. Тебе нужен меч, который убьет дракона. Нужен летающий конь. На том свете есть доспехи Няртаби. Я достану тебе их. Вместе с ними и волшебный меч. А вот героического коня ищи сам.

Села Сата указала, где этого коня найти:

– За семью горами постоянно сталкиваются две горы. За ними ты увидишь большой холм. Когда взойдет луна, вдруг из ниоткуда на его вершине появится кобылица. Она родит жеребенка. Старая волчица будет сидеть в засаде, но как только родится жеребенок, она кинется на него, чтобы съесть. Если ты сумеешь опередить волчицу, то из жеребца получится хороший конь.

Седьмым предком нартов был Нyртби. Когда он погиб в битве с вампалами, вместе с ним похоронили и доспехи. Его меч был очень необычным. Когда его хозяин уставал биться, меч вырывался из его рук и начинал сам избивать врагов. Душа Нyртби всегда была рядом с его доспехами. Ботки Ширтка подошел к ней и попросил у него этот меч. Когда Ботки Ширтка сказал Нyртби, что меч нужен Сеска Солсе, чтобы сражаться с вампалами, он позволил тому взять меч. Но он сказал: «Как только закончите свои дела, положите меч обратно».

Ботки Ширтка отнес меч Сеска Солсе. Сеска Солса вышел в путь, как его учила Сата. На вершине одной горы он увидел орлиное гнездо. Там были птенцы, которые громко пищали. Он осмотрелся, подумав, почему они так пищат, и увидел змею, которая поднималась по скале к гнезду. Солса пустил стрелу в змею и попал ей прямо в лоб. Змея тут же сдохла. В это время появилась орлица и, увидев то, что сделал Солса, сказала

– За то, что ты убил змею, которая всегда съедала моих детенышей, я даю тебе мое перо. Когда тебе нужна будет моя помощь, сожги его, и я приду тебе на помощь, – сказав, орлица кинула ему перо.

Сеска Солса поднял его, положил в карман и поехал дальше. Шел-шел и вдруг слышит, как мяукает котенок. Подошел поближе и увидел львенка, лапу которогопридавило огромным камнем, скатившимся с горы. Рядом он увидел львицу, которая не знала, что ей делать. Ударом плеча Сеска Солса откинул камень и освободил львенка.

– Когда я тебе понадоблюсь, сожги этот волос, – сказала львица и дала Сеска Солсе свой волос.

Шел он дальше неделю, месяц, никто не знает, сколько, и Сеска Солса увидел две горы, которые достигали вершинами неба. Они отходили друг от друга и с силой сталкивались. Понимая, что сам он через эти горы не пройдет, Сеска Солса вспомнил орлицу. Достал из кармана и сжег перо. Орлица появилась вдруг ниоткуда. Узнав, что от нее нужно, она сказала:

– Садись на мою спину и держись крепко.

Как только горы начали расходиться, орлица пролетела туда. Они успели проскочить, только вот кончик хвоста птицы застрял между горами. Шел он дальше, никто не знает, сколько увидел высокий круглый холм. Рядом с ним Сеска Солса и спрятался. Ночью, ближе к полуночи, он сжег волос львицы, та появилась из ниоткуда.

– Я знаю, что тебе нужно, – сказала львица, поднялась на вершину холма и прилегла там, чтобы ее не было видно.

В полночь поднялся ветер. Пошел дождь, началась гроза. Из глубокого ущелья поднялась кобылица, огромная, как верблюд. В это время из леса выскочила волчица и поднялась на холм с намерением съесть жеребенка, которого родит кобылица. Львица, прятавшаяся там же, набросилась на волчицу и разорвала ее на части. Кобыла родила жеребенка и ускакала обратно в ущелье. Сеска Солса оседлал этого жеребца и сел на него.

Жеребец закричал:

– Сойди, муха, пока я тебя не убил!

– Я не муха, отныне я – твой хозяин! – сказал Сеска Солса.

И поднялся жеребец в небо, и кинулся он в море, и поскакал он на запад и на восток. Пытался он сбросить Сеска Солсу. Куда там! Сеска Солса прилип к нему, сжимая его железными руками и ногами. С коня градом катился пот.

– Я хотел узнать, достоин ли ты быть моим хозяином. Теперь вижу, что мы с тобой поладим, – сказал жеребец.

– Поехали тогда за гордой девицей Бетта Лир, – сказал он и погнал коня на край света. Земля-то огромная, хоть целый год скачи. Однако конь Сеска Солсы имел крылья, и они полетели. Мало ли, много ли летели, прилетели к плите на краю света. Увидели они дракона, окружившего башню Бетта Лир. Подняв все свои девять голов, дракон повернулся и спросил:

– Кто посмел явиться сюда? Кто желает смерти?

– Никто не желает смерти, я, Сеска Солса желаю убить тебя, – был ответ.

Достав меч Нъртби, Сеска Солса начал сражаться с драконом. Головы дракона, которые обычно возвращались к туловищу, когда их срубали, теперь этого не делали, потому что волшебный меч имел такую особенность: рана, нанесенная им, не заживала.

За сражением следила Бетта Лир. Она узнала, что Сеска Солса – красивый и отважный мужчина. Убив дракона, Сеска Солса крикнул вверх:

– Покажи свое кольцо! Я иду.

Бетта Лир выставила руку из окна – и вся земля осветилась.

– Давай, помоги! – сказал Сеска Солса коню, и они взлетели вверх, и тогда башня начала подниматься еще выше. Девушка не знала, что конь этот еще и летает. Девушка поднимала башню выше, конь догонял ее. В конце концов настигли они башню, сорвали с пальца девушки кольцо. И башня вернулась на прежнее место.

– Будь благословенна для меня! – сказал Сеска Солса, посадил девушку на коня своего и поскакал домой.

Ботки Ширтка вернул меч Нъртби. Села Сата приняла в свой дом Бетта Лир как родную дочь. Стала она хорошей женой для Сеска Солсы. Тут сыграли большую свадьбу на всю страну.

Через много лет Сеска Солсы и Бетта Лир не стало, от тела девушки отделился свет и поднялся в небо, к луне. Иногда, в полночь, его можно увидеть в окружении луны.

Комментарии И. Дахкильгова.

«Ингушский нартский эпос», стр. 252—255. Нальчик, 2012. В 2011 году от 81-летнего жителя села Ассиновского Салмана Габисова записал А. Борисов.

Сказание о нарте Соска Солса

В далекие, теперь забытые, времена в горах Ингушетии жил могучий богатырь, нарт Соска Солса. Он пользовался славой и большим уважением всего народа за свой ум, силу, храбрость и справедливость. Жил Соска Солса со своей дочерью-красавицей в огромной пещере, находящейся в отвесной стене горного перевала Цейлам. Сердца многих молодых джигитов покорила красавица – дочь нарта. Многие из них сватали ее, но безуспешно. Соска Солса не соглашался выдать ее замуж за обыкновенного, не знатного ингуша. Тогда один из молодых людей, втайне от отца ставший ее возлюбленным, пошел на хитрость. Предварительно договорившись с красавицей, он решил ее похитить. Но надо было обезопасить себя от бдительности Соска Солсы.

По наущению своего возлюбленного красавица сытно накормила Соску Солсу бараниной: а баранина была приправлена особым соусом, сильно сдобренным цветами азалии. Как известно, цветы азалии одурманивают человека. Наевшись досыта, Соска Солса быстро уснул крепким сном. Тогда красавица срезала свои длинные косы и с помощью друзей своего возлюбленного крепко связала ими сонного отца. Затем заговорщики с трудом завалили вход в пещеру громадной плитой, сели на коней и бежали.

Долго, очень долго спал Соска Солса. Проснувшись, он не сразу осознал случившееся. Попытавшись своими силами освободиться от связывавших его пут, он скоро убедился в безуспешности своих попыток. При малейшем усилии волосяные путы впивались в его крепкое тело и причиняли невероятную боль. И понял тогда Соска Солса, что он обречен на медленную и голодную смерть.

Но у нарта Соска Солсы были друзья не только среди людей, которые ничего не знали о заживо замурованном великане. Настоящими друзьями связанного богатыря оказались некоторые птицы и животные. Горный орел приносил в когтях печень и кормил его. Лесной голубь доставлял в клюве воду и утолял его жажду, а полевая мышь медленно перегрызала связывавшие его путы.

Наконец, путы пали, и Соска Солса стал свободен. Расправив свои богатырские плечи, он легко отвалил каменную глыбу, закрывавшую вход в пещеру. Выбравшись же в долину и не найдя дочери, он убедился в похищении своей любимицы. Ярый гнев и чувство мести охватили тогда Соска Солсу. В безумной ярости принялся он рубить своим огромным стальным мечом скалистую вершину Цейлама, чуть не ставшую его могилой.

Затем он сел на своего быстроходного скакуна и бросился в погоню за похитителями. Уверенные в успехе задуманного дела, они не очень спешили, и Соска Солса нагнал их в глубине Ассинского ущелья. Жестоко расправившись с похитителями, он вернул свою дочь в свое пещерное жилище.

С тех пор сама вершина Цейлама превратилась в ряды очень острых и высоких кик или утесов. Это – следы рубки нартского меча Соска Солсы. Каждый погожий день в лучах восходящего и заходящего солнца они кажутся кроваво-красными, и у всех видевших их живо воскрешают в памяти богатырские дела нарта Соска Солсы. [1]

Комментарии И. Дахкильгова.

«Ингушский нартский эпос», стр. 110—112. Нальчик, 2012. Записал известный кавказовед Евгений Игнатьевич Крупнов. К тексту им сделано следующее примечание: «Записано 23 июля 1929 года в селении Салги, со слов Белала Эльджаркиева (Заурова), при посредстве (в качестве переводчика) ингушского художника Хаджи-Бекира Ахриева». Сюжет этого сказания единичен. Не исключено, что на это сказание оказало влияние предания о Калой-канте (юноши из рода Калоевых), которого враги коварно связали и бросили в пещере.

С проникновением ислама в ингушскую среду вместо Соска Солсы в народе стали называть богатыря Али (родственника, зятя и сподвижника пророка Мухаммеда), который якобы и порубил вершины утесов этой некогда священной для ингушей горы Цей—лоам. [1]

Сеска Солса и Кинда Шоа

Недалеко от Эгикала находится кладбище в местности Киндий эмараш. Раньше, говорят, на том месте жили Кинда и его сын Шоа. Когда отец умер и Шоа остался один, говорят, Сеска Солса прислал к нему человека. [1]

– Я бы пришел к тебе в гости в такой-то день, если ты будешь согласен.

– Приходи. По верху идти я тебе не разрешаю. По низу, вдоль реки Армхи, иди, – ответил Шоа. [2]

Сеска Солса взял с собой по своему желанию то отправляющегося в Эл, то возвращающегося в солнечный мир Боткий Ширтку, прибыл по указанной ему дороге к башне Кинда Шоа. Увидев приближающихся гостей, хозяин дома связал свою мать. Она была такой силачкой, что ломала у человека любую часть тела, стоило только ей прикоснуться до него. Когда пришли гости, мать Шоа стала просить сына: «Отпусти ты меня, разреши поздороваться с гостями!». [3]

Хозяин зарезал барана и приготовил угощение для гостей. Но, когда его поставили перед Сеска Солсой, тот сказал: «Кинда Шоа, если ты не развяжешь свою мать, я не прикоснусь к еде». «Сказанное тобой не могу не выполнить», – сказал Кинда Шоа и развязал свою мать. Обрадованная женщина вышла к гостям, чтобы поздороваться с ними. При виде ее Солса пытался встать из уважения к хозяйке дома, но она предупредила желание гостя и слегка дотронулась рукой до его бедра, сказав при этом Солсе и Боткий Ширтке: «Садитесь, дети!». Но бедро Солсы, которого коснулась мать Кинда Шоа, сломалось от этого, и гость упал. [4]

– Вот этого-то я и боялся, – произнес хозяин и вывел свою мать прочь.

У Шоа был оселок, который обладал чудесным свойством: стоило его смочить водой и приложить к перелому, как кости тут же срастались. Шоа так и вылечил Сеска Солсу. Сеска Солса остался доволен хозяином дома, его поведением и поступками и сказал ему:

– Я выдам за тебя свою дочь.

– Я согласен. Я выгоню тебе из загонов столько коров, пока ты не рассмеешься от удовольствия, – ответил Кинда Шоа.

Утром, как только рассвело, когда Сеска Солса и Боткий Ширтка вышли, Шоа начал выгонять из загонов скот для Солсы. Увидев с той и с другой стороны выходящих из загонов таких жирных, что переваливались с бока на бок, обросших беломордых синих коров, Солса рассмеялся от удовольствия. [5]

Как только он рассмеялся, Боткий Ширтка бросился к скоту и отделил ту часть, которая успела выйти из загонов до того, как Солса выразил свою радость. «Что ты делаешь?», – спросил у него удивленный Солса. «Тебе обещали выгонять скот до тех пор, пока ты не засмеешься. Я хочу выделить твой скот», – ответил Ширтка. И еще добавил: «Свой скот ты должен разделить на три части: одну часть – себе, другую – своей дочери и третью часть – аулу». «Я не могу не сделать того, что говоришь ты, спускающийся в преисподнюю и возвращающийся в солнечный мир Боткий Ширтка», – сказал Солса и свой скот, как говорил Ширтка, разделил на три части. [6]

Так женился Кинда Шоа на дочери Сеска Солсы.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 318—320. Записано Д. Мальсаговым на ингушском языке в 1931 г. со слов Генардуко Ахриева. В Архиве Чечено-Ингушского краеведческого музея (д. 61, п. 3) имеется перевод сказания на русский язык, по-видимому, сделанный Д. Мальсаговым синхронно с ингушской записью; однако текст последней не сохранился.

В русской архивной записи сказания Д. Мальсагова приводится родословная Кинда Шоа, указывается его местожительство, а также дается характеристика его матери: «У Гана был сын Га, у Га был сын Галга, у Галга был сын Кинда, у Кинды был сын Шоа. Шоа, сын Кинды, жил в селении Эмашка. Его мать, если даже тихонько дотрагивалась до бедра человека ломала его, так была она сильна. И сам Шоа, сын Кинды, был могучий именитый муж». [1]

В архивной записи в соответствующем месте читаем: «Шоа, сын Кинды, позволил ему приехать через ущелье Герчож, а приехать через Ассинское ущелье не позволил». [2]

«По своему желанию то отправляющийся в Эл, то возвращающийся в солнечный мир Боткий Ширтка» (Іэл маьлха уха Боткъий Ширткъа – ингуш. яз.) – идиоматическое выражение, связанное с этим образом. [3]

В таком случае просьба гостя у ингушей должна быть обязательно исполнена. [4]

Это довольно постоянная характеристика рогатого скота в вайнахском эпосе; синий цвет животных – чисто эпический, не соответствующий действительности. [5]

В данном случае распорядительные функции Ширтки, беспрекословное подчинение ему Солсы подкрепляет мысль о возможной связи этого образа с культом предков, указания которых воспринимались в народе как обязательные. [6]

Как Кинда Шоа похитил девушку

Возле аула Хамхи жил Кинда Шоа. Он прослышал, что у Сеска Солсы очень красивая дочь. Кинда Шоа решил ее похитить, хотя и знал, что Сеска Солса обладает непомерной силой. Из Ассинского ущелья по Цоринскому ущелью спустился он е аккинцам. Своих воинов он оставил в потаенном месте, а сам направился к дому Солсы. Во дворе его дома он встретил зирака. На вопрос Шоа, где Сеска Солса, зирак ответил, что его нет дома, и добавил: [1] [2]

– Где он – этого никто не знает и знать не может. Если он поедет на день, то возвращается через неделю, поедет на неделю – возвращается через месяц, поедет на месяц – возвращается через год.

– Приедет ли он через неделю, или через месяц, или через год, передай ему, что Кинда Шоа увез его дочь.

Без всякого сопротивления Кинда Шоа со своими воинами увез дочь Сеска Солсы. Проезжая по ущелью Цори, они устроили обвал и перекрыли дорогу.

Возвратился Сеска Солса домой и бросился на поиски дочери. Дорога по Цоринскому ущелью оказалась перекрытой, и Сеска Солса, оставив свою дружину, с тремя сподвижниками направился к Кинда Шоа по Арамхинскому ущелью. Сеска Солса обеспокоило то, что дорога по Цоринскому ущелью была перекрыта. Прибыл Сеска Солса к Кинда Шоа. Встретили люди Шоа Солсу, поддержали стремя, когда он спешивался, ввели в башню. После обычных распросов Солса спросил:

– Есть ли у меня сват или сваха?

– Свата нет, но есть сваха, – ответили ему.

Сверху из башни спустилась сваха, и они с Сеска Солсой сели за угощение. За чашей вина Солса попросил ее сказать слово.

– Пусть мой мальчик долго живет, пусть ты, сват, долго будешь жить, – сказала мать Шоа, положив руку на плечо Солсы и сломала ему ключицу.

Произнесла она второе слово и сломала другую ключицу Солсы. Мужественный Солса и виду не подал, что у него сломаны обе ключицы.

Когда Сеска Солса уезжал, в калым ему из базов стали выгонять отары овец и стада коров. Их было так много, что они заполнили тучные поля до самых окраин границы. Тогда Сеска Солса верхом на коне отделил от этих отар и стад третью часть в калым за свою дочь. Он и третью часть не взял бы, если бы люди потом не распространили молву, что поехавшего за своей дочерью Солсу отправили ни с чем.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 120—121. Нальчик, 2012. В 1974 году от жителя села Альтиево Мурада Костоева записал Султан Патиев.

Аккинцы – восточное древнее ингушское племя; ныне растворились среди чеченцев и ингушей. [1]

Зараг – ведун, знахарь, предсказатель, мудрец. [2]

Похищение дочери Сеска Солсы

Кинда происходил Шямы. Он со своей матерью поселился жить в местечке Кинда Эмарш. Как раз в это самое время Сеска Солса, оставив свою семью в Чми, отправился за добычей на запад. Кинда Шоа был влюблен в его дочь. Он, хотя и боялся Сеска Солсу, похитил ее. После этого Кинда Шоа послал человека к Сеска Солсе, чтобы он передал ему следующие слова: [1] [2]

– Если Сеска Солса хочет битвы, то пусть приедет в пятницу на этой неделе; если же Сеска Солса хочет перемирия, то пусть приедет в следующую пятницу.

Могущественный Сеска Солса, как только ему стало известно о случившемся, в первую же пятницу с войском отправился через Ангушт к Кинде Шоа. Когда он с шестьюдесятью воинами стал переходить Ассу, полил дождь, вода в реке поднялась, дороги и мосты были разрушены. [3]

– Делать нечего, – рещил тогда Сеска Солса.

Он прибыл к Кинде Шоа в пятницу на следующей неделе для перемирия. Они установили мир. Дочь Сеска Солсы родила от Кинда Шоа троих сыновей. Один из них поселился в Эгикале, второй в Хамхи, третий – в Таргиме. Люди из Кякале происходят от них. [4]

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 118—119. Нальчик, 2012. В 1966 году от 77-летнего жителя села Олгеты Ахмета Эшиевича Евкурова записал А. Мальсагов.

Шяма – так называют Сирию. Возведение этноарха (или родового предка) к выходцам из Сирии, Египта, Ирана… является результатом влияния ислама, а также родовых преданий кумыкских ханов, Тарковских шамхалов, возводивших свою родословную к Шам-хану (сирийскому хану). [1]

Чми – ингушское селение в Дарьяльском ущелье. Название села идет от названия осоки – «чIим», которая растет в том месте в результате его периодического заболачивания разливами Терека. Дарьяльское ущелье контролировал ингушский род Дударовых, и они сдавали осетинам в арендусвои земли в селениях Ларс, Чми, Балта. Часть Дударовых со временем слилась с тагаурцами (осетинами). [2]

Ангушт – старинное ингушское селение, история которого прослеживается с XVI века. От названия его идет этноним «ингуш». Ингуши изгонялись из него в 1859, 1944 и 1992-м годах. Ныне оно вновь возрождается, но под названием Тарское (от ингушского «Тарс-аре» – Долина Тарса). [3]

Три башенных поселения (Эгикала, Хамхи, Таргим) называются обощенно» Кякале (Кхаькхале)» и являются центральным и могущественным обществом древности. Возведение дочери Соска Солсы к праматери этого общества является обычным примером идеализации предков. [4]

Эшк и Сеска Солса [1]

Эшк жил в Эгикале. Он был известный человек. Недалеко от Эгикала жил Сеска Солса. Они были хорошими друзьями. Однажды товарищи договорились, что завтра пойдут за добычей. Утром, в условленное время, Эшк подъехал к дому Сеска Солсы и начал звать его. На зов вышла дочь Сеска Солсы и сказала Эшку:

– Он ушел еще на заре, сказав, что идет за добычей. [2]

– Принеси мне напиться, – попросил Эшк.

Девушка вошла в дом и вынесла воду в золотой чаше. Выпив воды, Эшк подхватил девушку, посадил ее впереди себя, а чашу опустил в переметную суму.

– Сеска Солсе будет добыча, а мне красивая девушка, – сказал он и поскакал домой.

Когда Сеска Солса вернулся домой и узнал о случившемся, он поехал к Эшку и стал у его ворот. Сеска Солса настойчиво и запальчиво вызывал хозяина.

– Мы не будем разговаривать вне дома, ты должен войти, – сказал Эшк и пригласил Сеска Солсу в дом.

Мать Эшка стояла и слушала разговор, происходивший между ее сыном и Сеска Солсой. Сеска Солса стал угрожать и требовать, чтобы вернули его дочь. Тогда мать Эшка сказала Солсе:

– Перестань и много не говори, девушку мы не вернем.

При этом старуха дотронулась до плеча Сеска Солсы. От ее прикосновения у него сломалась плечевая кость. Сеска Солса же все продолжал возмущаться и требовать.

– Девушка останется у нас. Не говори того, чего все равно не будет, – произнесла она и дотронулась до другого плеча. Сломалась тут и вторая кость.

– Вы люди сильные, я не могу с вами тягаться. Пусть дочь остается у вас, – сказал Сеска Солса.

Эшк женился на дочери Сеска Солсы, и они стали жить и поживать. [3]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 320. Сказание не опубликовано, записано И. Дахкильговым на ингушском языке в 1966 г. со слов Магомета Султановича Евлоева, 1938 г. рождения, учителя Али-юртовской школы. Сказание ему рассказал дед по матери Магомед Маиевич Богатырев (80—90 лет). Сходный вариант сказания записан А. Мальсаговым со слов Ахмета Эшиевича Евкурова, 1896 г. рождения. Указанный вариант отличается более поздними, мусульманскими напластованиями (например, говорится, что Кинда Шоа пришел из страны Шяма, т. е. арабской страны); отсутствует в нем и весьма характерный древний образ матери Кинда Шоа.

Эшк – железо (ингуш.). [1]

Сеска Солса нарушил товарищеский уговор ехать за добычей вместе с Эшком, чем, по-видимому, и оправдывается все последующее поведение Эшка. [2]

По легендам, Эшк считается родоначальником ингушского рода Богатыревых. [3]

Две дочери, мать и Сеска Солса

Сильно гордый был расплавленное чаа пьющий Сеска Солса, бывший из нарт-орстхойцев. На Шатой-горе пас он своего коня. Где ни ступит конь Сеска Солсы копытом, там родник появляется. Поэтому на Шатой-горе имеются болотца. [1] [2]

На Шатое жили две дочери и мать. Покоя не давал Сеска Солса, ухаживая за ними. Из любви к дочерям он гарцевал на коне и перепрыгивал на нем через реку Аргун. Не вынеся его притязаний, две дочери и мать отправились на гору Докой-Корта и на этой тающей горе стали жить. Бросая из дома зерно на снег, с тех пор, говорят, они кормят зверей и птиц. В любом месте подстреленный охотником зверь умирать приходит, говорят, на ту гору. Человека, взобравшегося на гору Докой-Корта, две дочери и мать, усадив на плетеную подстилку, сбрасывают в пропасть. С тех пор, как поселились две дочери и мать у края этой тающей горы, жившие там тумгоевцы не разводили кур, говоря: «Мы только и слышим петушиный крик». [3] [4] [5] [6]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 328. Сказание записано Д. Мальсаговым на ингушском языке в 1935 г. в чеченском селении Шатой.

Чаа – медь и олово в расплавленном состоянии. Нередко это эпический напиток нартов, характеризующий их могущество. [1]

Здесь довольно часто встречаемый в эпосе мотив иссечения конем родника. В сказании вайнахов богатырский конь иногда так скачет что его ноги глубоко уходят в землю, образуя колодцы. [2]

Докой-Корта, как и Шатой-гора – горные вершины в Чечне, в районе Аргунского ущелья, где протекает река Аргун. [3]

В предании отразились древнеохотничьи поверья о том, что раненый зверь уходит умирать в определенное место, а именно туда, где о нем заботятся. [4]

Среди вайнахов существует поверье, что в былое время стариков сажали в плетеную корзину и в известном месте сбрасывали в пропасть. [5]

В данном случае совершенно очевидна связь предания с древневайнахским мифом о Дардза-нянильг – богине вьюг. [6]

Предание о Сески Солсе

На Тумсой-лам, по дороге в Галанчож, есть аул, который называется Пёша. Недалеко от этого аула, на горе Тумсой-лам есть каменная скала, о которую, говорят, Сески Солса ударил мечом. Возвышается этот камень выше дома. Вокруг него нет других камней и скал, только трава. О нем рассказывают, будто Сески Солса рассек этот камень надвое, пробуя остроту меча. [1]

Недалеко от этого камня есть еще одно место. Там имеется углубление, подобное ямке, куда может вместиться головка сахару. Говорят, эта ямка образовалась от того, что конь Сески Солсы ударил по камню копытом. Эта ямка засыпана землей, чтобы в нее не попадала нога человека или скота.

Есть вблизи Зонах-Аула Шатойского района лощина. Говорят, что много сотен лет назад по этой лощине протекал ручей. Шагах в тридцати от дороги вверх есть пещера, в которой сможет укрыться человек. В этой пещере жили, говорят, три сестры. Сестры, когда им нужна была вода, привязывали кудал к своим косам и набирали воду из ручья, протекавшего внизу на глубине тридцати шагов. [2] [3] [4] [5]

Напротив той горы, где, по рассказам, жили три сестры, к западу, у Варандоя, есть другая гора. Когда появились три сестры, говорят, Сески Солса на своем коне перескакивал с одной горы на другую, где жили сестры. Говорят, что есть следы копыт коня Сески Солсы, которые остались на горе, где жили три сестры. Испугавшись Сески Солсы и не имея возможности спокойно жить там, три сестры перебрались на Башлоам. [6]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 329. Предание записано Х. Ошаевым в конце 20-х годов со слов жителя Хала-Кала (горная Чечня) Халида Эльдарханова. Записи Д. Мальсагова и Х. Ошаева довольно однотипны по своему содержанию и составляют своеобразный небольшой цикл, весьма архаический в своей идейно-эстетической основе. В этих рассказах нет эпической борьбы (не льется кровь, и герои не сражаются в бою), однако здесь есть «вытеснение» женщин мужчинами.

Тумсой-лам – гора в Аргунском ущелье Советского района Чечено-Ингушетии. [1]

Зонах-аул – название селения Советского района. [2]

Само предание фактически начинается со слов: «Есть вблизи Зонах-аула Шатойского района…»; до этого же места сообщаются данные о нартских местах в указанном Аргунском районе горной Чечни. [3]

Сейчас это место называется «Место, где жили три сестры». [4]

Кудал – горский большой медный либо латунный кувшин для воды. [5]

Башлоам – гора Казбек. У чеченцев известно еще и другое название Казбека «Саьрмак бижина корта» – «вершина, где лежал дракон». [6]

Сиска Солса и старый пес

Как-то Сиска Солса пошел проведать свою отару. Пока осматривал овец и беседовал с пастухами, стемнело. Вечером, словно мир содрогнулся, подул сильнейший ветер, налетели тучи, и полил дождь. Из соседнего леса вышли волки и направились к овцам. Завидев волков, овчарки, поджав хвосты, стали прятаться в середине отары. Из этих овчарок один старый пес был настолько дряхлым, что его считали ни на что не годным, и потому он лежал далее, в стороне. Сиска Солса зарезал для него ягненка и сказал: «Под Божьей и под твоей защитой, пес, находятся эти овцы!». И пастухам он велел стеречь овец.

У Сиска Солсы был ручной баран. От разбушевавшейся непогоды нарт побежал в укрытие. У ручного барана, который бежал за ним, волки успели отхватить курдюк. Как только Сиска Солса кинулся в укрытие, пастухи, не вынеся более ужасную непогоду, также сбежались в шалаш. Собаки же, которых до этого пастухи повыгоняли из отары, вновь кинулись в нее и спрятались среди овец.

Волки двинулись на отару. Старый пес, ранее съевший ягненка, выступил против них. Волки завыли: «був-був-був!». Пес же загавкал: «Хаф-хаф-хаф!». Тем самым волки сказали: «Пес, не мешай нам. Здесь и тебе, и нам мяса вдоволь». Пес же ответил: «Хозяин мой дал мне ягненка. Стыд на мою голову, если позволю унести из отары хоть одну овечку. Лучше уйдите, пока я вас всех не перегрыз!». И все же волки кинулись к отаре. Пес накинулся на них. Схватит он одного волка за шею, переломит и бросит его, поймает другого и также убьет.

Так пес передавил девять волков, а затем, как и прежде, лег возле отары. Назавтра засияло солнце, и день стал погожим. Сиска Солса вернулся к отаре и увидел мертвых волков и стоящих над ними пастухов. Начали они хвастаться перед Сиска Солсой:

– Видишь волков, которых вечером загрызли собаки?

– Вряд ли ваши собаки годятся на это! Наверное, волков убил этот старый пес, – сказал Сиска Солса.

– Да брось ты, – стали говорить пастухи, – куда там сладить с волками старому беззубому псу. Это сделали наши молодые собаки!

– Ладно же. Сейчас узнаем, кто это сделал, – сказав так, Сиска Солса велел собак запереть в сарае, а волков поставить на ноги и подпереть кольями.

– Выпускайте собак, – приказал Сиска Солса.

Пастухи выпустили собак и, говоря «фушт-фушт», стали натравливать их на волков. С лаем «хаф-хаф» собаки кинулись было, но увидев волков, тут же, поджав хвосты, побежали обратно.

– А теперь выпустите старого пса! – вновь приказал Сиска Солса.

Выпустили его и, говоря «фушт-фушт», натравили на волков. Увидел пес стоящих девять волков и устремился на них. Стал он хватать и их за шеи и бить оземь. Так всех побив, отошел и лег в сторонке.

– Что вы теперь скажете? – спросил Сиска Солса. – Убедились, что волков уничтожил вот этот старый пес? Я с вас строго спрошу, если с сего дня вы не будете ему резать в день по одному барашку, – сказал Сиска Солса и, дав псу ягненка, ушел.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 172—173. Нальчик, 2012. В 1967 году от своего отца Абзо Тангиева записал его сын Туган.

Это сказание перекликается с рассказом Хамчи Патараза о своих приключениях в облике собаки.

Почему говорят «говрабаьри»

У Сеска Солсы был конь по имени Гольг. Удивительного в не было то, что при желании он мог становиться маленьким, величиною с козла, а мог превратиться и в столь большого коня, словно дуб высотою. А почему так? А потому, когода Сеска Солса отдыхал, ему легче было пасти коня, когда тот величиной был не больше козла. А вот когда надо было идти в поход, вот тут-то и нужно было, чтобы конь стал большим. Тогда Гольг становился выше самого Сеска Солсы. [1]

Как-то отдыхал Сеска Солса и чистил свое ружье, а Гольг величиною с козла шустро пасся на склоне. Подлетел к нарту сокол и пожелал:

– Да будет благословенным твой труд.

– Да будешь ты любим богом Дялой, сокол быстрокрылый, – ответил Сеска Солса.

– Скажи, Сеска Солса, если пустить вскачь твоего Гольга, когда он бывает всего величиною с козла, смог бы он обогнать меня?

– Это дело касается его, его и спросить надо, – ответил нарт.

Неведомо откуда вдруг появилась волчица. Поприветствовав их и узнав, о чем идет речь, гордо сказала:

– Когда этот конь бывает величиною с козла, ему ни за что меня не обогнать. Об этом и спрашивать не надо.

– Об этом можно говорить лишь тогда, когда Гольг припустится вскачь, – сказал Сеска Солса.

– А почему вы меня не спросите? – рассердился Гольг.

– Спрашиваем тебя. Скажи, можешь ты с нами состязаться?

– Позволь мне с ними проскакать несколько кругов, – попросил Гольг.

Сеска Солса разрешил ему. Трижды по земле перекатился Гольг и стал величиною с дуб. Припустил он, словно за ним была вражья погоня. По склонам и оврагам, по горам и ущельям, по дну озера скача, сделал он три круга и прискакал к Сеска Солсе. А вблизи него уже сидят и сокол, и волчица. Давно пробежали они и пролетели эти три круга.

Устыдился Гольг. Понурил он голову, вновь стал величиною с козла и отошел в сторонку.

– Вот что мы сделаем, – сказал Сеска Солса. – Сейчас Гольг устал. Приходите завтра в это время. Вто тогда-то мы и узнаем все как есть.

Волчица и сокол явились в назначенное время.

– Та-ак, вот что мы сделаем, – начал говорить Сеска Солса, – Вчера Гольг был величиною с дуб, и никто на нем не сидел. Сейчас он величиною с козла. Таким я и оставлю его. К тому же я сяду на него. На такой спор вы согласны?

– А как же! Конечно, согласны. Это то, что нам надо, – обрадовались и та волчица, и тот сокол.

Сеска Солса припустил своего коня. Побежала следом волчица. Полетел вслед за ними и сокол. Что тут говорить! Хотя Гольг был всего с козла, но несся он в десять раз быстрее, чем вчера. Прискакал Сеска Солса к условленному месту, пустил пастись Гольга, а сам сел и раскурил трубку. Когда он успел ее всю выкурить, лишь тогда прибежала волчица и прилетел сокол. [2]

– Что за чудеса! Когда конь был огромным и был он без всадника, мы оказались быстрее него. А сейчас, когда конь настолько мал, а на нем сидит такой огромный и тяжелый всадник, Гольг оказался намного быстрее нас. Хотя мы и проиграли этот спор, все же поведай нам, Сеска Солса, в чем тут причина? – попросили волчица и сокол.

Сеска Солса им ответил:

– Конь без всадника не конь. Всадник без коня не всадник. Но вот, когда между ними установится согласие и взаимное понимание, вот тогда-то полностью и проявляются их качества, тогда-то и называют их «говра баьри» – конь и всадник.

Уважая мужество и силу волчицы и сокола, Сеска Солса настрелял разных зверей и устроил для них угощение, как для самых дорогих гостей.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 174—176. Нальчик, 2012. В 1978 году от 69-летней жительницы Назрани Дибихан Генадкиевны Бузуртановой записал Магомет Арскиевич Льянов.

Конь Сеска Солсы мог быть и большим, и маленьким, величиною с козла. Такое представление, возможно, восходит к мифологии. Так, древнее божество Ткъамаж-ерда имел такого же коня, способного увеличивать или уменьшать свой рост. [1]

Сеска Солса раскурил трубку – горный тюльпан называется «трубка Сеска Солсы» – «Сеска Солса гІаьле». [2]

Превратилась в голубку

Сын Сеска Солсы женился. Как-то Сеска Солса приехал домой. Невестка сидела во дворе и подшивала чувяки. Сеска Солса протянул ей повод коня и ушел в саклю Невестка увлеклась работой, выпустила повод коня, который она держала, и конь незаметно ушел со двора. Закончив подшивать чувяки, невестка кинулась, но коня нигде найти не смогла. Боясь, как бы Сеска Солса не вышел и не стал ее стыдить, она попросила Бога поскорее превратить ее в лесную голубку. Бог внял ее просьбе. Стала она голубкой и улетела в лес. Сеска Солса, выйдя во двор, не нашел ни невестки, ни коня, только увидел улетающую голубку. Понял Сеска Солса, что невестка обернулась голубкой.

Каждую весну Сеска Солса сеял пшеницу на опушке леса для голубей. Когда же Сеска Солса умер, голуби вышли на опушку леса и пели песню:

– Ку-у, ку-у, Сеска Солса,

Ку-у, ку-у, Сеска Солса.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 179—180. Нальчик, 2012. В 1985 голу от 50-летней жительницы гор. Назрани М. Р. Эгиевой записала Зарема Чемурзиева.

Сюжет этого текста довольно широко распространен на Кавказе.

Сеска Солса и волк

Некогда Сеска Солса пас овец своего отца. Однажды пришел к нему волк. [1]

– Я стар. Дай мне одного барана, – говорит волк. – Если бы немощь меня не одолела, я бы не стал просить. Если ты дашь барана, я сделаю тебе три хороших дела.

– Не спросив отца, я не могу дать барана, – сказал Сеска Солса.

– Иди спроси отца, а я пока буду оберегать твоих овец, – сказал волк.

– Как могу я оставить овец, поверив тебе, волку?

– Пусть я буду отцом семьи, в которой не слушаются и не почитают отца, если зарежу ваших овец, – поклялся волк. [2]

Отправившись домой, Сеска Солса рассказал отцу все, что говорил волк, и передал клятву волка. Тогда отец сказал:

– Быстро вернись обратно, и пока волк эту клятву не произнес как проклятье, отдай ему всех овец.

Волк, однако, взял только одну овцу.

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 359. Текст записан И. Дахкильговым в 1964 г. на ингушском языке со слов 57-летней Фатимы Адаловны Ханиевой.

Только в этом сказании впервые упоминается отец Сеска Солсы, что противоречит типологии этого образа. Впервые мы сталкиваемся и с тем, что Сеска Солса изображен человеком мирного труда; во всех прочих сказаниях он воин. В одной из ингушских сказок, сюжет которой совпадает с данным сказанием, вместо Сеска Солсы фигурирует некий мальчик. То, что Сеска Солса занял его место, может служить примером деформации эпоса. [1]

Эта клятва у ингушей имеет большую устрашающую силу и до сих пор. [2]

Я превосхожу тебя

Полностью вооруженный, на высоком коне, едет как-то Соска Солса. Повстречался ему волк.

– Салам-алейкум, высокочтимый Соска Солса! – приветствовал его волк.

– Ваалейкум-салам, чтимый быстроногий волк, – ответил нарт.

– Куда путь держишь, Соска Солса? Не по тревоге ли едешь?

– Нет у меня никаких тревог и забот. А еду я за добычей.

– И я вышел в путь в ее поисках, – сообщил волк.

– Значит, мы с тобой похожи друг на друга, – сказал Соска Солса.

– Похожи-то похожи, но неодинаковы, – ответил волк.

– Вот те на! Как же это надо понимать: взаимно мы похожи, но неодинаковы?

И тогда волк сказал:

– Смотри, Соска Солса. Ты сидишь на большом коне, который быстро доставит тебя туда, куда тебе нужно; на теле твоем кольчуга, которая защищаеттебя; для ближнего бояу тебя имеются сабля и кинжал; у тебя есть длинное ружье, которым ты можешь поразить далекую цель; твоя сверкающая подзорная труба позволяет тебе далеко видеть. Столь хорошо вооруженному, как ты, человеку легко приобретать добычу. А что имеется у меня? Нет у меня ничего в помощь, кроме мужества, дарованного мне Всевышним.

Понял Соска Солса смысл этих слов. И тогда он предложил волку:

– Волк, присоединяйся ко мне. Вместе будем добытчиками.

– Большая честь для меня быть твоим напарником, и все же я буду сам по себе.

– Почему так? – удивился нарт.

– Да потому, Соска Солса, что я не смогу вынести вони, исходящей от твоих собак.

– Волк! Ты и есть воистину Волк! – воскликнул Соска Солса, и они распрощались.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 169—170. Нальчик, 2012. В 1938 году от 78-летнего жителя села Джайрах Шутура Газмагометовича Льянова записал Магомет Арскиевич Льянов.

Сеска Солса и лесной голубь

В давние времена когда-то жил-был один мужчина по имени Сеска Солса. За один присест съедал он целого барана. Как заснет – неделю спал, а как бодрствует, так целый месяц ходит. А был он одноглазым. Сеска Солса не имел своего дома, потому и странствовал все время по долинам, горам и лесам. [1]

Однажды, бродя по лесу, он увидел голубя с перебитым крылом. Пожалев его, он взял этого голубя и ухаживал за ним целый месяц, нежно ласкал, и кормил и поил до тех пор, пока у него не поправилось крыло. Но после того, как крыло голубя поправилось, он, полюбив Сеска Солсу, приручился к нему и не улетал, а все время странствовал вместе с Сеска Солсой. [2]

На свете не было человека, кто мог бы одолеть Сеска Солсу. Однажды, когда он спал, его враги предательски выкололи его единственный глаз. Из-за этого Сеска Солса никуда не мог больше пойти и умер. У лесного голубя с тех пор, говорят, и появились золотые перышки в тех местах, которых касалась ласкающая рука Сеска Солсы. Даже и сейчас, если ты прислушаешься, то услышишь, как воркует этот голубь в лесу. Он кричит: «Іэл кхо-о-нг, Сеска Солса» («Для Эла жаль [тебя], Сеска Солса»). [3]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 336. Текст записан И. Дахкильговым на ингушском языке от 67-летней сказительницы Шишхи Адаловны Ханиевой. «Тяжелобольная женщина преображалась, когда начинала рассказывать. Это было скорее всего исполнение артистки. Музыкальная интонация, сдержанная жестикуляция и тонкая мимика будили интерес у слушателей и в то же время были лишены наигранности. Создавалась иллюзия правдивости рассказываемых событий, особенно когда она изображала голосом и жестикуляцией чудовищ, бравого молодца на коне или труса» (по наблюдениям И. Дахкильгова).

В ингушских нарт-орстхойских сказаниях это единственный случай, когда Сеска Солса изображен одноглазым великаном. [1]

В предании нашло отражение древнее почитание голубя у ингушей. Изображения или чучела голубей встречались и в языческих святилищах. Убить голубя считалось (и сейчас считается) большим грехом. [2]

Здесь «нг» уменьшительный, ласкательный суффикс ингушского языка. [3]

Соска Солса и Боткий Ширтка

Пронырливый Боткий Ширтка то по земле ходил, то под землей прятался и там путешествовал, а затем где-нибудь вновь появлялся. А Соска Солса был человеком бывалым, необычайно сильным и смелым. Также был силен и его конь, свободно перескакивавший с горы на гору. У горы Цели-корт, где некогда пасся его конь, есть место, похожее на лежащий огромный стрелковый лук. Растущая там «черная» трава настолько любима скотом, что он съедает ее до самого корня. Коня этого Соска Солса кормил вареной пшеницей. Сам Соска Солса был сделан из каленой стали. Соска Солса был ингушом и жил в местности Мцгета. [1]

Как-то Соска Солса крикнул в дыру, уходящую в землю:

– Выходи. Поедем за добычей!

Вышел оттуда Боткий Ширтка и сказал:

– Я не добытчик. Мое дело ходить в подземный мир мертвых, возвращаться в этот мир живых и посредничать между этими мирами. Также я могу предвидеть будущее. Хочешь, скажу, что произойдет с тобою в этом походе?

– Не хочу. Что б ты ни предсказал, я все равно поеду за добычей. Ежели ты предскажешь что-то нехорошее, я буду этого остерегаться, и путь мой наверняка окажется неудачным. Идя в поход, я всегда говорю: «Будет то, что суждено богом Дялой. Пусть он даст мне удачи. И удача всегда находит меня».

– Но, Соска Солса, придет время, когда ты забудешь произнести имя Дялы, и тогда ты станешь несчастным, – сказав так, Боткий Ширтка прыгнул в нору и скрылся под землею.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 89—90. Нальчик, 2012. В 1965 году от 77-летнего жителя села Байним Жена Мочкиевича Шовхалова записал И. Дахкильгов.

В этом сказании вторая половина, повествующая о приглашении в поход, была опущена по велению цензуры, так как в ней она увидела религиозную пропаганду.

Мцгета – так сказитель искаженно назвал место «МIarIoIe». [1]

Бийдолг Бяри и Сеска Солса

Однажды вечером у истока родника стоял Сеска Солса. Неожиданно к Сеска Солсе подъехал человек, величиной с локоть верхом на коне. Это был Бийдолг Бяри. После приветствий и расспросов о здоровье, Бийдолг Бяри спросил у Солсы: [1]

– Знаком ли ты с Сеска Солсой?

– Знаком, – ответил Сеска Солса, не выдавая себя.

Когда Бийдолг Бяри спросил: «Что он за человек?», – Сеска Солса ответил:

– Он очень крепкий человек. Если сильный мужчина изо всей силы нанесет ему удар мечом по голове, царапины даже не сделает.

Бийдолг Бяри подставил голову и попросил мечом нанести ему удар. Ударил Сеска Солса, а Бийдолг Бяри и не шелохнулся. Удивился этому Сеска Солса.

– Что он еще может делать? – спросил Бийдолг Бяри.

Сеска Солса ответил:

– Вон такую огромную скалу, столкнув вниз и забежав наперед, он вновь всаживает в землю. [2]

Эту скалу не смогли сдвинуть с места 60 человек. Бийдол Бяри запросто столкнул ее, а затем, забежав вперед, одной рукой всадил ее в землю на то же место. Тогда Бийдолг Бяри сказал Сеска Солсе:

– Передай Сеска Солсе, чтобы он завтра прибыл сюда со своими всадниками. Если же он не явится, пусть уходит совсем из села со своими сельчанами, но оставив свою семью в селе.

Сеска Солса знал: явись он в назначенное место, как окажется побежденным. Ведь той силы, какая была у Бийдолг Бяри, не было у Сески Солсы. В глубокой печали Сеска Солса возвратился домой. Никому ничего не говоря, он собрал свой народ, семью оставил в селе и ускакал. К опечаленному и горестно сидящему Сеска Солсе подошел один из его всадников и спросил:

– Что тебя так гнетет? Почему ты в таком горе?

Долго молчал Солса и, наконец, все рассказал.

– Я ему дам по заслугам, – сказал всадник и ушел.

Когда он прибыл к месту встречи, там уже стоял Бийдолг Бяри. Всадник неожиданно со всего размаха нанес пощечину Бийдолг Бяри. Конь Бийдолг Бяри, испугавшись, пустился вскачь. Споткнувшись, конь упал, подмяв под себя и Бийдолг Бяри. Тогда сказал Бийдолг Бяри всаднику: [3]

– С сегодняшнего дня ты можешь здравствовать, ибо я дал клятву, если кто или что-либо меня подомнет, мне более не жить на этом свете. На, возьми мой меч и отруби мне голову, ведь твой меч мне ничего не сделает.

Взял всадник его меч, отрубил голову Бийдолг Бяри и возвратился в Сеске Солсе. Очень обрадовался Сеска Солса, вместе с людьми он вернулся в свое село и сделал всадника своим другом.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 324—325. Сказание записано в 1962 г. учеником Яндырской средней школы Ахметом Султыговым со слов его отца.

Бийдолг Бяри – всадник величиной с кулак и локоть («бий» – кулак, «дол» – локоть, «бяри» – всадник). Встречается в сказке и в эпосе. Мифическое существо, место обитания его неизвестно (иногда он живет где-то на краю света). Его никто не может одолеть силой в равном поединке, а побеждают только умом и хитростью. [1]

Состязания подобного рода – обычное общеэпическое место нартских сказаний всех народов Кавказа. [2]

Мотив неожиданности нападения менее сильного на более могучего противника и его поражения таким способом (например, с помощью колокольчиков, испугавших лошадь героя, нанесения пощечины и т. п.) встречается в нартском эпосе довольно часто. Он неоднократно зафиксирован в сказаниях о поединке Сосрыко с Тотрадзом. [3]

Молитва Сеска Солсы

Когда Сеска Солса почувствовал приближение смерти, поехал он проститься с родной страной. Ночь застала его в земле Галгай, в ущелье Ассы, у подножия Гяль-корта. Он слез с коня, стреножил его и уснул под камнем. Ночью к нему явился Аллах и сказал: «Сеска Солса, ты завтра умрешь. Когда взойдет солнце, влезь на камень, под которым ты

спишь, и помолись за свой народ…». Проснулся Сеска Солса. Солнце всходило, и сотворил он первый намаз. Долго и крепко молился он, весь день не пил, не ел ничего и, когда кончил

последний вечерний намаз – испустил дух. Теперь на камне остались выемки от ударов его лба и место, где упирались его руки.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», с. 373. Нальчик, 2012. Опубликовано: Бывалый. Молитва Сеска Солсы // Терские ведомости. 1911, №127.

III. ПАТРИЖ ХАМЧИЙ (БЯТАР)

Нарт Хамча и его сын Патараз

Жил нарт Фярг и был у него сын Хамча, который был телом столь могуч, что не каждый конь выдерживал его. Поэтому у него был свой, особой арабской породы конь, величиною с верблюда. В то время как чужие кони только могли переплывать Терек, его [1]

конь с места перепрыгивал через Терек, а затем вновь прыгал на этот берег. Когда скакал Хамча, то его с конем издали можно было принять за гору. Все встречные, лишь только

завидев Хамчу, со страха кидались в сторону. Уверился Хамча, что нет никого, кто бы его превосходил.

Как-то ехал он и вдали увидел слегка покачивающуюся гору. Удивился он этому и когда подскакал ближе, то узнал, что это у реки сидит великанша-вампал. Она пряла шерсть, к веретену у нее вместо пряслица был приделан огромный жернов. Чтоб не мешали

работать, она груди свои перебросила через плечи, и они свисали у нее сзади поясницы.

В сторонке отпустил Хамчи своего коня, а сам подобрался к великанше-вампал. Встав на цыпочки, он еле дотянулся до соска ее груди и быстренько пососал его, но тут же отскочил в сторону, ибо в этот момент великанша, думая, что ей досаждает муха, с размаху ударила себя по спине веретеном вместе с жерновом. Не отскочи Хамча вовремя, он был бы убит вдрызг.

– Ты что же, хотела убить своего сына? Ведь это я пососал твою грудь, и теперь я твой энчик – молочный сын, – сказал Хамча. [2]

– Теперь делать нечего, а не то я между ладонями тебя в пыль растерла бы, – сказала она.

Стали они мирно беседовать, и Хамча спросил:

– Могла бы ты сделать для меня что-нибудь хорошее?

– Конечно, могу, – ответила она. – могу женить своего молочного сынка. Мой брат является князем над вампалами. У него выросла ростом неказистая дочь, ну точь-в=точь

ростом с тебя. Но красивее ее нет девушки ни на земле, ни на небесах. Хотел бы ты на ней жениться?

– Я не прочь. Сватай, если она такова, как ты говоришь, – ответил он.

– Но есть одно, – сказала великанша, – поскольку она у князя одна-единственная, он воспитал ее, как готовят сына к воинскому искусству. К тому же она дала слово, что выйдет замуж только за того, кто одолеет ее в борьбе. [3]

– Это то, что нам надо, – сказал Хамча, – дайте-ка с ней побороться, и тогда увидим, как дела обернутся.

Отец девушки очень был рад этому случаю, поскольку дочь его уже засиделась в девушках. Ведь не было никого, кто осмелился бы с ней бороться.

Привели девушку. От ее красоты Хамча оцепенел, но девушка тут же стремительно бросилась на него. Кока – голубка – было ее имя. Схватила она Хамчу, крутанула и взметнула вверх. Тут только Хамча пришел в себя и всем своим могучим телом свалился на девушку. Она упала на одно колено. Сцепились они по-настоящему. Понял Хамча, что может проиграть этот поединок. Но вдруг он удачно свалил девушку наземь и стал победителем. А дело было вот как. Видным красавцем был Хамча, и Кока в него сразу же влюбилась. Поэтому она и поддалась. А так никогда бы Хамча ее не одолел.

Неделю, месяц длилась свадьба. Сначала на княжеском дворе, а затем, уже вернувшись домой, и на дворе Хамчи. На свадьбу собрались все нарты.

Стали они жить. Хамча был большим непоседой. Вскоре он отправился на охоту в дальние горы.

А надо вспомнить, что маленький человек по имени Накий Лоха Боштольг (Накиев низенький Боштолг) давно мечтал жениться на Коке. Сам он был не выше ребенка, а страшным был настолько, что морды собак и ослов были краше него. Была у него одна особенность: имел он бороду, которая была в пять раз длиннее его роста. Был он таким, словно его выпустили из ада, при этом сказав: «Да будет он вовек неодолим!». Но вот Хамчу он боялся, поскольку знал определенно, что придет время и он погибнет из-за Хамчи. Поэтому Боштольг опасался его. [4]

Засел Боштольг в засаде у дома Хамчи, и лишь только он отправился на охоту, Боштольг просунул в окно свою бороду, схватил ею Коку, вытащил наружу и припустил что есть мочи. Но Кока схитрила: когда ее Боштольг, перекрутив своею бородою, увозил в свои края, она незаметно отщипывала волоски его бороды и роняла их на землю. Жил этот Накийц Лоха Боштольг в пещере, глубоко под землю уходящей. Вход в нее он прикрывал каменной плитой, сдвинуть котору было не под силу и шестидесяти силачам.

С охоты вернулся Хамча, неся трех оленей: двух под мышками и одного на плечах, а Коки дома не оказалось. Стал он ее искать вокруг, но не нашел. А тем временем стало смеркаться. Тут на земле он заметил какое-то слабое свечение. Подойдя, он увидел, что свет идет от волоска. Подняв его, он узнал, что это волосок Боштольга. Когда-то Хамча слышал, что его волосы в темноте светятся.

Далее он увидел еще один светящийся волосок, потом следующий. И так, идя от волоска к волоску, он, наконец, дошел до пещеры. Увидя каменную плиту, Хамча пнул ее так, что она улетела в небеса. Выскочил Боштольг из пещеры и вцепился в Хамчу. Начался тут страшный бой. Не столько оружием, сколько бородою он избивал Хамчу, застилал ею ему глаза. Временами Хамча ничего не мог видеть.

Но тут из пещеры выскочила Кока, схватила она Боштольга со спины и повалила его навзничь. Сказав Коке, чтобы она держала врага за бороду, Хамча стал бить его и саблей, и топором – ничто того не брало. Тогда вот что они сделали: схватила Кока рядом растущую чинару за вершину, дернула и расщепила ее ствол надвое до самого корня. Хамча подтащил Боштольга к чинаре и сунул в нее бороду Боштольга под самый подбородок. Отпустила Кока две половины чинары, и они накрепко зажали бороду Боштольга. Сказав: «Да пропади ты пропадом!», – они оставили там Боштольга, который бился, как пойманная лягушка.

Пошли они в пещеру, забрали все золото и серебро, а затем отправились восвояси. Сестра матери Боштольга была гам-ведьма. Это была его единственная родня. Зажатого стволом чинары Боштольга кусали и клевали звери и птицы, да ничего поделать не могли. На нос Боштольга села ворона. Он сказал ей: «Никто не сможет съесть меня, слетай к моей тете-гам и позови ее. За это я прирежу тебе целую лошадь». Полетела ворона и подняла тревогу. У этой гам-ведьмы был мужем одноглазый Овда. Силен он был настолько, что отламывал скалы, швырял их высоко в небо, а когда они падали, он втаптывал их в землю. Подошли они к Боштольгу. Овда раздвинул чинару и освободил его.

Хитрая гам-ведьма пошла и нанялась в прислуги к Хамче. Она была настолько любезна, что вошла в сердце и его, и Коки. У Хамчи была нехорошая привычка: если кто его окликал, он обязательно должен был повернуться на окрик, даже если в это время он сражался. Эту привычку заприметила гам. Она сказала Боштольгу:

– Пойди и сразись с Хамчой. В разгар боя я его окликну. Он повернется назад, ко мне. Тут ты и ударь его саблею по шее.

Шел Хамча с охоты, как тут кинулся на него Накий Лоха Боштольг. Хамча сбросил три оленьи туши с себя и вступил в бой. Вновь стал Боштольг своей бородою бить Хамчу по глазам. И все же Хамча его одолевал. Но тут гам, подойдя к нему сзади, спросила:

– Эй, Хамча, тебе нужна моя помощь?

Обернулся к ней Хамча и только успел сказать:

– Здесь твоя помощь не нужна.

Тут перед Бештольгом появилась шея Хамчи. Взмахнул Бештольг саблей и снес его голову. Бештольг и гам стали праздновать свою победу: испекли оленей, пели песни и танцевали. А к окну Коки подлетела ворона и все ей рассказала. Оказывается, Бештольг обманул ее, пообещав лошадь, но как только освободился – прогнал прочь. Зная, что ей не одолеть Бештольга, гам и Овду, Кока поскакала к своей родне великанов А в их страну ни Бештольг, и никто другой сунуться бы не смел.

Кока была в положении. Лишь только она родила мальчика, как он кубарем залетел в очаг, стал посередине него и начал нагребать на себя горячие угли. Было это зимой. Кока выхватила мальчика из очага и стала катать его по снегу. А он, вновь изловчившись, опять вбегал в дом и садился посреди пылающего очага. Вновь мать катала его по снегу. Так продолжалось несколько раз. Тело мальчика закалилось и стало булатным. Назвали его Петаразом. За день он вырастал как за неделю, за неделю вырастал в месяц, а в месяц – за

год. Будучи телом булатным, он никого не боялся и притеснял своих сверстников. Мать одного из них упрекнула его:

– Чем издеваться над нашими детьми, ты бы лучше отомстил за смерть своего отца!

Кока же постоянно говорила своему сыну, что его отец без вести пропал в чужедальней, неведомой стране. Но тут Петараз сказал:

– Ты обманывала меня, говоря, что отец без вести пропал на чужбине. Скажи, кто его убийца!

Кока отказалась ответить. Тогда Петараз сказал:

– Если не скажешь, я убью тебя!

Пришлось матери все как есть ему рассказать. Пошел Петараз к братьям своей матери и потребовал: [5]

– Дайте мне лучшего коня и лучшее оружие.

Дали ему все это. Затем сходил он к Села Сате и спросил ее, как найти этого Накий Лоха Бештольга. Села Сата была ведуньей и гадалкой. Узнала она, где этот враг находится, и рассказала Петаразу. Доехал Петараз до пещеры Бештольга и крикнул в нее:

– Выходи, борода, ангел смерти явился к тебе!

По богатырскому окрику понял Бештольг, кто к нему явился, и, не выходя из пещеры, прокричал о помощи гаме и Овде. Прибежали они. Начался страшный бой. С Петаразом спереди бился Бештольг, сзади – Овда, а гам, словно ветер, налетала то справа,

то слева. Словно кубарь, вертелся среди них Петараз. Убил он и эту гам и этого Овду. Но вот убить Бештольга он никак не мог, потому что ничто его не брало.

У Петараза был огромный мешок, сделанный из целой буйволиной кожи. Петараз скрутил Бештольга его же бородою, сунул его в этот мешок, привез домой и подвязал в сарае за матицу. Так и висел он. Из-за убитого им своего мужа Хамчи палкою его избивала

Кока. Вспомнит она мужа, возьмет палку и начнет бить по кожаному мешку, в котором находился Бештольг. Била она так сильно, что из мешка доносились вопли Бештольга:

– Ой-ей-ей, душа моя бедная!

Кровная месть ведь не считается завершенною, если враг жив. Опять пошел Петараз к Села Сате. Три дня и три ночи гадала она и наконец сказала:

– Езжай прямо, куда я показываю, не сворачивай ни вправо, ни влево. Будешь ехать целый месяц и еще полмесяца. Наконец доедешь до кургана Тамаш-боарз. Схоронись вблизи и жди новолуния. В полночь на курган взойдет страшная волчица. Начнет она

щениться. В сердце рожденного ею щенка находится душа Бештольга. Если волчонок успеет приложиться к соску волчицы, то душа Бештольга улетит неизвестно куда.

Поскакал Петараз. Проделал путь в полтора месяца и доехал до высокого кургана Тамаш-боарз. Сел в засаду и дождался новолуния. В полночь прогремел гром и засверкали молнии. На курган взобралась волчица, огромная, как медведица. Начала она щениться.

Лишь только на свет появился волчонок, как Петараз выскочил из засады и убил волчицу, а волчонка сунул в мешок и поскакал к дому. Вытащил он Боштольга из мешка и кинул его оземь. На его глазах прирезал волчонка и вытащил его сердце. Увидя это, понял

Боштольг, что наступает его смертный час и, взмолившись о пощаде, стал сулить большие сокровища.

– За отца своего Хамчу совершаю я кровную месть! Смотри, Накий Лоха Боштольг, – сказав, показал он сердце волчонка, – в нем была твоя душа, а теперь вот что с ней стало!

С этими словами он ударил сердце волчонка оземь с такой силой, что оно разлетелось вдрызг. Тут и околел Накий Лоха Боштольг.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 214— 219. Нальчик, 2012. В 1965 году от жителя поселка Новый Редант Гинеза Магометовича Льянова записал Магомет Арскиевич Льянов.

Фярг и его сын Хамча – это единственное упоминание имени отца Хамчи. Слово «фаьра» означает «благодатный» (восходит к наречиям Ирана). Также это сказание единственное, в котором Хамча выступает действующим лицом. [1]

Энчик – молочный сын или брат (от тюркизма «емчек»). [2]

По народной памяти, некогда якобы имел место обычай, по которому девушка выходила замуж лишь за того мужчину, который мог бы одолеть ее в единоборстве. Таким же путем выходит замуж Артемида (по древнегреческому мифу), Гунда Прекрасная (по абхазскому нартскому эпосу). [3]

Накий Лоха Боштольг – напоминает пушкинского Черномора. Слово «лоха» означает «низкий», а слово «боштольг» – годовалый козленок. [4]

Ранее уже было сказано, что родственники по матери (дядя, в первую очередь) должны были обеспечить своего племянника конем и всем другим необходимым снаряжением. 1По понятиям некоторых фанатиков-ингушей, женщина никогда не удовлетворяется в своих любовных стремлениях, а кобылица никогда не наедается (примеч. Ч. Ахриева). [5]

Хамчи Патараз и Мялха Аза

Нарт Хамчи Патараз проводил жизнь в походах. Как-то ехал он, и вдруг все вокруг покрылось тьмою. Оказывается, сармак-дракон проглотил Солнце, а затем прыгнул в глубокое ущелье, по которому протекала река. Хамчи Патараз не мог понять, что же случилось. Неподалеку ему послышался женский плач. «Кто это может причитать в столь далекой и безлюдной стороне?», – подумал про себя Хамчи Патараз и пошел на голос. Он увидел девушку необычайной красоты. От ее лица и рук исходило сияние.

– Почему ты плачешь? Кто тебя обидел и чем тебе можно помочь? – спросил он.

– Этот мир стал несчастным: ведь сармак проглотил Солнце. Если его не освободить, то не будет ни света, ни тепла. Все пропадет, – стала причитать девушка.

– Я до сих пор не видел такой удивительной девушки. Кто ты? – поинтересовался Хамчи Патараз.

– Я Мялха – Солнечная Аза. Родилась я вместе с Солнцем и жизнь иоя закончится, когда Солнца не станет. Но плачу я не о себе, а о безвинных людях, которые ни за что, ни про что погибнут без Солнца. Есть ли на свете нарт, способный сразиться с сармаком и освободить Солнце?! – воскликнула Мялха Аза.

– Я из тех нартов. Давно не была в бою моя сабля, и она стала ржаветь, конь мой также разленился. Зовут же меня Хамчи Патараз.

– Ты известный мужчина. Из волшебных книг знаю, что лишь только ты можешь убить сармака, – сказала Мялха Аза и указала ущелье, в котором лежит сармак. Недолго шел Хамчи Патараз и дошел до сармака. Нутро у сармака горело от Солнца. Потому-то сармак лежал с открытым ртом. В него устремлялась горная река и где-то около хвоста вытекала и шла себе далее. Эта вода студила Солнце и не давала ему прожечь сармака и освободиться. Разбежался и с обрыва прыгнул Хамчи Патараз прямо на спину сармака. Начал он саблей рубить его. От боли взвился сармак в самое небо, а оттуда ринулся прямо на Хамчи Патараза. Но он успел отскочить в сторону. Упав, сармак продавил землю настолько, что образовалось озеро. Раззявил он пасть, чтобы проглотить нарта. А Патаразу это и надо было. Он сам прыгнул прямо в пасть сармака и тут же очутился у него внутри, рядом с Солнцем. Чтобы оно меньше его жгло, Хамчи Патараз повернулся к нему спиною и стал изнутри рубить сармака. Солнце сказало ему: [1]

– Ты не сможешь прорубить столь большую дыру, сквозь которую я смогло бы выйти. Тут, рядом со мною, бьется сердце сармака. Руби его, и сармаку придет конец.

Хамчи Патараз так и поступил. Со всех сторон рубил он сердце и, наконец, уничтожил его. Тут же сармак дух и испустил. Хамчи Патараз почувствовал запах горящего мяса. Это солнце прожгло спину сармака и взвилось прямо в небо на свое место. Весь мир озарился, и тут Мялха Аза поняла, что Хамчи Патараз освободил Солнце и уничтожил сармака. Вскоре они встретились, и Мялха Аза сказала:

– Как мне тебя отблагодарить?

– Если я по нраву тебе, выходи за меня замуж, – сказал нарт.

– Я-то согласна, но надо получить согласие Солнца, – ответила Мялха Аза.

Пошли они к Солнцу. Мялха Аза рассказала ему о сватовстве Хамчи Патараза. Солнце ответило:

– Выходи за него не раздумывая. Хотя он от жары в чреве сармака повернулся ко мне спиною, я все же не сержусь, потому что он настоящий нарт. [2]

Мялха Аза вышла замуж за Хамчи Патараза.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 201— 203. Нальчик, 2012. В 1994 году от 68-летнего беженца из села Яндиево Мусы Терсботовича Албакова записал И. Дахкильгов.

Подобно ингушскому Патаразу в кабардинском эпосе Батараз убивает дракона, перегородившего реку и выпившего всю воду.

Иногда мы видим, как «солнце схватили». Это огромный сармак – дракон – преследует солнце с того дня, как Бог пустил его по небу. Сармак любит темноту и потому ненавидит солнце, наберет в себя сармак морской холодной воды и проглатывает солнце. Но недолго солнце находится в его чреве. Оно раскаляет нутро сармака, прожигает его брюхо и вновь уходит на небо, а сармак лежит в море и ждет, пока заживет его брюхо. Иногда люди начинают пугать сармака: стреляют вверх, бьют по медной посуде, кричат. Все это пугает сармака, и он отступает. Однако говорят, что когда-нибудь придет время и солнце не справится с сармаком. Тогда Бог убьет его». [1]

По всей вероятности, сказание о Хамчи Патаразе и Мялха Азе в прежние времена рассказывалось с учетом того, что слушателю хорошо известен вышеприведенный миф.

Солнце здесь дает понять, что повернуться к человеку спиною является признаком невоспитанности и проявлением неприязни. [2]

Волшебное кольцо

Когда Сата повзрослела, ее отец Села подарил ей волшебное кольцо. «Кольцо, исполняющее желания», – так его называли. Если спросить у этого кольца что-нибудь, проведя по нему рукой, кольцо отвечало на вопрос. Когда Сата спрашивала: «Где Сеска Солса?», кольцо отвечало: «Он в ущелье вампалов, собирает с них дань». Или что-то другое отвечало.

На дне моря жил вампал Сяса. Ему очень захотелось приобрести это кольцо. И он думал, как бы его достать. Она узнал, что Села Сата по вторникам устраивает стирку на берегу моря. У Сясы была ручная рыбка Пхаринг. «Иди, достань с руки Саты кольцо», – сказал он рыбке. В среду Пхаринг поплыла к берегу сторожить Сату. Не заставляя долго ждать себя, Сата появилась на берегу моря и затеяла стирку в очередной раз.

Пхаринг оказалась хитрой, Сата даже не заметила, как с ее руки рыбка сняла кольцо. Та узнала, что потеряла кольцо только когда очутилась дома. Это была большая потеря для нартов, так как с помощью кольца они могли узнать, в какой стране что происходит, где больше поживы, что происходит на том и этом свете. Села Сата стала причитать. Она поняла, что морской царь украл у нее кольцо. Нарты стали спрашивать: «Что случилось? В чем дело?». Сата сказала: «Наше кольцо-вестник украл морской царь. Теперь я не могу вам ничего предсказывать. Кто сможет вернуть кольцо?».

Понемножку нарты стали отходить в сторону. Они боялись морского царя. У него было человеческое тело до пояса, а ниже – тело дракона, огромные глаза и когти, как ножи. Рыбы в его владении были очень странными. Когда он повелевал им стать конями, они превращались в коней и, переплыв море, начинали пастись на берегу. Если он повелевал им стать воинами, они становились воинами со всеми необходимыми доспехами. Он сам мог находиться и в воде, и на суше. Однако отходить от воды далеко он не мог. Потому он не ходил к нартам, и нарты тоже его сторонились.

В это время Сеска Солса был за рекой Волгой вместе со всем войском. Видя, что ждать от нартов помощи не стоит, Сата начала еще сильнее плакать, причитать, молиться Богу. В это время Патарза был в горах, охотился на туров. Он услышал плач женщины. Прислушался и понял, что это Села Сата просит о помощи. Патарза поспешил на помощь. Перескакивая с одной горы на другую, он оказался внизу и предстал перед Села Сатой.

– О наша мать, что случилось? Что за горе у тебя? – спросил он.

Хотя она и не была его матерью, но нарты ее так называли.

Узнав, в чем дело, Патарза хотел пуститься к морю, но Сата остановила его: «Ты смелый, отважный, однако Сясу так просто не убить. У него девять душ. В груди у него находится коробок, в котором девять воробьев. Он умрет после того, как умрут они. Когда ты пойдешь против него, он превратит рыб в воинов и нагонит их на тебя. Я дам тебе волшебную сеть, чтобы ты набросил ее на этих рыб. Когда он превратит их в воинов, я дам тебе прекрасного жеребца, он их всех разобьет. Твой меч не годится, чтобы сражаться с ним, я дам тебе огненный меч, который сам бросается на врага. Теперь пошли со мной», – сказала она и повела его к высокой горе.

Взойдя на нее, она сказала: «Видишь на горе плиту? Шестьдесят человек не могут сдвинуть ее с места. Внутри горы пещера. Таких плит там еще восемь. Сдвинув все эти восемь плит, ты увидишь жеребца, а на стене ты увидишь тот самый меч».

Патарза тут же схватил эту плиту и бросил ее далеко в море. То же самое он сделал еще с шестью плитами. А седьмая и восьмая плиты разлетелись вдребезги от крика того самого жеребца. И накинулся он на Патарзу, чтобы убить его. Тот ударил жеребца по лбу так сильно, что он отлетел в сторону, Затем Патарза вскочил на него и сказал: «Сата для меня благословила тебя!». И тот перестал брыкаться и сказал: «Не забудь взять тот меч!».

Патарза взял меч и вышел из пещеры. Сата достала из кармана платок и протянула ему, сказав: «Когда Сяса нагонит на тебя войско, кинь этот платок, он превратится в огромную сеть. Когда ты подойдешь к морскому царю, вонзи ему в грудь этот меч».

Патарза оказался у моря за короткий миг. Море было взволнованным из-за плит, которые Патарза бросал в него. Сяса был не в духе, потому что море без его ведома взволновалось. Посмотрев в кольцо, он увидел Патарза, который стоял на берегу. Когда-то ясновидящие предсказали морскому царю, что ему надо остерегаться всадника на прекрасном жеребце. И он увидел Патарзу на прекрасном жеребце.

Патарза крикнул: «Эй, морская лягушка, я оставлю тебя в живых, если ты отдашь кольцо нашей матери Саты!». Сяса сидел на дне моря и делал вид, что ничего не слышит. Когда Патарза второй и третий раз крикнул, Сяса выглянул из моря и сказал: «Уйди отсюда, муха! У кольца сейчас другой хозяин». «Грязная морская лягушка, ты разозлил меня! Сейчас ты увидишь, что я сделаю!», – сказал Патарза и бросился в море. «Бейте его!», – велел Сяса своим рыбам.

Они тут же превратились в воинов, и все накинулись на него. Патарза достал из кармана платок и кинул так, как велела ему Сата. Платок превратился в большую сеть. Воины царя отошли назад. «Превращайтесь в коней!», – велел им Сяса. И тогда они кинулись на прекрасного жеребца. А тот поднялся высоко в небо и затем бросился оттуда на коней царя, растаптывая их.

Сяса вынырнул из моря. Патарза достал меч, который выпускал огонь, и начал сражаться с царем. А тот боялся огня. Каждый член тела царя, который отрубал Патарза, снова срастался с его телом. Даже когда Патарза отрубал ему голову, она снова сросталась с его телом. А Сяса, кроме мечей и пик, использовал против Патарзы ядовитую слюну. Патарза опять кинул платок Саты, который превратился в большую сеть и обезоружил царя.

Тогда мечом, который выпускает огонь, Патарза разорвал ему грудь и достал оттуда коробку с воробьями. Он доставал из коробки по одному воробью и говорил: «Смотри, морская лягушка, это тебе за то, что ты обидел нашу мать». И отрывал голову воробью. Когда на очереди был последний воробей, Сяса стал причитать и обещать, что отдаст ему все золото моря. «Ничего не оставляю без возмездия!», – сказал Патарза.

Сяса превратился в лягушку и кинулся к морю. И в этот момент с неба спустился прекрасный жеребец и копытом раздавил ее. Патарза взял волшебное кольцо и огромной сетью Саты достал со дна моря все золото. «Вот, мать», – сказал он и вернул Сате волшебное кольцо и отдал ей морское золото. Так как Сеска Солса задерживался, Сата посмотрела в кольцо и увидела сражающегося Сеска Солсу. «Скорее скачи ему на помощь», – сказала она Патарзе.

Вмиг он прискакал туда. Вместе с Сеска Солсой они разбили ногайское войско. Вернулись они с богатой добычей. Села Сата устроила большой нартский пир.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 245—248. Нальчик, 2012. В 2011 году от 81-летнего жителя села Ассиновского Салмана Габисова записал А. Борисов.

Как изжили обычай «цет»

В прежние времена с убитого брали «цет». К примеру, по локоть отрезали у него правую руку, а затем прибивали ее или к воротам, или к стене башни, так, чтобы все проходящие видели этот воинский трофей.

Славным героем был Петарза. На всю страну был знаменит и его серый конь, голени которого были черными. Черный нарт поимени Охло ночью выкрал этого коня. Тем самым Петарза был опозорен. Он не знал ни имени, ни места жительства похитителя коня. Не раз он при большом стечении народа объявлял большую награду тому, кто назовет похитителя, но все было бесполезно. И тогда Петарза решил обратиться к зираку – ведуну и мудрецу. Зирак предложил ему явиться на следующий день, а сам ночью взобрался на высокую гору и стал следить за звездами. Он умел с ними разговаривать. Но звезды на сей раз молчали. Наконец взошла Утренняя звезда (Венера). Когда зирак обратился к ней, она ему ответила, что похитителя зовут Охло и что живет он у моря. Утром зирак все это поведал Петарзе.

Не различая дня и ночи, Петарза скакал месяц. Подскакав к башне Охло, он крикнул:

– Выходи, собака! Хватило у тебя мужества увести моего коня, теперь узнаем, какой ты мужчина.

Из окна башни Охло прокричал:

– Возвращаю тебе твоего коня, сверх того даю шестьдесят кобылиц и шестьдесят жеребцов, только оставь меня в покое.

– Я не из тех, кто за одну ночь угоняет такой табун лошадей. Ты прилюдно сделал мое лицо черным (опозорил), и я не отступлюсь, пока оно не побелеет. Выходи, трусливый заяц, иначе я все твое гнездо разнесу в прах!

С этими словами Петарза пустил стрелу и вышиб огромный камень из основания башни. Башня накренилась. Понял Охло, что боя не избежать, стал скликать свое войско. Возглавив его, он напал на Петарзу. Петарза, как бы испугавшись, притворно бросился в отступление. Погоня растянулась длинной цепью. Тогда Петарза развернул коня и на всем ходу стал по одному убивать преследователей. Так он перебил их всех. Струсивший Охло попытался ускакать, но Петарза его пленил и привязал к двум жеребцам, которые разорвали его на две части. Петарза по локоть отрезал его правую руку и погнал к себе его табуны коней, исчисляемых сотнями.

Прискакав домой, он раздал коней нарт-орстхойцам. При этом беднякам он дал большую долю. А нартскому тамаде Сеска Солсе пригнал во двор семьдесят три коня. Петарза стал похваляться, показывая Сеска Солсе отрезанную руку Охло.

Сеска Солса сказал:

– Ты преподнес мне большой подарок, спасибо. Пусть всегда тебе сопутствует удача. Но слава твоя была бы намного выше, если бы ты не отрезал руки у трупов. Правильно, что отмстил, что сберег свою честь. Так и должен поступать настоящий мужчина. Но не годится издеваться над трупами. Негоже такому мужчине, как ты, поступать так. Убери руку, не позорь себя недостойным поступком.

Тогда Петарза сказал:

– Я так поступил потому, что «цет» у нас в обычае. Но из уважения к тебе, Сеска Солса, с этого дня я бросаю этот обычай.

С тех пор мужчины бросили позорный обычай «цет». Тогда и появилась наша поговорка «Настоящий мужчина не будет воевать с трупом».

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 177—179. Нальчик, 2012. В Малгобеке в 2008 г. от Тамары Барахоевой записал М. Матиев.

Хамчи Патараз и Хромой Тимур

Считая себя виновным в том, что в мире появились кровопролитные войны и люди стали убивать друг друга, Хамчи Патараз ушел в высокие горы. Там на вершине Цели-лоама он заперся в пещере Говза. У Хамчи Патараза был ручной огромный черный ворон. Он был вещим. Хотя пещера была заперта, все же перед нею нес охрану этот ворон. Нарты же привольно жили себе в прекрасной долине Галгай Коашке. Хамчи Патараз, добровольно заключившись в пещере, замаливал свой грех. [1]

В это время, копая рвы по всему Кавказу, падчах Тимур со своим войском подошел к нашему Ассинскому ущелью, там, где сейчас находится село Алкун. Удивился он: [2] [3]

– Это что за страна такая? Течет стремительная река, а вместо берегов у нее горы, по которым никак не прорыть канавы?

Среди воинов Тимура был один столь старый воин, что его возили, привязав к седлу. Тимур возил его всегда с собою, потому что многоопытный старик знал все местности и все народы. Когда Тимур задал ему этот вопрос, старик ответил, что в это ущелье лучше не соваться, так как там живут галгаевские нарты, которые поражений не знают.

– Я слышал, – сказал Тимур, – что нарты – это обыкновенные разбойники, любящие угонять чужие стада и табуны.

– Это особые нарты, – ответил старик, – тела у них стальные, и им покровительствуют небесные боги. Не ходи к ним, лучше проедем мимо них далее.

– Как это так, я, Тимур, завоевавший полмира, уйду, испугавшись каких-то нартов? Раз нет места, где можно прокопать канаву, начинайте рыть дыру сквозь горы, чтобы я смог добраться до них, – приказал он воинам.

Все военачальники бросились в ноги Тимуру, прося оставить в покое этих нартов, в бою с которыми никто и никогда живым не уходил. Но Тимур был непреклонен.

А тем временем наших нартов долго не было дома. Уехали они за добычей куда-то к морю. Вещий ворон закаркал, стал стучаться в пещеру, вызывая Хамчи Патараза.

– Чего, старый, покоя не даешь? – недовольно спросил Хамчи Патараз.

– В «звездной книге» записано, – сказал ворон, – что над Галгай Коашке наступит день, когда некому будет ее защитить, и в этот день ее заступником должен выступить ты. Тогда-то тебе окончательно простятся все твои грехи. [4]

– Что ж, давно я не воевал. Кто эти врагим? Где они?

Ворон рассказал ему о Тимуре и о том, что он роет гору, чтобы добраться сюда. Тогда Хамчи Патараз наказал ворону:

– Лети к этому Тимуру и скажие ему, что у нас, нартов, есть обычай: сперва в поединке сражаются военачальники, и, если он не боится встретиться со мной в единоборстве, пусть завтра к этому времени ждет меня, и мы сразимся в справедливом поединке.

Ворон улетел. Зная, что отказа в поединке не будет, Хамчи Хамчи Патараз с корнями надергал штук десять чинар и разжег из них огромный костер. Затем прыгнул в него и лег. Хамчи Патараз настолько раскалился, что его трудно было отличить от горящих углей. Тогда он прыгнул в реку Ассу. Поднялся невиданный до тех пор туман, покрывший все горы. Хамчи Патараз и так был рожден стальным и закаленным, и все же он иногда перед важным боем вновь подкреплял себя закалкой.

Рано на рассвете сел Хамчи Патараз на своего ворона и полетел сквозь туман. Когда он предстал перед Тимуром, то завоевателю почудилось, словно Хамчи Патараз умеет летать и появляться, где захочет. Поздоровались они и сговорились: тот, кто из них станет победи-

телем в единоборстве, тот и станет владельцем Галгай Коашке, а побежденный обязан будет немедленно уйти в другие дальние страны.

Начался бой. У Тимура был коварный прием: сходу ударяя щитом, он приводил врага в замешательство и тут же наносил ему смертельный удар. Ударил он Хамчи Патараза щитом. От стального тела нарта щит разлетелся на мелкие куски. Ни один удар Тимура и на волос не поражал Хамчи Патараза. Он же бил Тимура саблей плашмя, как бы в насмешку, потому что не хотел он убивать столь прославленного воина.

Но победу все равно необходимо было одержать. Тагда Хамчи Патараз решил его ранить так, чтобы Тимур не смог бы далее продолжать бой. Схватил он Тимура за бедро и переломил его своими стальными руками. Теперь уже Тимур сидел на земле и далее не мог воевать. Тимур признал себя побежденным и со своим войском ушел далеко.

А то, что многие говорят, будто Тимуру в детстве бедро умышленно повредил его отец, так это неправда. Какое должно быть сердце у отца, который станет калечить своего сына? Именно после поединка с Хамчи Патаразом Тимур и стал хромым.

Прибыл Хамчи Патараз в Галгай Коашке. В это же время вернулись из похода и нарты. Узнав про героический подвиг Хамчи Патараза в бою с самим Тимуром, нарты дружно сказали:

– Ты своим подвигом защитил родину. Все грехи твои с тебя сняты. Бросай затворничество и возвращайся в нашу нартскую дружину.

Так он и поступил.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 214— 219. Нальчик, 2012. В 1997 году от 60-летней жительницы села Мужичи ГОшмох Арцельговой записала Асият Далиева.

Галгай Коашке – обширная горная долина, прежде густонаселенная. Она является центром древней горной Ингушетии. [1]

Почти у всех народов Кавказа есть предания о том, якобы завоеватель Тамерлан копал рвы по всему Кавказу. Известно, что при длительной стоянке Тимур заставлял рыть рвы вокруг лагеря. Остатки этих рвов и послужили основой фольклорному сообщению, что якобы Тимур рыл рвы в поисках своего сына. [2]

Падчах – от иранского «падишах». Так ингуши называют царя, государственного правителя. [3]

Звездная книга – речь идет о гороскопе. [4]

Солса и Патараз

Солса и Патараз возвращались из дальней дороги. Они проходили через один большой город. Вместе с ними было еще шесть орхустойцев. Все они остановились у одной престарелой вдовы. С дороги они сильно проголодались. Между тем вдова налила [водой] котел, вмещавший в себя быка, и бросила туда для варки три ребра. Затем она взяла из мешка щепотку муки, начала ее сеять и приготовлять чурек. «Что она за сумасшедшая! Неужели она думает накормить нас, голодных, тремя ребрами мяса и щепоткой муки?».

Вдруг щепотка муки наполнила целое корыто, а от трех ребер наполнился весь котел мясом. «Какое чудо! – удивились орхустойцы. – Из трех ребер наполнился котел мясом, а из щепотки – корыто мукой. Объясни нам причину этого! Нас очень удивляет превращение малого в большое».

«Такая благодать была до рождения Патараз Хамчи. Это ребра быка, урезанного до рождения Патараза, и мука, смолотая тоже до рождения Патараза. Но когда появился на свет Патараз Хамча, вся эта благодать пропала». «Неужели виновник скудности – Патараз Хамча?», – спросил Патараз Хамча вдову. Она не знала его в глаза [в лицо] и отвечала: «Да!». «Как же восстановить прежнюю благодать, и зависит ли это от Патараз Хамчи?», – спросил он вдову. «Не знаю!», – отвечала вдова.

Орхустойцы возвратились домой. Патараз Хамча был сильно опечален тем, что его появление на свете есть причина потери благодати для всего человечества. Он решил погибнуть, чтобы не носить на себе больше человеческих грехов. Поэтому по возвращении домой он позвал всех жителей, чтобы они привезли дров. Затем он нажег из этих дров углей и велел вокруг углей поставить меха. Он встал посреди углей и велел жечь их и поддувать мехами. Несмотря на ужасный жар, Патараз Хамча, хотя раскалился, но не умирал. Тогда он говорит с досадой: «Бросьте меня в реку. Может быть, вода отнимет душу мою!». Его бросили в реку и тогда он совсем окреп.

Известно, что Батоко Шертуко был посредником между этим светом и тем. Патараз Хамча попросил Батоко Шертуко, чтобы он взял его с собой на тот свет. Их встретил Ешпор [бог жертв]. «Ты прежде времени пришел сюда, – сказал Ешпор Патараз Хамче, – поэтому я не принимаю тебя». «Если не принимаешь, то уничтожь скудость, порожденную среди людей из-за моего появления на свет, – сказал Патараз Хамча, – иначе я останусь здесь!». «Я сниму только часть скудости. Одну часть я оставлю на вершинах гор, другую на кобылицах и на женщинах и две части – на всем человечестве. Ты же должен возвратиться назад и прийти обратно до захода солнца!». Патараз Хамча успел возвратиться, когда еще на вершинах гор светило солнце, – и этот свет называется «свет Патараз Хамчи». [1]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 301. Сказание записано Ч. Ахриевым на русском языке; текст опубликован без названия.

По понятиям некоторых фанатиков-ингушей, женщина никогда не удовлетворяется в своих любовных стремлениях, а кобылица никогда не наедается (примеч. Ч. Ахриева). [1]

Хамчи Патриж

Хамчи Патриж родился на несчастье человечества. Пока он не родился на свет, если брали землю в руки и давили ее, из нее текло масло. До того было хорошо жить до него! Он же, родившись, принес с собой несчастье всему человечеству. [1]

Однажды Хамчи Патриж был в гостях у одной женщины, с ним было еще много других гостей. Хозяйка из двух горшней муки испекла хлеб, которого хватило на десять человек. Когда гости, удивившись тому, спросили ее, как она это сделала, то она сказала, что эта мука с того времени, пока еще не было на свете Патрижа. Тогда Патриж с горя хотел убить себя, но хозяйка удержала его, сказав: «Все равно теперь не изменишь этого, хотя бы ты и умер, – это воля божья». [2]

К этому прибавлю то, что сообщил мне о Хамчи Патриже другой старик, Ганыж. По его словам, Хамчи Патриж жил еще во времена пророков. С его рождением пропал на земле баракят, т. е. благодать. Когда ему сказали, что баракят не восстановится и по смерти его, то он умер с досады.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 301. Сказание записано Б. Далгатом на русском языке со слов сказителя Газбыка.

У осетин Хамыц – отец Батрадза-нарта. Хамчи – имя отца; Патриж – имя самого героя сказания (примеч. Б. Далгата). [1]

Замечательный альтруизм в воззрениях ингушей. Человек, приносящий несчастье ближнему, не считает себя вправе жить (примеч. Б. Далгата). [2]

IV. НАРТЫ И МЕСТНЫЕ ГЕРОИ

Сказание о великанах-вамполож [1]

Было это давно, но старики передают так. Был в одном селении человек, который в присутствии своей жены поднимал корову за хвост, переносил через забор, опускал на землю, опять поднимал и переносил назад. После этого он всегда бил жену и спрашивал: «Скажи, кто сильнее меня на свете?». Жена не могла указать никого.

Об этом узнала жена Пез-Амиева. Она пришла к жене силача и сказала ей: «Что же ты не знаешь, когда я, последняя женщина в селении, и то знаю это? Пусть он переправится через гору. На той стороне горы люди удят рыбу, пусть он с ними померится силой – они сильнее его».

Вечером силач приходит домой и, подняв корову за хвост, опять спрашивает жену: «Скажи, кто сильнее меня на свете?». Жена ответила: «Переправься через гору, там ты найдешь людей, удящих рыбу, те сильнее тебя». Силач перешел через гору и увидел трех человек, удивших рыбу. Он сказал им: «Давайте силу пробовать!». «Зачем нам силу пробовать? Мы не знаем, зачем ты пришел, иди лучше сюда, а там мы и силу попробуем», и он подошел к ним. Тогда один из братьев сказал: «На, держи удочку, пока я схожу на двор». Тот взял удочку, тотчас же зацепилась за нее рыба и стала его тянуть в воду.

Тогда тот, который сидел поблизости от него, сидя, схватил силача одной рукой и привлек его к себе с рыбой. «А, ты пришел этакую силу пробовать с нами?». Сказав это, он подул на него и отбросил его к среднему брату, тот дунул и отбросил его к третьему брату, и так он стал летать от одного брата к другому. «Вот Бог послал нам забаву, есть чем позабавиться», – говорили они. Возвращаясь домой, они также подували на него, и он летел впереди их по дороге. Остановившись отдыхать, они пообедали и легли спать, намереваясь опять поиграть с ним, когда проснутся.

Он, однако, убежал, когда они заснули. На дороге он встретил одного человека-вампала [великана] огромного роста, без одной руки и без одного глаза; одной рукой он вез тринадцать арб сена. Он обратился к вампалу со словами «Ни дела hашус» – «Я твой и Божий гость». После этих слов вампал не мог его не принять, и он предложил ему влезть на арбу и укрыться рогожкой. «Нет, ты мне дай более безопасное место». «Куда же поместить тебя? Ну, полезай в штаны». И силач весь скрылся в его штанах. [2] [3] [4]

Вампал пошел себе дальше. Навстречу ему бегут три брата-рыбака. «Не видал ли ты нашей игрушки?». «Какой игрушки? Ничего я не видал». «Нет, ты, должно быть, видел, лучше скажи». «Уходите прочь от меня, а то я побью вас». «Нелегко нас побить и мало найдется таких», – отвечали те. Тогда он размахнулся и ударил рукой одного из них по щеке, и все трое повалились от одного удара.

Вампал обратился к своему гостю: «Вырви-ка один волос сзади у меня». Тот уперся обеими ногами [о зад] и, надрываясь, насилу вырвал один волос и передал вампалу. Он взял волос, перевязал всех троих братьев и сказал: «Ну теперь расскажите, что такое у вас произошло?». Братья рассказали, как тот человек пришел помериться силой, когда они удили рыбу, как они возвращались домой и как он, когда они легли спать, убежал. [5]

Тогда одноглазый вампал говорит братьям-вампалам: «Вот послушайте меня. Нас было семеро братьев. Мы тоже вышли помериться силой, считая себя сильнее всех на свете. Идем мы и встречаем пастуха, огромного роста, одноглазого, погоняющего громадное стадо баранов. При одном виде его мы перепугались и запрятались в череп лошади, лежавший тут же недалеко [и лошади в те времена были большие]. Подбежала к нам огромная собака пастуха, потащила

череп со всеми нами и положила у ног его. «Спасибо тебе, моя собака, за гостинец», – сказал пастух, продел палку в дыру черепа и, положив ее на плечо, пошел себе дальше, как ни в чем не бывало. [6]

Придя домой, он изжарил шестерых моих братьев на вертеле, съел их и лег спать, оставив меня на утро для закуски. Когда он заснул, я взял шампур, накалил его в камине и одним ударом пронзил ему глаз. «А! ты лишил меня глаза! Погоди же, все равно ты не уйдешь от меня», – сказал пастух и утром стал выпускать баранту по одной штуке. Он водил рукой по спине каждого барана, ища меня. Видя неизбежность гибели, я зарезал козла и, надев на себя его шкуру, прошел мимо пастуха, обманув его таким образом.

Выйдя из пещеры, я погнал стадо и, отойдя далеко, крикнул ему: «Ты съел моих шестерых братьев, но я спасся и лишил тебя глаза, отомстив тебе хоть сколько-нибудь, и теперь угоняю твое стадо». Как только я сказал это, пастух бросил огромную скалу в направлении, откуда слышался мой голос, и этой скалой оторвал у меня одну руку и лишил одного глаза. Так вот вам мой совет: не считайте себя сильнее всех на свете, а живите каждый для себя». С казав это, он отпустил их, и все они разошлись восвояси.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 280. Сказание записано Б. Далгатом на русском языке в 1892 г. со слов сказителя Ганыжа.

Вамполож – слово ингушское, значит «великаны»; единственное число «вампал» (примеч. Б. Далгата). [1]

Как увидим из рассказа, этот великан не был одноглазым от рождения, а только лишился одного глаза (примеч. Б. Далгата). [2]

«Ни дела Ьашус» – ингушское выражение, записано собирателем с помощью алфавита П. Услара; по современной орфографии – «Хьаи даьлеи хьаыша ва со». [3]

Тут выступает сила обычая гостеприимства у ингушей; ему подчиняется даже людоед-великан (примеч. Б. Далгата). [4]

Постоянный в сказаниях чеченцев и ингушей эпический способ связывания могучих богатырей. [5]

Братья были вампалы, великаны послабее одноглазого (примеч. Б. Далгата). Вампалы в вайнахском фольклоре трактуются по-разному: от многоголовых чудовищ (в сказках) до древних насельников-богатырей (в сказаниях и преданиях). [6]

Тимар с обгоревшим боком [1]

Жил в одном ауле старый охотник. Однажды, взяв с собой дочь, так как дома не с кем было ее оставить, он пошел на охоту. Охотясь до вечера, они много ходили, очень устали и остановились отдохнуть. Вдруг неизвестно откуда, из-за деревьев выскочил дикий олень. Отец убил его выстрелом из ружья и принялся свежевать. А дочь еще сказала отцу:

– Отец, скорее освежуй оленя, проголодалась я очень.

Не окончив еще своей работы, отец вырезал печень, легкое и сердце и принялся их жарить для своей проголодавшейся дочери. Пока охотник был занят у огня, олень ожил и, вскочив на ноги, убежал в лес. Удивленный отец сказал дочери:

– Что за чудеса! Такого я не видел за всю мою долгую жизнь.

Тогда дочь ответила отцу:

– Это нисколько не удивительно. А вот удивительно то, что рассказывают о Тимаре с обгоревшим боком.

– Я не вернусь домой, пока не узнаю, как это случилось, – сказал старый охотник и вместе с дочерью отправился в путь. Странствуя, они прибыли в тот аул, в котором жил Тимар с обгоревшим боком. Придя туда, старый охотник стал расспрашивать, где живет Тимар с обгоревшим боком. Жители аула поведали старому охотнику, что Тимар с обгоревшим боком не терпит любопытных и отрубает саблей голову тому, кто расспрашивает о его жизни. Тимар всегда насаживал отрубленные головы на колья изгороди, стоявшей вокруг дома. Зная, что Тимар с обгоревшим боком так поступает с любопытными, старый охотник все же пошел к нему. Он встал у изгороди и крикнул:

– Э-э, Тимар с обгоревшим боком!

Тимар с обгоревшим боком выскочил с обнаженной саблей.

– Не торопись, – сказал старый охотник. – Я не со злом пришел к тебе, я пришел узнать, почему у тебя обгорел бок.

– Тогда заходи, – сказал Тимар с обгоревшим боком и провел к себе старого охотника.

Когда они вошли, Тимар с обгоревшим боком начал рассказывать:

– Вместе со своими шестью братьями некогда отправился я на охоту. Шли мы, шли, и когда голод и жажда измучили нас, мы все семеро наткнулись на нарт-эрстхойца, который пас овец на равнине. Один из нас сказал нарту:

– Ты дал бы нам жилище и пищу.

– Идите во-он в тот дом, а я попасу овец и приду, – сказал нарт-эрстхоец.

Когда мы уже направились к его дому, он снял свою папаху и бросил нам вслед.

– Дойдя до дома, разгоните этой шапкой собак, – сказал он.

А бросил он шапку, чтобы узнать, насколько мы сильны. Мы подошли взять шапку, но не смогли даже и с места ее сдвинуть. Когда мы подошли к жилищу нарт-эрстхойца, то увидели, что оно сделано в скале и в нем не видно было света, такое оно было темное. Когда пришел с поля сам нарт-эрстхоец, мы сидели у входа в его жилище, потому что не смогли сдвинуть с места камень, закрывающий вход. Нарт-эрстхоец убрал камень, и мы вошли. Тогда нарт-эрстхоец спросил:

– Зарезать вам барана?

Мы семеро ответили:

– Не надо.

Он зарезал барана, съел его, а нам бросил кости, потом, хватая нас по одному, насадил на шампур и положил его над пламенем, чтобы подпалить нас.

Съев моих шестерых братьев, он лег спать, меня же оставил в живых, так как я только с боку подгорел. Проснувшись назавтра, он положил меня под башлык, накинутый на папаху,

задумав съесть меня, когда проголодается. Но, когда стало жарко, нарт-эрстхоец снял башлык, я же, прячась от него, побежал домой. С тех пор жители моего аула называют меня Тимар с обгоревшим боком.

Когда он закончил свой рассказ, старый охотник сказал: «Теперь я не успокоюсь до тех пор, пока не найду этого нарт-эрстхойца. Я прошу тебя, покупай моей дочери одно платье в год, чтобы она не осталась голой.

Тимар обещал. Тогда, оставив свою дочь у Тимара, отправился старый охотник в дорогу. Странствуя, встретил он нарт-эрстхойца, который пас овец. Старый охотник спросил его:

Нарт-эрстхоец ответил:

– Там мой дом, иди туда, я вечером приду.

Когда старый охотник отошел немного, нарт-эрстхоец крикнул ему вслед:

– На, возьми эту папаху, если собаки будут лаять, ты отпугнешь их ею, – он бросил старому охотнику папаху.

– Я не нуждаюсь в твоей вшивой папахе. На, принесекшь ее сам в свое вшивое гнездо, – сказал старый охотник.

Подойдя к жилищу нарт-эрстхойца, старый охотник, топнув ногами, разогнал всех собак, поднял прикрывающий вход камень и бросил его вслед собакам. Потом он вошел в землянку и спокойно расположился на лежаанке нарт-эрстхойца. Придя вечером домой, нарт-эрстхоец спросил у старого охотника:

– Барана будешь резать ты или я?

– Себе-то я зарежу сам, а ты режь себе, – ответил гость.

Когда они сели, съев по одному барану, нарт-эрстхоец не выдержал того, что у старого охотника оказалось больше силы, чем у него, и вцепился в старого охотника. Старый охотник раскачал его и со всей силой ударил о землю, сказал ему, приставив к его голове саблю:

– Где мои шесть братьев? Если ты не расскажешь о них, я отрублю твою голову!

– Я оживлю твоих шестерых братьев, только не руби мою голову, – взмолился нарт-эрстхоец. – в соседней комнате лежат кости твоих шестерых братьев, рядом с ними – черный оселок. Проведи этим оселком по костям – и твои шестеро братьев живыми предстанут перед тобой.

Ударом сабли старый охотник снял голову нарту. Старый охотник, как ему было сказано нарт-эрстхойцем, провел оселком по костям, оживил шестерых братьев и вернулся с ними. Это были шестеро братьев Тимар с обгоревшим боком. В награду за свою свободу братья отдали за охотника свою сестру.

Однажды вечером жена сказала старому охотнику, что в ее груди есть болезнь. Охотник попросил рассказать о ее болезни. Девушка рассказала все как было:

– Печень, легкие и сердце, которое вы изъяли из убитого тогда оленя, были взяты из моей груди, поэтому она и болит. С тех пор мои раны так и не излечились полностью и изредка болят.

Оказывается, старый охотник тогда не оленя подстрелил, а эту девушку, которая, превратившись в оленя, искала лекарство для оживления своих шестерых братьев, убитых нарт-эрстхойцем.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 271. Текст записан М. Кибиевым на чеченском языке, в 1960 г. со слов жителя Гелдарганой Хумсани Солтагиреева.

Это сказание – современный вариант рассказа «Путешествие нарта», записанного М. Магомаевым. В данном случае имеет место аналогичный комплекс сюжетных мотивов: связывание героя (здесь – железным прутом), оживление застреленной дичи, бросание нартом шапки, зажаривание братьев на вертеле. В произведениях подобного рода («Путешествие нарта». «Тимар с обгоревшим боком» и др.) имена Али, Тимар, несомненно, более позднего происхождения, нежели сам архаический текс, к которому эти имена прикрепились впо-

следствии. Али, как известно, – мусульманский пророк-богатырь, имя Тимар происходит от Тимура хромого (т. е. Тамерлана). [1]

Герой-богатырь Тинин Вюсу

Много сотен лет тому назад в Чечне жил известный своей храбростью и доблестью Вюсу, сын Тини. Отец Тини, Абдул-Молк, жил в Нашхое. Его сын Тина со своим сыном Вюсой ушел жить в Цонторой. [1] [2]

Вюсу был не только храбрый, красивый юноша, но был также любим и уважаем людьми. Он жил в горах на самом высоком месте, которое называлось «Вершина, где воет волк». У Вюсу было шестеро братьев и мать по имени Селасат. По происхождению Вюсуевы были цонтороевцы. В те времена людей было мало, и поэтому они селились в разных местах, где им было удобно.

На местности, которая называлась Кире, жили семь братьев и сестра. Узнав, что они там живут, один нарт-эрстхоец убил семерых братьев, снял с них кожи, а сестру их забрал себе в жены. Когда он ложился спать, то сказал уведенной им девушке:

– Уснув, я сплю целую неделю, не просыпаясь. Пока буду спать, ты сшей мне шубу из кож своих братьев.

Оплакивая убитых братьев, причитая, ходила расстроенная сестра. Она не знала, что ей делать. В беспокойстве отправилась она за советом к одной вещей Жербабе. Она рассказала Жербабе:

– Этот нарт – мой враг, убивший моих братьев. Он уснул, приказав мне сшить ему шубу из кож, снятых с моих братьев. Если я не выполню этого до того, как он проснется, нарт убьет меня; если я возьмусь за это дело – разорвется мое сердце и я умру. Что мне предпринять? Как мне избавиться от этого горя? Помоги мне, как если бы ты помогла своей родной дочери!

Жербаба подумала и посоветовала:

– На горе, называющейся «Вершина, где воет волк», живут семь братьев, старший из них – Вюсу, такой же сильный, как и нарт-эрстхоец. Отправь нарта к ним – и он живым не вернется оттуда. Ты скажи ему: «Без волоса из усов Тинин Вюсу иголка не берет кожи, кроме как ножницами его матери Селасаты, они не кроятся. Вюсуевы убьют нарт-эрстхойца.

Через неделю, как только проснулся, нарт-эрстхоец спросил девушку:

– Ты кончила шить мне шубу?

Девушка ответила, как учила ее старуха:

– Если не будет волоса из усов Вюсу, живущего на «Вершине, где воет волк», и ножниц его матери Селасаты, я не смогу это сделать. Иголка не берет кожи, другими ножницами они не кроятся. Ты сходил бы и принес все это. Тогда я сшила бы тебе шубу.

Нарт-эрстхоец, поверив тому, что говорила девушка, отправился туда, где жил Вюсу. В это время, выставив на стражу самого младшего брата, Вюсу пил брагу и веселился со своими братьями. Заметив приближающегося нарт-эрстхонца, младший брат, стоявший на страже, вбежал в дом и сказал Вюсу.

– Идет один коренастый человек, впустить его или же ударом обратить в бегство?

– Если он спросит тебя о чем-нибудь, стой себе, не обращая на него никакого внимания, как если бы пролетала муха, – сказал Вюсу.

Подошедший нарт-эрстхоец произнес приветствие. Молодец, стоявший на страже, не обращая внимания, повернулся к нему спиной. Нарт-эрстхоец вошел в дом. Как только он вошел, поприветствовал и тех, кто сидел в доме. Те же не обращали на него внимания, будто они его не видят и приветствия не слышат. Они продолжали смеяться и, так веселясь, пили брагу. Когда они притворно не обратили на него внимания и не ответили, нарт-эрстхоец упрекнул их: [3]

– Я такой же человек, как и вы. Хотя я приветствовал вас, вы не замечаете меня и не принимаете мой салам.

Тогда Вюсу встал и сказал:

– Прости нас, мы не заметили тебя, потому что нам казалось, что какая-то мошка залетела сюда. Чем мы можем быть тебе полезны?

Нарт-эрстхоец рассказал, что его привело к ним.

– Я заставил одну девушку шить мне шубу. Без волоса из усов Вюсу иголка не берет кожи, без ножниц его матери Селасаты они не кроятся. Вот я и отправился за этими вещами.

Вюсу сказал своему младшему брату:

– Сбегай, расскажи нашей матери все что он сказал, и послушай, что она ответит.

Юноша пошел и, как сказал Вюсу, передал матери сказанное нарт-эрстхойцем.

Селасата ответила:

– Скажи ему, что у моего сына не было бы усов, если бы каждому было дозволено дергать волосы из-под носа, скажи, что концы моих ножниц давно затупились бы, если бы каждому, кто попросит, я их давала.

Вернувшись от матери, юноша рассказал это при нарт-эрстхойце.

Разгневанный на них нарт-эрстхоец сказал Вюсу:

– Через семь дней, считая и сегодняшний, приходи на луг вон того склона драться со мной, я буду там спать.

После этого нарт-эрстхоец отправился домой. Взяв для себя [как женщину] сестру семи братьев, отправился он на тот луг и лег там, поручив ей разбудить его на седьмой день.

Не вытерпев, пока подойдет назначенный нарт-эрстхойцем срок, Вюсу через три дня отправился к намеченному месту. Увидев спящего нарт-эрстхойца, Вюсу попросил сестру семи братьев, которая лежала рядом с нартом, разбудить и его, когда проснется нарт; сказал и лег на лугу рядом с ними.

Проснувшись на седьмой день, нарт-эрстхоец увидел человека, лежащего рядом с ним. Удивленный этим, он спросил сестру семи братьев: «Кто это?». Сестра семи братьев ответила, что это Тинин Вюсу. «Не победить мне Вюсу, который осмелился спокойно лечь рядом со мной», – испугался нарт, вскочил и убежал. Сестра семи братьев быстро разбудила Вюсу. Побежав следом за ним, Вюсу ударами сабли Зилбухар убил нарт-эрстхойца. [4]

Убив его, Вюсу сказал сестре семи братьев: «Разбуди меня, когда подойдет кто-нибудь», – и снова уснул. Через некоторое время после того, как уснул Вюсу, пришел черный, как уголь человек и сказал девушке: «Разбуди меня, когда вон оттуда окажется свадебный поезд». Он лег рядом с Вюсу. [5]

Когда выспавшийся Вюсу проснулся, он увидел лежащего недалеко от себя человека. «Кто этот человек?», – спросил он сестру семерых братьев, охранявшую его. Она рассказала ему то, о чем просил ее этот черный человек. Тогда Вюсу снова лег, попросив разбудить его, когда она будет будить черного человека. Прошло немного времени, и на дороге показался свадебный поезд. Сестра семерых братьев быстро разбудила черного человека. Как только он проснулся, сразу же бросился в гущу поезжан с обнаженной саблей в руке. Вюсу тоже, как только проснулся, вскочил и так и кинулся туда. Ударами сабли Вюсу уничтожил всех тех, кто вез невесту. Он отнял невесту и служанку, сидевшую впереди. Черный человек подошел и упрекнул Вюсу:

– Да не будешь ты несчастным! Не оказывал бы ты мне подобную услугу. Я трижды разбивал сватов, которые оспаривали со мной невесту, но дело портили те, кто, подобно тебе, вмешивались. Не своей доблестью отбил я эту невесту. Теперь оставь ее себе.

Вюсу сказал черному человеку:

– Ты пришел и лег рядом со мной, и потому считаешься моим гостем. Я старался только помочь тебе, когда ты сражался со своими врагами. Возьми свою невесту и иди.

– Я не могу ее взять. Я не исполнил своей клятвы, – сказал черный человек и, оставив невесту, ушел.

Вюсу отправился домой, взяв с собой отбитую им красивую невесту и ее служанку, а также отнятую у убитого нарт-эрстхойца сестру семерых братьев. Когда он прибыл домой, то сестру семерых братьев оставил брату помоложе, а княжну и ее служанку взял себе. После этого Вюсу поженил и других своих братьев. И стали они жить в согласии.

Прошло некоторое время, и семьи братьев начали увеличиваться. Им понадобилось больше места, и они стали расселяться в округе, образуя села в разных местах. Вюсу как старший брат остался жить в Цонторое. Брат помоложе поселился на Эрсаной-горе, третий – по Гур-хребту, четвертый брат-по Энгана-хребту. Так и разошлись Вюсу и его братья, осваивая новые земли. Две жены Вюсу подарили ему трех сыновей; княгиня – двух сыновей по имени Эжи и Тези, а служанка ее – одного сына по имени Албиг. Он был болезненный и хромой. Отец жалел Албига. [5]

Прошло время и Вюсу постарел. Он определил своих сыновей жить в разных местах, на новых землях. Старшего сына Эжи он оставил в Цонторое. Тези определил там, где находится теперь селение Тез-кала. Албига же отец, жалея, потому что он был от другой матери, поселил между Эжей и Тезой, там, где сейчас находится Албиг-аул.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 391. Сказание записано Зияуддином Исраиловым в 1960 г. на чеченском языке со слов жителя сел. Цонторой Саида Луева. В паспорте к указанной публикации имеется следующее примечание: «Народные устные рассказы (предания) свидетельствуют, что Тинин Вюсу – историческая личность. Рассказывают, что Тинин Вюсу был чеченским героем (богатырем) приятной наружности. О нем и его доблести записаны вайнахские предания русскими учеными: майором Властовым („Русский инвалид“, 1856, №159), И. Поповым (ССКГ; вып. IV, 1870) и др.».

«Герои-богатырь Тинин Вюсу» – это историческое предание, переданное в эпической интерпретации. Здесь историческая личность подверглась эпической поэтизации. Нарт-эрстхойцы в предании локализованы с определенной местностью. Предание относится к циклу о Нясаре и Ачамзе.

Нашхой – местность в Чечено-Ингушетии, в бывшем Голанчожском районе (ныне в районах Урус-Мартан и Советское). [1]

Цонторой – Ичкерия, ныне район Ножай-Юрта и Ведено. [2]

Такое поведение Тинин Вюсу и его братьев подчеркивает их пренебрежение к пришельцу. В другом случае оно, по существующей горской этике совершенно недопустимо, если не сказать больше – позорно. [3]

Сабля Зилбухар – ингушское наименование знаменитого по арабским легендам меча Зульфукар, которым владел пророк Али. Подобное название меча встречается крайне редко в вайнахском фольклоре. [4]

По сказанию, этот черный человек справедливо борется за свою невесту и вызывает положительное отношение. Обычно же эпитет «черный» применительно к тому или иному персонажу символизирует его отрицательное восприятие как, например, «черный Ниге», «черный Хожа» и т. п. [5]

В тексте приводится подлинная топонимика горной Чечни: Эрсаной, Тез-кала. [6]

Тинин Вюсу и Эржи Хожа [1]

Однажды отправились на охоту три брата: Тюмин Бетиг, Батин Ширдиг и Тинин Вюсу. Охотясь, они вдруг наткнулись на зайца, который выскочил из-под куста и побежал впереди них. Метнув в него дротики, они убили зайца; старшие два брата, поручив изжарить его Тинин Вюсу, легли спать под деревьями. Тинин Вюсу изжарил зайца целиком, не вынимая из него требухи, и повесил его на куст, намереваясь разбудить братьев, чтобы съесть его. Как только Тинин Вюсу отошел от куста, чтобы разбудить братьев, заяц ожил и пустился наутек.

Тинин Вюсу разбудил братьев и сказал им: «Я изжарил зайца и повесил его вон на тот куст, а он ожил и убежал». Братья не поверили тому. «Зайца съел ты», – сказали они и вновь улеглись спать. Проснувшись, они увидели мертвого Тинин Вюсу. Он умер от разрыва сердца. Они вспомнили, что он говорил им о кусте, и положили его на этот куст. Оживший Тинин Вюсу, будто со сна, открыл глаза и встал, как ни в чем не бывало.

«Ой, этот куст ведь оживляет людей! Он достанется тому из нас, кто победит в состязании», – сказали братья. «Скажи, на что ты способен», – спросил старшего брата Батин Ширдиг. «У меня особых способностей нет, но я бы так метнул дротик в кинжал, поставленный далеко в поле острием вверх, что он, ударившись об острие, распался бы на две части», – сказал Тюмин Бетиг. «Тогда я на конце этого кинжала станцевал бы так, что на подошвах чувяк не оставил бы ни одной царапины», – сказал Батин Ширдиг.

Когда очередь дошла до Тинин Вюсу, старшие два брата спросили его: «А чем можешь отличиться ты?». «Я бы спросил у Эржи Хожи, кто оторвал половину его носа», – сказал младший брат. Тюмин Бетиг и Батин Ширдиг знали, что в мире нет человека, который посмел бы спросить у Эржи Хожи, кто оторвал половину его носа. «Если, спросив у Эржи Хожи, кто оторвал половину его носа, Тинин Вюсу вернется целым и невредимым, этот оживляющии куст мы оставим ему», – решили братья.

Старший брат, как и говорил, воткнул в конце поля кинжал и так метнул в него дротик, что тот распался на две части. Средний брат так станцевал на кончике кинжала, что не сделал ни одной царапины на подошвах чувяк. Самый же младший отправился в путь к Эржи Хоже. Тинин Вюсу увидел вдали Эржи Хожу, который, запрягши двух драконов в плуг, стегал их змеями вместо плетей и вспахивал землю под кукурузу.

Подойдя ближе, Тинин Вюсу спросил: «Кто оторвал половину твоего носа?». Эржи Хожа схватил, поднял и так бросил Тинин Вюсу, что вогнал его в землю на пятнадцать аршин. Вылезши из земли, Тинин Вюсу вторично спросил у Эржи Хожи о том же. Снова поднял Эржи Хожа Тинин Вюсу и вогнал на пятнадцать аршин в землю. Тинин Вюсу вновь вылез из земли и опять спросил у Эржи Хожи: «Кто оторвал половину твоего носа?».

«Этот смельчак и не думает униматься», – подумал Эржи Хожа и рассказал, как он лишился половины своего носа. «Однажды ночью, поссорившись с женой, я замахнулся на нее кулаком, но, зацепив ногтем нос, оторвал его половину», – сказал Эржи Хожа. [2]

Узнав, как была оторвана половина носа Эржи Хожи, Тинин Вюсу отправился домой, где находились его братья. По дороге поднялся ветер, и пошел сильный дождь. Вдруг увидел Тинин Вюсу около себя большого человека, который предложил ему: «Иди сюда, путник, влезай ко мне в рот, в ту яму, из которой выпал у меня зуб. Вюсу влез в это отверстие. Когда дождь и ветер прекратились, Тинин Вюсу вылез наружу и спросил у того человека: ««Как ты своего зуба лишился?».

Великан рассказал ему следующее: «Я и мои десять братьев отправились на охоту, где мы наткнулись на одноглазого нарта. Он всех нас поднял и опустил в кисет с табаком. Придя домой, он вытащил моих десятерых братьев из кисета, повертел их над огнем и, будто орехи,

бросая их в рот, съел по одному. Затем, пошарив в кисете, он достал меня, посмотрел и, решив, что я слишком худ, отбросил к дверям. После он растянулся на лежанке. Вокруг него все время вертелся козел. Нарт часто подзывал козла к себе, гладил его по спине и разговаривал с ним, называя его «Дадин козел». Когда нарт уснул, я убил Дадиного козла, тушу его бросил под кровать, а сам влез в его шкуру. Ударив большим камнем, я выбил нарту глаз и, притворившись его козлом, стал возле нарта. [3] [4]

Нарт вскочил и дважды сказал: «Дадин козел, не выпускай его», – и, гладя меня по спине своей большой рукой, отодвинул закрывавший вход камень настолько, что я смог выйти. Я выскочил, пробежал две-три горы и крикнул: «Это я тот Дадин козел, что выбил твой глаз!». Нарт схватил камень, прикрывавший вход, и швырнул им в меня, но попал в край обрыва, что находился рядом. Из разлетевшихся каменных осколков один угодил в меня и выбил мой зуб. Выслушав этот рассказ, Тинин Вюсу пришел к своим братьям. Они оставили ему тот куст за то, что он узнал про оторванный нос Эржи Хожи.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 281. Сказание записано М. Кибиевым на чеченском языке в 1960 г. со слов жителя сел. Гелдарганой Хумсани Солтагиреева.

Сказание любопытно тем, что не только иллюстрирует современное бытование некоторых классических нартских сюжетов, но и деформацию сюжетной структуры древнего эпоса. Здесь такие известные мотивы, как «оживление мертвой дичи (или человека) на кусте», «соревнование умов», контаминированы с сюжетом о встрече героя с пахарем-великаном и столкновении «семи братьев» с людоедом. Все указанные мотивы получают здесь своеобразное преломление, несвойственное архаическим редакциям подобных эпических рассказов. Нетипична, например, смерть героя «от разорвавшегося с досады сердца», либо такая неэпическая новация, как камень, служащий для увечья великана вместо обычных вертела либо острой дубины. Все подобные привнесения расцениваются нами в качестве деструктивных признаков эпического контекста.

Эржи – черный (чечен.-ингуш. яз.). [1]

Выяснение причины, почему у героя разорван нос (или почему он вообще безносый), имеет место и в сказках, например, в известной ингушской сказке «Как был оторван нос у безносого Сулеймы». [2]

В архаических редакциях обычно шесть, семь братьев. [3]

«Дадин козел» – от «дада» (отец, дед). [4]

Сказка про охотника и нарта

В прежние времена жили-поживали муж и жена. Каждое утро муж выводил жену во двор, ставил ей на лоб яйцо и стрелял на меткость из ружья. Жена боялась, что пуля может попасть в нее, но молча переносила это, не говоря мужу о своем страхе. Наконец, кончилось ее терпение, и она отправилась за советом к знахарке, которая жила в их ауле. Когда женщина поведала ей о своем горе, знахарка спросила: «А что говорит твой муж, когда он кончает стрелять?». «Он говорит: «Ох, какой же я хороший молодец и охотник!». «Как только он завтра произнесет это, ты ему скажи: «Ты найдешь молодцев и охотников и получше себя, если не будешь вертеться возле дома, а будешь выходить в люди». С таким советом знахарка и отправила женщину.

На второй день, как только муж, как и прежде, выстрелил, жена сказала: «Ты найдешь молодцев, охотников и получше себя, если будешь странствовать, как другие». «Хорошо, я посмотрю, есть ли молодцы и охотники лучше меня», – сказал охотник и отправился в дорогу. Странствуя, пришел он к башням, стоящим на склоне одного горного хребта. В этих башнях жили семеро нарт-эрстхойцев и их мать. «Примите гостя?», – так сказавши, вошел он. В это время мать нарт-эрстхойцев сидела и месила тесто для чурека. Нарт-эрстхойцы же странствовали. Мать нарт-эрстхойцев ответила: «Конечно же, принимаем! Как не принять гостя? Но если о твоем приходе узнают мои сыновья, они убьют тебя, скорее спрячься под подол моего платья». Он так и сделал. [1]

Прошло немного времени, и нарты возвратились. Будучи еще в пути, они заметили, как он вошел в их дом. «Баба, кто это пришел к нам?», – спросили семеро нарт-эрстхойцев. «Если вы дадите слово не убивать его, я расскажу, кто пришел», – ответила сыновьям мать и, заручившись их обещанием, вытащила охотника из подола и отдала его сыновьям. «Баба, это и есть гость, явившийся к нам?», – спросили, посмеиваясь, сыновья, при этом они принялись играть с охотником, как с игрушкой, перебрасывая его из рук в руки. Наигравшись с ним вдоволь, но не смея, из-за данного матери слова, убить его в доме, они так решили: «Убьем его, когда он уйдет отсюда».

Нарт-эрстхойцы влезли на горный хребет, уселись там и стал и следить за гостем. Накормив гостя, мать нарт-эрстхойцев вывела его на дорогу я сказала, что если он не уйдет до их прихода, то они убьют его. Как только он сел на коня и отправился в путь, семеро нартов, заметившие его, тронулись на своих конях вслед за ним, с мыслью убить его.

Охотник повстречал некоего нарта по имени Гонча, он пахал, запрягши восемь кабанов. «За мной следом идут семеро нарт-эрстхойцев с мыслью убить меня, не дай им убить меня», – попросил охотник Гончу. «Уходи, не пугай моих кабанов, испортишь мне борозду», – закричал Гонча. «Не дай же убить меня, ведь твоя борозда не дороже моей жизни», – опять попросил охотник. [2]

Тогда Гонча подхватил охотника вместе с конем и положил в яму, образовавшуюся во рту на месте выпавшего зуба. Подъехали семеро нарт-эрстхойцев: «Отдай нашего гостя», – крикнули они, став перед Гончей. «Человека, который пришел ко мне в гости, нуждаясь в моей помощи, я вам не отдам, идите своей дорогой и не портите мою борозду», – сказал Гонча. «Если ты не отдашь нашего гостя, мы не уйдем», – сказали нарт-эрстхойцы и стали перед упряжкой плуга. Гонча сразу же наехал на них восемью кабанами. Испугавшись, семеро нарт-эрстхойцев ускакали.

Сидя в яме, образовавшейся во рту Гончи на месте выпавшего зуба, охотник размышлял так: «Спрошу-ка я его, когда вылезу, как выпал у него его такой огромный зуб». Когда семеро нарт-эрстхойцев ускакали, Гонча достал охотника из своего рта вместе с конем и поставил на землю. Охотник спросил: «Скажи, ради Бога, как выпал твой зуб?». «Я работаю и не могу,

бросив упряжку, рассказывать тебе об этом», – сказал Гонча. «Если ты расскажешь об этом, я подожду до вечера, когда ты перестанешь пахать», – сказал охотник.

«Хорошо, расскажу, – сказал Гонча. – Жди меня вон там, в моем шалаше, пока отпущу упряжку».

До вечера пахал Гонча, а вечером, отпустив упряжку, все рассказал охотнику. «Нас было семеро братьев, из которых самым слабым был я. И была у нас одна сестра. Ее похитил нарт-эрстхоец по имени Сарган, с одним глазом в середине лба. Мы, семеро братьев, отправились отбить ее. Миновав семь гор, мы прибыли в то место, где жил Сарган. Любезно приняв нас*, справившись о здоровье, Сарган разжег товгу. После этого он повесил над камином длинный железный шампур. Накалив его докрасна, Сарган стал по старшинству насаживать нас на шампур, продевая каждого через сердце. Он подвесил нас на шампуре над камином и залег спать. Из-за того, что я был самым хилым, я как-то оказался под другими, и шампур не достал до моего сердца. [4]

Когда Сарган уснул, я слез с конца шампура и снял своих шестерых братьев, после этого накалил шампур докрасна и, подумав, что он вряд ли умрет, если я ткну шампуром в иное место, чем его глаз, вонзил острие спящему Саргану прямо в глаз, который и выколол. Вскочив с грозным криком, не зная, в какую сторону я кинулся бежать, Сарган схватил камень и бросил в меня. Но попал в камень, лежавший возле меня. От удара отлетевшего осколка и был выбит мой зуб.

Похоронив в одной могиле всех шестерых братьев, я вернулся домой, оставив лежавшего и стонущего Саргана. А от сестры я и косточки не нашел. «Ты же не житель равнины, – сказал Гонча охотнику в конце своего рассказа. – Иди домой и старайся жить честным трудом». Так узнал охотник, какой он молодец и сколько в нем доблести!

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 285. Текст записан К. Чокаевым на чеченском языке в 1958 г. со слов жителя г. Грозного С. Ахмедова.

*Сарган принял вид доброго гостеприимного хозяина из хитрости, чтобы коварным образом заманить братьев, а иначе они бы убежали.

Семеро братьев и их мать напоминают Гарбаж и ее семерых сыновей по вариантам Ч. Ахриева и Б. Далгата. Сарган схож с Полифемом. В данном рассказе нарты представлены великанами, не имея типологических признаков нарт-эрстхойских героев, хотя сказитель С. Ахмедов и определил одноглазого Саргана нарт-эрстхойцем. [1]

Гонча – это имя этимологии не поддается (примеч. К- Чокаева). [2]

Сарган (имя этимологии не поддается) назван сказителем С. Ахмедовым «нарт-эрстхойцем». Он не нарт-эрстхоец, а одноглазый великан (примеч. К. Чокаева). [3]

Товгу – горский камин (чечен. – ингуш. яз). [4]

О Хане Гаммалте

У одного отца было девять сыновей. Восемь старших постоянно ходили пасти табун лошадей, а младшего никогда с собой не брали. Наконец отпросился и он у отца и пошел с братьями табун пасти. На месте восемь старших братьев построили себе вышку для наблюдения, а младшему вырыли землянку. Скучно стало Хану Гаммалте, так звали младшего брата, в землянке.

Однажды ночью пошел он к мосту сторожить. Как пришел – сел под мост. Приближаясь к мосту, ехал нарт-эрхустоец, отбивая стрелой от горы куски камня. У моста конь под ним шарахнулся в сторону. «Да умрет твой отец! Чего ты пугаешься? Или недруга заслышал? Один противник есть у меня, Хан Гаммалт, но ему до пятнадцатилетнего возраста недостает пяти лет». «До пятнадцати хотя и недостает пяти лет, но все же Хан Гаммалт не так мал, чтобы не приехать сюда и не одолеть тебя», – сказал Хан Гаммалт. [1] [2]

Он натянул лук и стрелой уложил нарта на месте, затем отрубил нарту голову, привязал его к седлу его коня, загнал коня в свой табун, пошел к братьям и говорит: «Не видали ли чего-нибудь?». Братья притворились, что ничего не видели, и сказали: «Мы ничего не видели, кроме маштака-торбы, приставшего к нашему табуну».

На другую ночь опять сел Хан Гаммалт под мост сторожить. В полночь, приближаясь к тому мосту, ехал старший брат убитого нарта. У моста под ним конь испугался, захрапел и бросился в сторону. «Да умрет твой отец! – воскликнул нарт. – Чего ты пугаешься, или недруга заслышал? Один противник есть у меня, Хан Гаммалт, но ему до пятнадцатилетнего возраста пяти лет недостает». «До пятнадцатилетнего возраста хотя пяти лет недостает, но я все же не так мал, чтобы не приехать сюда и не одолеть тебя», – сказал Хаи Гаммалт и, натянув лук, пустил в нарта стрелу, но она со звоном отскочила назад, не причинив нарту вреда. Нарт, в свою очередь, пустил в него стрелу, но и она отскочила назад, не причинив Хану никакого вреда.

Тогда они обнажили шашки и кинулись друг на друга, размахнулись, ударили, но не причинили и ими друг другу вреда. Затем спрыгнули они с коней на землю и вступили в единоборство. С полуночи до полудня, не отдыхая, боролись они, и не могли одолеть один другого. Когда из-за туч выглянуло солнце, нарт сказал, глядя на него: «Солнце на моей стороне!». «Хотя солнце на твоей стороне, но зато бог – на моей!«, – воскликнул Хан Гаммалт и, подставив ногу, повалил противника на землю. [3]

Смирился нарт и заговорил: «Я поклялся не жить на Земле, если кто-то одолеет меня. Как бы ты ни ударил, я не умру. В волосах моей головы найдешь нож, только им ты можешь лишить меня жизни. По моим следам сюда приедет моя сестра. Она сильнее меня, но все же ты одолеешь ее. Она поклялась выйти только за того, кто ее одолеет. Заставь только ее сказать: „Кости моих братьев да попадают к моим ногам, если я не буду тебе верна!“. Тогда она будет слушаться тебя во всем». Отыскав в волосах нарта нож, Хан отрезал им голову нарта, привязал ее к седлу его коня, загнал его в свой табун, пошел к братьям и сказал: «Ну, что, не видали ли чего?». «Нет, мы ничего не видали, кроме маштака-торбы, недавно приставшего к табуну», – сказали опять братья. [4]

На третью ночь опять пошел Хан Гаммалт к тому мосту сторожить. В полночь, приближаясь к мосту, ехала сестра убитых нартов-эрхустойцев. Земля дрожит, из ушей и ноздрей коня дым столбом валит, изо рта бьет пламя. На мосту конь ее испугался. «Да умрет твой отец!», – воскликнула она. – Или недруга заслышал? Есть у меня один противник, Хан Гаммалт, но ему до пятнадцатилетнего возраста недостает пяти лет». Сказав это, она ударом плети перебросила коня на другой конец моста. «До пятнадцатилетнего возраста хотя мне и недостает пяти лет,

но все же я не так мал, чтобы не приехать сюда и не одолеть тебя», – сказал Хан, изо всех сил натянул лук и пустил в нее стрелу, но стрела со звоном отскочила назад, не причинив ей вреда.

Богатырь-девица в свою очередь пустила в Хана стрелу, но и она отскочила, не причинив вреда. Тогда они спрыгнули на землю и вступили в борьбу. С полуночи до полудня, не отдыхая, боролись они, но не уступали друг другу. Взглянув на солнце, богатырь-девица воскликнула: «Солнце на моей стороне!». «Хотя солнце на твоей стороне, но зато бог на моей стороне!» – воскликнул Хан Гаммалт, изловчился, подставил ногу и повалил ее на землю. Придавил ее Хан к земле и заставил сказать: «Да попадают кости моих братьев к моим ногам, если я не буду тебе верна!». Затем пошел он с ней к братьям.

Не по сердцу были братьям подвиги Хана Гаммалта и порешили они погубить его. Один из них говорит: «Только его же шашкой мы можем убить его. Привяжем ее, когда он заснет, над его ногами и крикнем: „Спеши, Гаммалт, на помощь, наш табун уводят воры!“. Он, ничего не подозревая, вскочит, и шашка отрежет ему ноги». Совет этот пришелся братьям по душе. Над ногами спящего брата они прикрепили шашку и крикнули: «Скорее, Гаммалт, вставай, наших лошадей уводят воры!». Вскочил Гаммалт, но в ту же минуту без ног, как скошенный, повалился обратно. Бросив его на произвол судьбы, братья поспешно скрылись с богатырь-девицей.

Через некоторое время после этого Хан Гаммалт, лежа на вышке, увидел человека, гнавшегося за зайцем. Он поймал его за одно ухо и, колотя возле другого кулаком, погонял его. С места Гаммалт стрелой убил зайца, чтобы остановить незнакомца. «Кто убил моего зайца?», – спросил он. «Кто ты такой?», – спросил его в свою очередь Хан Гаммалт. «Я несчастный человек, – заговорил он, – было у меня семь братьев, они возненавидели меня и вероломно ослепили. С тех пор брожу я по свету, не находя пристанища». «Мы товарищи по несчастью, и я имел восемь братьев. Они сговорились и лишили меня ног. Будь моим товарищем», – сказал ему Хан Гаммалт.

Незнакомец с радостью принял предложение Хана. Затем Хан сел к нему на спину, и отправились они дальше. Долго ли, коротко ли они шли, а пришли в одно место, где Хан увидел безрукого человека, который, сидя на олене, гнал его, грызя зубами его шею. Хан Гаммалт натянул лук и ударом стрелы убил оленя. «Зачем ты убил моего оленя?», – спросил человек Хана. «Ты кто такой?», – спросил его в свою очередь Хан. «Было у меня шесть братьев, – заговорил безрукий, – сговорились они и лишили меня рук». «Я без ног, а мой товарищ без глаз по милости братьев наших, будь нашим товарищем», – сказал Хан. Безрукий с радостью присоединился к ним. Затем слепой взялся за полу платья безрукого, Хан сел на слепого, и отправились они дальше в страны дальние, неведомые.

Идут они не день, не два, дошли до какого-то места, остановились, вырыли себе землянку и расположились в ней. Каждый день отправлялись на охоту, били зверя лесного и этим добывали себе пищу. Наскучило Хану житье в землянке. «Посмотри кругом, – говорит он безрукому, – нет ли где поблизости свадьбы». Поднялся безрукий на горку, посмотрел кругом своими зоркими глазами и увидел далеко свадьбу, куда не дойти обыкновенному ходоку и в три месяца.

«Мы должны пойти туда», – сказал Хан. Затем он сел на слепого, слепой взялся за полу платья безрукого, и отправились они в путь-дорогу, причем прибыли на свадьбу в один день. Завидя странных путешественников, народ сказал насмешливо: «Заиграйте им мотив, что играют для джигитовки». Не смутились товарищи, пробежали по двору взад и вперед несколько раз, подражая джигитовке, облюбовали самую красивую девицу, подхватили ее и пустились бежать. Погнались за ними на ишаках – не догнали, погнались на лошадях – не догнали. Товарищи благополучно вернулись с дорогой ношей домой.

Однажды, отправляясь на охоту, они говорят девушке: «Не бросай на огонь печенки, а то останемся без огня». Но она по уходе их не утерпела и бросила. Огонь моментально

потух. Девушка должна была состряпать к приходу товарищей обед. В отчаянии взобралась она на крышу землянки посмотреть, не видать ли где огня. Увидя вдалеке дым, выходящий из камыша, она бегом пустилась туда. Подошла она и видит сидящих вокруг огня детей ешап. Они хотели дать ей уголек, как вдруг из люльки выскочило грудное дитя ешап и говорит: «Наша мама давала угли в сите, посыпав снизу золу».

Дети насыпали в сито золу, положили на нее уголек и подали девице. Пошла девушка домой, не замечая, что оставляет за собой след от золы. Скоро пришла домой ешап. «Нет одного уголька, кому вы его дали?«, – спросила она детей. «Мы дали его одной девице, иди по этому следу, – и ты найдешь ее», – сказали дети. [5]

Пошла ешап по следу, пришла к землянке и говорит: «Через окно войдя – кровь попью, через дверь войдя – задушу тебя. Выбирай скорей, что по сердцу тебе». Испугалась девушка и проговорила: «Войди через окно и попей кровь мою». Вошла ешап в комнату через окно, попила кровь ее и пошла домой. Скоро с охоты вернулись товарищи. Хан Гаммалт, видя девушку грустной и бледной спрашивает: «Что с тобой приключилось? Не больна ли ты?». «Ничего со мной не случилось, только скучно было одной в землянке», – сказала она, скрыв правду.

Оставив дома слепого, чтобы девушка не скучала, отправился Хан на охоту верхом на товарище. Ешап опять пришла и говорит: «Через окно войдя – кровь попью, через двери войдя – задушу тебя». «Войди через окно и попей кровь мою», – сказала девица. Ешап вошла в землянку через окно, попила кровь девушки и пошла домой. Слепой же бегал из угла в угол, стараясь поймать ее. Узнав от слепого о том, что приходила ешап, Хан Гаммалт остался дома, велев девушке сказать ешап: «Войди через двери».

Ешап не заставила себя долго ждать. «Через окно войдя – кровь попью твою, через двери войдя – задушу тебя», – сказала она девушке. «Ты высосала всю мою кровь, я не жилица на этом свете. Войди лучше через двери и покончи со мной», – ответила девушка. Подошла ешап к двери и, понюхав вокруг себя, закричала: «Фу, фу, пахнет духом Хана Гаммалта. Здесь он». «Напрасно ты беспокоишься, нет здесь Хана Гаммалта. Если бы он был, ты бы так свободно не ходила сюда». «Если ты скажешь: „Да умрет Хан Гаммалт, если я лгу!“, – то я поверю тебе». Хан кивнул девушке головой, и она проговорила: «Да умрет Хан Гаммалт, если я лгу!».

Сломала ешап двери и вошла в землянку, а Хан Гаммалт размахнулся изо всех сил своим мечом и срубил ей сразу восемь голов. «Смилуйся, могучий богатырь, не руби последнюю мою голову. Я сделаю всех вас такими, какими вы были рождены матерями вашим отцам».

Хан пощадил ее. Затем ешап проглотила слепого и выкинула его таким, как мать его родила, безрукого проглотила – и его выкинула с руками. Хан Гаммалт сказал товарищам: «Она меня не выкинет, как бы вы ее не просили. Убейте ее, когда она меня проглотит, разрежьте на мелкие части и меня отыщите». Как предсказал Хан Гаммалт, так и случилось. Ешап проглотила его, но выкинуть обратно отказалась наотрез.

Тогда товарищи убили ее, разрезали на части, но Хана Гаммалта нигде не нашли. В это время синица, сидевшая на пороге землянки, сказала: «Хурр… цурр, за дверями, за веником мизинец». Видя, что его обнаружили, мизинец бросился бежать. Товарищи погнались за ним, поймали его, разрезали и нашли в нем Хана. Товарищи разошлись по домам, умертвили своих братьев и стали жить и добро наживать. Хан Гаммалт, кроме того, женился на своей красавице и зажил с ней счастливей других.

Комментарии У. Б. Далгат.

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 350.Текст чеченской сказки из собрания Л. Г. Лопатинского опубликован на русском языке. По своему сюжету сказка очень похожа на современные записи ингушских сказок («Овдилг», «Ган-Гарсолта»).

Эти слова и имя героя позволяют думать, что прообразом его стали народные стражи, стоявшие на богатырской заставе. Слово «ха» обозначает «охрана», Лоаман Ха – горный страж в сказании «Ачамза-курган». [1]

Это сказано в том смысле, что хану Гаммалте нечего бояться. По вайнахским понятиям, в прошлом мужчина признавался совершеннолетним с пятнадцати лет. [2]

Здесь, возможно, допущена неточность в записи. В оригинальных сказках (например, в ингушских) герой в подобной ситуации обращается к солнцу примерно так: «За мою победу божье золотое солнце!». То же самое обычно говорит и враг, но солнце всегда оказывается на стороне героя, который и побеждает. Безусловно, что в обращении к солнцу отражено древнее языческое поклонение ему. [3]

Нарт сам сообщает, что его невозможно убить иначе как ножом, находящимся в его волосах. Представление о магической силе волос запечатлено во многих сказках вайнахов. [4]

У горцев (в том числе и у ингушей) в старину в случае заимствования огня у соседей полагалось давать несколько угольков, но один из которых обязательно отбрасывали обратно в очаг (как символический акт возвращения огня); по средам же угля для разжигания вообще никому не давали. [5]

Кто первым поселился в Насыр-Корте

Там, где ныне расположено село Насыр-Корт, с западной стороны, на одном из холмов первым поселился спустившийся с гор ингуш по имени Нясарг. Он имел длинные усы. Если их связать узлом на затылке, то их концы можно было еще заткнуть за пояс [на спине]. Вместе с ним всегда были его сподвижники-всадники. [1] [2]

Говорят, что некто Ачамза вместе со своими всадниками был более жестоким [нежели Нясарг]. Рассказывают, что Ачамза основал селение Экажево. Его «дом матери» был на Ачамза-кургане, а дом для гостей находился на Девичьем кургане. Ачамза чинил над людьми насилие, совершал разбойничьи набеги, угонял людей, многих убивал, принося всем большое несчастье. [3] [4] [5]

Однажды он задумал сделать себе шубуб из людских бород. У каждого встречного он сдирал бороду вместе с кожей. Собрав всех подвластных ему людей, он спросил:

– Чего не хватает в моей шубе?

Среди собравшихся были братья, сестры и отцы тех, у кого он вырывал бороды, убивая их. Никто не осмелился произнести слова.

– Чего недостает моей шубе? – второй раз спросил Ачамза. – Если в ней есть хоть один недостаток, я не одену ее.

Там была одна женщина, у брата которой Ачамза вырвал бороду, а затем убил. Она сказала:

– Мне известно, чего недостает этой шубе. Но что значат слова одной женщины?

– Скажи. Мне достаточны слова и одного человека, – сказал Ачамза.

– Для этой шубы был бы хорош воротник, сделанный из усов Нясарга, – сказала женщина.

– Кто пойдет оторвать усы Нясарга? – спросил Ачамза у собравшихся людей.

Никто не ответил. Он спросил еще раз, и опять никто не ответил. Спросил третий раз:

– Кто пойдет и оторвет усы Нясарга?

Никто не осмелился и слова сказать. Тогда, взяв лук, Ачамза сам отправился ко двору [к дому] Нясарга. Вход в дом Нясарга в первой комнате [в прихожей] был завешен циновкой, которую поднимали при входе, а войдя опускали. Вход во вторую комнату был без дверей. В этой комнате, у которой не было двери, в углу стоял обнаженный меч. Нясарг, присев на кровать, мыл руки. Ему из кумагана поливала его сестра, в другой руке она держала горящую свечу. Сестре Нясарга показалось, что она слышит шум. Она обернулась и увидела, что Ачамза натягивает лук, чтобы пустить стрелу в Нясарга. Она не знала, что делать. Сказать брату боялась, так как они уничтожат друг друга. Внезапно ее озарила мысль – и она задула свечу. Нясарг сказал: «Зажги свечу».

Она вновь ее зажгла и опять увидела Ачамзу с натянутым луком. Вторично затушила она свечу. Тогда сказал сестре Нясарг:

– Если ты еще раз затушишь свечу, то я тебя изрублю мечом.

Нясарг знал, что Ачамза готовится пустить в него стрелу, но гордость не позволяла ему даже взглянуть в его сторону. Когда в третий раз сестра зажгла свечу, Ачамза пустил стрелу. Стрела попала в грудь Нясарга и пробила его насквозь: железный наконечник вышел через спину, а деревянный конец торчал спереди. Ачамза, после того как пустил стрелу, бросился бежать. Нясарг быстро обломал спереди и сзади концы стрелы, схватил стоявший в углу комнаты меч и, бросившись вслед, так быстро настиг и зарубил Ачамзу, что тот не успел даже выбежать со двора.

Комментарии У. Б. Далгат.

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 385—386. Сказание записано учителем насыр-кортской школы Магометом Гелисхановым. Время записи не установлено. Русский перевод сказания издается впервые.

Насыр-Корт – ингушское село, ныне входит в город Назрань. Через село протекает речка Нясаре (в русской огласовке Назрановка). [1]

В оригинале «гIаьрахой-комбой», что в дословном переводе означает «разбойники-конвоиры». В данном случае это выражение не согласуется с контекстом, из которого совсем не следует, что Нясарг и его сподвижники – разбойники. Упомянутое выражение употреблено сказителем как архаизм. [2]

Это утверждение противоречит существующему у ингушей мнению, что село основали сыновья некоего Экажа. По-ингушски это село называется «Село сыновей Экажа». Экажевы – ингушский род, происходящий из орстхойцев. [3]

«Дом матери» – комната, где готовят пищу, т. е. кухня. [4]

Ачамза-курган и Девичий курган расположены вблизи села Экажево. Расстояние между ними составляет около пятисот метров. [5]

В оригинале – «бекх». По-ингушски «бекх» означает стеганное из шерсти пальто или куртку. «Шуба» не совсем эквивалентна понятию «бекх». [6]

Отцовское наследство

В селе с двенадцатитысячным населением жил когда-то человек по имени Чуара Нельбиевич, до такой степени бедный, что чуть не помирал с голоду. Раз он спрашивает свою мать: «У меня нет коня, чтобы ездить, ни порядочной одежды, чтобы одеться, ни оружия, чтобы опоясаться. Видно, что тот, который произвел меня на свет, был бедным. Едва ли я выйду из бедности!». Мать сказала: «Отец твой не был беден. После его смерти остался конь; он 15 лет стоит в темной конюшне и кормится только кремнем и железом. Он очень зол и страшен. Если у тебя есть смелость оседлать его, то он твой. Осталась также броня. Она тяжела, 15 девиц только могут ее сдвинуть с места. Она твоя, если можешь ее носить. Осталась также шашка, если сможешь владеть ею».

Чуара Нельбиевич оседлал отцовского коня, легко поднял и надел броню, опоясал себя шашкой и, перепрыгнув на коне через три преграды, выехал бродить по белу свету. Долго он ехал, ехал, но, наконец, наткнулся на семь братьев нартов-эрхустойцев, спавших на дороге крепким сном. При его приближении кони спавших нартов сказали его коню: «Куда путь держишь, бороздя, как плугом, дорогу и, как крот, поднимая землю? Если бы мы не боялись разбудить своих хозяев, то этот день был бы для тебя последним днем». «Если бы я не спешил в далекий неведомый край, то я, как росу травы, стер бы вас с лица земли», – сказал конь Чуары и проехал мимо. [1]

Долго ли, мало ли ехал Чуара Нельбиевич, но доехал он до большого города. Подъезжая к городу, он бросил повод, предоставив коню завернуть в тот двор, где им обоим было бы хорошо. На другом краю города стоял особняком дом вдовы; в этот двор завернул конь Чуары. Вдова радушно приняла незнакомца. Чуара, утомленный от дороги, рано лег спать. Поздно ночью он увидел, как блеснула молния, хотя небо кругом было ясно. На другой день Чуара рассказал вдове о ночном явлении. Вдова объяснила, что город этот озаряется светом молнии в тот момент, когда царская дочь во время сна переворачивается с боку на бок.

Узнав от вдовы, что царевна очень красива, Чуара послал ее к царю просить, не выдаст ли он за него свою дочь. Вдова передала желание Чуары царю; последний на это сказал, что он не вправе распоряжаться дочерью, так как к нему едет со 120 всадниками царевич, чтобы силой увезти ее. Узнав это, Чуара Нельбиевич сел на коня и поспешил навстречу царевичу. Долго он ехал и, наконец, встретился с царевичем. Последний говорит с пренебрежением: «Что за создание едет нам навстречу?».

Чуара с достоинством ответил: «Ты видишь перед собой Чуару Нельбиевича, которому пролетающая птица бросает в виде дани перо, а проходящие звери – копыто. Каков я, скоро увидите!». Сказав это, он ударил плетью коня и бросился на них с обнаженной терсмаймальской шашкой. Конь давит тех, кто попадается ему под ноги. Кто попадается под руки, того убивает Чуара Нельбиевич. [2] [3]

Перебив всех, он вернулся обратно в тот город и послал опять вдову сказать царю, что с ним будет то же, что случилось с царевичем, если он не выдаст за него свою дочь.

Царь поспешил заявить согласие. Затем Чуара Нельбиевич с красавицей невестой в экипаже поехал к себе домой. Возвращаюсь, он опять наткнулся на братьев нартов-эрхустойцев. Они его обманули, уверив в своей дружбе. Чуара Нельбиевич подошел к ним без оружия. Этим воспользовались братья нарты-эрхустойцы; они сели в его экипаж и помчались с его невестой. На своем коне, который случайно отвязался от экипажа, Чуара поскакал за ними. В миг он их догнал, но, догнав, не знает, что делать без оружия. Воспользовавшись удобным моментом, невеста передает ему его терсмаймальскую шашку. Засверкала шашка, покатились на землю головы нартов.

С освобожденной невестой без новых приключений прибыл Чуара Нельбиевич домой. Они обвенчались. В первую ночь, когда они, обнявшись, мирно спали, жена Чуары, неизвестно кем была похищена, хотя двери и окна не были открыты. Проснувшись, он не нашел возле себя молодой жены. Тогда он стал плакать, пока слезы не иссякли; плакать кровью, насколько крови хватило. Затем он выехал из дому на поиски.

Долго ли, мало ли он ехал, но он заехал очень далеко и там в стороне от дороги увидел пастуха, пасшего телят. Пастух этот то взбирался на курган, смеясь, то спускался с него плача. Странное поведение пастуха привлекло его внимание и он, подъехав к нему, спрашивает, в чем дело. [4]

Пастух отвечает: «Плачу я, спускаясь с кургана, потому, что жалею Чуару Нельбиевича, у которого в первую ночь похитили молодую жену; смеюсь потому, что мне по возвращении домой дадут мяса и хлеба». «Кто похитил жену Чуары, где живет ее похититель?», – спросил он пастуха. «Неге из села, что неподалеку отсюда», – ответил пастух. Затем Чуара сказал ему, кто он такой, и попросил совета, как освободить жену из когтей Неге. Пастух дал ему совет: «В эту ночь похититель собирается впервые пойти к твоей жене. Надень мое платье, под платьем спрячь мою шашку. Вечером отправляйся с телятами в то село. Телята приведут тебя во двор Неге. Там дадут тебе мяса и хлеба. Тогда проси допустить тебя с этими дарами к невесте с поздравлениями, он тебя допустит. Когда войдешь в комнату жены, она тебя узнает, и, спрятавшись с ее помощью за ширмы, жди прихода похитителя. Когда он придет, сам знаешь, что с ним делать». [5]

Чуара Нельбиевич в точности все исполнил. Предсказание пастуха сбылось: он был допущен в комнату жены. Как только наступила ночь, Неге не замедлил появиться. Войдя в комнату, он стал хвастаться перед его женой: «Я краду детей из рук матерей так ловко, что они и не замечают этого; краду молодых жен, хотя мужья спят с ними, обнявшись». Она сказала ему: «Хотя ты и ловко крадешь детей и жен, но шашкой никто не владеет так, как Чуара Нельбиевич». Слова эти рассердили злого Неге, и он обозвал ее сучкой, а Чуару трусом и ударил нагайкой. В этот момент выскочил из-за ширмы Чуара Нельбиевич и одним ударом отрубил голову Неге. Затем забрав все добро своего врага и дав добрую часть пастуху, Чуара Нельбиевич вернулся с молодой женой к себе домой.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 326. Текст записан Т. Эльдархановым на чеченском языке, опубликован в оригинале и в русском переводе. Это скорее всего не сказание, а героическая сказка со значительными элементами нарт-орстхойских сказаний.

Это общее место в фольклоре вайнахов, когда герой сначала перепрыгивает с конем через ограду или дом и лишь после этого отправляется в путь. [1]

«Терсмаймальская шашка», которой часто вооружены эпические герои вайнахских сказаний и в особенности героических песен, в быту это дамасская сабля или меч с тавром на клинке, изображающим голову волка или обезьяны. [2]

Обычное изображение ратных подвигов эпического героя в героических сказаниях вайнахов. [3]

Плач и смех пастуха (иногда безымянного брата героя) – часто повторяющееся общее место эпических рассказов вайнахов; одновременно плачущий и смеющийся пастух (иногда как брат) обычно помогает главному герою советами и действиями. [4]

Неге – «ногаец»; в фольклоре чеченцев и ингушей встречается не как этнический адекват, а как полумифическое существо, всегда враждебное и очень могучее. Герои не просто борются с ним, но справедливо мстят за злые его дела. Фольклорное восприятие Неге, возможно, обусловлено воспоминаниями о татаро-монгольских завоевателях. [5]

Дочь князя Айза и Муса

(). *Здесь приводится эпизод из нартского эпоса, включенный в состав сказки. Две жены героя сказки, Мусы, изменяли ему. Изгнав их, он больше не хотел жениться. Его друг, Гар, уговаривает его не отказываться от брака с дочерью князя, приводя в назидание следующий рассказ*

– Муса, и среди мужчин бывают иногда изменники. Разные бывают и мужчины, и женщины. Послушай-ка внимательно меня, я расскажу тебе нечто другое. Я считал, что нет на свете канта, равного мне, и что на свете ни одного мужчиныконя, равного моему.

Однажды я ехал на своем коне там, где проходит граница Чечни, Грузии и Осетии. Вдруг вдалеке я услышал страшный грохот, увидел смерч, надвигавшийся на меня. Грохот все усиливался, и вдруг из-за скалы появился на коне молодой человек, у которого еще не выросли усы. Он бросил на скаку салам и проехал мимо. Я крикнул ему вдогонку:

– Слушай, юноша, не оставляй здесь меня одного! Я не знаю дороги, возьми меня с собой!

Юноша резко осадил коня, остановился и подъехал ко мне. Он стал привязывать повод уздечки моего коня к седлу своего. Я опять попросил его:

– До сих пор я считал себя самым смелым на свете и не находил коня, равного своему. Прошу тебя, не позорь меня и не привязывай моего коня к седлу твоего. Я бы поехал за тобой, только поезжай чуть медленнее. [1]

Юноша согласился. Мой конь скакал в полную силу, а конь этого юноши шел рысью. Так мы въехали в какие-то горы. Юноша остановился и сказал:

– Держи моего коня и оставайся тут. Я войду в эту башню. Когда услышишь сильный грохот, не пугайся. Если я не вернусь из этой башни, отпусти моего коня и следуй за ним. Моим родственникам скажешь, что со мною стало.

Сказав мне это, он пошел к башне. Вдруг из башни донесся страшный грохот, и вскоре юноша вернулся с головой нарта. Он положил голову нарта в переметную суму и пошел к другой башне. Прошло немного времени, и опять раздался грохот страшнее, чем в первый раз. Юноша опять вернулся с отрубленной головой нарта, положил и эту голову в переметную суму. Отправляясь в третий раз, юноша опять попросил меня, если с ним что-нибудь случится, следовать за его конем и рассказать обо всем его родственникам.

Из этой башни юноша не вернулся. Не слышно было даже шороха. Что бы со мной ни случилось, подумал я, войду в эту башню и посмотрю, что стало со смелым юношей. Я вошел и увидел двух молодых людей, лежащих на полу: юноша был сверху, а нарт лежал под ним. Нарт насквозь прокусил скулу юноши. Я изо всех сил старалсявырвать из его зубов юношу. Но так и не смог. Тогда я отпустил его коня и последовал за ним.

Не знаю, долго ли, коротко ли ехал, но приехал в одно село. В этом селе конь завернул во двор какого-то старика. Я спешился, взял своего коня под уздцы и последовал за конем юноши. Навстречу мне вышел старик, произнес салам и, прежде чем я заговорил с ним, начал сам:

– Гость, расскажи мне все по порядку, как случилось все это с моей дочерью. А то, что она погибла, я знаю.

Я удивился, что старик назвал юношу дочерью и рассказал ему обо всем. Тогда старик сказал:

– Дорогой кант, тот, с кем ты встретился в пути, был не юноша. Это была моя единственная двенадцатилетняя дочь. Я ей всегда говорил: «Хоть ты и чувствуешь в себе богатырскую силу, ты еще мала, дочка. Воздержись до пятнадцатилетнего возраста от кровной мести. А когда тебе исполнится пятнадцать, тогда ты и отомстишь за своих братьев». Три нарта, кото-

рых она одолела, как-то убили в горах моих трех сыновей. Когда моя дочь узнала о случившемся, она поклялась отомстить нартам. [2]

Сказав это, старик подарил мне трехлетнего коня и поехал в горы за телом дочери.

Женщины тоже бывают разные – и плохие, и хорошие, – закончил Гар. – Ты должен жениться – исполнить мою просьбу и просьбу сестры.

И Муса дал согласие жениться.

Комментарии А. О. Мальсагова.

«Сказания, сказки и предания чеченцев и ингушей». Грозный, 1986, с. 159—160. Записал Н. Бушуев от своего дяди Амисолты на чеченском языке.

Вести коня на поводу или привязать его к чьему-нибудь седлу считается оскорбительным. [1]

В фольклоре вайнахов девушка (мать, сестра) довольно часто выступает в роли кровного мстителя за убмйство отца, брата, любимого. Она обычно переодевается в мужской костюм, и только в конце сюжета выясняется, кто она на самом деле. [2]

Лял-Султа

(). *Вариант предущего сказания, включенный в другую сказку. Лял Султа, которому изменила жена, убил и ее, и ее любовника, и дал себе клятву, что никогда не женится. Однажды, будучи в дороге, он встретился с ногайским князем Батерхой, которому и рассказал свою историю*

– Ты, вероятно, судишь теперь всех женщин по своей бывшей жене, – сказал Батерха Лял-Султе. – Послушай, я тебе расскажу из своей жизни кое-что, и ты увидишь, что женщины бывают неодинакового нрава, неодинакового ума.

Было нас шесть братьев. Мы никого не боялись; все чужое считали за свое. Однажды мы все шестеро отправились на добычу. По дороге нам встретилась отара овец. За отарой шел пастух со своей собакой. Ростом он был великан. Его шаг был похож на шаг слона, его шуба была сделана из 60 овчин, его шапка была сшита из 8 овчинок. Собака же его была величиной с корову. Она, как увидела нас издали, направилась к нам с лаем. Почувствовав, что не в состоянии будем отбиться от нее, мы начали искать защиты. Мы нашли человеческий череп величиной с двойной котел и укрылись под ним, все шесть братьев, верхами. Но собака не хотела отстать от нас. Она кинулась на человеческий череп.

Пастух не обратил внимания на лай своей собаки. Он прошел мимо нас. Тогда собака схватила человеческий череп и понесла его за пастухом. Догнав его, она поставила череп перед ним, как будто говоря: «Что ж ты их так пропускаешь?». Тогда, как будто очнувшись от сна, он толкнул череп своей пастушеской палкой, и мы все шесть братьев вышли оттуда. «Зачем вы, муравьи, спрятались в человеческом черепе?», – обратился он к нам. Мы униженно сознались, что, заблудившись, укрылись от его собаки.

Пастух пригласил нас на ночь к себе. «Что ж мы приготовим на ужин?» – спросил он нас, когда пришли к нему. «Ты хозяин, ты должен знать, что приготовить на ужин, а мы гости твои», – ответили мы ему. «Кто ж воды и дров принесет нам?». «Ты хозяин, ты должен знать, где вода и дрова, а мы гости», – опять ответили мы ему. Тогда он схватил пивной котел одним пальцем и принес полный котел воды. Потом он отправился в лес. Одной рукой он вытащил чинару с корнями н принес четыре бревна – два под мышкой, два на спине. На ужин он зарезал 60 баранов. Почти не сварив, он поел их, а нам не дал ничего.

На другое утро он зарезал наших лошадей. Пожрав лошадей, он отправился пасти овец, а нам приказал никуда не уходить. Вечером он приготовил острый шест, проткнул нас всех шестерых братьев этим шестом и сделал из нас шашлык. Пять моих братьев он сожрал сразу, а меня оставил на утро, чтобы съесть натощак. Потом он лег спать и заснул крепким сном. Зная, что не миную своей участи, если только останусь вместе с ним до утра, я решил доползти до соседнего оврага.

Один охотник, привлеченный моим стоном, взял меня к себе домой. Я лежал у него до тех пор, пока не вылечились мои поджаренные бока. Потом я отправился куда глаза глядят и дал клятву убивать всех встречных на дороге, как бы мстя за братьев.

Первым мне встретился красивый молодой человек. Он сидел на красивой лошади. Я прицелился, но мне жаль было ударить пулей в его красивый стан. Потом я прицелился в его грудь, но мне жаль было его красивой наружности. В то время, как я вертелся около него, он пригласил меня быть его товарищем. Я согласился и поехал с ним. Ехали мы двое суток. На третий день доехали до одной башни. Мы остановились около нее. Товарищ мой вошел внутрь башни, а мне велел остаться около лестницы, ведущей к башне, и сказал при этом, что, если только я осмелюсь переступить хоть через одну ступеньку лестницы, он мне перережет горло кинжалом. [1]

Я стоял довольно долго. Мне был слышен шум внутри башни. Мне захотелось узнать, отчего происходит этот шум, – и я со страхом полез по лестнице и встал около двери башни. Лишь только я встал около двери, товарищ мой вышел ко мне навстречу с окровавленным кинжалом и пригласил войти внутрь башни. Я повиновался. Я увидел там сорок человек, только что перерезанных. Я спросил моего товарища, кто их перерезал. Он ответил, что это сделал он в отмщение за брата, что они – орхустойцы, те самые, которые убили его брата. Затем он добавил, что не позволил мне войти вместе с ним в башню потому, что боялся, как бы я не помешал ему перерезать орхустойцев.

Он пригласил меня к себе, и на третий день мы въехали в его огромный двор. Он сам сперва вошел в дом, а мне велел подождать, пока не приготовится в кунацкой, чтобы принять меня как гостя. Я ждал долго. Наконец у меня не хватило терпения, и я сам вошел в кунацкую. И что ж? – я увидел в кунацкой труп, уже разлагавшийся, и около него товарища, лежавшего с воткнутым в живот кинжалом. Я хотел поднять его и снял шапку с его головы, и, к своему удивлению, увидел на голове его длинные косы.

Я понял, что товарищ мой – женщина, а труп, уже разложившийся, – ее брат, убитый орхустойцами. Вот женщина, так женщина! Что ж, похожа она, Лял-Султа, на твою бывшую жену? По одной женщине нельзя судить о всех женщинах. Женщины бывают хорошие и дурные. Почему ты думаешь, что царская дочь, которую предлагает тебе в жены жена мельника, похожа на ту, о которой сейчас ты говорил? Женись на ней, не прекращай свой род.

Таким образом Батерха убедил Лял-Султу, что женщины бывают неодинакового характера и ума. Лял-Султа женился на царевне, стал с нею жить, да детей наживать.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 348—350. Сказка записана Ч. Ахриевым на русском языке в ауле Фуртоуг.

До введения огнестрельного оружия чеченцы употребляли лук, вроде самострела. Лук натягивали шнурком, положенным в два ряда. Между двумя шнурками приделывали клапан из ремня. На этот клапан клали свинцовую пулю и били. Сила удара равнялась силе натягивания лука (примеч. Ч. Ахриева). [1]

Два друга

В давние времена жили два друга – Байбур и Гамбур. Между их жильем было расстояние, которое можно было одолеть лишь за три месяца. На старости лет, чтобы узнать о здоровье друг друга, они пускали стрелы в стену. Однажды Байбур затосковал по своему другу и пустил в стену две стрелы. «Если Гамбур жив и здоров, на стене выступит капля молока. Если же он занемог, на стене выступят три капли крови», – подумал он. На стене выступили три капли крови. Желая помочь своему другу, Байбур с железной кровати перешел на деревянную. В дом вошел старший сын Байбура и спросил отца: [1] [2]

– Дада, ведь неудобно перед людьми, если ты будешь лежать на деревянной кровати. Что случилось? Расскажи о своем горе.

– Мой друг Гамбур занемог. Разделяя его горе, я перешел на деревянную кровать, – сказал отец.

– По своему желанию перейдешь на железную, – сказал старший сын и вышел.

Вошел средний сын и спросил о том же, о чем старший.

– Пошел вон! – закричал отец.

Но средний сын настаивал:

– Расскажи о своем горе. Нехорошо, что ты лежишь на деревянной кровати.

Отец рассказал ему о своем горе, и средний сын ответил так же, как и старший:

– По своему желанию перейдешь на железную кровать.

Вошел младший сын и задал тот же вопрос, что и старшие братья.

– Ты не лучше своих братьев, – закричал отец на младшего сына и прогнал его. Но младший сын настаивал, и отец рассказал ему о своем горе. Тогда младший сын спросил у отца:

– Есть ли у тебя конь, есть ли у тебя оружие, чтобы опоясаться, дада?

Отец достал из сундука оружие, передал сыну и сказал:

– Вон под тем холмом стоит конь. Имей в виду: он бросится на тебя, чтобы убить. Не успеет он выскочить из-под холма, стать на дыбы, как ты должен взнуздать, оседлать и сесть на него.

Как отец и говорил, из-под холма выскочил конь и бросился на младшего сына. Но тот накинул на него уздечку, оседлал и вскочил в седло. Тогда младший сын спросил отца:

– Дада, что ты делал, когда отправлялся в путь?

– Когда я отправлялся в путь, я делал три круга вокруг дома и перескакивал на коне через ограду, – сказал отец.

Отец дал младшему сыну печатку с пальца, чтобы по ней его узнал Гамбур. Взял младший сын печатку, надел ее на палец, сделал вокруг дома три круга, перескочил на коне через ограду и отправился в путь. Дорогу, которую Гамбур и Байбур одолевали за три месяца, младший сын Байбура одолел за месяц. Подъехал он к селу, пришел на пхохане* и спросил, где живет Гамбур. И поехал сын Байбура к башням, на которые ему указали люди. Гамбур выглянул в окно и сказал:

– Если ты прибыл за плохим, достанется оно тебе. Если ты прибыл за хорошим, да не лишишься ты его! [3]

– Я прибыл с хорошим намерением, я сын твоего друга Байбура – Баймурза.

И юноша протянул в окно руку с печаткой на пальце. Увидя на пальце печатку Байбура, Гамбур вспомнил с любовью своего друга, прижал руку Баймурзы к сердцу. Затем он поспешил к Баймурзе, ввел в дом сына своего друга, обо всем его расспросил. Зарезал барана, усадил гостя за стол. И Баймурза за столом спрсил Гамбура:

– У тебя нет дочери или сына?

Гамбур ответил, что у него нет ни дочери, ни сына. После обеда Баймурза решил прогуляться по селу и попросил дать провожатого. Гамбур пригласил своего соседа. Когда Баймурза и сосед вышли, тот рассказал, что у Гамбура были семь сыновей и одна дочь, и эту дочь похитил нарт-орстхоец Асран, а братья поехали за сестрой и погибли.

– Мы не будем больше ходить по селу. Прошу тебя, никому не говори о том, что ты мне рассказал, – сказал Баймурза.

И они разошлись.

Приходит Баймурза к Гамбуру и говорит:

– Я за всю жизнь ни разу не спал в комнате, постели мне во дворе.

Постелили ему во дворе. А посреди ночи Баймурза встал, оседлал коня и тайно от Гамбура поехал в горы к нарт-орстхойцу Асрану. Через семь дней и семь ночей он прибыл в горы, где стоял желтый дым от цигарки одноглазого нарт-орстхойца, пасшего отары овец. – Ассалам алейкум! Да не будет приплода твоим овцам, злодей! – обратился Баймурза к нарт-орстхойцу Асрану.

– Ва алейкум салам! Люди желают приплода моим овцам, а ты почему не желаешь? – спросил Асран.

– Я говорю это потому, что не желаю приплода твоим овцам. Скажи мне, где ты держишь своих овец? Где твое жилище?

– Я держу своих овец в таком-то месте. Там и мое жилище. Но сейчас я не могу вернуться с овцами. А ты пойди, но тебя могут не впустить мои собаки. Вот этой шапкой отпугнешь их. – И Асран бросил Баймурзе свою шапку.

– Я не ребенок, чтобы таскаться с твоей шапкой! – И Баймурза пинком отбросил шапку Асрана.

Когда Баймурза направился к его жилищу, нарт-орстхоец сказал:

– Сорви во дворе с яблони яблоко и съешь его. Возьми топор и наруби дров. Выпусти из загона десять баранов. Наполни котел водой. Приготовь кукурузной муки. Пойди в лес и наруби сухих дров для растопки.

Ни один из семерых братьев – сыновей Гамбура – эти поручения не смог выполнить. Только Баймурза пришел во двор нарт-орстхойца, как на него бросились семь собак,

которых он убил ударами шашки. Баймурза потряс яблоко, вырвал ее с корнями из земли, нарубил дров. Принес в котле воды и поставил его на очаг. Взял со стены дечиг-пандар* и

долго играл на нем, а затем расколол его на щепки и разжег ими огонь. Потом отодвинул от входа в загон огромную скалу, вывел баранов, зарезал их и мясо бросил в котел.

В это время возвратился нарт-орстхоец и злобно спросил у Баймурзы:

– Ты почему убил моих собак?

– А что ж, я дал бы им разорвать себя? – спросил Баймурза.

– Ты играл на дечиг-пандаре, но почему сломал его? – спросил Асран.

– А что ж, я должен был, как женщина, собирать щепки для растопки? – спросил Баймурза.

– Воды ты принес?

– Да, принес.

– Куда дел десять баранов?

– Я их зарезал, и мясо варится в котле, – ответил Баймурза.

Нарт-орстхоец не осмелился драться с Баймурзой и вышел. Баймурза съел мясо десяти баранов и лег отдыхать. Когда он уснул, вошел нарт-орстхоец и стал варить себе кашу. Когда каша сварилась, Баймурза проснулся, выгнал нарт-орстхойца и съел всю кашу.

– Лучше умереть сейчас, чем умереть от голода и жить в страхе. Мы должны драться, – сказал Асран Баймурзе.

– Хорошо, будем драться, – сказал Баймурза, схватил нарт-орстхойца и всадил его по колени в землю.

Затем нарт-орстхоец схватил Баймурзу и всадил его в землю.

– Я только теперь вошел во вкус драки, – сказал Баймурза и всадил его в землю по самые уши.

Тогда нарт-орстхоец сказал:

– Что бы ты ни делал, смерть меня не возьмет. Расколи мой череп и вытащи коробку, в которой находятся три ножа. Этими ножами убей меня, я не в силах переносить такие страдания.

Ударом шашки Баймурза расколол череп нарт-орстхойца, вытащил коробку, а из нее три ножа, и сказал:

– Я тебя не буду убивать, и ты будешь вечно мучиться, если не скажешь, где семеро братьев и дочь Гамбура.

– Дочь Гамбура на верхнем этаже башни, а семь братьев в подвале башни, зажатые в тисках.

Спустился Баймурза в подвал, освободил из тисков семерых братьев и поднялся к дочери Гамбура на верхний этаж башни. Увидев его, дочь Гамбура вскрикнула:

– Если нас увидит Асран, он убьет нас! Уходи скорее!

– Асран теперь ничего не сделает – я убил его. Я сын друга твоего отца, Баймурза, пришел сюда, чтобы освободить тебя, – сказал Баймурза девушке.

Баймурза убил Асрана, забрал его отары овец и с семью сыновьями и дочерью Гамбура отправился в обратный путь.

Семь дней и семь ночей царило веселье в доме Гамбура. После этого решил Баймурза возвратиться к своему отцу Байбуру.

Комментарии А. О. Мальсагова.

«Сказания, сказки и предания чеченцев и ингушей». Грозный, 1986, с. 145—148. Записал К. Чокаев в 1958 г. на русском языке от С. Ахмадовой, г. Грозный.

Мотив магического пускания стрел (пуль) непонятен, но герой, находясь в неведении, таким путем узнает о состоянии своегно друга или родственника. [1]

Железо почиталось у вайнахов, и поэтому предпочтение деревянного ложа железному свидетельствует о тяжелом душевном состоянии героя. [2]

«Если прибыл за хорошим, да не лишишься ты его!» – общая формула благопожеоания типа «добрый день», «добрый вечер». [3]

*Дечиг-пандар – чеченский национальный инструмент типа трехструнной балалайки.

*Пхохане (чеч.), пхегата – место, где встречаются мужчины села; инг. – пхъегIа.

Зулай

В одном селении жили муж и жена. У них было семеро сыновей и одна дочь. Дочь звали Зулай. Она славилась красотой, о ней шла молва, как о единственной сестре семерых братьев. Многие люди сватали ее за своих сыновей. Но она никому не давала согласия. Она знала, что слывет красавицей среди красавиц. Однажды она внезапно исчезла. Семеро братьев и родственники отправились на ее поиски. Они обошли все окружающие села, но нигде не могли ее обнаружить. [1]

Отец, мать и семеро братьев горевали по ней. Прошел год, два, три, но о ней ни слуху, ни духу. Похитил Зулай полузверь-получеловек, полуптица (умеющий летать) одноглазый нарт-орстхоец. Он увел ее на высокую безлюдную гору, где находилось его жилище. На этой горе у него была башня, вход в которую был закрыт камнем и деревьями. Даже если девушку обнаружат, войти в башню было невозможно. На самой верхушке башни было небольшое окно, в которое входил нарт-орстхоец. [2]

Вспоминая родителей и братьев, Зулай часто плакала. В таком состоянии она родила сына. Его нечем было кормить, негде баюкать. Тогда Зулай стала просить нарт-орстхойца, чтобы он достал ага*. Отправился нарт-орстхоец в село, где ранее жила Зулай. Подошел он на окраину села и завыл: «У-у, Улай, Зулай! Ага, буга, дига да-а-а!«. [3]

Люди с удивлением слушали, но не могли понять смысла его слов. Один старик сказал, что нарт-орстхоец требует ага, но прежде чем дать ага, мы должны узнать, зачем она ему понадобилась. Нужно засыпать в нее золу.

Так и сделали. Насыпали золу в агу и поставили на окраине села. Нарт-орстхоец взял агу и быстро направился в горы, и не замечал, как из нее высыпается зола. На следующий день люди по следу сыпавшейся золы пришли до жилища нарт-орстхойца. Они не могли найти вход в башню. Спросили Зулай о входе, но она не отвечала им, боясь, что из-за нее они могут пострадать, так как скоро должен возвратиться нарт-орстхоец, и он не отпустит их живыми. Тогда один из братьев сказал: «Зулай, мы не уйдем, оставив тебя здесь. Лучше умереть, чем допустить такое». Зулай рассказала им, где найти вход. Люди очистили вход от камней и деревьев и направились в башню. Зулай обращается к братьям: «Не входите, на мне лишь лохмотья!».

Младший брат дал сестре бурку, она надела ее и обняла каждого в отдельности. Сестра не верила, что долгожданный час наступил. Долго плакала она от радости. Она

рассказала, что с ней произошло, как жила с нарт-орстхойцем. Нарт-орстхоец ходил на

охоту, ловил зверей и поедал их. Затем возвращался в башню, вырывал съеденное, и этим питалась Зулай, лишь бы не умереть с голода.

Тогда собрались они в дорогу. В пути им встретился возвращавшийся нарт-орстхоец.

– Не уводите ее, иначе я вас всех уничтожу, – крикнул нарт-орстхоец.

– Мы не боимся тебя, ты три года издевался над нашей сестрой. Я тебя убью! – крикнул младший брат, и метким выстрелом из лука выбил единственный глаз у нарт-орстхойца.

С диким ревом катался по земле нарт-орстхоец. От его рева горы шатались, деревья с корнем вырывались. Не успел нарт-орстхоец прийти в себя, как набежавшие мужчины прикончили его. После этого люди вместе с Зулай возвратились в родное село.

Комментарии А. О. Мальсагова.

«Сказания, сказки и предания чеченцев и ингушей». Грозный, 1986, с. 191—192. Записал в Шамсадова Зайнап 1983 году на чеченском языке от Шамсадовой Х. З. (35 лет), пос. Новогрозненский Гудермесского района.

Зулай. Имя Зулай – позднего происхождения. Оно никак не вяжется с этим древним сюжетом. Сказительница Шамсадова никак не комментировала проникновения этого мусульманского имени в данный сюжет. [1]

Одноглазый нарт-орстхоец – в сказочном эпосе вайнахов данный герой предстает как отрицательная личность; он не имеет даже родовой принадлежности и передан в класс неразумных существ, то есть в класс «д». Этот образ аналогичен ешапу, вампалу, Черному хоже. В данном сюжете он полузверь, получеловек, полуптица (умеющий летать). [2]

«Ага, буга, дига да-а-а!» – данное выражение подчеркивает, что нарт-орстхоец плохо владеет чеченским языком и смысл передает приблизительно, звукоподражательно. Вместо ага он произносит буга и т. д. А возможно, что эта речь не что иное, как убаюкивание младенца. [3]

*Ага – люлька.

Медвежье ухо

(). *В этой сказке говорится о женщине с сыном, которых похитил медведь, владеющий человеческой речью. Медведь прозвал мальчика «Медвежье ухо». Вскоре мальчик убил медведя, и они с матерью вернулись домой. Но, не ужившись в селе, Медвежье ухо ушел и нанялся в работники к какому-то князю. Тот оказался коварным человеком и герой, покинув его, ушел в лес. Ниже приводится эпизод из эпоса, включенный в эту сказку*

В лесу Медвежье ухо набрел на каких-то трех человек.

– Здравствуйте! – приветствовал он и спросил: – Кто вы? Что за люди?

Присоединяйся к нам – вместе будем жить, – ответили три человека. И Медвежье ухо стал с ними жить.

Однажды эти люди сказали одному из своих товарищей:

– Мы пойдем поохотиться, а ты до нашего прихода приготовь нам обед – свари мясо с галушками.

Сказав это, они ушли, взяв с собой Медвежье ухо. Оставшийся товарищ сделал все, что было сказано, и только хотел прилечь отдохнуть, как вдруг кто-то крикнул во дворе:

– Э-эй!

– Что такое?

– Здравствуй! – сказал хромой нарт, приехавший на хромом зайце. [1]

– Здравствуй! – ответил хозяин. – Слезай с коня.

– Я-то, конечно, слезу, если бы ты даже и не приглашал.

Сказав так, нарт вошел в дом и присел со своим зайцем, а хозяин вытащил из котла мясо и галушки и стал делить на пять частей.

– Что ты делаешь? – спросил нарт.

– Нас двое, да еще трое придут, всего – пять человек. Потому я и делю еду на пять частей, – ответил хозяин.

– А ну тебя с твоими пятью частями! Знать ничего не знаю! – сказав так, нарт выдернул волос из хвоста зайца, связал им крепко-накрепко хозяина, потом схватил мясо с галушками, проглотил сразу всю еду, запил жирным наваром и ускакал на своем хромом

зайце. Хозяин дома с трудом освободился от пут, вновь приготовил еду и лег отдохнуть. Вскоре пришли охотники:

– Что ты улегся? – спросил его Медвежье ухо.

– Что-то живот заболел, – ответил тот.

На второй день они опять пошли на охоту, оставив дома другого. Не успел он приготовить еду, кто-то крикнул во дворе:

– Эй!

– Что такое?

– Здравствуй! – сказал хромой нарт, приехавший на хромом зайце.

– Здравствуй! – ответил хозяин. – Слезай с коня.

– Приглашай не приглашай, я все равно слезу, – сказал нарт, вошел в дом и присел со своим хромым зайцем. Когда хозяин стал делить галушки и мясо на пять частей, нарт спросил:

– Что ты делаешь?

– Нас двое, да еще трое придут, всего – пять человек, поэтому я и делю пищу на пять частей, – ответил хозяин.

– А ну тебя с твоими пятью частями! Знать ничего не знаю! – сказав так, нарт выдернул волос из хвоста зайца, связал им крепко-накрепко хозяина. Потом он мигом проглотил мясо и галушки, запил их наваром, вскочил на своего хромого зайца и ускакал.

Завязанный рвался-рвался и наконец с трудом освободился. Снова сварил пищу и прилег отдохнуть.

– Что с тобой? Что ты лежишь? – спросил Медвежье ухо.

– Голова заболела, – ответил тот.

На третий день Мдвежье ухо отправил других на охоту, а сам остался хозяйничать. Как только он закончил свою работу, услышал:

– Э-эй!

– Что такое? – вышел Медвежье ухо.

– Здравствуй! – сказал хромой нарт, приехавший на хромом зайце.

– Здравствуй! – ответил хозяин. – Заходи.

– Я-то войду, если ты и не пригласишь, – ответил нарт.

– Нет, не войдешь, если не приглашу, – сказал Медвежье ухо и мигом схватив хромого зайца и хромого нарта, затащил их в комнату. Потом выдернул из хвоста зайца

волос, связал им нарта с его зайцем и, в ожидании товарищей, прилег. Когда товарищи вернулись с охоты, Медвежье ухо спросил у одного из них:

– Не тот ли это, из-за которого у тебя болел живот?

– Он самый, – ответил товарищ, указав на связанного нарта.

Потом Медвежье ухо спросил у второго товарища:

– Не из-за него ли у тебя болела голова?

– Из-за него, – ответил второй товарищ.

– Если так, убейте его, – сказал Медвежье ухо.

– Пожалуйста, не убивайте меня, – стал умолять нарт. – Отпустите меня. Больше я не приду сюда.

– Ну, смотри, больше не показывайся. Если б ты не был гостем у нас, голову отсек бы твою.

Так сказал Медвежье ухо, освободил нарта, усадил его на хромого зайца и отправил.

Однажды, гуляя по лесу, Медвежье ухо увидел большие башни. Вернувшись домой, он спросил своих товарищей:

– Что это за башни стоят в лесу?

– Там живут очень сильные нарты, – сказали его товарищи.

– Пока не отберу у них башни, не успокоюсь, – сказал Медвежье ухо.

– Не делай этого. Нарты очень сильны: у одного из них – одна голова, у другого – две, у третьего – три, у четвертого – четыре, у пятого – пять, у шестого – шесть, у седьмого – семь, у восьмого – восемь, у девятого – девять голов. Не нам тягаться с ними.

– Как бы сильны они ни были, я все же пойду, – сказал Медвежье ухо и отправился к нартам.

Когда Медвежье ухо пришел туда, двери крепости были открыты. Внутри не оказалось ни одного человека. У стены были расставлены девять мечей. Медвежье ухо выбрал самый дучший. После этого он выкопал за дверью большой ров и спрятался возле него с мечом в руке.

Вернулись нарты. Каждый входивший в дверь падал в ров от удара мечом. Так погибло восемь нартов. Девятый же, потеряв семь голов, полетел вниз с двумя головами. Медвежье ухо засыпал ров, привез свою мать, младшего брата и остался жить в этих башнях.

Комментарии А. О. Мальсагова.

«Сказания, сказки и предания чеченцев и ингушей». Грозный, 1986, с. 214—217. Записано в 1958 году Арсахановым.

Хромой нарт. – Нарты – эпические богатыри, известные многим народам Северного Кавказа. Здесь они выступают в роли великанов-карликов. Ничего общего с эпическими нартами они не имеют. Они скорее напоминают богатырей Дагестанского эпоса. [1]

Турпал Термола

В районе Ножай-Юрта, между Курен-Бен и Ялхой-Мохк у реки Гумси было село, в котором жили нарт-орстхойцы. Вода там считалась целебной. Называется она рекой Теши. Жителей близлежащих сел нарт-орстхойцы угнетали и держали в страхе. Понравившихся девушек и женщин они силой уводили. Люди не могли противостоять им, жили в нужде и горе. Но терпению их пришел конец.

Однажды вдовая женщина из Ялхой-Мохка, когда нарт-орстхойцы увели ее единственную дочь, подняла тревогу. На помощь ей пришел Термола из Курен-Бена. Со своими лучшими товарищами он решил уничтожить нарт-орстхойцев. В тот день в волны реки Гумси Термолой и его друзьями было сброшено тысяча трупов. Уцелевших нарт-орстхойцев он преследовал до Орз-Калы. [1]

Говорят, что Термола со своим конем похоронен в Курен-Бене. В том месте, где он жил, заметны каменные плиты с изображением следов его рук и ног.

Комментарии А. О. Мальсагова.
«Сказания, сказки и предания чеченцев и ингушей». Грозный, 1986, с. 290.

Орз-Кала – прежнее название станицы Червленной. [1]

Ачамза-курган (сын Лоаман Ха) [1] [2]

Раньше, когда наши отцы жили в горах, эта равнина была в руках черкесских, кабардинских и ногайских князей. Князья не только отбирали друг у друга добычу, но, по их приказанию, собирались отряды, которые возглавляли сыновья князей и их сподвижники. В те далекие времена они чинили разбой, производя всюду опустошение. Немало горя вынесли от плоскостных князей и горные люди. Чтобы отбивать их нападение, лучшие мужчины ставили у подножья гор свои посты. Одним из таких постов в те времена был Ачамза-курган, который расположен близ села Экажево. [3]

Ингушский Лоаман Ха, Нарт Нясар и Нарт Орстхо – все трое, сговорившись между собой, в то время несли там караул, охраняя покой горных людей. Говорят, что этот курган они и возвели. Обнаружив шайку, они отбивали награбленное ею, бродячему не давали прохода, сами брали набегами добычу, так и жили. Далеко славились их имена. [4]

Один ногайский князь часто ходил за добычей. Когда, однажды заблудившись со своими наездниками, он ночью въехал на хребет, то увидел огонь на Ачамза-кургане.

– Сам бог дал нам это! Добыча оттуда не будет лишней. Мы поедем туда, – сказал князь.

– Я слышал об этих людях, – сказал князю один из его сподвижников. – Говорят, они очень отважные люди, лучше бы нам не ходить туда. Ингушский Ха, Нарт Нясар и Нарт Орстхо там живут; один из них выходит против 60-ти и побеждает их, говорят люди.

– Если они такие люди, то нам не мешает с ними завести дружбу, – сказал князь и направился к Ачамза-кургану.

Ингушский Лоаман Ха только что вернулся с добычей и привел целый табун скакунов. Подумав, что за ним идет погоня из-за увезенного табуна, он вскочил на коня и выехал навстречу князю.

– На вражду выйдя, к тебе не иду как враг. Я заблудившийся путник и, если ты примешь, буду твоим гостем, – сказал князь.

– Мой дом для тебя открыт, – сказал Лоаман Ха и принял ногайского князя; напоил его и накормил.

– Я рад твоему приезду и смогу одарить тебя из моей добычи, – сказал он; половину табуна отделил 60 участникам его похода, а другую половину, ради новой дружбы, преподнес самому князю.

Когда они сидели за трапезой в Ачамза-кургапе, ногайскому князю сообщили, что у него родилась дочь. И из гор пришло известие, что у Лоаман Ха родился сын. Здесь они нарекли дочь и сына и породнились, а половину табуна скакунов посчитали за калым. После этого сватовства ногайский князь уехал домой.

Дети еще не успели подрасти, когда Лоаман Ха скончался. Ногайский князь прослышал, что его зять вырос плохим человеком. Тогда он решил выдать свою дочь за князя из Саллоевых. Об этом узнала мать сына Ха. Ей было тяжело, и все-таки она ничего не говорила сыну. Она боялась, что, узнав об этом, он поднимет тревогу, нашумит и уронит свое достоинство среди людей.

– Лицом ты похож на отца, делами своими только непохож. Не было такого народа, которого не знал бы твой отец; не было страны, где не слышали бы о нем. Хоть из уважения к нему будь его достойным. Узнай, как живут люди, поезжай к родственникам своей невесты, – стала говорить мать своему сыну. [5]

– Ты больше меня беспокоишься, – ответил сын, вывел коня своего отца, оседлал его, положил в одну переметную суму золото, в другую – серебро, птицей взвился на коня и тронулся в путь.

– Отдохну там, где остановится мой конь, – решил он.

Миновав горы, его конь остановился возле Ачамза-кургана.

– Это место, где жил мой отец, – сказал он и дал отдохнуть коню.

От Ачамза-кургана он доехал до страны, где проживал князь из Саллоевых**. Конь остановился у ворот полуразрушенного дома на самом краю села. В этом большом шахаре одна половина населения веселилась, устроив пир, другая пребывала в горе и печали. Конь остановился там, где люди были в печали.

– Что это? – спросил он у своей хозяйки-вдовы. – Проезжая через это большое село, я видел, что половина села веселится, а в вашей половине все печальны, ходят, понурив головы?

– Эх, да живи ты долго! Тебе неизвестны свалившиеся на нас горе и стыд, – сказала вдова. – Когда ингушский Лоаман Ха был жив, наше село было посвящено ему. Он поддерживал нас, мы не испытывали гнета князя Саллой. После его смерти в нашем селе стал жить со своими людьми князь Саллой. Он-то со своими пришельцами и устроил это пиршество. [6]

– По какой же причине пал на вас позор? Ведь Лоаман Ха умер, – вновь обратился к хозяйке-вдове гость.

– Как же не позориться нам? Сын нашего дорогого Ха плохим вырос. И невесту сына Ха ногайский князь выдает за князя Саллой. По этому случаю в одной половине села и состоится праздник.

Сын Ха понял, как обстоят дела, но не растерялся.

– Ты не знаешь, в какие одежды наряжена невеста? – спросил сын Ха у хозяйки-вдовы.

– Не знаю, – ответила хозяйка-вдова.

– Сходи, пожалуйста, посмотри на ее одежду, – попросил гость.

– Да разве в моем жалком отрепье меня впустят к невесте князя? Там ведь охрана стоит, – сказала вдова-хозяйка.

Сын Ха положил ей в один рукав золото, в другой – серебро и сказал:

– Если тебя встретит охрана, выбрось из рукавов золото и серебро, и пока охрана будет его собирать, ты незаметно проскочишь к невесте.

Как он сказал, так вдова и сделала. Узнала, во что одета невеста, и вернулась. В ту же минуту он послал ее к мастерицам, они сшили ей одежды точно такие же, в какие была облачена невеста князя. В этих одеждах он направил ее к невесте.

– Если тебе невеста будет говорить что-нибудь об одежде, то скажи: «Кто бы смог сделать такую одежду, кроме сына Лоаман Ха? Если ты согласна, сегодня ночью он появится».

Вдова выполнила поручение и принесла ответ невесты: «Я готова». Когда зашло солнце и сгустились сумерки, сын Лоаман Ха ворвался во двор князя Саллой. Он пустил коня. Нанося удары коню с правой и левой стороны и гарцуя, носился он по двору. К нему подошли люди чтобы ввести его в дом, но он привел их всех в смятение, и они не знали, куда деться. «Откуда, кто он, как его имя?», – спрашивали растерявшиеся люди, а ингушский молодец, конем сшибая передних, из ружья убивая других, схватил свою невесту и скрылся, подобно падающей небесной звезде. Саллойцы остолбенели, не поняв, что произошло. Бросились туда-сюда, но никого уже не было.

Тогда заподозрили во всем сына Ха. Ингушский молодец, взбираясь на гребни гор, когда туман окутывал горы, и спускаясь в долины, когда туман застилал их, лаская по дороге свою невесту, прибыл, наконец, домой. От радости его мать, налив в гий горячую кашу, легко протанцевала на ней. [7] [8]

На третий день свадьбы сыну Ха сообщили, что на земле его народа Сеска Солса начал вспахивать землю своими плугами. «Нельзя же туда не поехать», – решил сын Ха, оседлал коня и поехал. Приехал и видит – пашут его землю Сеска Солса и его люди.

– Перестал бы ты, Сеска Солса, пахать землю моего отца, – сказал сын Ха. – Ты старый человек, и мне не к лицу говорить тебе что-нибудь плохое. Нехорошо ты делаешь!

– О какой пахоте ты говоришь, что ты разболталась? Ты и твой отец откуда взяли эту землю? – злобно говорил Солса, хотя и знал, что был неправ. [9]

Сын Ха собрал все, что было приготовлено для пахоты в одно место, распряг быков и погнал их перед собой. Солса и его люди, выехав на пахоту, были без оружия. Давя погнавшихся за ним людей копытами коня, нанося удары плеткой по их головам, сын Ха всех разогнал и вернулся с быками домой. На третий день свадебного пиршества он зарезал этих быков, угостил всех людей селения, а затем прилег, думая, что хоть теперь отдохнет. [10]

Уснув, он увидел сон: солнечный день превращая в пасмурный, вокруг села кружило соколиное войско, с другой стороны было орлиное войско, а на третьей стороне – войско воронов. Проснувшись, сын Ха рассказал этот сон своей матери. «Да умрет твоя мать! Не падай духом! Увиденное тобой соколиное войско – это дружина Сеска Солсы, орлиное войско – дружины ногайского князя, воронье войско – дружина саллойцев. Они идут, чтобы сражаться с тобой». [11]

– Хорошо, что они настолько считаются со мной, – ответил сын Ха и вновь улегся спать, чтобы выспаться.

Наутро он увидел, что его селение окружено войском трех видов. Оседлав коня и взяв отцовский терсмаймальский меч, он вышел навстречу врагам. Вперед поскачет – одних разобьет, назад поскачет – других уничтожит. Конем топтал передних, соседних мечом рубил. Три рода войск стали редеть. Тут он заметил воина, который кинулся в гущу сражения и стал уничтожать врагов. Приглядевшись, он узнал своего красного барсу подобного жеребца, который был оставлен дома и стоял на просяном корму. «Кто бы ты ни был, ты – мой гость, – подумал сын Ха, – а дерешься ты замечательно». [12]

И довольный этим, забыв о битве, он пришел в восторг. Когда нападавшие убежали, убитые остались лежать, и вся окрестность освободилась от врагов, они встретились и, заговорив, узнали друг друга. Это была жена сына Ха. Мать, следившая за ходом боя издалека, с возвышенности, спустилась к ним. Когда она приблизилась, то увидела, что они еле-еле стоят на ногах. Из распоротых животов виднелись внутренности, придерживаемые поясом, а вспоротые кишки коней удерживались подпругами. Тут они оба и умерли. Мать, не проронив ни одной слезы, похоронила их вместе. [13]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 378—382). Это историческое сказание было записано ингушским поэтом и знатоком ингушского фольклора Т. Бековым в начале нашего века.

В этом произведении имя Ачамза встречается только в названии кургана. [1]

Лоаман Ха – имя собственное, означает «горный страж». [2]

Экажево находится в Назрановском районе Чечено-Ингушетии. [3]

Три героя. Два последних героя только называются в сказании и к ним определение «ингушские» не применено. [4]

Часть предания от момента, когда мать выпроваживает сына и до его возвращения с невестой, часто встречается в сказках и эпосе. [5]

Т. е. находилось под его покровительством; по-ингушски словом «хетамча» обозначают того, кому посвящено что-либо. [6]

Гий (ингуш.) – широкая деревянная посуда для замешивания теста. [7]

Это широко распространенная концовка многих произведений (особенно сказок). Ее художественное назначение – показать счастливый исход событий. Мать при этом танцует

чуть ли не по воздуху – и ее ноги даже не уходят в кашу. По некоторым другим вариантам этой формулы, мать не оставляет на каше даже след, какой оставляет мышь или муравей. [8]

Сеска Солса обращается к сыну Ха, как к женщине – здесь употреблен показатель женского класса, соответствующий женскому роду. [9]

У вайнахов есть собирательный термин «гота». В это понятие входят и плуг, и быки, и соха, т. е. все, нужное для пахоты. [10]

Выражение «Да умрет твоя мать!» употребляется в смысле «Да умрет вместо тебя мать!». С помощью этой идиомы обычно выражается высшая любовь и приверженность к тому, к кому с этими словами обращаются. [11]

Этот сложный эпитет, употребленный по отношению к жеребцу, подчеркивает его резвость и силу. Такие чудесные кони (часто они представляются небесными) обычно имеют три масти – белую, черную и красную. Их цвета символизируют день, ночь и зарю. [12]

Это обычное устойчивое эпическое место, часто встречающееся в героических сказаниях вайнахов. С помощью этой художественной формулы не только характеризуется мужество героя, но определяется и жестокость неравного боя. [13]

*Названные в самом начал сказания три героя олицетворяют собою три крупных ветви ингушей: ингушей горных (Лоаман Ха), ингушей плоскостных (Нярт Нясар) и ингушей-орстхойцев. (прим. И. Дахкильгова).

**Саллоевы – одно из кумыкских сословий называлось «сала-уздень», что означает «независимые дворяне». (прим. И. Дахкильгова).

Конец владычеству нарт-орстхойца

Жили-были семь братьев и сестра. Однажды сестра братьев пропала. Они отправились на ее поиски и набрели на одну пещеру и решили войти в нее. Братья едва успели войти, как тут же на них набросился нарт-орстхоец.

– Вы как здесь очутились! – крикнул он на братьев.

Братья объяснили ему цели своего прихода; нарт-орстхоец разгневался, убил всех семерых братьев, а трупы внес и положил перед сестрой. Долго плакала сестра над трупами своих братьев. Надоело это нарт-орстхойцу и говорит он сестре семерых братьев:

– Сними со своих братьев кожу и сшей мне кафтан.

Сестра не знала, что ей делать, и обратилась за советом к старухе ведунье, проживающей недалеко от них. Старуха пожалела ее и дала ей совет. Сестра вернулась домой и сказала нарт-орстхойцу:

– Для того, чтобы сшить кафтан, мне нужны ножницы матери трех сыновей и волосы от усов ее старшего сына.

Тогда нарт-орстхоец отправился к трем братьям. Когда он пришел к ним, братья пили них* и веселились. На нарт-орстхойца они не обратили никакого внимания, будто это и не человек, а муха, влетевшая в их жилище. Нарт-ортхоец поприветствовал их, но те не ответили на его приветсвие. Тогда нарт-орстхоец упрекнул их в неучтивости. Тогда старший брат сказал:

– Не обессудь, мы думали, что это влетела муха.

Через некоторое время нарт-орстхоец поведал им о цели своего прихода. Старший брат насмешливо сказал:

– Если бы мы давали всем просителям ножницы матери, то они затупели бы давно, и если всем просителям давать по волоску с моих усов, то под моим носом ничего не осталось бы!

Нарт-орстхоец рассердился на эти слова и вызвал старшего брата на битву. Они решили драться через три дня на границе соприкосновения их земель. Через три дня в условленном месте старший брат застал спящего нарт-орстхойца. Он разбудил нарт-орстхойца, чтобы тот не уличил его в подлости, и они стали биться. На четвертый день битвы старший из братьев снес голову нарт-орстхойцу и сравнял его с землей.

Так покончил с владычеством нарт-орстхойца старший из братьев. Сестру семерых братьев он взял себе в жены.

Комментарии А. О. Мальсагова.

«Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей». Грозный, 1986, с. 290—292. Записал С. Джамирзаев со слов Мирзакаева М. в 1970 г. в г. Гудермесе ЧИАССР.

*Них – напиток, брага.

Путешествие трех князей

Отправились однажды три князя путешествовать. Ехали они, ехали и добрались, наконец, до той страны, где жили нарты-эрхустойцы. А нарты в это время забавлялись своими играми, стреляли из луков, а затем разбивали стрелы пулями – и делали это на всем скаку. Увидев остановившихся в изумлении князей, один из нартов и говорит другим: «Опять к нам забрались эти люди! Кроме беды, от них ожидать нечего. Перебьем их лучше стрелами!». Но другие нарты не согласились, считая постыдным для себя истреблять подобных «мух» и решили показать людям три такие опасные дороги, откуда бы они уже не вернулись назад. И вот, когда князья стали их расспрашивать о дороге, нарты так и сделали. Каждый из князей отправился по одной из дорог. [1]

Двое из них скоро погибли, а третий долго шел, пока не встретил огромного нарта. Увидев его, нарт из своей ненависти к людям бросился на него, но предусмотрительный князь убил его стрелой и отправился дальше. Долго он шел, шел и дошел, наконец, до большой сакли. Близилась ночь. Князь привязал коня к ближайшему дереву и вошел в саклю. Но, к удивлению, его, там никого не оказалось. Посреди сакли стоял стол, заваленный всякими яствами. Князь был голоден. Съев все, что было на столе, он спрятался в углу и стал ждать что будет. Вдруг раздались плач и крики. В саклю вошла плачущая красавица, окруженная девушками. Поглядели они на стол, а там уже ничего нет; нашли и князя. Стали они его расспрашивать, и он рассказал свои приключения. «Я вдова убитого тобой нарта, – сказала красавица, – и должна была бы тебя убить. Но ты мой гость. У меня нет защитника и потому будь моим мужем!». И зажили они счастливо.

Комментарии У. Б. Далгат.

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 354.

Интересно, что название «нарт» не объясняется ни одним из кавказских языков, хотя, очевидно, этим именем северокавказские туземцы обозначали то туземное население, которое существовало до появления их на Кавказе. Этот факт существования населения на Кавказе до появления современных туземцев довольно определенно подтверждается и антропологическими исследованиями. Дело в том, что черепа во всех кавказских могильниках представляют собой тип или долихокефалический (головной указатель ниже 75,0) или месокефалический. Современные же горцы не только брахикефалы, но и ультрабрахикефалы. Тем не менее, особенно среди чеченцев, дидойцев, андийцев и казикумухцев, замечается известный процент долихокефалов как вероятных остатков древнего населения. Любопытен при этом и тот факт, что все кавказские хроники, отмечая самые мелкие горные племена, называют население всего центрального Дагестана леками (т. е. ляками) и далее называют имя одного из царей, Шергира (по-лакски – «аульный ястреб»). [1]

Если сюда прибавить тот факт, что большинство культурных названий заимствовано восточными горцами у ляков, становится возможным предположить, что, быть может, ляки были одним из коренных кавказских автохтонов, вытесненных новыми народами, тем более что коренной лакский антропологический тип замечается в известном проценте у всех восточных горцев. На этом же основании я думаю, что корень имени «нарт» следует искать в казикумухском языке (примеч. А. Грена). Объяснение А. Греном слова «нарт» не может считаться ортодоксальным, так как до сих пор еще нет определенного и единого мнения по этому поводу.

Кстати, Л. Лопатинский в «Заметке» к тому же тексту «Путешествие трех князей» высказывает несколько иные суждения о слове «нарт»: «Это слово, распространенное по всему Северному Кавказу, по моему мнению, иранского происхождения. В персидском языке… (также и в армянском) оно означает „человек“, в том же значении это слово, по-видимому, употреблялось и в древнеосетинском языке» (там же, стр. 26).

Байнал-Бусани

У одной вдовы было семеро сыновей. Старшие шестеро прослышали, что в одном ауле живет очень красивая девушка с солнцем и месяцем во лбу. Решили они узнать, кто

это такая, и отправились в дорогу. Спустя некоторое время они пришли в аул, где жила девушка, и сказали:

– Вышла бы ты за одного из нас?

Девушка ответила:

– Если вы узнаете, что означает Байнал-Бусани, я выйду за одного из вас.

Шестеро братьев сказали, что не знают, что означает Байнал-Бусани, и тут же превратились в каменные изваяния.

Когда подрос младший брат, он тоже прослышал, что в одном ауле есть девушка с месяцем и солнцем во лбу. Он сказал матери, что идет сватать эту девушку.

– Не ходил бы ты, ведь там погибли шесть твоих братьев, – сказала мать.

Но сын успокоил мать и отправился в дорогу. Прибыл он в аул и спросил, где живет девушка. Его позвала Жер-баба. Она рассказала ему, какие вопросы задает девушка женихам, и дала такой совет:

– Зайдешь во двор девушки и скажешь, чтобы она вышла за тебя замуж. Девушка ответит: «Я выйду, если ты узнаешь, что означает Байнал-Бусани». «Это я сейчас узнаю», – скажешь ты ей. Ударь коня плетью и выскакивай со двора. Выехав со двора, отправишься туда, куда поведет тебя конь. В пути ты встретишь девять нарт-орстхойцев. Первый. Подняв вьюгу и ветер, размахивая булавой, бросится на тебя. Ты не обращай на него никакого внимания. Еще свирепее будут остальные, но ты не подавай виду, что испугался. Когда прибудешь к последнему нарт-орстхойцу, начни с ним битву, сильно напугай его и заставь рассказать, что означает Байнал-Бусани. Тогда девушка выйдет за тебя замуж.

Приехал младший брат к девушке, поговорил с ней. И сделал так, как посоветовала ему Жер-Баба. Ему встретились нарт-орстхойцы. Младший из них ударил ветром-вьюгой, махал булавой, но младший брат, не обращая на него никакого внимания, проехал мимо. Нарт-орстхоец бросился на него. Младший брат приподнял его и так ударил о землю, что все кости переломал. Убил второго, третьего.

Наконец приехал к восьмому. От удара его ног земля дрожала, головой он погонял тучи, поднимал в небесах пыль и ветер, и махал огромной булавой. Младший брат спешился, и они начали драться. От пота, который тек с них, грязь стояла по колено. Три дня и три ночи бились они. Грязь от их пота превратилась в гору. Младший брат приподнял нарт-орстхойца до небес и по пояс всадил его в землю. Выбрался нарт и по плечи всадил младшего брата в землю. Разозлился младший брат и вогнал его до подбородка в землю. Тогда нарт-орстхоец сказал:

– Не убивай меня, а вытащи из земли и скажи, что тебе нужно.

Схватил его младший брат за ухо, вырвал из земли и сказал:

– Мне ничего от тебя не нужно, только скажи, что означают слова Байнал-Бусани. Если скажешь, то оставлю тебя в живых.

– Следуй за мной, – сказал нарт-орстхоец и повел его в пещеру на отвесной скале. В пещере была черная собака – чернее угля.

– Вот это и есть Бусани. Она моя жена. Из-за того, что она изменяла мне, Бусани стала собакой. Я ее муж – Байнал. Я знаю, ты пришел узнать, кто такие Байнал-Бусани. Эта девушка моя дочь. Ты хочешь жениться на ней и стать моим зятем. Приезжай ко мне с моей дочерью. Здесь вы найдете все, что нужно для жизни. Я знаю, ты убил моих восьмерых братьев. Если они не смогли одолеть тебя, то ты, зять, одолел их и мне люб.

Вернулся младший брат к девушке с солнцем и месяцем во лбу и сказал:

– Девушка, выходи за меня!

– Выйду, если скажешь, что означает Байнал-Бусани, – ответила девушка.

Младший брат сказал:

– Бусани – это твоя мать, принявшая облик черной собаки, а Байнал – твой отец.

В тот же час все каменные изваяния ожили, будто проснулись ото сна. Ожившие люди стали разбегаться. Возвратились домой и шесть его братьев, а сам младший брат вместе с девушкой прибыл к нарт-орстхойцу, отцу девушки. Девушка-красавица и младший брат поженились и стали жить счастливо.

Комментарии А. О. Мальсагова

«Сказания, сказки и предания чеченцев и ингушей». Грозный, 1986, с. 123—125. Записал М. Кибиев в 1960 г. на чеченском языке от Х. Солтагиреева, с. Гелдаган ЧИАССР.

Гардалой

Как рассказывают, в давние времена в наших краях жили нарты. Обитали они в лесах, но когда у них в чем-либо появлялась нужда, они делали набеги на близлежащие села. Они разоряли дома и насильно уводили в плен девушек и молодых жен. Как-то нарты напали на одно село и пленили девушку. Она досталась предводителю нартов. Прошло время и у полонянки родился сын. Ему дали имя Гардалой. Из того же села, откуда была девушка, какой-то человек пошел на охоту. Наступила ночь, и охотник сел ужинать. Он разжег костер и стал жарить на углях мясо. Вдруг захрустел валежник, и к огню вышел человек громадного роста. Охотник понял, что это нарт и накормил его. Нарт повернулся, чтобы сходить за водою. Тут охотник выстрелил в него.

С диким криком нарт побежал прочь. Охотник пошел по его следу. Нарт поднялся далеко в горы и подошел к пещере. Вход в нее плотно был закрыт огромным камнем. Кое-как нарт отодвинул камень и зашел в пещеру. Он был настолько обессилен от раны, что не смог поставить камень на место. У входа в пещеру остался проем, в который мог пролезть человек. Охотник протиснулся через этот проем и увидел в пещере молодую женщину с младенцем на руках. Охотник признал в ней девушку, уведенную нартами. Она попросила не оставлять ее в пещере. Охотник добил притеснителя-нарта и ушел, уведя с собой женщину и ее ребенка. Жители их села наделили мать с ребенком землею и построили им дом. От этого мальчика по имени Гардалой и пошел, рассказывают, род Гардалоевых.

Комментарии А. О. Мальсагова.

«Сказания, сказки и предания чеченцев и ингушей». Грозный, 1986, с. 349—350. В 1980 г. рассказал Али Пуцигов (1922 года рождения, сел. Надтеречное). Записал Т. Бураев.

Нарт-орстхойцы и несчастный человек

В прошлом нарт-эрстхойцы занимались морской торговлей. Один несчастный человек оказался среди них, когда они однажды уходили за море по торговым делам. Нарт-эрстхойцы и знать не знали, а он, повиснув на завязке их обуви, поднялся на морской корабль и спрятался на судне. Корабль шел и шел своим курсом, как море заволновалось и заиграло. Волны бросали корабль из стороны в сторону играючи. Настала опасность крушения судна и ухода его на дно морское. Один нарт завопил:

– Один из нас должен погибнуть, прыгнув за борт в море.

Прятавшийся несчастный человек обнаружил себя и высказался:

– Я готов погибнуть! Я умру за всех вас.

Все находившиеся на корабле нарт-орстхойцы верили, что если одного из находившихся на борту не бросить в разбушевавшееся море, то всем им грозит неминуемая гибель. Тогда нарт-орстхоец сказал несчастному человеку: [1]

– Недалеко отсюда есть остров. Мы вблизи него бросим тебя в море. На острове ты умрешь легкой смертью. Наш корабль скроется от тебя, тогда ты на том острове закончишь свою жизнь.

– Ладно. Я согласен, – сказал несчастный. И тотчас же он бросился в море. Мечущиеся волны скрыли его из виду. Бросаемый стихией из стороны в сторону, делающий наугад гребки руками, он был выброшен на остров. Скрылся из виду корабль нарт-орстхойцев. Хотя они сказали, что он умрет, когда скроется их корабль, несчастный человек остался живым.

Вдруг несчастному человеку показалось, что море вздулось до небес и надвигается на остров; будучи сильно испуганным, он спрятался за большим обломком скалы. Присмотревшись, несчастный человек разглядел гигантского орла. Птица уселась на старую чинару и начала есть свою добычу. Закончив поглощение добычи, орел улетел. Когда эта птица улетела, человек задумался:

– Надо мне усесться на то место на чинаре, где засиделся этот орел. И так, и эдак придется мне принимать смерть.

Человек пошел к чинаре и уселся на ней. Как и прежде, орел вернулся на чинару и принялся есть добычу. Человека он не замечал. После трапезы орел взлетел. Когда он начал

подниматься, несчастный человек повис, ухватившись за его ноги. Орел пролетел над морем и продолжил полет над несколькими горами с висящим на его ногах человеком.

Во время полета над некими лесами человек увидел внизу большие отверстия, из которых выходил дым. «Конечно, нужно мне здесь опуститься», – подумал он, и отпустил ноги орла. «Летящий в вышине орел сбросил воробья», – говорили внизу на земле нарт-

орстхойцы. Несчастный человек, перепуганный этими людьми-великанами, спрятался за большим камнем. Увидев одного нарт-орстхойца, имеющего на лбу один глаз, величиной

более чаши, несчастному человеку стало плохо с сердцем, он упал без чувств. Затем несчастный очнулся. Нарт-орстхоец начал уходить, и он последовал за ним. [2]

Отставив от входа большой обломок скалы, нарты вошли в пещеру. За ними вошел туда несчастный человек. В пещере нарты развели большой огонь, сварили и съели трех

оленей. Нарт-орстхоец руками сдвинул обглоданные кости в кучу, в которой оказался и несчастный. Кости вместе с этим человеком нарты выбросили наружу.

Несчастный человек бросился бежать. Бежал, преодолевая леса, россыпи обломков скал и достиг какого-то селения.

– Как достойно ты прошел через леса и россыпи обломков скал, – говорили удивленные селяне. Эти люди построили ему дом, помогли обзавестись утварью: кто-то дал чашку, кто-то другой – ложку. Там начал жить несчастный человек.

Комментарии М. С. Цечоева.

«Чеченский фольклор», т. III. Грозный, 1964, с. 156—157. Записано в 1963 г. Зайнутдиновым А.-р. со слов жителя с. Валерик Нахарбекова Масхудина (65 лет).

В прошлом распространенное среди многих народов суеверие. [1]

Сказители и собиратели сказаний, видимо, считали, что существовали нарт-орстхойцы двух видов: 1) похожие на обыкновенных людей 2) гиганты с одним глазом на лбу. [2]

Невиданное дело

Не близко и не далеко от нас, ближе, чем от земли до неба, и дальше, чем от рта до носа, жил богатый нарт Ичархо. И такой этот Ичархо был богатый, что рабов своих считал

сотнями, коней – тысячами, а золото – мешками. А богат он был оттого, что сильнее его людей на свете не было. И возгордился нарт Ичархо:

– Я самый богатый, самый сильный на свете. У меня дочь Марзина, красавица, красивее солнца. Кто же мне в зятья годится? Не хочу ни хана, ни султана: не в роде толк,

а в человеке. Богатства у меня на сто семей хватит… За того отдам замуж дочь мою, красавицу Марзину, кто похвалится молодецким делом, невиданным и неслыханным.

И велел нарт Ичархо написать свою волю на кусках хорошо выделанной кожи, ровными, золотыми буквами велел написать и, привязав те писания, пустил стрелы из

своего богатырского лука на все четыре стороны, на полдень, на полночь, на восход солнца и на закат его.

Вот скачет витязь с полуденной стороны. От блеска его щита люди слепнут, от грома его меча глохнут воины, закаленные в битвах. Вихрь гнался за ним – не догнал, высокие горы становились на его пути – он перелетал через них соколом.

– Будь здоров в твоем доме, славный нарт Ичархо! Отдай мне дочь твою Марзину – я совершил невиданный подвиг, с самим лесным царем, владыкой зверей Гуни-падишахом я бился один на один и победил его.

– Невелик твой подвиг, молодец! Мой отец сразился с самой Ешень, страшной, бессмертной ведьмой, осилил ее мощной рукой и навек замуровал ее в каменной башне. Его подвиг – не чета твоему!

Вот несется богатырь с полуночи. Из-под копыт его коня летят скалы, перед ним вековые деревья до земли от страха преклоняются; от дыхания его – буря, из очей его – молния.

– Не минуй тебя светлый день, нарт Ичархо! Я приехал из дальних холодных стран, где за ледяными стенами, в железной горе были заключены одноглазые Яджудж и Меджудж*. Разгромил медные стены, разбил железную гору, победил Яджуджа и Меджуджа и прогнал их еще дальше за Ледяное море. Отдай мне дочь твою, красавицу Марзину, – мой подвиг невиданный, никто еще такого не совершал!

Посмотрел на богатыря нарт Ичархо и, усмехнувшись, молвил в ответ:

– Искандер Зюлькарнейн давным-давно победил Яджуджа и Меджуджа и заключил их за ледяной стеной, когда они были в тысячу раз сильнее, чем теперь.

С запада мчится удалой всадник. Под ногами коня его земля дрожит, реки из берегов выходят, горы в пропасти проваливаются.

– Будь утро твое ясно, полдень светел и вечер тих, славный нарт Ичархо! Я достойный тебя зять, достойный жених дочери твоей, красавицы Марзины! На вершину царя гор, Ледяного великана, я въехал на моем коне. Туда, где сидит великая птица Симурх*, одним глазов видящая все прошлое, другим – взирающая на то, что будет. Охраняет она ворота в великую страну Джинистан*, где живут небесные красавицы-девы. Я видел тех райских красавиц – и пришел сюда. Отдай мне дочь твою, перед ней меркнет краса райских дев, как свет звезд перед полной луной!

– Еще не было тебя на свете, молодец, когда я, нарт Ичархо, и не на коне, а пешком взошел на белоглавого великана-гору. Не боясь, прошел я под крылом птицы Симурх,

смело вступил в Джинистан и лучшую из дев взял себе в жены. От нее и родилась Марзина. Нет, не прижать тебе, молодец, моей дочери к груди, как не спрятать за пазуху солнца!

Так отказал гордый нарт Ичархо трем женихам, что приходили к нему с полудня, полуночи и заката. Никто не пришел с восхода, с земли Нахчо*.

– Видно, нет у Нахчо удальцов, славных богатырей, – молвил нарт Ичархо. – Не смеют Нахчо показать мне и лица своего.

– Я из Нахчо, стою перед тобой, гордый нарт Ичархо! Пришел к тебе я, чтобы взять дочь твою замуж!

Обернулся нарт – за ним стоит молодой удалец; стан его – как стройная чинара, глаза – что у горного орла, высокая грудь, широкие плечи.

– Какие же подвиги совершил ты, молодец Нахчо? Я сказал – и слово мое крепче стали, – что отдам мою дочь лишь тому, чье дело неслыханное, невиданное, каким никогда и никто раньше не хвалился.

– Я такого подвига еще не совершал. Но сейчас свет увидит невиданное.

И, так сказав, приложил удалец свой кинжал к горлу нарта Ичархо. И гордый нарт остался недвижим. Остер был клинок, как солнечный луч, тверда рука, его державшая, и взор молодца был беспощаден.

Беден был молодец Нахчо, но из всего богатства Ичархо не взял себе ничего, освободил всех рабов, роздал им все золото, а сам взял дочь нарта. Понравился молодец красавице Марзине. С радостью согласилась она стать его женой.

– Скажи мне твое имя, смелый юноша! – сказала ему Марзина.

– Имя мое – Майран-тур*, и с этой поры оно будет славно от края до края земли.

Комментарии А. С. Арсанова

«Чудесные родники». Грозный, 1963, с. 29—30.

*Яджудж и Меджудж – имена сказочных персонажей из тюрко-татарского эпоса (Гог и Магог).

*Симурх или Симург – сказочная птица.

*Джинистан – сказочная страна.

*Нахчо – Чечня, нахчи или нохчи – самоназвание чеченцев.

*Майран-тур – в переносном смысле – «знаменитая шашка».

Сказание о нарте Сеска Солсе и Охкыр Канте [1]

Сеска Солса поехал в селение Охкыр, где жил Охкыр Кант, целью отбить у него жену. В то время Охкыр Канта не было дома. Жена его, узнав, что Сеска Солса приехал, чтобы, увезти ее, выдавила свое молоко, приготовила на нем молочную чашу, прибавила сластей разных и послала эту кашу со своей матерью гостю. Сеска Солса, не зная, на чем она приготовлена, начал есть и хвалить кашу, спрашивая, из чего она приготовлена. Мать ответила, что эта каша приготовлена на молоке ее дочери. Тогда Сеска Солса увидел, что он обманут ею, потому что сделался с этого времени молочным братом жены Охкыр Канта и молочным сыном ее матери. Затем он уехал прочь. [2]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 320. Сказание записано Б. Далгатом на русском языке в 1892 г., в г. Владикавказе со слов сказителя Газбыка.

Т. е. охкырского наездника (Охкыр – название местности; кант – наездник). Соска Солса жил, как и прочие нарт-орштхои, в осетинском горном ущелье, где находится сел. Саниба, а Колай Кант был галгаевец, ингуш; то же и Охкыр (примеч. Б. Далгата). [1]

Это сказание интересно в том отношении, что иллюстрирует обычай установления молочного родства у ингушей; обычай этот существует и у других горцев (примеч. Б. Далгата). К данному примечанию следует добавить, что в сказании допущено некоторое эпическое отклонение от исторической сути упомянутого обычая. По рассказу герой должен был бы называться не «молочным братом», а «молочным сыном» жены Охкыр Канта. [2]

Любимая Альбика

Сеска Солса был могучим из могучих мужей. Он ездил на сером коне. За ним всегда стояло 60 всадников, орстхойцев (архустойцев). Конь его был высотой всего в три локтя, а копыто у коня не больше, чем у жеребенка. Он мог идти высоко в горы, а на следующий день к обеду доскакать в Грузию. [1]

У Сеска Солсы был друг Охкархой Кант. Он был не менее известным человеком. У Охкархой Канта была красивая жена, которую звали Любимая Альбика. Сеска Солса задумал отбить ее у Охкархой Канта. Сев на серого коня, Сеска Солса вместе с 60 всадниками поехал в Охкаре. Охкархой Кант и не подозревал о том, что задумал Сеска Солса. Любимая Альбика сказала прибывшему в Охкаре Сеска Солсе: [2]

– Сеска Солса! Ты – глава страны галгаев, как Охкархой Кант – глава страны грузин. Предупреждаю тебя: если ты вздумаешь насильно увезти меня, то не сможешь тогда посещать страну грузин, а Охкархой Кант лишится возможности бывать в стране галгаев. Мы не должны этого допустить. Я женщина в теле, упитанная и лицом красивая; мои груди лежат [укладываются] у меня на плечах. Я сама уйду от Охкархой Канта и выйду замуж за тебя, – сказав это, она выпроводила Солсу, сама стала остерегаться его, но мужу не сказала о случившемся. [3] [4]

Семь месяцев провел Солса в беспокойном ожидании. Он все надеялся, что Альбика исполнит свое обещание. Наконец он понял, что Альбика обманула его, и тогда Солса задумал хитрость. Притворившись умирающим, он сказал:

– Я умираю. Когда умру, пошлите вестника к жене Охкархой Канта с известием о моей смерти. Тело мое не хороните три дня и три ночи.

Сказанное Солсой люди исполнили. На третий день прибыла Альбика. Сев рядом с телом Сеска Солсы, Альбика тайно от всех уколола его шилом. Она хотела узнать, не жив ли он. В доме были еще и другие женщины, поэтому Солса не бросился к Альбике, он даже не шевельнулся. Альбика, убедившись, что он мертв, принялась причитать, произнося такие слова: [5]

– Эл недостоин тебя брать, Сеска Солса! Ты был главой страны галгаев! [6]

Когда все вышли и Альбика осталась одна у изголовья Солсы, тот вскочил и бросился к ней. Альбика же попросила его сначала выслушать ее.

– Ты мужчина, ты глава страны. Тебе честь и уважение, но сегодня ты хочешь уронить их. Даже дети будут говорить друг другу: «Пусть твоя честь упадет, как у Сеска Солсы, который хотел насильничать над своей гостьей!«. Я не хочу, чтобы ты лишился чести из-за моего тела. Если же ты послушаешься меня, то станешь еще достойнее, чем был до сих пор. Сейчас я позову людей и скажу им, что Сеска Солса не умер и дышит. А ты в это время пробудись и начни рассказывать людям что-либо, говоря, что все это – вести из Эла. Тогда я разнесу повсюду, что Сеска Солса спускался в Эл и вновь возвратился в солнечный мир. Я знаю, что ты не успокоишься, пока не познаешь вкус моего тела. В первое воскресенье Охкархой Кант отправляется в страну грузин. Ты приезжай в Охкаре со своими 60 всадниками. Тогда ты и сможешь познать вкус моего тела. [7] [8]

Солса послушался ее совета. С того времени и пошла о нем слава, что он может уходить в Эл и возвращаться в солнечный мир. В назначенное время Солса прибыл в Охкаре. Охкархой Канта не было дома, и Альбика сама вышла встречать гостей. Она сказала Солсе: «Возьми с собой четырех товарищей чтобы сидели с тобой за столом, и заходи в башню, а твои 60 ортхустойцев пусть расположатся вокруг башни».

Для 60 наездников она заколола быка, а Солсе приготовила всякие кушанья; они были разного цвета (вида), но все одинакового вкуса. После всего этого она еще сварила кашу на своем грудном молоке. Когда Солса вместе с сотрапезниками отведал ее кушанья, которые

были разного цвета, но одного вкуса, Альбика поставила перед Солсой кашу в серебряной чаше, сказав при этом: «Кашу сделала только для тебя, и ты сам должен ее съесть. Вкуснее этой каши ты ничего не ел».

Солса поел кашу и тогда Альбика сказала следующее: «Сеска Солса, я предотвратила вражду, которая могла бы захватить всю страну, я сделала твоего друга Охкархой Канта твоим братом. Теперь он не должен будет чуждаться страны галгаев, как и тебе, Сеска Солса, не придется избегать страны грузин. Твоим товарищам я приготовила быка, тебя же и твоих сотрапезников угостила кушаньями разного цвета, но одного вкуса. Эта пища тоже приготовлена тебе в назидание, чтобы ты знал: все женщины на свете имеют разный вид и облик. Но, когда вкушаешь их, все они на один вкус! А еще, Солса, ты съел кашу, которую я приготовила на молоке из своих грудей. Сеска Солса, раз ты питался моим молоком, значит теперь ты мне сын. А сыну не дозволено делать то, что ты задумал». [9]

Тогда Солса признал и оценил мудрость Альбики. Ему стало перед ней стыдно. С тех пор он привозил к ней в дом серебро из страны черкесов, золото из страны грузин и дарил ей. Таким молодцом стал Сеска Солса. Сам он был галгаем и родом из Магате.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 321. Сказание записано Х. Осмиевым в 1938 г. в сел. Ангушт Пригородного района со слов Умара Атиевича Гатиева, 1880 г. рождения.

Здесь невольно приходит на мысль языческий патрон и святой, известный в первобытной религии вайнахов Т (х) амаж-Ерда, который в представлении народа ездил на коне величиной с козла. Это, однако, не мешало ему совершать дальние переходы и быстро возвращаться назад (по Ч. Ахриеву, Б. Далгату). [1]

Охкаре (то же, что Охкыр) – местечко в горной Ингушетии. [2]

В данном случае имеет место нарушение принятого в вайнахских сказаниях порядка отношений между героями. Известный галгаевский (т. е. местный – ингушский) герой оказывается «главой грузин», Сеска Солса же назван «главой страны галгаев». Между тем по всем сказаниям ингушей Сеска Солса считается пришельцем, иногда из Саниба – селения в осетинском горном ущелье. [3]

Однако, несмотря на указанные «нарушения» эпического рассказа, в сказании засвидетельствован и такой «эпический факт»: сообщается, что Сеска Солса «был родом из края по имени Магате» (такое мнение действительно существует). МагIат (по ингушской огласовке) – это башенное поселение вблизи от аула Салги. В Магате на гребне Загал Дука над пропастью построено небольшое святилище Сеска Солсы (см. фото на стр. 201).

По народным поверьям, Сеска Солса считается сподвижником некоего Маго – основателя сел. Магат. Народные поверья говорят, что здесь в одном из надземных склепов будто бы похоронены Маго и Сеска Солса. Недалеко от склепа лежит плоский камень (размером 0,45 х 0,64), в котором имеется углубление с выпуклым дном, это углубление (0,10 м) считается следом от копыта коня Сеска Солсы. Л. Семенов полагает, что это отголосок обряда «посвящения коня» Солсе (см.: Л. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1928 и 1929 гг. – ИИНИИК, вып. II—III. Владикавказ, 1930, стр. 389). Таким образом, представление Сеска Солсы в качестве «главы страны галгаев» имеет в рассказе некоторое обоснование.

Такое представление о женской красоте следует расценивать как весьма архаическое явление, уходящее в отдаленные эпохи существования человечества. Преувеличение женских признаков, по всей вероятности, связано с культом материнства. Здесь невольно возникает аналогия с изображением «Костенковской Венеры», созданной 40 000 лет тому назад, гипер-

трофированные груди которой являются символом жизни и плодородия («Наука и жизнь», №4, 1965, стр. 70). [4]

Притворство героя мертвым (часто даже разлагающимся трупом) с целью обмануть кого-либо – общенартский мотив. Так, например, притворяются мертвым и Ашемез в кабардинском сказании (СМОМПК, вып. XII, 1891, стр. 51) и герой карачаево-балкарского эпоса Рачикау, обманывающий Гиляхсыртана-«злоязычного» (СМОМПК, вып. 1, 1881, стр. 37). [5]

Своеобразное идиоматическое выражение (герой слишком хорош, чтобы умереть, т. е. попасть в Эл – царство мертвых). [6]

Эти слова имеют большой смысл, заключая в себе ограничения серьезного этического порядка. Для Солсы (как и всякого горца) подобная характеристика равносильна страшному унижению. [7]

Случай «оживления» Солсы в сказании носит авантюрный, бурлескный характер и свидетельствует уже о скептицизме народа в отношении веры в загробную жизнь. [8]

Опять имеет место упоминание обычая установления молочного родства, существовавшего у вайнахов продолжительное время. Этот обычай и здесь имеет несколько своеобразную эпическую (а не строго этнографическую) интерпретацию: молочное родство устанавливается при помощи каши, сваренной на грудном молоке женщины. По обычаю, же мужчина должен непосредственно губами прикоснуться к груди женщины, после чего считается ее молочным сыном (см. об этом в статье А. Базоркнна «Горское паломничество» – ССКГ, вып. VIII, 1875, стр. 1—12, где описывается обряд прощения кровника, включающий и усыновление); в вайнахских сказках герои, которые братаются, обычно говорят друг другу: «Отныне мы клятвенные братья и энчики (т. е. молочные братья), сосавшие одну грудь». [9]

Жена Пхагал Бяри и нарт-орстхоец

В древние времена Пхагал Бяри, Колай Кант и Сеска Солса охраняли Галгай Коашке от набегавших снизу врагов. Их укрепления находились в Ассинском ущелье около башен Гагиевых, в Галгай Коашках. Башни-крепости Гагиевых стоят на высоком берегу с правой стороны Ассы. С левой стороны Ассы, напротив башен Гагиевых, стоит башня Пхагал Бяри. Она сделана очень крепко и имеет внутри воду. Так как Ассинское ущелье в том месте очень узкое, ни один человек не может пройти между башнями Гагиевых и Пхагал Бяри, если они не захотят этого. [1] [2]

Однажды, узнав, что Пхагал Бяри нет дома, к нему пришел один нарт-орстхоец.

– Пхагал Бяри дома? – крикнул он.

– Нет. Кто ты? С миром приход твой, – ответила жена.

– Я гость. Спусти лестницу и впусти меня, – попросил нарт-орстхоец.

– Эй, как впущу тебя? Хозяина дома нет. Иди к башне Гагиевых, там будь себе гостем, – сказала женщина. [3]

Нарт-орстхоец, отойдя от башни, крикнул:

– Кто гостя не любит, того и бог не любит, говорили наши отцы. Где только ни буду – всех оповещу, что Пхагал Бяри не любит гостя!

Услышав такое, женщина испугалась худой славы, вернула нарт-орстхойца и впустила в дом. Гость же обманул ее. Ночью он перебрался в постель к хозяйке и совершил подлость. Утром он посадил опозоренную женщину на коня позади себя и отправился восвояси. Когда они спустились по Ассинскому ущелью, там, где теперь лежит Эрш, женщина сказала:

– Теперь ты пропал: Пхагал Бяри, вернувшийся домой, уже преследует нас. Я почуяла запах его коня.

И в самом деле, Пхагал Бяри, настигнув беглецов, снял голову нарт-орстхойцу. Затем он забрал свою жену и поехал домой. Нет ничего удивительного в том, что он настиг нарт-орстхойца. Пхагал Бяри мог несколько раз в день проезжать бурную Ассу.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 322. Сказание записано Д. Мальсаговым на ингушском языке в 1927 г. со слов Мусы Барханоева, жителя сел. Галашки, грамотного, работал в сельхозкооперации.

Пхагал Бяри – имя собственное, встречаемое только в фольклоре. Этимологию слова объясняют различно. Наиболее распространенное объяснение имени Пхагал Бяри от «пхьагал» – заяц, «баьрий» – всадник, наездник, т. е. «заячий всадник». Подобная этимология невольно уводит к мифическим образам карликов, населявших, по верованиям абхазо-адыгов, каменные долмены, сооруженные из монолитных плит, служащих, по предположению ученых (см.: А. А. Формозов. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., «Наука», 1966, стр. 80—81, стр. 84—85), каменными жилищами покойников (датируются III тысячелетием до н. э. вплоть до XI—XII веков н. э.). Мифологическое объяснение «заячьего всадника» может быть соотнесено и с тотемом. По поверьям ингушей, после захода солнца нельзя было произносить слово «заяц», а говорили, например, «длинноухий». В связи с заячьим всадником нельзя не вспомнить и быстроходного коня Сеска Солсы (по некоторым современным записям), который был высотой всего в «три локтя», или коня святого (патрона) Тхамаж-Ерды величиной с небольшого козла. [1]

В. И. Абаев усматривает в чеченском «берий», ингушском «баьрий» значение «всадник» от осетинского «бараг», где иранский корень «бар» – ездить верхом (см. «Осетино-вейнахские лексические параллели». – ИЧИНИИЯЛ, т. I, вып. II. Грозный, 1959, стр. 111).

Галган Коашке по-ингушски «ГIалгIай Коашке» – название места, где уже в V в н. э. находились Ассинские ворота, в верховьях реки Асса, между аулом Эрш и Эгикальской котловиной (разъяснение Д. Д. Мальсагова в статье «О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве» – ИЧИНИИЯЛ, т. I. Грозный, 1959, стр. 149—150). [2]

Жена Пхагал Бяри предлагает нарт-орстхойцу идти в гости к ее соседям. Так и должна была поступать женщина, когда она была в доме одна. При таких условиях оставаться в доме считалось по народному этикету неприличным. [3]

Пхагал Бяри

Пхагал Бяри был из рода Барханоевых. [1]

В Галгаевском ущелье на левом берегу Ассы находится пещера Пхагал Бяри, а перед ней была его башня с родником во дворе. Под этой башней внизу на правом берегу Ассы находятся башни Гагиевых. Только с позволения владельцев башен Барханоевых и Гагиевых люди могли ездить по Ассинскому ущелью.

Во времена Пхагал Бяри не было ни одного аула в Галгае [в Эгикальской котловине], даже аула Эгикал не было тогда. Пхагал Бяри жил до того, как галгаевцы поселились в Галгае. Пхагал Бяри, Колоевский молодец и Солса, сын Сески, были побратимы. Раз, когда Солса, сын Сески, был захвачен, побратимы отбили его. [2]

У Пхагал Бяри была такая красивая жена, что молва о ее красоте прошла по всей стране. Раз один орстхоец, узнав, что Пхагал Бяри нет дома, прибыл к нему.

– Дома ли Пхагал Бяри? – позвал он.

– Нет, уехал из дому, – ответила жена Пхагал Бяри.

Тогда орстхоец спросил:

– Принимаете ли гостей?

– Нет Пхагал Бяри дома, и гостя нельзя принять, – ответила женщина.

– Люди говорят: кто гостя не любит, того да не любит бог! Прими меня, – просил орстхоец.

– Гостя любить мы любим, но Пхагал Бяри нет дома, – оправдывалась женщина, не желая принимать орстхойца.

– Тогда я ославлю Пхагал Бяри и расскажу всем, что он не принимает гостей, – сказав так, он направился со двора.

Испугавшись этих слов, женщина приняла орстхойца. Таким образом орстхоец соблазнил и увез жену Пхагал Бяри. Приехавший домой Пхагал Бяри, не найдя своей жены, пустился в погоню за ней. Женщина почувствовала запах коня Пхагал Бяри, скачущего в погоню за беглецами, и испугалась.

– Мой муж идет за нами, я слышу запах его коня, – сказала она.

Прежде чем беглецы достигли Эрши, Пхагал Бяри догнал их. Там, убив орстхойца, он положил его голову в хурджин и вместе с женой поехал домой.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 323.

Барханоевы – ингушский род, фамилия. [1]

Клятвенные братья. [2]

Пхагал Бяри и Сеска Солса

Однажды Пхагал Бяри пошел к Сеска Солсе и крикнул ему:

– Эй, Сеска Солса!

Вышла жена Солсы.

– Где Сеска Солса? – спросил Пхагал Бяри.

– Его дома нет. А для чего он тебе нужен?

– Я пришел проверить его мужество и смелость. Посмотреть, что он за мужчина.

Жена Сеска Солсы сказала:

– Он может делать то, на что ты не способен.

– А что он может? – спросил Пхагал Бяри.

– Острым концом к себе он бросает в небо меч и, когда меч возвращается острым концом вниз, он ловит его; взяв кинжал в рот, танцует на кончике иглы.

Пхагал Бяри тоже сделал все, что мог делать Сеска Солса. Затем он сказал:

– Если он такой мужчина, то пусть придет в место между двумя горами в назначенный мною день, чтобы драться со мной.

Когда Пхагал Бяри ушел, жена Сеска Солсы, положив на арбу барана, поехала к жене Пхагал Бяри. Жена Сеска Солсы сказала жене Пхагал Бяри:

– Наши мужья готовятся к бою. Если они сразятся, один из них умрет, – жена умершего останется вдовой. Если мы породнимся, станем названными сестрами, то они не будут биться между собой!

Жена Пхагал Бяри согласилась, и они стали названными сестрами. Зарезав в честь этого события барана, они съели его, и жена Сеска Солсы отправилась домой.

Когда Пхагал Бяри приехал домой, то жена его сказала:

– Ты не должен теперь драться с Сеской Солсой, потому что жена Сеска Солсы, и я стали названными сестрами [няшами].

Так Пхагал Бяри и Сеска Солсы избегли поединка между собой. [1]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 325. Записано Або Мальсаговым на ингушском языке в 1962 г. от 60-летнего Юсупа Буружева, жителя сел. Ольгетты.

Сказание «Пхагал Бяри и Сеска Солса» аналогично предыдущему «Бийдолг Бяри и Сеска Солса». Здесь образ Бийдолг Бяри заменен на Пхагал Бяри, хотя сами по себе эти образы совершенно различны по своей сути; сюжет же остался тот же. Можно предположить, что предыдущий вариант сказания о Бийдолг Бяре более древний и позднее Бийдолг Бяри был заменен на Пхагал Бяри.

Сказание интересно мирным разрешением столкновения, в чем принимают участие и женщины – жены героев. Они становятся клятвенными сестрами – «няшами» («няша» – по-ингушски «подруга»), после чего и мужья их называются родственниками, женатыми на «двух сестрах»; следовательно, они не могут друг с другом враждовать. [1]

Сеска Солса и Бятар

Послушай, много лет прошло с тех пор, много воды утекло с тех пор. Утекшая вода вспять не течет, ушедшее время не возвращается. И никто не знает, когда это было.

Говорят, жил когда-то молодец по имени Бятар. Кроме старой матери, никого не было у него. Бятар кормил мать и себя, да так и жил. Пахота его длинной была, широко косила коса, пас он своих овец и коров – и так проходили день за днем в работе. А к ночи, чуть наступит темнота, он играл на пандыре, развлекая своей игрой себя и мать. Он сторонился коварства, подлости и мирно жил своим трудом. Если где понадобится, то мог он показать и искусство боя, но никогда на войне источника богатства не искал. За ум и мужество, за силу и добрые мысли его уважали люди. [1]

В то время жил и человек по имени Сеска Солса. Он имел дружину и крепок был силой и мужеством. Поэтому люди его называли «Сеска Солса из кованой стали». И слава та о нем пошла потому, что он вместе со своими всадниками всегда воевал и совершал набеги. Бятар и Сеска Солса не знали друг друга. Сеска Солса всегда был победителем, любые преграды он преодолевал и, уверовав в свою силу, однажды спросил своего семиаршинного и всеведающего коня: [2]

– Есть ли человек на свет сильнее меня, мужественнее меня?

Всеведающий и правду говорящий конь ответил ему:

– Давно тебя я знаю, Сеска Солса, немало исходили мы дорог и троп в этом мире. И силу, и мужество имеешь ты в достатке, но, не в обиду тебе сказать, есть на свете один молодец по имени Бятар. Не скажу, что у него больше, чем у тебя, силы и мужества, но не слабее он тебя.

Сеска Солса знал, что конь его никогда не говорил неправду. Крепко опечалился он, узнав о безвестном молодце, который хотя и не превзошел его, Сеска Солсу, но и ни в чем не уступал. Ях закралась в его душу, гордыня обуяла его, и он спросил коня: [3]

– Старый подседельник, ноги волочащая скотина, откуда ты это знаешь?

Конь спокойно ответил:

– У того молодца есть знакомый мне маштачок. От него, хорошо знающего своего хозяина, я и узнал это.

– Не угождающий и словом, поехали тогда, вези меня к этому Бятару. Мы узнаем, таков ли он на самом деле, как ты говоришь.

Проделав путь за семь дней и ночей, доехали они до Бятара.

– Салам-алейкум. Принимаете гостей?

– Ва-алейкум салам. Приходи с миром. Не любящий гостя и Богом нелюбим. Входи.

Много слышавший о Сеска Солсе, Бятар с почтением принял гостя. Когда поели и попили, хозяин и на пандыре сыграл, чтобы увеселить гостя*. Наблюдая за благородным поведением Бятара, Сеска Солса пробыл у него три дня. Наконец, Солса поведал о цели своего приезда. [4]

– Кто из нас сильней и мужественней? – спросил гость.

И так, и сяк спорили, спрашивали людей, и все отвечали по-разному: одни говорили, что превосходит Бятар, другие – Сеска Солса. Призадумавшись, молодцы, не знали, как разрешить спор. И тут старая мать Бятара, извинившись, посоветовала им:

– Есть под землей, на том свете, Элда – владыка [хозяин] мертвых, который охраняет их души. Он знает все, что происходит и в солнечном мире, и в подземном. Только у него вы сможете узнать, кто из вас сильней и мужественней. [5]

Старуха научила, как добраться до Эла, в который никто из живых еще не входил. И отправились Сеска Солса на своем коне и Бятар на своей лошадке по указанной дороге. Так

доехали они до Терека, несущего, перекатывающего свои бурные воды. Только перейдя реку, могли они продолжать свой путь. Терек был в те времена многоводнее и быстрее, чем сейчас. Но от дождя он стал совсем черным и, ворочая камни, стремительно мчал их в потоке. Все, что попадало в его воды, подобно пуле, уносилось быстрой водой. Опасно было переходить его. Бятар сказал: [6]

– Опасная эта вода, поищем лучше броду.

Но желавший показать свое мужество, Сеска Солса ответил:

– Перейдем, это совсем не опасно!

При этом он хлестнул своего коня ногайкой и направил в сторону разбушевавшейся реки. Хоть и ногайкой хлестнул, и крикнул так, что конь присел, все равно конь фыркал и метался, но не шел в воду. Увидя его смятение, Бятар потихоньку сдавил колени и направил в реку своего маштачка. Принюхался конь, присмотрелся и, выбрав брод, начал спокойно и уверенно прорезать воду. За ним пошел и конь Сеска Солсы. Но в середине реки, там, где она быстрее и глубже, стало вдруг уносить тяжелого коня Сеска Солсы бурным течением.

Обратился тогда Сеска Солса к Тереку с просьбой:

– Уменьши свои воды, я свой золотой пояс подарю тебе.

Сказав это, бросил он в воду золотой пояс, изготовленный умелыми мастерами. Доволен был Терек подарком. Поясом любуясь, играя с ним и купая в волнах, усмирился Терек и приуменьшил свои воды. Как рассказывают люди, с тех пор вода в Тереке поубавилась. И сегодня Терек многоводен, а каким же он был тогда? Перейдя реку, пошли они дальше. Перешли семь гор и семь морей. [7]

И, наконец, пришли они на край света. Земля совсем обрывалась здесь, и некуда было идти. Как и рассказывала старая мать Бятара, увидели они лестницу, уходящую вниз от края земли. Отпустив своих коней пастись, стали они спускаться вниз. Впереди шел Сеска Солса, жаждавший проявить свое мужество, за ним Бятар, не обладавший излишней гордостью [хвастовством].

Сколько ни идут – конца не видно, и нет ничего, кроме идущего снизу черного пара. Так, продвигаясь, они пришли к Элу. У медных ворот, ведущих в Эл, сидело девятиглазое, девятируконогое, клыкастое, страшное Ешап. Телом огромное, обросшее, как медведь, с длинными космами, облепленное вшами, оно непрестанно чесало себя когтями. Чтоб человек его не видел и чтоб во сне оно не приснилось! Когда они рассказали, зачем пришли сюда, то, рассмеявшись, Ешап сказало: [8] [9]

– До сего дня передо мной не появлялся живой человек, пожелавший войти сюда. В эти ворота не входил живой человек, он может войти лишь после своей смерти; вошедший же никогда не возвратится. Меня для этого и поставили на страже, и я исправно несу свою службу. Когда вы умрете, сможете свободно пройти сюда.

– Если ты нас не впустишь, я мечом разрублю тебя надвое, облика человеческого не имеющее Ешап, – сказав так, Сеска Солса вытащил меч.

Ударив в ладоши, передразнивая Сеска Солсу, рассмеялось Ешап. Не исполнить сказанное слово, не ударить оголенным мечом – большой стыд! Собрав всю имеющуюся силу, ударил он Ешап своим большим мечом. Раздался звон, будто меч ударился о твердый камень, издав «зоу». Он переломился, не срезав на теле Ешап ни одного волоска. Видя в этом забаву, еще больше рассмеялось Ешап. [10]

– Если бы я было столь слабым, меня сюда бы не посадили. Спасибо тебе, мой мальчик, ты убил на моем теле одно из насекомых, не дающих мне покоя.

Бятар подумал: «Хотя это и Ешап, но оно все-таки женоподобное», – и, повернувшись к нему, он сказал:

– Если бы ты разрешило войти нам, я бы принес тебе оттуда что-то хорошее.

Стало любезнее Ешап, но все же не пропускало. Заметив, что оно сомневается, Бятар продолжал:

– И вправду, впусти ты нас. Как обещали, мы принесем тебе что-то хорошее. Посмотришь на тебя, ты так приятна и привлекательна на вид. Не пристало ведь такому лицом и телом красивому созданию отвечать «нет».

Все и всегда говорили Ешап, что оно безобразно, как и было на самом деле. А ведь это было очень обидно, так как Ешап считало, что красивее его ничего не было на свете. Хитрые слова Бятара, как масло смягчает подошву ссохшегося чувяка, расслабили сердце Ешап. Обрадовавшись, оно вдруг сказало:

– Да живете вы долго и проходите.

Сказало и при этом слегка отодвинулось в сторону. Они быстро вошли в приоткрытые ворота. В своем внезапном мягкосердечии Ешап тут же раскаялось, но уже было поздно.

В Эле было темно и холодно. Всюду были души усопших, причитающих «ахий-вахий». Души старых матерей плакали, вспоминая своих детей, оставшихся в солнечном мире. Души детей плакали, вспоминая своих отцов и матерей. Удивленные Бятар и Сеска Солса внимательно присматривались к этим душам. Одеты они были только в саван. Не похожи души на людей, живущих в солнечном мире. Большинство из них были души стариков и старух. Души молодых напоминали зачумленных людей, либо изувеченных и погибших воинов. Путники шли все дальше. К ним стали подходить души, проклинавшие Сеска Солсу. Все они были кто без рук, кто без ног, кто без головы, либо с изрубленными, изрешеченными телами, и все они не забыли ничего дурного, что он сделал им. Эти души угрожали ему расправой, после смерти, когда он спустится в подземный мир. А путники все шли и шли. Теперь к ним подходили другие души – тех, которым Бятар помог при их жизни и сделал добро. Все они благодарили его за это. [11] [12]

Посреди обители мертвых они увидели высокую башню, сложенную из человеческих костей. В ней сидел владыка подземного мира – Элда и творил справедливый суд над усопшими. Праведных он отправлял в рай, а грешных помещал в ад.

Увидя живых людей, очень удивился Элда.

– Что блуждаете вы в подземном мире, что привело вас сюда? Ведь никто не являлся ко мне по своей воле, и все готовы бежать отсюда!

– Мы не можем решить спор, кто из нас лучше. Ты только можешь ответить на этот вопрос.

Глубоко задумался владыка подземного мира и сказал:

– Обо всем, что происходит в солнечном мире, лучше меня никто не знает. Ведь бессмертных людей нет, после смерти все, содеянное человеком, предстает перед моим судом. Кто из вас лучше, сказать трудно, но я постараюсь ответить на это. Я расскажу вам кое-что, и каждый из вас скажет свое мнение.

В давние времена жили два друга. Все знали о них, как о верных и преданных друзьях. Один из них полюбил девушку, и девушка дала согласие связать с ним свою судьбу. Второй тоже полюбил эту девушку, не зная, что ее любит его друг, и послал к ней сватов, на что и получил согласие от родителей. Но первый не знал об этом и, как всегда, захотел провести с любимой девушкой сладкую беседу. Она поведала ему о своем горе и сказала, что готова бежать с ним. Когда этот юноша возвращался домой, он встретил в пустынном месте убийцу своего отца. Его кровник был слаб, голоден, умирал от жажды и был безоружен. Скажите, как бы вы поступили на месте этого юноши?

Сеска Солса сказал:

– Если спросить меня, то я на месте этого человека увел бы девушку, потому что он полюбил ее раньше другого. А с кровником поступил бы так, как должно. Каким бы ни был он, все-таки это мой кровник! Но не имей он оружия, я дал бы ему свое – лишнее. [13]

Бятар же ответил:

– Не за сытным обедом время проводить, и не ради красного словца нужна дружба. В большом деле и в несчастье проявляется она. Два тяжких горя постигли юношу. Мне кажется, что я оставил бы девушку полюбившему ее товарищу, как бы это ни было трудно, но так именно должен поступить настоящий друг. Трудно пройти мимо кровного врага. И все-таки, встретив его в таком жалком виде, я отпустил бы его, поделившись своим хлебом-солью. Да и мало чести убивать беспомощного! Но в другое время я непременно бы взял свой долг крови. Тем более, что, будь он здоров, ему труднее расстаться с жизнью! [14]

Выслушав оба ответа, Элда сказал:

– Ты не огорчайся, Сеска Солса. Если судить о мужестве по-твоему, то мужественнее тебя никого нет. По вашим ответам я понял, что слово «мужество» Бятар понимает вернее. Не из одной храбрости состоит оно и многое в себя вбирает. Рассудком определяется мужество.

Понял тогда Сеска Солса, что по мужеству он уступает Бятару.

– Теперь посмотрим, кто из вас сильнее, – сказал Элда.

Сказав это, поднял он над головой свой посох, который держал в руке, размахнулся и наполовину вогнал в крепкий литой камень, лежавший перед ним. И сказал Элда:

– Кто вытащит посох из камня, тот и сильнее.

Тут Сеска Солса и подумал про себя: «Теперь хоть покажу свою силу, иначе будет позор!». Много силы было в теле Сеска Солсы, и он был уверен в своей победе.

– Я вытащу этот посох, – сказал он.

А Бятар не спешил. Собрал Сеска Солса всю силу своего тела и потянул посох обеими руками. Он так сильно уперся ногами в камень, что превратил его в щебень. Истратив всю свою силу, Сеска Солса не вытащил посоха, и еле стоял на ногах от усталости.

Потом подошел Бятар. Он спокойно одной рукой вытащил посох из щебня и протянул владыке мертвых. Понял Элда, почему Бятар не стал первым тянуть посох, и тут сказал:

– Сеска Солса, в твоем теле кроется большая сила, но, когда сила соединяется с умом, человек становится еще могущественнее. Батяр победил тебя в споре. Я не говорил до сих пор с живыми людьми солнечного мира, хотя и сужу души умерших по их земным поступкам. Так я рассудил и вас. Нужно ли вам еще что-нибудь от меня?

Бятар ответил:

– Спасибо тебе за твои речи. Мы не можем просить тебя о многом, но у нас есть к тебе еще одна просьба. Мы, красивые слова говоря Ешап, охраняющему вход в Эл, проникли сюда, обещая сделать ему подарок. Теперь же нам нужна твоя помощь. Кроме тебя, никто не поможет нам выйти отсюда!

– Легче этого ничего нет, – сказал владыка мертвых и подал Бятару гребень с толстыми зубьями, размером в два локтя. – Давно Ешап беспокоят вши, если вы подарите ему этот гребень, то большего добра и не сделаете!

Выразив Элде благодарность, они отправились в обратный путь. Увидело их Ешап и сразу же стало в воротах. Улыбаясь, спросило путников:

– Где обещанный вами подарок, мои детки? Не удастся вам теперь так легко выйти отсюда. Это во много раз трудней, чем войти сюда!

И тогда Бятар ответил:

– Спасибо тебе, что ты называешь нас своими детьми, а вот и наш подарок, – и он отдал ему гребень.

Схватив гребень, Ешап ожесточенно изо всех сил принялось чесать свои космы. От радости оно пришло в экстаз и захлебывалось от смеха, а вши, величиной с большой палец, падали на землю, стуча, будто камни: тох, тох. [15]

Сказав про себя: «Упаси бог нас быть твоими детьми», – и выбежав за ворота, они отправились в путь. И вновь взбираясь по лестнице, ведущей из тьмы Эла, вышли в этот солнечный мир, и, сев на своих коней, повернули к дому.

Хотя Бятар и победил в споре, Сеска Солса, черной зависти в сердце не тая, заключил с ним дружбу. А затем свою от красоты умирающую сестру за Бятара выдал и тем родство скрепил с ним.

Стал Бятар поживать с красавицей женой. Родились у них дети, у этих детей тоже были дети, и от них дети пошли, и до сего дня дошел их корень. Если вы увидите благородного, умного и мужественного человека, знайте, он произошел от них.

*В то время на пандыре у ингушей играли и мужчины. Они не считали это для себя зазорным и унизительным (замечание сакзительницы).

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 304—310. Сказание записано И. Дахкильговым на ингушском языке со слов Гошмохи Бековой. По ее слонам, она слышала это сказание от своего отца Дордагана еще в детстве. Сказание опубликовано под названием «Спор, разрешенный в Эле». В настоящем же издании – под названием «Сеска Солса и Бятар», как более отражающим его суть.

Бятар – здесь имя собственное; вероятно, тюркско-монгольского происхождения, от слова «богатырь». Это имя встречается в фольклоре редко. Возможно, оно перекликается с именем Боткъй Ширткъа (Батар Ширткъа). Бятар имеет некоторую аналогию с Боткием Ширткой, так как тоже может спускаться в Эл – страну мертвых. В сказании Бятар изображен и как эпический герой-воин, и как землепашец, косарь, скотовод, что нетипично для нарт-орстхойских героев-воинов. [1]

Для Сеска Солсы мы впервые встречаем следующий эпитет: «Из раскатанной, как тесто, [кованой] стали сделанный Сеска Солса». Это свидетельствует о стальной закалке героя. [2]

«Ях» («яхь» – чечен. – ингуш.) – желание показать свое достоинство. «Ях» отличается от «хаг» (хьагI) – коварной зависти. [3]

По адату ингушей гость считается гостем в течение трех дней со дня приезда, весь этот срок хозяин должен обслуживать его как гостя. В этот период считается неприличным спрашивать гостя о цели его приезда. После трех дней гость может оставаться в доме сколько захочет, но с ним уже будут обращаться как с домочадцем. [4]

Элда (Iэлда – ингуш.) – буквально «хозяин Эла», бог подземного царства мертвых. У Ч. Ахриева он называется Этер, Ешпор, у Б. Далгата – Эштр. [5]

Т. е. расплескивающий от берега к берегу, или раскачивающий, крутящий воду. Подобное определение Терека зафиксировано впервые. [6]

В различных вариантах сказаний о Колай Канте сказано, что Терек, по просьбе Сеска Солсы (или черкесского князя), стал полноводнее и отделил его от Колая, справедливо преследовавшего Солсу за его злодеяния. Эпическое представление об увеличивающемся, либо уменьшающемся Тереке (в любом случае по просьбе, либо заклинанию героя, чаще Сеска Солсы), видимо, связано с наблюдениями народа за рекой в разное время года. [7]

Эл (Iэл – ингуш.) – название обители для мертвых. [8]

Ешап – нарицательное имя антропоморфного существа, враждебного человеку. Слово «ешап» в вайнахских языках оформляется в классе «д» – для мифических существ в среднем классе неразумных. Ешап встречается в вайнахском фольклоре в сказках и сказаниях. Это бесполое существо иногда предстает в женском облике, как в данном сказании, где оно стоит на страже у входа в подземный мир. [9]

«Зоу» – звукоподражательное междометие. [10]

В этом сказании дано наиболее полное по языческим представлениям ингушей описание потустороннего мира, находящегося под властью его владыки – Элды. [11]

«Ахий-вахий» (ахIий-вахIий – ингуш.) – возглас причитания в плаче. [12]

Т. е. убил бы как кровника. [13]

Т. е. осуществил бы кровную месть. [14]

«Тох-тох» (тIох-тIох) – звукоподражательное междометие. [15]

Бятар и вампал

На охоте Бятар подстрелил какую-то козу, сел отдохнуть и стал готовить жаркое. Вдруг затряслась земля. Удивленный Бятар стал озираться и увидел выходящего из лесу вампала. Хотел было Бятар убежать, но, поняв, что это бесполезно, рещивши: «Будь что будет», встал, приветствуя вампала. Ростом вампал был величиною с хорошую чинару. Вампал поздоровался, Бятар, ответив на его приветствие, пригласил его к ужину. [1]

Вампал нагреб в костер кучу сучьев, кинул в них целиком всю козу и завел разговор с Бятаром:

– Пока готовится ужин, поговорим кое о чем. Поскольку ты нарт, наверняка, ты знаешь Сеска Солсу. Рассказывают про него много разных чудес. Такой ли он на самом деле знаменитый герой?

– Бог свидетель, что это правда, – отвечал Бятар, – он сильный и мужественный человек.

– Ежели он таков, то в чем это проявляется? – спросил вампал.

«Пусть лучше вампал погибнет, прежде чем он убьет меня», – подумал Бятар и сказал:

– Он отламывает высоченные скалы, складывает их на земле, а затем головой разбивает их в песок.

Вампал схватил и выломал огромную скалу, бросил ее оземьи стал бить ее своей головой, пока она не рассыпалась в песок, и сказал:

– Это веселая игра. Чем он еще занимается?

– Он глубоко, вплоть до живота, заглатывает свой богатырский меч и исполняет танец на носках.

Схватил вампал свой и меч Бятара, по рукоять загнал их себе в рот и пустился в пляс. И далее вампал продолжал расспрашивать, и Бятар выдумывал опасные игры, способные погубить вампала, и далее вампал повторял без вреда для себя эти игры. Знал Бятар, что если вампала лишить его головы, то она имеет свойство вновь прирастать к шее. И все же он сказал:

– Последнюю его игру я не расскажу тебе, потому что она очень опасная, и никто не сможет ее повторить.

– Да лишишься ты божественного покровителя, если не расскажешь! – настаивал вампал.

– Ладно, – сказав, Бятар поведал, – он с плеч снимает свою голову, кладет ее к себе на колени, тщательно бреет и затем возвращает ее на место.

Вампал руками крутанул свою голову и, сняв ее с плеч и положив на колени, начал ее брить. Тем временем Бятар взял из костра золу и высыпал ее на шею вампала. Стал вампал голову прилаживать на место, а она никак не прирастает. Тут и умер вампал, а его голова откатилась в сторону. Еще долго она пучила свои глаза. Наконец они закрылись. Хотел было Бятар унести оружие вампала, но оно оказалось чрезмерно тяжелым. Бросил он все и припустил к дому.

Комментарии И. Дахкильгова.

«Ингушский нартский эпос», стр. 103—104. Нальчик, 2012. В 2008 году от 80-летнего жителя города Малгобека Юнуса Коригова записал Мегомед Яндиев.

По ингушскому обычаю, при входе гостя хозяин встает в знак приветствия. [1]

Бятар и девушка

Если выйти за село Сурхохи, перейти протекающую там речушку Кен и посмотреть вверх, то можно увидеть курган. Он давно там стоит. О нем рассказывают следующее.

Бятар, молодой человек из орстхойского племени*, шел как-то ночью мимо кладбища и услышал, как посреди кладбища разговаривают люди. Он удивился и испугался. Девушка вышла с кладбища и пошла по дороге. Притаившись, он стал слушать. И услышал девичий голос. Тем временем начало светать. Бятар увидел, что она очень красива и у нее большие тугие косы. Бятар начал ее расспрашивать: кто она, что тут делает. Девушка отмалчивалась.

Тогда Бятар сказал:

– Я не отстану от тебя, пока не узнаю, кто ты и зачем сюда пришла.

Тогда девушка поведала:

– Я пленница князя. У него умер брат и похоронен на этом кладбище. Каждую ночь князь посылает меня на могилу узнать, как дела у брата на том свете. На могилу прилетает и садится большая птица. Она мне все рассказывает, а я передаю вести князю. Я должна [1]

ходить на могилу до тех пор, пока будет жить эта птица. Кроме того, я не имею права никому показываться.

Каждую ночь ходил Бятар на кладбище. Он не знал, чем помочь девушке. Наконец он пошел на кладбище раньше, чем туда придет девушка. В это время прилетела большая

птица и села на могильный холм. Бятар изрубил эту птицу и встретил девушку. Она заплакала и сказала, что князь хочет жениться на ней.

Бятар сказал:

– Пойди и скажи князю, что молодой человек по имени Бятар придет сразиться с ним. Еще скажи, что я не пустил тебя к птице.

Пошла девушка к князю и слово в слово все передала. Князь был наслышан о силе и храбрости Бятара. Лишь только взошло солнце, Бятар пришел к князю.

– Что, с тобою никого нет? – спросил князь.

– Достаточно, что я есть, и никто мне в помощники не нужен, – ответил Бятар.

Началось сражение, Бятар не только князя убил, но и всю его дружину уничтожил. Взял Бятар девушку и повез ее к себе. Проезжают они мимо того кладбища. Девушка увидела убитую птицу и сказала:

– Пришло время мне умереть.

И тут же умерла. Там же Бятар похоронил ее и своими руками воздвиг над ее могилою курган.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 85—86. Нальчик, 2012. В 1976 году от 66-летнего жителя села Сурхохи Шамсуддина Гетагазова записала Марем Дакиева.

*Бятар причислен к орстхойцам, скорее всего, ошибочно; по всем признакам он относится к числу местных героев – занимается мирным трудом – пашет землю, ухаживает за скотом, косит сено (). *примеч. составителя*

Большая птица – в данном случае это единственное указание на то, что якобы существовала птица-вещунья, являвшаяся связующим звеном между миром живых и миром мертвых. [1]

Как Бятар проложил ущелье Ассы

Галгай Коашке, что означает «Ингушский двор», находилось посередине гор. Здесь в разных местах были родники, но не было в том месте реки. Бятар был знаменитым нарт-орстхойцем. Славился он своим мужеством и храбростью. Рядом с Галгай Коашке жил народ дови, который постоянно посягал на наши земли. Но их всегда постигала неудача, потому что, хотя они были велики ростом, но ума у них было мало. Однако одолеть их было трудно, потому что тамада у них был умный. Для начала Бятар решил избавиться от него, потому что дови постоянно вредили людям. [1] [2]

Бятар предложил их тамаде:

– Выходи на поединок!

– Как будем драться – с оружием или без? – спросил тамада.

– Как тебе сподручнее, так и будем, – ответил Бятар.

– Мне сподручнее драться без оружия.

– Хорошо, бей первым.

Завязалась драка. Дови был огоромным и сильным, но Бятар, как и все другие нарт-орстхойцы, имел стальное тело. Сначала Бятар пинком разбил обе голени врага. Дови упал на колени. Бятар изловчился и стальными руками сдавил его горло. Дови испустил дух. Присутствовавшие при этом все остальные дови, от страха перед Бятаром, попадали на колени и стали просить о пощаде.

Бятар сказал:

– Я пощажу вас при условиях: не вредить людям, не иметь при себе оружие и ежегодно уплачивать мне дань.

Радуясь, что остались в живых, дови согласились.

Бятар сказал:

– Если нарушите уговор, не ждите пощады.

Как-то Бятар по своим дела поехал в Грузию и увидел реку. Она было столь прекрасна, что он воскликнул:

– Что за чудо! Как было б хорошо, если бы река эта протекала по Галгай Коашке!

Это был момент, когда река «уснула» и из реки выглянула Хи-нана – Мать вод. Говорят, она исполняет все желания, высказанные в то время, когда вода «уснет».

Она сказала:

– Бятар, я бы пустила эту реку по вашему краю, если бы вы для нее проложили путь.

– Где и как можно проложить этот путь?

– Пусть изготовят плуг величиною с башню. Запряги дови. Пусть они протащат через гору Целий-Лоам этот плуг и проложат канаву величиной с ущелье. И по нему я пущу Ассу, – сказала Хи-нана.

Бятар повернул коня обратно и вернулся домой. Тут ему сказали, что дови надругались над нашей женщиной на мельнице. Покоявшись им отомстить, он попросил кузнецов сделать огромный плуг. В то время в Ингушском дворе было много кузнецов. Были они столь умелыми, что могли закалить любого человека в стальное тело, накалив его в огне, а затем выкупав в воде. Кузнецы изготовили плуг выше башни и пристегнули к нему ремни из буйволиной кожи.

– Что же вы, собаки, насильничаете над нашими женщинами? А ну, впрягайтесь в ремни и тащите этот плуг, – приказал Бятар.

Перепуганные дови потянули этот плуг через гору Целий-Лоам. Образовалась большая канава прямо по центру Галгай Коашке, по ней Хи-нана пустила реку Ассу. Затем Бятар погнал дови к морю, и они скрылись в его водах.

Ежегодно, ранней весной, Бятар резал одного барана и бросал его в Ассу, в подарок Хинане. Прошло время, Бятара не стало, в подарок богине никто уже барана не резал. Река стала злиться и реветь. Говорят, она успокаивается лишь тогда, когда в год унесет одного человека.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 85—86. Нальчик, 2012. В 2008 году от 76-летнего жителя Малгобека Мусы Шовхаловича Матиева записал М. А. Матиев.

Галгай Коашке – Ингушский двор, так называется небольшая долина в верховьях Ассы. [1]

Дови – мифический народ, который, по предания, жил в горной Ингушетии и с которыми воевал предок Баркинхоевых за территорию проживания. Возможно, ингушские дови сродни персидским и грузинским дэвам – злым, враждебных человеку великанам. [2]

Колой Кант

Жили три брата, и самый младший из них был Колой Кант. С малых лет он не работал и только укреплял свои телесные силы. Семь лет прожил он на счет старших двух братьев. Когда он почувствовал в себе значительные силы, тогда взялся за работу. Он имел особенную страсть к овцам – и потому сделался пастухом. В это время у всех братьев было всего двадцать овец, и между ними был один козел, говоривший по-человечески и прозывавшийся по имени своего хозяина, т. е. Колой Кант. [1]

Когда Колой Кант в первый раз отправился пасти своих овец, то заблудился и перешел через несколько гор. Двенадцать лет не было о нем ни слуха, ни духа. За это время стадо у Колой Канта увеличилось настолько, что овец нельзя было сосчитать, и если обозревать пространство, которое они занимали во время пастьбы, то невозможно было видеть конца стада. Всех овец Колой Кант загонял в огромную пещеру, имевшую вход наподобие ворот. Вместо дверей он приставлял плоский камень, который могли передвинуть только 60 человек; он же сам одной рукой ставил его. [2]

Соска Солса с 60 орхустойцами решил отправиться за добычей; но прежде он заехал, как делал это всегда, к Ботоко Ширтге посоветоваться, куда ему отправиться. «Поезжай к Колой Канту. Он имеет баранту без счета, но я вперед предупреждаю, что ты не сладишь с ним. Он чересчур силен», – сказал Ботоко Ширтга. – «Что ты говоришь, Ширтга, зачем ты стыдишь меня пред орхустойцами? Неужели я, Солса, который по силе, отваге, хитрости не находил до сих пор себе соперника, не могу победить пастуха?». Он отправился со своими товарищами к Колой Канту с намерением угнать у него баранту. [3]

Подойдя к пещере, где находился Колой Кант, орхустойцы сообща отодвинули камень, стоящий при входе в нее. Как только они вошли, к ним направился козел, говоривший по-человечески, и стал драться с ними. «Что ты делаешь, Колой, разве ты не видишь, что это гости?«, – сказал Колой Кант, который только что проснулся. Он стал отгонять козла, но в это время 60 орхустойцев кинулись на него со всех сторон, и сам Соска Солса бросился на него. Колой Кант размахнул свои плечи и ударил всех орхустойцев о стену пещеры, а Солсе дал такую пощечину, что тот закружился, как кубарь. Они ушли от Колой Канта чуть живыми. [4]

Солса пошел к Ботоко Ширтге и сознался, что существует в мире человек сильнее его – это Колой Кант. «Но он или я должен умереть, – добавил Солса, – нам нельзя жить вместе в одно и то же время!». Солса попросил Ботоко Ширтгу, чтобы тот нашел средство как-нибудь уменьшить силу Колой Канта или научил бы, как победить его.

«Я знаю одно средство, – сказал Ботоко Ширтга, – надо вовлечь Колой Канта в любовную связь с какой-нибудь женщиной. Если он проведет недели две с женщиной, то потеряет свою прежнюю телесную силу. Если хочешь победить своего соперника – Колой Канта, подошли к нему свою сестру. Пусть она постарается завлечь его. Через две недели ты отправишься с прочими орхустойцами к Колой Канту, и вы смело можете связать его и угнать всю его баранту». [5]

Солса так и сделал. Он подослал свою сестру к Колой Канту. Колой Кант принял ее и ночью для незнакомой гостьи зарезал барана. Поужинав, они легли спать отдельно, но спустя некоторое время сестра Солсы встала, подошла к тому месту, где лежал Колой Кант, и хотела лечь с ним, сказав, что сама судьба назначила ей быть его женой. «Поди прочь, – сказал Колой Кант, – знай, что я дал слово никогда не жениться, не иметь дела ни с какой женщиной. Уходи от меня завтра же, если ты захочешь попросить что-нибудь, то я охотно отдам тебе половину своей баранты, отвяжись только от меня!». Но она осталась и на другую ночь опять явилась к постели Колой Канта. Он опять прогнал ее. [6]

На третью ночь, когда она подошла к нему, он уже не мог пересилить страсть и позволил ей лечь с собой. С этого времени Колой Кант предался своей страсти – все время проводил с сестрой Соска Солсы. Он уже перестал пасти баранов; вместо него смотрел за ними и загонял их в пещеру козел, говоривший по-человечески. Чем больше Колой проводил времени с сестрой Солсы, тем больше он терял силу. Он уже не мог плотно ставить камень при входе в пещеру. День ото дня вход расширялся. Через десять дней можно было свободно войти в пещеру.

Между тем Солса не забыл совета Ботоко Ширтги. Спустя две недели он отправился с Ботоко Ширтгой и своими товарищами-орхустойцами к Колой Канту. Так как вход в пещеру был свободен, они вошли туда без препятствия и застали Колой Канта спящим на коленях у сестры Солсы. Орхустойцы немедленно связали его веревкой, сделанной из конского волоса. [7]

Колой Кант тогда только проснулся, когда уже был связан. Проснувшись, он стал биться так, что веревка, которая связывала его, врезалась до самых костей. Орхустойцы зарезали его любимца козла для шашлыка. Колой Кант просил у них, чтобы они дали ему какую-нибудь кость его козла. Орхустойцы отказали ему в этой просьбе. «Я ему дам, что он просит», – сказала сестра Солсы и подала ему бедренную кость.

Взяв из рук виновницы своего бессилия кость, Колой Кант сделал из нее зурну и заиграл на ней жалобно. Звук этот был услышан женой старшего брата Колой Канта, когда вечером она на дворе доила коров. Она сказала: «Это играет не кто иной, как младший брат моего мужа. С ним какое-нибудь несчастье случилось». Она пошла сообщить об этом мужу и деверю. Те немедленно помчались в ту сторону, где жили орхустойцы, предчувствуя, что брата их, вместе с его барантой, угнали орхустойцы. [8]

Они уже догоняли орхустойцев между Джераховским и Дарьяльским ущельями, но бог, предвидя, что если братья Колой Канта догонят орхустойцев, то прольется человеческая кровь, провел для устранения кровопролития реку Терек так, что на правом берегу остался Колой Кант с братьями и сестрой Солсы и с половиной баранты, а на левом – орхустойцы с остальной половиной баранты Колой Канта, как бы в калым за сестру Солсы. Колой Кант, видя, что его отделяет Терек от орхустойцев, и желая показать им свою силу и ненависть к ним, схватил длинный плоский камень, ударил его о землю, говоря, что он швырнул бы их тоже о землю, если бы они попали ему в руки.

Орхустойцы тоже, как бы в ответ ему, ударили такой же камень о землю. Погрозив и показав свою силу, они разошлись: орхустойцы отправились в Санаби, а Колой Кант с братьями и сестрой Солсы, которую он взял в жены, отправился домой. Прибыв в свои родной аул, Колой Кант пожелал испытать, сколько у него осталось силы после женитьбы. С этой целью он влез па вершину горы и поставил один на другой три камня громадной величины. С тех пор его никто не трогал и не покушался угнать его баранту. [9] [10] [11]

Комментарии У. Б. Далгат.

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 315. Сказание записано Ч. Ахриевым на русском языке. Текст опубликован без названия.

Колой – это название аула, который в настоящее время находится в Галгаевском ущелье: Кант значит по-ингушски и по-чеченски «молодец», «юноша» (примеч. Ч. Ахриева). [1]

По народным поверьям вайнахов, число двенадцать считается счастливым и символизирует добродетель. Число тринадцать – имеет противоположный смысл; употребляется в проклятии, когда, например, говорят: «Да умрет тринадцать (человек) у твоего отца!». Иногда и число тринадцать положительно. [2]

Ласочка. Здесь каламбур (примеч. Ч. Ахриева). [3]

Общее место вайнахских сказаний: могучий герой первоначально встречает врагов гостеприимным приглашением, а потом принимает бой. [4]

Герой теряет свое могущество после близости с женщиной. Эта идея аскетизма уходит в глубокую древность. Теряет свою богатырскую силу не только герой Аккадского эпоса о Гильгамеше – Энкиду, но и Самсон (древнесемитский Шамму); Самсон был ослеплен врагами (филистимлянами) лишь после того, как крепко уснул, обессилив после близости с женщиной. [5]

Когда Солса произносится в родительном падеже, то между «л» и «с» слышится «ь» (примеч. Ч. Ахриева). [6]

Постоянный эпический способ связывания богатырей в вайнахских героических сказаниях (иногда женским волосом). [7]

Мотив этот известен у горцев под названием «Колой Кант» и в ходу у пастухов (примеч. Ч. Ахриева). [8]

Камень, которым, по преданию, ударил Колой Кант, стоял на правом берегу Терека. Когда в 1856 г. в Джераховское ущелье прибыли русские отряды, он был раздроблен солдатами на бруски. Камень, брошенный орхустойцами, стоит и доныне на левом берегу Терека, возле Джераховского укрепления (примеч. Ч. Ахриева). [9]

Селение Санаби находится в осетинском горном ущелье, значит, орхустойцы представлены пришельцами. [10]

Эти камни вместе составляют нечто вроде довольно высокой башни. Между вторым и третьим камнем находятся маленькие камни, вроде подпорок. Эти-то камни, служащие, повидимому, подпорками, приводят горцев к убеждению, что они положены человеческой рукой (примеч. Ч. Ахриева). Камни Колой Канта на самом деле несколько более пяти метров и напоминают фалл. [11]

Сеска Солса и Колай Кант [1]

Колай Кант жил в пещере, в которой он запирал на ночь несколько тысяч голов баранты. Сеска Солса хотел угнать ее у него, но не мог со всеми своими всадниками-нартами отодвинуть камень, загораживавший вход в пещеру. Тогда он пустился на хитрость и послал к Колай Канту, не имевшему ни разу в жизни никакого дела с женщиной, одну красивую девушку. После первой ночи, проведенной с этой девушкой, Колай Кант так ослабел, что не смог придвинуть плотно камень к входу в пещеру, и осталась щелка, в которую могла пройти кошка. После второй ночи отверстие стало больше прежнего; а после третьей ночи оно было открыто наполовину. Тогда Сеска Солса вошел в пещеру, связал спящего Колай Канта и угнал всю его баранту. Колай Кант проснулся и увидел себя связанным по рукам и по ногам. [2]

Тогда он взял кость от ноги барана, сделал из нее зурну, и заиграл на ней песню. На его зов [песню] немедленно прискакала к нему его сноха и освободила ему руки и ноги. Он пустился в погоню за похитителями и прибыл к Тереку, когда Сеска Солса успел уже переправиться на тот берег реки и когда уже половина баранты была на том же берегу. Колай Кант хотел переправиться, но вода Терека увеличилась, и он остался на этом берегу. [3] [4] [5]

С досады он схватил две огромные скалы и бросил их в Терек, сказав: «Если бы я догнал тебя, то вот что сделал бы!». Оба камня вонзились наполовину в землю и так стоят теперь. Сеска Солса тоже кинул камень, поменьше, нежели тот, и он стоит на том месте, воткнувшись в землю. Камни эти стояли при слиянии реки Армхи с Тереком, против Джераховского поста на Военно-Грузинской дороге. Лет 30 тому назад они были там, но недавно один камень Колой Канта смыт водой. [6] [7]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 314. Сказание записано Б. Далгатом на русском языке в г. Владикавказе со слов сказителя Газбыка в 1895 г., т. е. спустя двадцать лет после первой фиксации этого сказания Ч. Ахриевым.

Колай Кант значит колайский молодец-наездник (Колай – название местности). Надо полагать, что Колай Кант был нарт-великан (примеч. Б. Далгата). [1]

Плиту, которой Колай Кант закрывал вход в пещеру, горцы-ингуши показывают до сих пор. По словам одного очевидца, эта плита имеет толщину с локоть и такой величины, что ее могут приподнять 10—12 человек. [2]

Зурна, вроде гобоя, здесь скорее свирель (примеч. Б. Далгата). [3]

Мотив этот известен народу и до сих пор и называется песней Колай Канта. Ее пел мне старик-рассказчик (примеч. Б. Далгата). [4]

Подразумевается левый берег Терека, так как Соска Солса угонял добычу к себе в Осетию из Галгая (примеч. Б. Далгата). [5]

Бросание богатырем глыб – устойчивое место многих эпических сказаний вайнахов. [6]

Это, по замечанию Б. Далгата, относится к 1900 г. Второй камень сохранился в этом же месте до сих пор. [7]

Колой Кант

В древние времена в горах жил Колой Кант. У него было три тысячи овец, которых он держал в пещере. Загнав овец в пещеру, он большой каменной плитой* прикрывал вход в нее и только потом ложился спать. Эту плиту он отколол от одного гладкого утеса.

Сеска Солса задумал увести в плен Колой Канта. Когда Колой Кант, прикрыв вход в пещеру плитой, лег спать, прибыл Сеска Солса со своими всадниками, но не смог он сдвинуть плиту с места. Солса приложил все усилия, но у него ничего не получилось. Тогда Сеска Солса отправил к Колой Канту одну девушку.

В первую ночь Колой Кант зарезал для девушки большого барана. Колой Кант лег на свою постель, а она на другую – так они и провели ночь. На утро он приготовил оставшееся мясо, угостил девушку, сам поел и, сказав ей: «Если уйдешь – пусть уход твой будет мирным, если останешься – да будет тебе здесь хорошо!», – ушел с овцами.

Вечером он возвратился с отарой, девушка еще не ушла. Он снова зарезал барана, накормил ее ужином, уложил спать, а сам лег на отдельную постель. На второе утро, как и прежде, угостил ее Колой Кант, а уходя, сказал: «Если уйдешь – пусть уход твой будет мирным, если останешься – да будет тебе здесь хорошо!». Сеска Солса подошел к входу пещеры и сказал девушке: «Меня и моих всадников ты голодом моришь, здесь негде раздобыть пищу. Совершай быстрее свое дело. Если не исполнишь, я убью тебя!».

Вечером Колой Кант вернулся домой. Как и прежде, он после ужина решил лечь на отдельную постель, но девушка сказала: «Ты сторонишься меня и ложишься на отдельную постель, но я пришла, чтобы стать твоей женой». «Хорошо, если так», – сказал Колой Кант и лег с ней. Утром, отодвинув плиту и выгнав овец, Колой Кант поставил на место каменную плиту, но он настолько ослабел, что между плитой и входом в пещеру осталась щель, в которую могла бы пройти кошка. После второй ночи он ослабел настолько, что, когда старался поставить плиту на место, осталась щель, в которую могла бы пройти овца. На третью ночь остался проем, в который могли бы пройти две овцы рядом или человек в бурке и с оружием. В четвертую ночь Сеска Солса с двенадцатью всадниками ворвался в пещеру, связал лежавшего с девушкой Колой Канта, увел его в плен и угнал отару ове. [1]

В полдень они дошли до ущелья, где сейчас протекает Терек. День был очень жаркий, и они решили отдохнуть и поесть. У Колой Канта был, говорят, один большой козел-вожак. Сеска Солса и его всадники убили этого козла и сели есть его мясо, а Колой Кант лежал связанным. «Поел бы ты мясо своего козла?», – спросили они. «Мясо я не стал бы есть, а вот его голенную кость погрыз бы», – ответил Колой Кант. Обглодав мясо, они отдали ему кость голени. Когда Колой Канту бросили кость, он ногтем проделал лак, мизинцем продырявил пять дырок. Из кости получилась зурна, на которой он заиграл. [2]

Гревшаяся на солнце мать Колой Канта услышала его игру. Вошла она в дом и говорит своим сыновьям: «Сегодня наш мальчик играет грустную мелодию, какое-то горе его постигло». Два брата быстро поехали па помощь в ту сторону, откуда доносились звуки мелодии. Когда они галопом миновали место, где стоят Три креста, им встретился один всадник. «Не видел ли ты по дороге чего-либо?», – спросили они всадника. «Я видел, как Сеска Солса и его всадники увозили связанного Колой Канта и угоняли его отару овец», – ответил всадник. Они поскакали дальше, а всадник отправился своим путем. «Они начнут воевать между собой, из-за чего будет большой вред», – решил всадник. Он поскакал им вслед, догнал их и поехал с ними. [3] [4]

К вечеру добрались они [до места], но боя в эту ночь не начали. Ехавший с братьями Колой Канта всадник, когда они расположились на ночь, взмолился: «Господи! Пусть Колой

Кант и половина его отары останутся по эту сторону Терека, а Сеска Солса и его всадники с другой половиной отары – на той стороне. А между ними пусть образуется большая река, которую не смог бы перейти ни один человек». (В те времена Терек был небольшим ручьем, но после этой молитвы он стал таким многоводным, что через него никто не смог бы перейти.) Этот всадник, говорят, был святым провидцем.

Колой Кант, половина отары и преследователи оказались по эту сторону [Терека], а Сеска Солса со своими всадниками и половиной отары остались на той стороне. «Приди ты ко мне, когда я не связан, а свободен, как сейчас, узнал бы ты, что я с тобой сделал бы!», – сказав это, Колой Кант оторвал от скалы глыбу и бросил ее в сторону Сеска Солсы. Глыба угодила прямо в костер, у которого сидел Солса со своими всадниками, ушла в землю на пять-шесть локтей и на столько же торчит наружу [и по сей день]. [5]

Они отправились домой. Возвратившись, Колой Кант подумал: «Сохранилась ли во мне прежняя сила?». Чтобы проверить это, он принес большой камень. «У меня сохранилась лишь половина прежней силы», – сказал Колой Кант. Затем он принес камень поменьше и положил его на первый, а сверху еще один, поменьше. «Пусть потомки говорят: «Это камни, поставленные Колой Кантом», – сказал он, покинул пещеру и стал жить в башне со своими братьями. [6]

*По словам сказителя, плита эта толщиной в локоть, шириной в двадцать локтей и длиной в две-три сотни локтей.

Комментарии У. Б. Далгат.

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 311.

В этом варианте мы встречаем единственный случай, когда враги похищают не только отару овец Колой Канта, но и его самого. [1]

Лак – мундштук духового инструмента, в данном случае зурны (чечен.-ингуш.). [2]

Жалобные звуки зурны слышит здесь не сноха, как обычно, а мать Колоя. [3]

Иначе Перевал трех крестов в нагорной Ингушетии. Перевал находится на значительной высоте, там стоят три каменных обелиска с нацарапанными на поверхности крестами. Это место считалось у ингушей священным, и там совершались религиозные языческие обряды. Не случайно, что именно в этом месте, по сказанию, встретился путникам «святой человек», предотвративший кровопролитие. [4]

Т. е. в очаг Сеска Солсы. Очаг считался священным местом. Попадание глыбы в очаг служит выражением особой мести Колоя его врагам, так как, по древним представлениям ингушей, подобная акция являлась надругательством над святая святых в сознании народа. [5]

Возможно, что упоминание о жизни в пещере есть отзвук того времени, когда предки ингушей (под напором врагов и пр.) переселялись в пещеры. По сведениям И. Дахкильгова, в пещерах было место для отары и место для жилья; перед входом ставилась каменная плита (иногда с бойницами). Таких пещер в нагорной Ингушетии довольно много. Когда люди спустились с гор и стали жить в районах, где и сейчас возвышаются ингушские башни, связь с пещерами продолжала сохраняться (даже до недавнего времени). Такие пещеры и сейчас называются пещерами такого-то рода. [6]

Помимо приведенных вариантов, в печати известны еще записи Л. Ахриева и Д. Мальсагова. Л. Ахриев записал сказание в горном селении Мужичи со слов Абдурахмана Гудиева; текст был опубликован в книге «Вайнахское устное творчество», т. I. Орджоникидзе, 1932, стр. 11—14 (на ингуш. яз.). Особенностью данного варианта является то, что вместо Сеска Солсы здесь фигурируют «черкесские князья». Известно, что так называемые черкесские (включая и кабардинских) князья систематически совершали феодальные набеги на соседние кавказские народы, вплоть до начала XIX в. Этим обстоятельством и объясняется более поздняя замена в эпосе одних врагов на другие.

Вариант Д. Мальсагова (записанный в 1928 г. со слов жителя аула Барах в горной Ингушетии от Хадиса Барахоева, 70 лет, впервые был опубликовал в альманахе «Радость сердца». Фрунзе, 1957 стр. 239—241 (на ингуш. яз.). Эта запись повторяет известные предыдущие варианты. Примечательно в ней только то, что Солса взывает о помощи к двум языческим богам: верховному богу Дяла и богу грома и молнии Села, обратясь к ним со словами: «Дяла и Села, не дайте мне попасть в руки Колой Канта!». И тогда маленьким ручьем бежавший Терек превратился в бурную реку. По другим же вариантам, Терек разливает сверхъестественная сила.

Нясар и Козаш

Давным-давно жил в Козашке нарт Козаш. Он был очень гордый н сильный человек. Его бурка была сделана из бород и усов известных мужчин. Отправляясь в гости или на войну, Козаш накидывал эту бурку. От берегов Терека до Сунжи вся долина Гарман принадлежала ему. На Ачамза-кургане жил нарт Ачамза, на Германча-кургане – Германча. Они оба тоже были сильные, но им далеко было до Козаша. Они не давали горным людям ни выйти из гор, ни распахивать землю. [1] [2]

Однажды ведя за собой горных людей, гарцуя на вскормленном жеребце по просторам Гарманской долины, вспугивая диких зверей из лука, деля между своими людьми земли этой страны, Нясар пришел к истоку [речки] Нясаре. Там на берегу он построил укрепление. Дошел слух и до Козаша, что Нясар отобрал у него край и в том крае поселил людей гор, а у истоков реки Нясар сделал себе укрепление. Грозный, рассвирепевший Козаш, собрав свое войско, выехал, чтобы убить Нясара, горных людей истребить, плоскость Гарман снова возвратить себе. Когда он приблизился к истоку речки Нясаре, ему навстречу вышел Нясар, поставивший в этой благодатной стороне укрепление. [3]

– С миром приходите, дорогие гости! Вы в дороге без горя, несчастия, невредимые? Сходите с коней. Я окажу вам гостеприимство, как могу. Кушать – жирная еда вам есть, пить – крепкое питье есть, спать – перинные постели есть. Если нужно веселье – можно устроить и веселье, – приветствовал Нясар гостей. [4]

– В пище нуждаясь – не голоден, жажду испытывая – пить не желаю, в веселье нуждаясь – веселья не принимаю. Не за этим я прибыл сюда. Я приехал убить тебя, оторвать твою голову, отобрать мой край, разделенный тобой между людьми гор, – сказал Козаш.

– Сходите с коней. Когда мы насытимся и утолим жажду, а потом свободно расположимся отдохнуть, тогда и поговорим, если понадобится, о делах края, – любезно произнес Нясар.

– Как голоден я, чтобы твою голову съесть, как жажду я, чтобы выпить твою кровь! Начинай бой! – взревел Козаш.

– У нас, горных людей, говорят: «Легкое оставив, трудное делай». Бой вести легче, чем оказать гостям достойное гостеприимство, поэтому еще раз вас прошу: сходите с коней и входите в дом, – любезно предложил Нясар.

– Короткий разговор лучше. Боишься боя – сложи оружие и сдавайся в плен. Среди моих пленников ты будешь девятым. Не хочешь быть пленником – начинай бой, – грозно крикнул Козаш.

– В моей голове нуждаешься ты, страну твою отобрал я. Если жаждешь боя, начинай, – ответил Нясар.

Тогда Козаш стал нападать. Но не было ему удачи в бою. Верным ударом сразил его Нясар. Тогда, увидев, что предводитель убит, войско его бежало в страхе. Все дальше гнал их Нясар, нанося удары палкой. [5]

Прослышав о случае, происшедшем с Козашом, испуганные Ачамза и Германч подумали: «Чего не смог сделать могущественный Козаш, нам и подавно не под силу», – так сказав, ушли они с Гарманской долины. С той поры на берегу речки проживавший Нясар со своими горными людьми стал мирно и свободно жить в Гарманской долине.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 389. Сказание записано Д. Мальсаговым в 1963 г. на ингушском языке в сел. Насыр-Корт со слов Кураза Астамирова, 60 лет (учителя школы). Русский перевод сказания издается впервые.

Козаш представлен в сказании таким же (отрицательным) типом, как Ачамза в других сказаниях. [1]

В сказании Козаш, Ачамза, Германч названы «нартами»; все они живут на курганах. [2]

В данном случае имя героя Нясар совпадает с названием реки – Нясаре. Возможно, что первый легендарный выходец из гор – ингуш Нясар получил имя от топонима (кабардинского). Имя Нясар – общее у вайнахов и адыгов. [3]

Это устойчивое выражение, особенно часто встречающееся в произведениях героико-эпического песенного жанра вайнахов. Особый эпический акцент, подчеркивающий миролюбие и гостеприимство местного героя в условиях острого конфликта, – довольно частое явление в вайнахских героических сказаниях. [4]

Характерная эпическая гипербола, возвеличивающая местного героя и выражающая высшую степень презрения к врагу. [5]

Внук Козаша и Германч

Недалеко от сел Долаково и Каптышево стоят два кургана. Их называют курган Козаша и курган Германча. Люди рассказывают, что на кургане Козаша жил Козаш, на кургане Германча жил Германч. Они были в постоянной вражде.

Однажды Германч вместе со своей дружиной коварно напал на Козаша. Он перебил всех: и Козаша, и всех мужчин его дома, будь то младенец или старик, прикончил даже беременных женщин. Германч хотел полностью уничтожить род Козаша. Затем он поджег все хозяйство Козаша, а у пепелища остались одни лишь женщины. Считая свое дело законченным, Германч ушел восвояси.

Но род Козаша не прекратился. Одна из его снох находилась в то время в гостях у своих родителей в горах. Она была в положении и там родила мальчика. Когда он вырос, мать рассказала ему обо всем случившемся. Тогда внук Козаша пошел к черкесам. Пришел к одному князю, и тот стал его упрашивать стать его помощником. [1]

– А что я должен делать? – спросил внук Козаша.

– Одно из двух: или присматривать за моими многочисленными людьми и пастухами огромных стад, или быть членом семьи, участвовать во всех семейных делах, встречать и провожать гостя, – сказал князь.

– Я согласен на второе, – сказал внук Козаша.

Он хорошо исполнял свои обязанности, постоянно изучая благородный этикет черкесов. Во дворе князя росло огромное дерево. В свободное время внук Козаша обычно садился под ним и, думая о своей горькой доле, оставлял на дереве зарубки. Прошло несколько лет, а он все продолжал это делать. В конце концов дерево упало, и тогда князь спросил:

– Я давно за тобой наблюдаю, расскажи, что тебя тревожит.

Молодой человек тогда поведал ему обо всем: как Германч убил его деда, отца, дядей; как он родился в это время и остался жив. Сказал он, что за ним теперь долг отомстить за всю эту несправедливость. Пока он не выполнит его, не будет иметь покоя. Вот почему он и удручен всегда тяжелыми мыслями.

– Я тебя полюбил, как родного сына, – сказал князь, – я тебе дам войско.

Он положил поперек дороги дерево и сказал: «Я тебе дам столько коней, сколько нужно для того, чтобы разнести в прах это дерево». [2]

Когда всех княжеских коней погнали по дороге через дерево, оно только наполовину истерлось. Тогда князь попросил коней у своих друзей, родственников и соседей. Только тогда дерево было разнесено в прах. На всех коней князь посадил воинов в полном вооружении и отдал войско молодому человеку.

Недалеко от места, где жили Козаш и Германч, есть лощина, которая называется «Лощина, где убивали ланей [олених]». Там оставил свое войско внук Козаша, а сам пошел к месту, где жил раньше Козаш. На том месте, поставив балаганчики и обрабатывая клочки земли, жили одни женщины. «Кто вы?», – спросил он их. Они рассказали ему о случившемся. Молодой человек же сказал им, кто он такой.

– Посмотрите в третью часть ночи во-о-н туда, где живет Германч, и вы увидите кое-что, – сказал он, уходя.

Юноша, как и обещал, в третью часть ночи напал с войском на Германча и разбил все его гнездо. Ни одного мужчины не оставил в живых, а самого Германча пленил. Связанного бросил его внук Козаша перед женщинами, которые остались на пепелище его деда. Те же закололи его большими иглами. Внук Козаша отвел войско к князю, и он закатил большой пир. Затем внук Козаша пригласил князя и его людей на свою землю и там устроил огромное пиршество.

Деля горе и радость пополам, внук Козаша и черкесы стали жить, как большие друзья. Внук Козаша, поселившись на земле своих отцов, стал жить на холме Козаша.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 390. Сказание записано И. Дахкильговым в 1966 г. на ингушском языке со слов М. Х. Балхаева, учителя средней школы сел. Далаково.

Внук Козаша в сказании не представлен отрицательным персонажем; он даже приближается к «местным героям» и рожден своей матерью у ее «родителей в горах». [1]

Это своеобразное эпическое место, которое в сказаниях ингушей встречается редко. [2]

V. МЕЖДОУСОБИЦЫ НАРТОВ

Спор Гепака и Амира

На высоком кургане, на Амзин-каже, северо-восточнее Шир-Юрта, жил нарт-эрстхоец Гепак. Существует высокий каменный забор, который, рассказывают, воздвиг он. Есть там и следы копыт коня и рук человека. В камне есть ямка, куда, говорят, Гепак мочился. Гепак выращивал много зерна. Его младшего брата звали Венаг. На одном холме есть место, где, говорят, стояла Венаг-гала – башня Венага. На хребте, проходящем между Шир-Юртом, Гильяни и Байтарки имеются вершины кургана – одна большая, другая малая. Их называют Амир-кортош [Амир-вершины]. Амир также был нарт-эрстхойцем.

Нарт Амир имел много скота. Его он пас на Аккинской горе и сам жил на ней. Гепак и Амир стремились превзойти друг друга и часто враждовали между собой. Гепак, решив, что Амир превзойдет его во всем, рассердился и бросил в Амира большой камень. Этот камень упал в речку Булк. На нем, говорят, сорок человек могли свободно совершать намаз. [1] [2]

Когда в жизни нартов возникла вражда, Гепак сказал: «Когда я перевожу домой пшеницу, посеянную и выращенную на плоскости, одни потери ее на дороге столь велики, что в пшенице утопают не только полозья саней, но и ноги лошади. Амир, ты не сможешь тягаться со мной!». Тогда Амир ответил ему: «Среди моего скота имеется только одних одновременно рожденных, одноцветных и равновеликих 50 бычков, потому Гепак, ты не сможешь спорить со мной!». [3]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. Записано в 1960 г. со слов Хаписа Витаева, 1926 года рождения, жителя Чир-Юрта (Даг. АССР).

Действие происходит на территории, где проживало вайнахское племя аккинцев, ныне считающихся чеченцами. [1]

В предании идет речь о столкновении скотовода и землепашца (горцев и плоскостных жителей). [2]

Это выражение – эпическая форма множества. [3]

Нарт-орстхоец Гожак

Давным-давно, в прошедшие времена, на берегу Терека, в Нога-Мирза-Юрте жил нарт-орстхоец Гожак. По обе стороны реки был он неоспоримым первым витязем и овеянным славой героем. В том же краю проживала дорогая его сердцу красивая девушка, звали ее Белашай. Сохранилась через века людская молва о женитьбе на ней легендарного Гожака. Помимо ослепительной красоты и притягивающей обаятельности, Белашай обладала еще и большой физической силой и удалью воина, была умна. Девушка в зрелом возрасте во всеуслышание заявила, что тот, за которого она выйдет замуж, должен превосходить ее силой, энергией и доблестью. Человека, вступившего с ней в единоборство, она опрокидывала на землю, затем пучком волос со своей головы крепко связывала.

Гожак, будучи наслышанным о красоте и доблести Белашай, верхом на коне навестил ее. Когда девушка объявила ему свои условия, ведущие к браку с ней, витязь приготовился к единоборству. Белашай сказала Гожаку:

– Коли ты прибыл для схватки со мной, то сойди с коня, будем бороться.

– Ты женского пола, бороться с тобой пешим мне не подобает. Согласен схватиться с тобой, оставаясь в седле, – ответил Гожак.

Белашай была такого высокого роста, что обыкновенный человек верхом на коне, не коснувшись ее ног, мог проскочить под ней. При этом она имела прекрасное телосложение и молочно-белый цвет кожи.

Он и она тут же вступили в единоборство. Гожак намного превзошел силой Белашай. Он схватил девушку за плечо, подбросил вверх, а при падении подхватил и задержал ее на уровне спины своего коня. Белашай признала, что уступает в силе витязю, и вышла замуж за Гожака. Зажили они в согласии и достатке. [1]

Гожак часто уходил на охоту за добычей на продолжительное время. Из-за этого он, в целях защиты своей жены от всяких угроз и опасностей, возвел высокий курган величиной с гору на хребте южнее Нога-Мирза-Юрта под жилье. Позже некоторые говорили, что для возведения возвышенности Белашай таскала грунт в подоле платья. Этот курган сейчас называют «Белаши вершиной».

Овраг, образовавшийся изъятием огромной массы грунта под насыпь кургана, назвали «Рвом Гожака», а штольня, являющаяся продолжением рва, стала именоваться «Пещерой (подкопом) Гожака». Эти сооружения находятся вблизи с. Нога-Мирза-Юрта и хорошо известны местным жителям. Согласно преданий, «Пещера (подкоп) Гожака» у с. Нога-Мирза-Юрт соединялась подземным ходом с «Пещерой (подкопом) Наура» у с. Верхний Наур; расстояние между ними превышает 50 километров. Наур, как и Гожак, был одним из знатных нарт-эрстхойцев. [2] [3]

Комментарии М. С. Цечоева.

«Чеченский фольклор», т. III. Грозный, 1964, с. 15—16. Записано в 1958 г. Эльмурзаевым С. Ч. со слов жителя с. Нога-Мирза-Юрт Умарова Али. Схожий вариант сказания опубликован У. Лаудаевым на русском языке в «Сборнике сведений о кавказских горцах», вып. VI. Тифлис, 1872, с. 44. (без названия, в примечаниях к статье «Чеченское племя»).

В начале 1960-х годов житель с. Кень-Юрт Грозненского (бывшего Надтеречного) района Мустапаев Хамид Ахмадович (1913 г. р., из орстхойцев) утверждал, что согласно рукописей его предков, владевших арабской графикой, он является потомком нарт-орстхойца Гожака в 12-м поколении. [1]

Отверстие этого подкопа выходит на отвесную кручу и имеет один аршин в диаметре; потом подкоп расширяется и простирается более ½ версты в длину, представляя множество

комнат, которые имеют до сажени высоты. Земля выносилась под кручу, где таким образом образовался большой курган. Подобная пещера видна на земля Верхне-Наурского аула и называется Наур-ор, т. е. пещера Наура. Эти два нарта господствовали на земле надтеречных чеченцев (примеч. У. Лаудаева). [2]

В средневековье на Кавказе путем соединения широкими и глубокими рвами существующих оврагов, лощин, русел ручьев и речек создавали пути скрытых подходов к своим крепостям и городищам войск, подвоза продовольствия и фуража. [3]

Наур и Гожак

Некогда жили два нарта: Наур и Гожак. Жилище Гожак-нарта и теперь еще видно на земле Нога-Мирза-юртовского аула и называется Гожак-ор, т. е. пещера, или подкоп Гожака. Гожак имел красивую жену, по имени Белашай. Наур влюбился в нее и вознамерился завладеть ею. В этом помог Науру его приятель, кабардинец. Они сварили водки и, разлив ее в сосуды, навьючили на коня; с ним кабардинец отправился к жилищу Гожака. Последнего не случилось дома. Зная дорогу, по которой Гожак возвращался домой, кабардинец расставил по ней сосуды с водкой на некотором расстоянии один от другого. [1] [2]

Утомленный Гожак, возвращаясь домой, увидел первый сосуд с водкой и выпил его. Так же точно выпил он и все другие и, отуманенный, свалился с ног на пороге своего жилища. Кабардинец снял с него голову и отнес к Науру, за что получил сто коней в награду, а Белашай сделалась женой Наура.

Наур имел двух жен: первая, Сатай-хан, жила на кургане над Тереком, на земле Старо-юртовского аула; другая же, известная уже Белашай, жила в горах Нога-Мирза-юртовского аула, на кургане. Сам же Наур жил в пещере, находящейся на земле Верхне-Наурского аула, т. е. жил посреди резиденций своих жен, в расстоянии 40 и 30 верст от них. Однако это расстояние не препятствовало ему забавлять жен музыкой. Он играл по вечерам на балалайке. Звук ее доносился к обеим женам, и для каждой из них у Наура были особые музыкальные звуки. По ним они узнавали, кого он посетит ночью. Он имел такое множество лошадей, что, придя на водопой, они не помещались на лугах Верхне-Наурского аула.

Про его смерть рассказывают так. Жил за Тереком знаменитый богатырь – Ногайский Мирза. У него была прекрасная жена, которую он силой похитил у родителей. Мирза совершал свои наезды на буланом коне, с черной полосой вдоль спины. От частой езды конь исхудал и был оставлен в табуне для поправки. Сев на другого коня, Мирза остался им недоволен, а потому через два месяца, полагая, что любимый конь уже поправился, пошел его посмотреть, но нашел коня еще более худым, да к тому с больной спиной. Подозрение запало в душу ногайца: «Или жена моя разъезжает на коне к любовнику, или же любовник, посещая мою жену, ездит на нем».

Чтобы добраться до истины, он прибег к хитрости. С этого времени каждый раз, уезжая из дому, он ударял нагайкой жену, приговаривая: «Знаешь ли ты на свете богатыря, храбрее меня, и жену, красивее тебя?». Наскучив этой выходкой, слишком часто повторявшейся, жена однажды сказала: «Затеречный Наур храбрее тебя, его жена Сатай-хан красивее меня». Ногаец тотчас понял значение этих слов и поехал к Науру.

С высоты гор Наур приметил за рекой ехавшего всадника. В первый раз в жизни робость овладела его душой, и он приготовился на всякий случай. О всаднике он размышлял таким образом: если он робкой души, то будет искать броду, если же храбр и отважен, то зря кинется в воду. С высокого берега ногаец ринулся в воду, переплыл реку и предстал перед Науром. «Воин, – сказал ему Наур, – ко мне ли лежал твой путь, или ты едешь далее?». Ногаец ответил: «Теперь я у тебя, захочу – уеду, захочу – останусь у тебя». Наур принял гостя, убил кобылу, сварил и подал мясо ногайцу. [3]

Насытившись, ногаец сказал: «Послушай, Наур, правым берегом Терека владеешь ты, левым – я. Кони наши пьют общую воду Терека, следовательно, и мы сродни между собой. Эхо теречных гор повторяет твое имя, ветер ногайских степей далеко несет звук моего имени. Чего бы, кажется, не доставало нам, и почему бы не жить нам дружно? Не будем толковать, как бабы или дети, поговорим по-богатырски. Ты обесчестил мою жену и должен позволить мне то же самое со своей». Наур ответил, что в бесчестье его жены и виноват, и не виноват

(виноват тем, что обесчестил, а не виноват тем, что жена ногайца любила Наура больше мужа), но что никому не позволит обесчестить свою жену.

Они вступили в бой: один из них – ногаец, молодой и хитрый, другой – стареющий Наур, начинающий сомневаться в своей физической силе. Они вступили в рукопашный бой. Уже вечерело. Ногаец стал утомляться и прибег к хитрости, свойственной его натуре: «Посмотри, Наур, в небо, что за птицы летят в нем? Да утри пот с твоего чела». Наур взглянул на небо. Ногаец же сшиб его с ног и, сев на него, сказал: «И теперь я не хочу твоей смерти. Богатырь не изменяет данному слову. Но жизнь твоя в моих руках, – позволь лишь ночь провести мне с твоей женой». Наур отказал и был убит.

Положив его голову в торока, ногаец поехал к Сатай-хан, провел с ней ночь и, сняв с ее пальца кольцо, вернулся к жене. Он сказал ей, бросив голову Наура: «Теперь я уверен, что ты не знаешь богатыря храбрее меня», а потом, подав ей кольцо, сказал: «И нет жены красивее тебя». Жена узнала голову своего возлюбленного Наура, взяла ее в руки, целовала и прижимала к своей груди, а затем, обратись к мужу, сказала: «Ты мог его убить или обманом, или же изменой. Он всегда был храбрее тебя». Уличенный в обмане, ногаец устыдился, отвез жену с почетом к родителям, а сам уехал в Казань.

Узнав о смерти Наура, жены его лишили себя жизни. Сатай-хан с кручи кургана бросилась в Терек и погибла в его волнах. В воспоминание этого происшествия, место это и теперь называется ее именем – Сатай-те, т. е. возвышенность Сатай. Белашай же с высокого кургана кинулась в пропасть и погибла. Курган этот и теперь называется ее именем, Белашай-барз, т. е. курган Белашай. Потомство брата Ногайского Мирзы еще существует и рассказывает о Науре.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 338. Текст сказания опубликован У. Лаудаевым на русском языке без названия в примечаниях к статье «Чеченское племя».

Примечательно, что в сказаниях, в которых действие происходит не в горах, а в предгорных равнинах, эпическая «информация» о местожительстве героев значительно расширяется (здесь о Науре и Гожаке, в ингушских вариантах об Ачамзе и др.). [1]

Отверстие этого подкопа выходит на отвесную кручу и имеет один аршин в диаметре; потом подкоп расширяется и простирается более ½ версты в длину, представляя множество комнат, которые имеют до сажени высоты. Земля выносилась из отверстия под кручу, где таким образом образовался большой курган. Подобная пещера видна на земле Верхне-Наурского аула и называется Наур-ор, т. е. пещера Наура. Эти два нарта господствовали на земле Надтеречных чеченцев (примеч. У. Лаудаева). [2]

Это довольно распространенный эпический показатель храбрости и могущества героя в вайнахских героических сказаниях. [3]

Три брата нарт-орстхойца

Жили три брата нарт-орстхойца: старшего звали Гебак, среднего – Амир, а младшего – Атай. Гебак владел зерном, Атай – скотом. И был у них топор, которым они пользовались все сообща. Бывало, один нарубит дров и топор перебрасывает другому на расстояние 10—12 километров. У Гебака и Амира выросли двое сыновей, а у Атая – дочь. Оба юноши полюбили эту девушку. Атай – владелец скота, желал выдать свою дочь за сына Гебака – владельца зерна. Они сделали между собой уговор. Амир же стал говорить:

– Я владею деньгами, и девушка должны принадлежать лишь моему сыну. Зерно производят для того, чтобы продавать его за деньги, и скот растят для того, чтобы сбывать его за деньги.

Но отец девушки Атай не согласился с такими доводами и решил выдать свою дочь за сына Гебака. Тогда в местечке Чхар-готте (узкая скала) Амир дал бой своим братьям.

Этот бой погубил всех трех братьев и их потомство. Гебак жил в местечке «Гебак-Калла», Амир – в «Амир-Корта», Атай – в «Атай-Корта».

Комментарии А. О. Мальсагова.

«Сказания, сказки и предания чеченцев и ингушей». Грозный, 1986, с. 285. Записано студентом ЧИГУ им. Л. Н. Толстого на чеченском языке со слов Атаева Т. (1913 г. р.) 26 января 1975 года в Татай-хуторе ЧИАССР.

Сын Оршмы

Сеска Солса был подобен владыке. Его родственником был Оршма, сын Орзми. Он был вездесущ. Едет он как-то и встречает всадника величиной с локоть и бородой с копну. Оршма, сын Орзми, не посчитался с ним, считая его за ничтожество. Карлик величиной с локоть проведал об этом. Подскакал он к Орше, выхватил его с крупа коня и приторочил к своему седлу. А затем на коне въехал в отверстие в земле. Развязал он Оршму, через некоторое время привел к нему девушку и сказал: [1] [2]

– Это моя сестра. Бери ее замуж за себя. Не лишай ее зрения, не калечь. Если же она в чем-либо провинится, то приведи ее к этому отверстию и отпусти.

Стал Оршма с ней жить. Дела его улучшились. Он во всем превосходил Сеска Солсу. Люди относились к нему с уважением. Сеска Солса всем этим был сильно обеспокоен. Призвал он женщину-гам и стал с ней советоваться.

– Я знаю, что предпринять, – сказала гам. – Посади на четырех дорогах четырех одноглазых попрошаек. Пусть они подтвердят, что их владыкой является Оршма. Если же станут о них распрашивать, то пусть скажут, что он хороший человек, справедлив, добр, но жена все-таки ему изменяет. Если все четверо так скажут, то Оршма покинет эти края. На четырех больших дорогах посадил Сеска Солса четырех одноглазых попрошаек. Они говорили всем, обращавшимся к ним, как им посоветовала гам. Однажды пошел осматривать свои владения Оршма, сын Орзми. Ходил он, ходил, и наткнулся на одну из этих попрошаек.

– Кто ваш владыка? Что это за человек? – спросил Оршма.

– Он хороший человек, справедлив, добр, но жена изменяет ему, – ответила попрошайка.

Дал ей Оршма милостыню и отправился дальше. Одноглазые попрошайки не знали Оршму в лицо. Встретил он вторую, третью и четвертую, и все они говорили ему одно и то же. Тогда Оршма усомнился в верности жены и отвел ее к отверстию в земле.

– Дай мне свой нож, – обратилась она к мужу.

Он дал ей нож. Этим ножом она вспорола себе живот, вытащила мальчика и передала его мужу со словами:

– Корми его только курдюком без костей, хлебом без корки, маслом и молоком. И она исчезла в отверстии. Оршма, сын Орзми, положил мальчика в полу черкески, но она тут же сгорела. Положил он мальчика в полу бурки – и она сгорела. Тогда он взял его на руки, принес домой, передал своим отцу и матери и рассказал им, как за ним следует ухаживать. После этого Оршма бросил свои владения и одичал. Он дал клятву: «Только пойманные моими руками звери или птицы будут принадлежать мне». [3]

Владыкой края стал опять Сеска Солса. А мальчик рос. Орзми и бабушка хорошо за ним смотрели, вовремя кормили. Сеска Солса задумал лишить жизни и Орзми. Однажды устроил он пир и пригласил гостей. Позвал он и Орзми, желая напоить его ядом или расплавленной медью и убить. Орзми догадался об этом, но гордость не позволила ему отказаться. И он отправился к Сеска Солсе. Обеспокоенная этим, бабушка довольно поздно накормила своего внука.

– Почему ты не вовремя меня накормила, что случилось? – спросил внук.

– Твоего дедушку пригласил на пир Сеска Солса, хочет его напоить и убить, – сказала бабушка.

– Дай мне одеться, – сказал мальчик. Оделся он, пришел на пир к Сеска Солсе и стал позади Орзми.

Сеска Солса прислал Орзми полную чашу расплавленной меди, чтобы он выпил ее. Стали подавать чашу. Мальчик первым протянул руку, взял ее и сказал:

– Я хочу выпить эту чашу вместо моего деда.

Он выпил ее и обратился к Сеска Солсе:

– Я выпил эту чашу. В следующее воскресенье приглашаю тебя на пир к нам.

Прибыл к ним Сеска Солса и не смог выпить предложенной чаши. Тогда владычество его в крае кончилось.

Мальчик распросил у стариков про отца и отправился на его поиски. Ходил он, ходил и увидел длиннобородого человека, бежавшего за оленем. Когда длиннобородый бросался за оленем в гору, то борода цеплялась за его ноги, и он не мог настигнуть оленя. Когда же олень бросался с горы вниз, длиннобородый мог догнать оленя. Мальчик от жалости к нему уложил бежавшего в гору оленя.

– Почему ты убил этого оленя? Я же дал клятву питаться лишь тем, что добуду своими руками, – сказал длиннобородый.

– Ты мой отец, а я твой сын, – и мальчик обо всем рассказал ему.

Все они встретились – отец, мать, Орзми, бабушка – и стали счастливо жить.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 237— 239. Нальчик, 2012. В 1973 году от 73-летнего жителя села Бамут Мурцаала Мусиевича Мержоева записал И. Дахкильгов.

Величиной с локоть – речь идет о персонаже «Бийдолг-бяре» (Всадник с локоть и кулак), который в сказаниях и сказках предстает врагом, крадущим чужих жен и т. д. Одолеть его можно лишь с помощью какой-либо хитрости. Иногда он совершает положительные поступки. [1]

Это единственное указание, что Бийдолг-бяре обитает под землей, что позволяет видеть в этом герое хтонические признаки. Своим ростом, местом обитания этот герой напоминает гномов, троллей. Также этот персонаж напоминает ранее приведенного в комментариях Накий Лоха Боштольга. [2]

Имеющееся здесь сообщение, что ребенок родился раскаленным, сближает его со «стальными» Соска Солсой и Хамчи Патаразом. [3]

Нясар, его сын Сай и Ачам

Нарт Нясар владел большой землею и жил на ней вольготно. Его огромные табуны и стада пасли многие пастухи. На месте, где сегодня стоит курган Ачама, жил нарт Ачам. А у Ачама была дочь невиданной красоты. Звали ее Зайза. Сай на богатырском коне частенько джигитовал у кургана Ачама. Зайза же любила с кургана глядеть на красавца Сая и его резвого коня. Не общаясь, парень и девушка прониклись друг к другу взаимной симпатией. Этот курган он сам и воздвиг. Эти двое нартов спорили между собою за земли, простиравшиеся по берегам реки Сунжи. Сын Нясара по имени Сай имел свою дружину. Как-то по приказу Ачама его разбойники воровски увели табун коней Нясара. Ему это стало известно, и он поручил Саю заняться этим делом. Со своими воинами Сай подступил к кургану Ачама и послал вестника сказать ему:

– Верни два табуна коней: один, это тот, который был тобою уведен, а второй – за нанесенное оскорбление!

Ачам же ответил:

– Ничего я у вас не крал и не ведаю, о каких табунах вы говорите.

Владения Ачама были огорожены высокой каменной стеной. В войске Сая была огромная пушка. По его приказу ее зарядили порохом и тряпьем. Вместо ядра в нее сел Сай и приказал выстрелить во двор Ачама. Раздался взрыв и Сай приземлился прямо во дворе. Услышав небольшой взрыв, Зайза выбежала из башни. Конь Сая был хорошо обучен. Свистнул Сай, и конь стрелою перелетел стену и остановился у ног своего хозяина. [1]

Крикнул Сай:

– Да будет Зайза благословенна для меня! Да пусть Ачаму останутся кони, вместо калыма!

Подхватил он Зайзу на коня, и он мигом перенес их через крепостную стену. У Ачама от страха душа ушла в колени; он даже побоялся выглянуть во двор. Знал Сай, что Нясару не понравится его самоуправство и потому сторонился отца. Нартским тамадою был Соска Солса. Ачам пожаловался ему, говоря, что Нясар и его сын позорят его, украв его дочь и ложно утверждая, что им украдены их кони. Чтобы разобраться в этом споре, Соска Солса за помошью обратился к своей матери Села Сате, поскольку тамада нартов обязан был справедливо разрешать все возникающие споры. Села Сата была ворожеей и звездочетом. Всю ночь она ворожила, следила за звездами. Утром она сказала:

– Табун коней Нясара угнал Ачам. На правом бедре коней Нясара имеется его тавро. Ачам закрасил его.

Соска Солса сказал Ачаму:

– Прикажи своим слугам выкупать коней. Я хочу осмотреть их правые бедра. Понял Ачам, что его подлый поступок стал известным и обвинил в нем своих слуг. Соска Солса примирил Нясара и Ачама, посчитав угнанный табун, как приданое за увезенную Зайзу. Лет пятьшесть Ачам таил свою злобу и все ждал удобного случая. Как-то Сай пошел в горы поохотиться. Узнав об этом, Ачам подослал своих слуг, и они убили Сая. С тех пор это место называется «Хребет, где был убит Сай».

Нясар в отместку убил Ачама, разорил и сжег все его гнездо. От него остался лишь голый курган. Пришло время, и Нясар ушел в мир иной. После смерти Сая остались от него трое сыновей и одна дочь. От них идут наши предки.

Комментарии И. Дахкильгова.

«Ингушский нартский эпос», стр. 314—315. Нальчик, 2012. В 1964 году в селе Насыркорт записал З. Гилясханов.

«Сай выстрелом из пушки был переброшен через крепостную стену» – мотив, по всей видимости восходящий к исламской традиции, по которой приемный сын и зять Муъаммеда Али с помощью катапульты был запущен в осажденную крепость Хайбара. [1]

Нарты из Энгеноя

Когда-то нарт-эрстхойцы жили и у нас. Здесь, в ауле Энгеной, жили два брата Юртус и Иса. Они были выходцы из Малхесты, признавали единого бога Аллаха. Отсюда виден высокий берег реки Акташ. На том берегу жили злые нарты «кристи» [неверные, христиане], и они ели свинину. [1]

Юртус был сильный нарт. Мог он далеко бросать большие камни. Он сказал не признававшим единого Бога нартам: «Перестаньте есть свинину или уходите с нашей земли». Злые нарты не послушались. Тогда Юртус бросил из Энгеноя вон на тот высокий берег свою секиру [это расстояние километров в восемь]. Злые нарты испугались, сбросили свиней с высокого берега вниз и покинули нашу страну. И до сих пор на том месте под обрывом, где упали жирные свиньи нартов, не растет трава. [2]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 343. Текст записан Х. Ошаевым на чеченском языке в 1959 г. в ауле Энгеной от 80-летнего старика Рааду. Оригинал не публиковался.

Здесь характерно то, что один из добрых нартов носит мусульманское имя Иса. Злые нарты едят свинину, а добрые нет. Эти позднейшие мусульманские влияния объясняются близостью в прошлом исламского Дагестана. Мусульманство раньше, чем в других местах, чеченцы приняли именно в районе Энгеноя (примеч. Х. Ошаева). [1]

Нарты Иса и Юртус – пришельцы из Малхисты, вайнахского общества, где живут малхистинцы (от слова «малх» – солнце), они в этническом отношении занимают как бы промежуточное положение между чеченцами и ингушами (к последним они несколько ближе). В этой поздней версии уже сказано, что нарты имеют определенное место происхождения и жительства, а конфликт мотивируется исключительно религиозным расхождениями. Борьба чеченцев с нартами (эрстхойцами) в эпосе выражается по-разному (посредством самоуничтожения нартов, либо их изгнания и уничтожения). С принятием чеченцами мусульманства нарты квалифицируются уже как неверные, гяуры. Со временем в древние сказания вклинился новый религиозный мотив антагонистического характера, что наглядно прослеживается в других сказаниях.

Старик уверял, что это действительно так. Откуда пришли злые нарты, Рааду не знает (примеч. Х. Ошаева). [2]

VI. СКАЗАНИЯ О СЕМИ БРАТЬЯХ-НАРТАХ

Приключения нартов

Жили на белом свете семь нартов с сестрой. Они занимались охотой. Однажды, воротясь с удачной ловли, они не нашли сестры. Задумались нарты и решили отправиться на поиски. Долго они ехали, ехали и добрались, наконец, до берега моря. Что же делать и куда ехать дальше? Шестеро снарядили лодку и отправились по морю, а седьмой остался под деревом ожидать их возвращения. Лег он и смотрит на небо. [1]

Прилетели к дереву голуби (а нарты знают птичий язык), и говорит одна птица другой: «Что это за человек там лежит?». Старший же между голубями отвечает: «Это нарт. Треугольное чудище украло у них сестру, а живет оно за морем; никакая лодка туда не доедет». «А как же добраться до этого места?», – спрашивают молодые голуби. «Можно дойти и по суху, – отвечает старший, стоит лишь прилепить листья вот этого дерева к конским копытам!». [2]

Слышит это нарт и думает крепкую думу. Долго он ждал, воротились и братья ни с чем. Рассказал им все нарт, и вот они добрались до дома Треугольного чудища. Взяли они сестру схватили и чудище и привезли домой. Били они его, чем могли, но им не удалось его убить, и решили они тогда замуровать его в стену. Чудище же не умерло потому, что душа его не была с ним. И слышен стон чудища и поныне в нартовском доме. [3]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 303.

Рассказ носит сказочный характер, аналогичные мотивы известны в сказках многих народов мира. [1]

Такой образ в фольклоре вайнахов (и у других кавказских народов) не встречается. Вполне вероятно, что в оригинале речь шла о чудище с тремя душами, а не «Треугольном чудище». На чеченском языке слова «душа» и «угол» являются омонимами. [2]

Замуровывание «чудища», возможно, отражает древний обычай строительной жертвы, существовавший в прошлом у многих народов, в том числе и у вайнахов. Нельзя сбрасывать со счета и тот факт, что на древних башнях и склепах Ингушетии встречаются треугольные изображения, которые до сих пор не подверглись какому-либо объяснению. [3]

Хорачоевское сказание

Аул Хорачой расположен на дне глубокого ущелья того же названия, в котором пролегает дорога, соединяющая укр. Веден [Ичкерия] с укр. Ботлих [Средний Дагестан]. Между двумя грядами гор, образующими Хорачоевское ущелье, внизу, к югу от аула, тянется высокая и узкая коса, на оконечности которой, верстах в трех от аула, как на острие меча, возвышается каменная башня, давно уже принявшая наклонное положение, полуразрушенная, но еще не развалившаяся. Башня имеет форму четырехгранной пирамиды с усеченной верхушкой и сложена из дикого камня. Что кладка башни была прочная, доказывается ее существованием в настоящее время. Кем она построена – предками ли нынешних ичкеринцев, или пришельцами из Дагестана, или другими неведомыми обитателями страны?

На этот вопрос ни сама башня, ни народные сказания не дают достоверного ответа; но я склонен думать, что строителями башни были дагестанцы, так как по форме своей и по кладке камня она ничем не отличается от подобного рода сооружений в Дагестане. Между веденцами ходит мнение, будто на потолке башни высечен или выложен каменный крест. Я этого не заметил, хотя и очень внимательно рассматривал потолок. Эта башня и послужила предметом приводимой здесь легенды.

Племя это называлось эрбый, а мать семи братьев носила имя Эрте-Эмиль. Если не было на свете людей сильнее эрбый, то и не было женщины красивее и пышнее Эрте-Эмиль. Из гордости братья построили себе высокую башню, а потом достали живой воды и хотели напиться ею, чтобы прожить до дня воскресения [мертвых]. Найденную воду они спрятали в башне, а сами пошли сзывать к себе друзей-приятелей, желая и их напоить живой водой. Когда они ушли, мать их Эрте-Эмиль надумала выстирать что-то из своей одежды. Стала она искать воду и напала на живую воду, спрятанную ее сыновьями. [1] [2]

Не зная свойства этой воды, она взяла ее. Сначала отпила немного, а остальное употребила на мытье одежды. Окончив свое дело, Эрте-Эмиль вылила помои во двор, где им утолили жажду петух и барашек. Приходят домой братья эрбый, начинают искать воду и не могут найти. Страшно рассердившись, они спрашивают мать: «Куда девалась принесенная нами живая вода?». «Живая? – восклицает мать. – Про какую живую воду вы говорите? Была тут вода, я взяла да вымыла ею, что мне было нужно из одежды». Услышав это, братья сказали друг другу: «После того, что сделала с нами мать наша, нам нельзя жить с ней вместе», – и немедля ушли из родительского дома.

Шли они очень долго и в одном месте повстречались со страшным змеем, пожиравшим и скот, и людей. Братья не испугались змея и начали войну с ним. Воевали они с ним долго, пока не обратили его, наконец, в бегство. Но и тогда они не оставили врага: он бежит – и они бегут за ним (где он бежал, земля под тяжестью его тела опускалась, и таким образом по его следу образовалась глубокая балка, та самая, по которой ныне течет река Сунжа), и так бежали до тех пор, пока не нагнали его, а нагнав, не убили. [3]

После того братья пошли себе дальше, но куда они зашли и где поселились, – ни один человек этого не знает. Мать их Эрте-Эмиль и петух с барашком, напившиеся живой воды, живут – говорят люди – и теперь, и будут жить до дня воскресения. Еще говорят, что Эрте-Эмиль все ходит по свету, все ходит, разыскивая своих сыновей, а петух с барашком везде сопровождают ее. [4]

Комментарии У. Б. Далгат.

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 344. Данное сказание примыкает к героическим, потому что здесь действуют семеро братьев (эпическое число богатырей), которые изгоняют змея.

«Эрбый» – то же, что у осетинов «нарты» (примеч. Н. Семенова). Название племени эрбый и имя Эрте-Эмиль нигде, кроме этого сказания, в вайнахском эпосе не зафиксированы. [1]

Мотив «живой воды» в вайнахском фольклоре встречается редко. [2]

В данном случае под «змеем» видимо следует подразумевать «сармака» (дракона). Вайнахам известны предания, по которым сармак обитает именно в воде. Это, например, вблизи Насыр Корта (ингушское село), где в широкой балке протекает речка Нясаре, и там есть болотца. Рассказывают, что раньше это было озеро, в нем именно и жил сармак. Однажды тучи спустились с неба к озеру, подхватили сармака и понесли его. Он вырвался. Вновь унесли. Вырвался. На третий раз унесли, и сармак больше не вернулся. С тех пор, якобы, озеро все сохнет и сохнет. [3]

Образ вечной матери, скитающейся с барашком и петухом, перекликаемый с образами скитающихся по снежным вершинам матери и ее дочери, преследуемых нарт-орстхойцами в сказании «Две дочери, мать и Сеска Солса». По сказанию, с вершины Дакой-Корт, куда спрятались беглянки, часто раздается «петушиный крик». Эти образы и мотивы, безусловно, соотносятся с древневайнахским мифом о богине вьюг – Дардза-нянильг. [4]

Сын земледельца и братья нарт-эрстхой

Давным-давно на окраине вайнахских земель, ближе к Восточному морю и южнее дельты Терека стояло наделенное благами село. Труды селян изобильно вознаграждались плодами земли и продукцией животноводства. Их достаток с лихвой дополнялся промысловой охотой и рыболовством. Жители тех мест отличались мощью тел и долголетием. Дети там радовали своих родителей завидным здоровьем, живостью и смышленностью. Никто извне десятилетиями не смел нарушать покой и мирную жизнь тех трудолюбивых людей. Село находилось под защитой могучих воинов, шестерых братьев нарт-эрстхойцев, имевших примечательные имена: Ахамарза, Биймарза, Денгизбий, Темирбий, Карабий и Анарбий. Эти богатыри жили несколько севернее села, за ближайшими тремя хребтами и рекой, в долине, где сливались две речки. Туда селяне отдавали излишки своих продуктов, на содержание воинов во время их походов.

Со временем, после многих лет безопасной и сытой жизни, быстрого роста численности своего населения свободным крестьянам захотелось большего. Они стали завидовать известности и боевой славе своих защитников. Им захотелось заиметь расположенное на высоком мысу, образуемого слиянием двух рек, нартовского поселения, состоящего из жилых и боевых каменных башен. Манила также красота мест обитания богатырей с множеством источников прекрасной питьевой воды.

У селян к тому времени народились и достигли зрелого возраста сильные юноши, готовые бросить вызов могучим нарт-эрстхойцам. Их к этому подстрекали живущие в горах в условиях недостатка пахотной земли соплеменники. Последних, в свою очередь, подстрекали «благожелатели» извне, с юга и севера, обещая щедрое вознаграждение и помощь отрядами воинов.

Одним из самых заметных молодцев в селе был уже зрелый мужчина – сын земледельца с именем Оарц. При среднем росте ширина его плеч была столь ззначительна, что он казался большим в ширину, а не в высоту. Огромная голова молодца сидела на мощных плечах, шея не замечалась. Талия его тоже не обнаруживалась. Он имел длинные, достигающие колен руки, с огромными кистями и толстыми пальцами. При всем этом у него были приятные черты лица, большие бычьи глаза не портили его физиономию. Про него говорили, что он из первых пород людей земли. Верхняя часть туловища, от пояса и выше, у этой породы была намного больше нижней, ноги были короткими.

В поисках ристалища для поединка с кем-нибудь и добычи от охоты Оарц регулярно выезжал на несколько дней, а иногда – на неделю. Бывали у него и приключения. В одной из поездок он скрытно, из засады, камнем, выпущенным из ширдолга (пращи), сразил насмерть незнакомого ему всадника. Позже выяснилось, что погибший был спутником Боткий Ширтка, известного участника всех мероприятий нартов. Ширтка со своим другом следовал тогда к шестерым братьям нарт-эрстхойцам. Убийцу найти не удалось.

В конце концов Оарц решил помериться силами с одним из нарт-эрстхойцев. Он отправился на север, в сторону нартовского поселения в одобренный предсказателемдень. Молодец спокойно преодолел три хребта, переправился через реку. Когда ступил на заречную долину, раздался громовой голос:

– Даже птицы не смеют переправиться через реку и останавливаться на нашей земле, как ты посмел это сделать?

– Привет и благополучия вам, нарты, – ответил молодец.

Навстречу Оарцу вышли нарт-эрстхойцы. Все шестеро братьев были в сборе. Старший из нартов говорит:

– Если бы не приветствие, мы бы сразу же тебя сразили. Зачем явился к нам?

– Потому-то я и приехал сюда, чтобы с кем-то из вас сразиться.

– С чего начнем? – спросил выступивший вперед младший из братьев, Анарбий.

Оарц узнал громовой голос. Это он окликнул его сразу после переправы через реку. Грозный вид нарт-эрстхойца пугал не на шутку. Молодец сохранил самообладание, но решил не вступать в смертельное единоборство ни с одним из братьев. Поэтому, указывая на лежащий вблизи огромный, величиной больше любого быка, валун с острым верхом, сказал:

– Ты смог бы с разбега броситься на этот камень и ударом головы вогнать его в землю?

Оарц надеялся, что при этом богатырь наверняка погибнет. Нарт-эрстхоец не погиб и до самого верха вогнал валун в землю указанным образом. Затем, поправив на голове войлочную шляпу, спросил молодца:

– Что еще предложишь мне сделать?

– Ходят слухи, что вы, нарт-эрстхойцы, вырываете из земли с корнями самые большие в этих краях вековые чинары и мечете их в невиданные дали. Мне не приходилось встретить человека, который смог бы это подтвердить. Хочу быть очевидцем этого действия.

– Хорошо! Ты увидишь, как вырывают из земли вместе с корнями самые большие в этой местности чинары, затем будешь свидетелем полета одного из них, а также посмотришь на невиданную даль. Залезай на любую из растущих вдоль реки чинар.

Молодец выбрал самую большую на обозримом пространстве чинару с тяжелой кроной, суетливо залез наверх и крепко уселся, вцепившись в мощные ветви. Нарт-эрстхоец вырвал чинару с корнями из земли без особой натуги и раскрутил ее, затем метнул ее вместе

с сидящим среди ветвей молодцем – искателем приключений. Дерево быстро скрылось за гребнями хребтов. Чинара перелетела через три хребта и упала ветвями вниз вблизи родного села Оарца. Молодец впервые в жизни приобрел ощущкение полета, со страхом и

изумлением обозревая с высоты незнакомые места, и, без особых повреждений, приземлился. Довольный собой и судьбой, он поплелся домой. До утра следующего дня сам пришел домой и его конь.

Ни Оарц, ни нарт-эрстхойцы не знали, что свидетелем их переговоров и испытаний младшего из братьев стала гарбаш (служанка), занятая в тот день стиркой у реки. Через нее

селяне узнали подробности визита молодца к шестерым братьям-богатырям, много лет оберегающим их свободу и покой.

Старейшины села сочли нужным разъяснить молодежи и зрелым мужам, что каждый призван заниматься своим делом. Земледельцы должны выращивать и поставлять за плату

плоды земли. Другим следует заниматься животноводством и удовлетворять на тех же условиях нужды общества в мясе, молоке, а также в коже и шерсти для изготовления одежды и обуви. Мастера ремесел производят на продажу различные изделия, утварь и инструменты. Воины должны защищать народ от посягательств извне, управлять и

поддерживать порядок. От старейшин селяне узнали также, что шестеро братьев представляют боковую линию княжеского дома Эрбий из Харачоя.

Комментарии М. С. Цечоева.

Публикуется впервые. Со слов уроженца села Сурхахи Хаккоева Али Раасовича (55 лет) записал в середине 1960 годов Цуров Ахмед Каримсултанович.

Надмогильный памятник нарт-орстхойцев

В Ялхой-Мохке некогда жили семеро братьев нарт-орстхойцев и их сестра. Братья владели всей Ичкерией и охраняли ее от врагов. Люди боялись их силы. Каждый из братьев за один присест мог съесть целого быка. Людям было трудно кормить их.

Сестра их была необыкновенно красива. Как-то она стирала белье у реки, и у нее на плече порвалось платье. Девушка не заметила этого и спокойно продолжала свою работу. Двое прохожих увидели на плече девушки ослепительно белое пятно, и между ними произошел спор. Один из них утверждал, что это выглядывает нательная рубашка, другой же говорил, что это виднеется ее кожа. Они решили спросить девушку и задали ей вопрос:

– Что выглядывает у тебя на плече: нательная рубашка или кожа?

Девушка покраснела, вскочила, быстро накрыла рукою плечо и сказала:

– Это, оказывается, порвалось мое платье.

Изумились путники ее красоте и пошли далее. От их сглаза девушка в скором времени умерла. Младший из братьев пошел к реке Гумс-хи, взял из нее большой камень, принес его к могиле сестры и ударил оземь: камень переломился пополам. Он взял одну

половинку и с размаху вбил ее в землю. Этот камень, высота которого более двух метров, называется надмогильным камнем нарт-орстхойцев.

Комментарии А. О. Мальсагова.

«Сказания, сказки и предания чеченцев и ингушей». Грозный, 1986, с. 353—354. В 1976 г. рассказал Жупойда Умаев (старик, житель сел. Ялхой-Мохк). Записал Х. Бурчаев.

В этом предании далее идет мотив гибели братьев из-за исчезнувшей благодати: братья по очереди пью расплавленную медь и умирают. Младший из братьев последним выпивает сво чашу, затем ударом ноги обрушивает на себя дом. Один из вариантов этого предания был опубл.: Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа, с. 115. Повторная публикация этого варианта была осеществлена: Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 332—334.

Гибель семи нарт-орстхойцев

В давние времена в Ялхой-Мохке жили семеро братьев нарт-орстхойцев. Они сильно притесняли людей. Бывало, женится молодой человек, а нарт-орстхойцы на время забирали у него невесту. Так они позорили чужих жен.

Женился как-то сын одного старика. Старик очень переживал, потому что боялся позора своего сына и своей невестки; он решил спасти невестку от насильников. Старик выстроил внешне красивый дом, крышу укрепил на столбе, но так, что рухнет кровля, если его выбить. Старик стал таскать большие камни и класть их на крышу. Из них образовался большой холм. Все это старик делал в большой тайне.

И вот однажды старик позвал к себе нарт-орстхойцев, завел их в построенный дом. Усадил их, поставил им пить и есть, а сам вышел. Нарт-орстхойцы стали пить брагу, есть мясо и в скором времени захмелели. Тогда старик послал к ним своего слугу, сказал:

– Возьми их чхонкар (палицу) и бей ею по столбу, что стоит посередине дома. Это развеселит их.

Слуга не знал, что крыша может рухнуть. Вошел он в дом и стал палицей бить по этому столбу и приговаривать:

– Семи братьев палица, семи братьев палица…

Столб вскоре расшатался, крыша дома рухнула и свалившиеся камни погребли под собой братьев-насильников. Так умный старик освободил людей от нарт-орстхойцев.

Комментарии А. О. Мальсагова.

«Сказания, сказки и предания чеченцев и ингушей». Грозный, 1986, с. 309—310. Записал на чеченском языке студент ЧИГУ Х. Бурчаев со слов Умаева Ш. в 1976 году в сел. Ялхой-Мохк ЧИАССР.

Ялхой-мохкское сказание

В прежние времена аул Ялхой-Мохк против нынешнего был гораздо больше. В нем жили семь братьев богатырей, отличающихся силой и молодечеством. Все их очень боялись, так как они мужчин убивали, а женщин подвергали насилию. Была у братьев единственная сестра такой красоты, что, пожалуй, красивее всех на свете. Однажды она пошла к роднику и стала мыть в нем вату. Вату она положила на серебряную доску и поливая ее водой из родника, била потом золотыми палками. В то время, когда она это делала, подошли к роднику пастухи с гор и заметили, что у нее сквозь разорванное платье что-то белеется, как молоко, или, как только что выпавший снег. [1]

Пастухи остановились и спросили сестру богатырей: «Девушка, что это у тебя белеется: лоскуток платья или тело твое?». Она сказала: «Тело». «Ой-ой! какое белое тело!«, – удивились пастухи и ушли себе. Сестра богатырей окончила свое дело и пошла домой, а вскоре после того умерла от дурного глаза пастухов. Братья выкопали могилу и похоронили сестру. Потом младший из них пошел на речку Гумс и отыскал каменный столб для памятника на могиле. Столб был такой тяжелый, что восемь пар быков не могли бы стронуть его с места, но младший брат взвалил его себе на плечи да один и принес на кладбище. Потом он один же и сразу воткнул столб в землю около могилы сестры. Стоит этот памятник и теперь, и на нем ясно видны пальцы богатыря. [2] [3] [4]

Покончив с похоронами сестры, братья сказали друг другу: «Теперь нам нечего делать здесь, пойдемте путешествовать по свету». И пошли они путешествовать по свету. Шли очень долго и почувствовали сильный голод. Тогда они завернули в аул и зашли в саклю одной бедной вдовы. Вдова приняла их, как гостей, попросила сесть отдохнуть и начала готовить для них еду. Сначала она разложила огонь и повесила над ним котел, да такой большой, что в нем, наверное, можно было бы сварить целого быка или лошадь, а потом взяла и бросила в котел такой маленький кусочек мяса, что видеть нечего было. [5]

Заметив это, братья говорят один другому: «Что нам в этом кусочке мяса? Она хочет нас оставить голодными». Между тем мясо сварилось, и вдова стала просить кого-нибудь из братьев снять котел с огня. Пошел старший брат: бился, бился он, но снять котел не мог. Пошел к нему на помощь второй брат, потом третий, потом четвертый, но и вчетвером они ничего не смогли сделать. Тогда вдова пошла сама и одной рукой сняла котел с огня.

Начала она выкладывать из котла мясо и выложила его столько, как будто в него был положен целый бык. Затем она бросила в котел галушки, приготовленные из горсточки муки, и опять повесила его над огнем. Когда же и галушки сварились, вдова выложила их вместе с мясом на несколько огромных блюд и предложила гостям закусить. Гости наелись досыта, а мяса и галушек осталось еще столько, что хватило бы на сто человек. Утолив голод, братья спрашивают хозяйку: «Как это ты сделала, что из положенных в котел маленького куска мяса и горсточки муки у тебя наварилось так много мяса и галушек?».

Вдова не знала, что гости ее богатыри и на вопрос их ответила так: «Дай бог погибнуть всем нынешним богатырям! С тех пор, как эти люди появились на свет, все в мире стало оскудевать. Теперь уже нет и не будет ни той пшеницы, ни того мяса, которые были прежде, и то, чем я вас накормила, это последние остатки прежней благодати». И еще раз сказала: «Пусть будет проклято народившееся племя богатырей!». [6]

Печально выслушали братья проклятье старухи и простившись с ней, отправились обратно в свой аул Ялхой-Мохк, а когда пришли, то почувствовали, что им стало тяжело жить на свете. Подумали они и решили умереть. Отправившись на ялхой-мохкское кладбище, братья вырыли себе там одну общую могилу и натаскали к ней с Гумса много камней. Потом,

возвратившись в аул, они собрали все аульное население и объявили ему о своем решении умереть, завещав, чтобы после смерти их всех положили в одну могилу и над могилой сделали курган из заготовленных ими камней. После этих распоряжений братья расплавили в огромном котле красную медь и начали пить ее из огромных чашек.

Младший брат наполнял чашки и угощал шестерых старших, а когда шестеро старших, напившись меди, попадали на пол сакли, он поднял котел и сам выпил все, что в нем оставалось. Но не сразу умерли братья. Они еще долго мучились, восклицая один за другим: «Ой, все кипит у меня внутри, ой, все кипит!». И сказали они собравшемуся народу: «Пусть дно котла будет вечно напоминать вам, как кипит у нас внутри». После смерти братьев народ исполнил их завещание: положил их всех в одну общую могилу и воздвиг на ней курган из заготовленных раньше камней.

Так умерли ялхой-мохкские богатыри, предки нынешних ялхой-мохкцев, и дно котла доныне напоминает всем об их страданиях перед смертью. Налейте в котел воды и поставьте его на огонь. Когда огонь разгорится, в котле начнется шум. Этот шум и напоминает нам о том, какой смертью умерли наши [ялхой-мохкцев] предки.

Комментарии У. Б. Далгат.

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 332.

Ялхой-Мохк – небольшой ичкеринский аул, на кладбище которого действительно свалена груда камней, по форме своей напоминающая обыкновенную насыпь, только в больших размерах, делаемую туземцами над могилами своих покойников (примеч. Н. Семенова). [1]

Белизна тела, по старым вайнахским эстетическим понятиям, считалось основным достоинством красавицы. [2]

У вайнахов вплоть до недавнего времени вера в дурной глаз была очень сильна. Почему-то пастухи, по многим сказаниям, обладают такой способностью. Есть поговорка: «У того, кто много ходит за овцами, чернеет душа». [3]

Многие ичкеринцы уверяли меня, что они сами видели памятник и что на нем ясно сохранились следы пальцев гигантской руки. Конечно, в ноздреватой поверхности каменных глыб, долго подвергавшихся действию атмосферы, при известной игре воображения можно отыскать все что угодно (примеч. Н. Семенова). [4]

Вдова – это та же Жербаба. Показательно, что вдова не только имеет благодатные продукты, но способна одной рукой сделать то, что не под силу четырем богатырям. [5]

Здесь под «братьями-богатырями» подразумеваются нарт-эрстхойцы. [6]

Чухиева шайка

Нарты-орстхойцы были весьма буйными людьми. Они брали в плен и продавали людей, разбойничали, давали ложные клятвы. Как-то украли мальчика, родители которого были очень богаты и могли уплатить большой выкуп. Сковали они мальчика и заключили в темницу. Затем послали посредников с предложением уплатить за мальчика выкуп. Отец мальчика влез в большие долги и собрал большую сумму.

Предводителем у этих нарт-орстхойцев был некий Чухи. В его дружине было семь разбойников. На предложенную сумму согласились все, кроме одного, по имени Цазик. Он был очень жаден и внес разлад в шайку, убеждая ее, что родители мальчика в состоянии внести более крупный выкуп. Но мужчинам не положено нарушать слово, поэтому разбойники, выдумав какую-то причину, потребовали заплатить вдвое большую плату. Отец и весь род мальчика стали вновь собирать деньги для выкупа, но тем временем мальчик умер, так как за ним не было должного ухода и его плохо кормили.

– Ваш мальчик был больным, оттого и умер, а мы тут ни при чем, – сказали разбойники и передали через посредников тело мальчика его родителям.

Те объявили кровную месть всей шайке Чухи. Разбойники умели творить плохие дела, но сами были людьми трусливыми. Узнав об объявлении кровной мести, вся шайка от страха сбежала из тех мест. Но разве можно избежать Божьего наказания! Бог наслал на

разбойников голод. Разбойный промысел их стал них неудачным. Они оказались на грани голодной смерти. Кишки их урчали от голода.

Но вот случайно, где-то далеко, они наткнулись на дом одиноко живущей Жербабы. Она не знала, какими плохими людьми были ее гости, и потому поставила перед ними – большую чашу, полную мяса и галушек. Словно голодные псы накинулись они на еду, тесня друг друга. Но сколько бы они не ели, пищи не убывало. *гуй*

Насытившись так, что животы их вздулись, они спросили Жербабу:

– Сколько бы мы не ели, еда не убывает. Почему это так?

– Потому что это благодать земная. Всевышний дал мне ее из-за моей чрезмерной щедрости: когда наступил голод, я последнюю краюху хлеба отдала нищему, и сама очутилась на грани смерти.

Разбойники вновь стали странствовать, но вновь их постигла неудача. Вспомнили они про Жербабу, вернулись к ней и насильно отобрали у нее эту посудину. Разве Бог мог

такое простить? Задул сильный ветер и унес в небо всех разбойников Чухи, вместе с посудиной. Остался на земле лишь Цазик, которого вскоре земля поглотила. Посудина

вознеслась и остановилась прямо посередине неба, превратившись в звезду. Также в звезды превратились Чухи и его разбойники. И сейчас они кружат вокруг той звезды-посудины,

хотят до нее дотянуться. Не дай Бог, чтобы они дотянулись, ибо тогда могут произойти большие несчастья.

Жербабе же Бог вновь дал неиссякаемую чашу. А еще дал хорошего пса, чтобы он не допускал к старухе злых людей. Если посмотреть на небо, то и сегодня видно, как Чухий-

гяр – разбойничья шайка (Малая Медведица) кружится вокруг этой посудины (Полярной звезды), но не может до нее дотянуться.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 45—46. Нальчик, 2012.

В 2008 году от 52-летней жительницы Малгобека Тамары Баранхоевой записал М. Матиев.

Куда девались нарты-эрхустойцы

Нарты, пьющие расплавленную медь, переселились на небо. На Западе есть семь блестящих звезд, это и есть пропавшие нарты. [1] [2] [3]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 337.

Иногда нарты, по сказаниям, пьют медь, как обыкновенный напиток. Медный напиток, гибель нартов от меди и медные наперстки, которыми жербабы отмеривают благодатную муку для приготовления хлеба, – все это приближает сказания к раннебронзовому периоду жизни человечества. [1]

Здесь традиционный мотив гибели нартов отсутствует, речь идет лишь об их переселении на небо. [2]

Это, по всей вероятности, Большая Медведица, о которой у горских народов Северного Кавказа (в том числе у вайнахов) существуют различные мифы (см. осетинское предание «О небесных светилах», опубликованное В. Миллером в «Осетинских этюдах», где тоже говорится о Полярной звезде – Ахсак Темур и Большой Медведице). [3]

Хребет семи братьев нарт-эрстхойцев

В детстве я слышал от отцов своих, что в давным-давно прошедшие времена, в краю, где мы сейчас живем, находилось большое село нарт-эрстхойцев. Среди нарт-эрстхойцев жили семь братьев и одна сестра. Все они были одинаковой силы и доблести. Все это произошло еще до наших семи предков, когда люди переселялись из Нашхи в Ялхой-Мохк. Место, где постоянно жили братья и сестра, называлось «Хребет семи братьев нарт-эрстхойцев». Семеро братьев-нартов обладали неимоверной силой. Жители Ялхой-Мохка не могли поэтому ничем противостоять братьям, притеснявшим людей. [1]

Тогда люди сговорились хитростью одолеть нартов. Когда семеро братьев и их сестра улеглись спать в своем доме, люди подождали пока они уснут, украдкой пробрались в дом и свалили большую опору, стоявшую посреди дома. Кровля обрушилась, и под ней были погребены нарт-эрстхойцы.

Близ нашего села есть два больших камня. Рассказывают, что это две опоры от бывших здесь нартских ворот. Когда погибли семеро братьев и их сестра, говорят, отсюда ушли и все другие нарт-эрстхойцы.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 341.Текст записан С. Эльмурзаевым в 1960 г. на чеченском языке в сел. Ялхой-Мохк Ножай-юртовского района со слов Раасу Саламова, 1889 г. рождения. Запись и рассказ произведены на плоскостном диалекте. Текст опубликован без названия.

В этом сказании, как и в предыдущем, говорится о том, что чеченцы изгоняют нарт-эрстхойцев из Нашхоя, вернее, оттуда, где сейчас находится село Ялхой-Мохк. Тематически это сказание близко примыкает к сказаниям «Царь нарт-эрстхойцев Науразе», «Башня Науразе». Во всех этих сказаниях чеченцы вытесняют своих врагов – нарт-эрстхойцев, причем борьба происходит из-за овладения землей. [1]

VII. БОТКИЙ ШИРТКА

Странствия Ботки

Было время, когда нарт Ботка очень возгордился. Приговаривал он:

– Кто сравнится со мною? Кто меня превосходит?

Часто он ходил в походы за добычею. Встретит, бывало, на пути какого-либо мужчину и обязательно скажет ему:

– Борись со мной, если ты мужчина!

– Оставь меня, мне с тобою не сладить, – отвечал проезжий.

– Раз так! – сказав, он, с седла протянув руку, нагибал к земле вблизи стоящее дерево, привязывал к нему встречного и отпускал это дерево. Тот висит на нем, извивается, а затем кое-как освобождается и убегает от страха. И своей жене он не давал покоя, говоря:

– А ну-ка скажи, что никто в этом мире меня не превосходит!

– Нет никого, кто тебя превзошел бы, – отвечала жена.

– А раз так, начинай танцевать, – говорил он, начинал напевать и хлопать в ладоши, заставляя жену танцевать.

Долго терпела все это жена, но, наконец, ее прорвало:

– Нечему гордиться, немало тех, кто тебя превосходит. Сходи к моему двоюродному брату и тогда узнаешь: есть или нет тебя превосходящие.

– Раз уж так крепко твое слово, то я пойду, но не дай Бог тебе ошибиться!

Поскакал он к родственникам жены. Был он рассержен настолько, что без всяких разговоров всех встречных привязывал к деревьям. Таким образом он подвесил в тот раз человек десять. Наконец-то прискакал он в страну родственников своей жены. А она не была из нартского рода, а была из рода великанов-вампалов. Но так как рост у нее был обыкновенный, то нарт Ботка об этом не знал. Приехав в страну вампалов, он увидел молодого человека, рыбачившего на берегу реки. Удилище его было из оголенного ствола чинары. Сидя, юноша был выше сидящего на коне Ботки.

В это время вампал выудил рыбу, и она случайно ударилась об Ботку и его коня. Была она столь большая, что его вместе с конем далеко отбросило. Разговорились они, и тут великан смекнул, что к нему явился его зять. Из-за того, что он измывается над его сестрою, заставляя танцевать, он решил с ним поквитаться. Сидя, он протянул руку к лесу, вытащил из земли дерево, положил на него рыбу и сказал:

– Прицепи это дерево к хвосту коня и волоки эту рыбу во-он по той дороге. Там наш дом. Скажи жене, чтобы она ее поджарила, а тем временем и я подойду.

С трудом лошадь поволокла дерево с рыбой. Жене великана он передал его просьбу. И вдруг она сказала:

– Если ты не убежишь отсюда как можно быстрее, то тебе не поздоровится. Он давно хочет с тобой поквитаться. Мечтает он тыкать в тебя кинжалом и заставлять танцевать, пока ты замертво не свалишься.

– Теперь я понял, что есть люди, которые меня превосходят. Спаси меня, прошу тебя, – взмолился он.

– А все из-за того, что вы, нарты, очень кичливые и гордые, – сказала она с укоризною.

А в тех местах и вороны были огромными – ростом с коня. Схватила женщина пролетающую ворону и привязала к ее спине Ботку вместе с конем.

– Эта ворона унесет тебя далеко, а затем поступай, как знаешь, – сказав так, женщина отпустила ворону.

Далеко они улетели. Пролетая над лесом, ворона увидела брошенную кем-то требуху и села на нее. Вместе с конем Ботка сошел с вороны и стал озираться. Увидел он огромного-преогромного человека. такого, что рыбак перед ним был не больше ребенка. Этот великан шел согнувшись почти вдвое, чтоб не быть выше леса ичтоб звери его не увидели. Ну а если бы он выпрямился, то был бы уж точно с гору.

Поговорили они, и Ботка объявил себя его гостем. Тот принял его и стал на ужин поджаривать трех оленей. Вкусно и сытно поухинав, начали они говорить о разном, и Ботка рассказал великану-охотнику о своих похождениях. Тогда охотник сказал:

– Хорошо, что ты хотя бы теперь понял, что есть люди, превосходящие тебя. Превзошел тебя тот рыбак? Превзошел. А я превзошел того рыбака? Тоже превзошел.

– Да уж точно. Вот тебя-то вряд ли кто когда превзойдет, – уверенно сказал Ботка.

– Знай же, есть на этом свете люди, которые и меня превосходят. Расскажу тебе об одном случае. Если то, что поведаю, будет правдой, то вот эта вблизи от на стоящая сосна сама собою загорится.

И начал он рассказывать:

– И я был в свое время очень самоуверенным и считал, что никто не сможет меня превзойти. Однажды, полный таких мыслей, я был на охоте. Вдруг в поле я увидел огромный, величиною с башню, человеческий череп. Вместо двух у него посереди лба была одна глазница. Видать было, что череп лежит давно, потому что на нем рос кустарник, в котором гнездились птицы. В то время у меня была волшебная плеть, с помощью которой я мог исполнить любое свое желание. Недолго думая, я ударил плеткой по черепу и произнес: «Воскресни ты тем, кем ты ранее был, но так, чтобы с места сойти не смог».

И что же ты скажешь! Стал череп возноситься к небесам и возник великан ростом с высоченную гору. Начал он вертеть телом, пытаясь сдвинуться с места, но ноги его словно к земле приросли. Заговорил он – словно гром с небес: «Что это? Я ожил, а сдвинуться с места не могу?». «Это я тебя так оживил. Долго ты тут лежал? Что ты за человек? Расскажи о своем времени». «Ты спрашиваешь про мое время? Оно было весьма благодатным. Леса в то время были в мой рост, а теперь я вижу во-он тот лес, который не выше травы моего времени. А ты что такой маленький? Ешь, наверное, мало». «Зараз мне хватает одного барана». «Эхе-е, … все испортилось. В наше время еда была очень сытной: мы насыщались одним бараньим ребром. Что ты за человек? Что ищешь?». «Я из нартского племени. Пошел я по свету искать того, кто бы меня превосходил. И вот я нашел, кого искал, – это ты. Вряд ли кто тебя превзойдет!». «Это ты неверно сказал. Есть и такие, которые меня превосходят. Расскажу тебе об этом…

Был я молод, когда шел вот по этой равнине. Увидел я косаря за работой. Был он столь высок, что на голове у него была папаха величиною со скирду, чтобы солнце голову не напекло. Разговорились мы, и он сказал: «Теперь ты мой гость. Живу я во-он за той горою. Пойди и скажи жене – пусть приготовит котел и дрова, скоро и я подоспею».

Пришел я к его жене и передал, что, дескать, косарь просит приготовить котел и дрова, чтобы сготовить ужин.

«А знаешь, что он хочет сварить на ужин?». «Нет, не знаю». «Он поедает таких, как ты, заплутавшихся людей. Вот-вот он явится и тебе несдобровать. Как мне тебя жаль!». «Богом твоим заклинаю, спаси меня от него!», – взмолился я. «Угораздило же тебя заклясть меня моим богом! Деваться некуда, надо будет тебе помочь, да вот как это сделать – не знаю. У него очень острый нюх, он тебя наверняка найдет».

Стала думать эта невообразимошо роста великанша. В это время стала содрогаться земля: это косарь шел домой.

«Я тебя вот сюда спрячу, – сказала великанша, задрала свой подол и втиснула меня в свой пуп. «Где этот муравей-человечек, которого я послал сюда?», – проревел он. «Не знаю, о ком ты говоришь. В наших диких местах разве найдешь человека?».

Не веря ей, он начал везде все обнюхивать, но не догадался понюхать свою жену. Не уловив запаха, он успокоился. Поужинав, он от усталости быстро уснул. Его жена схватила петуха, сунула меня ему под крыло и отпустила его. Она обладала волшебством и наказала петуху бежать прямиком к моему дому. Так я и спасся. Потом наша большая семья целый месяц ела этого петуха и соседям от него досталось немало.

Когда я находился в пупе той женщины, то от урчания ее живота я оглох настолько, что с месяц толком ничего не слышал. Знай же, мужчина, никогда нельзя говорить, что нет человека, который бы тебя превосходил. На свете этом немало людей, которые превосходят и тебя, и меня. Времена наступили скудные, и я в них не уживу. Пусть я опять стану черепом.

«Вновь стань черепом, как и был ранее», – сказал я, ударил плетью по его ноге, и великан вновь стал черепом. Тут сосна, стоявшая рядом, сама собою загорелась.

Вернувшись домой, нарт Ботка сказал своей жене:

– Уверился я теперь, что есть на свете люди, намного меня превосходящие. Запевай и хлопай в ладоши, – с этими словами нарт Ботка пустился в бурный пляс.

Комментарии И. Дахкильгова.

«Ингушский нартский эпос», стр. 278—282. Нальчик, 2012. В 1991 году от 97-летнего жителя Джейраха Али Изновриевича Льянова записал Магомет Арскиевич Льянов.

В горнорачинском (Грузия) фольклоре есть герой Майр-Батого. Причем, исследователь Ш. Дзидзигури пишет, что элемент «Майр» в этом имени для него неясен. Однако слово «майра» хорошо известно в ингушском языке, в котором оно четко и ясно имеет смысл «храбрый». А само имя героя Батого весьма созвучно ингушскому Ботка, который в ингушском эпосе представлен отцом Ширтки (Ш. Дзидзигури. Грузинские варианты нартского эпоса. Тбилиси, 1971, с. 17).

О великанах имеется и следующий ингушский миф «Прежние великаны».

«Прежде чем сотворить человека, Бог создал великанов-вампалов. Они были настолько велики ростом, что, проходя под солнцем, нагибались, чтобы не сшибло с них пахи и не обожгло головы. Скот у них был такой величины, что он поедал леса, как траву. Их огромные тела не удовлетворялись обыкновенной пищей, и они при случае поедали друг друга. И все же Бог их терпел, надеясь, что со временем они образумятся. Но земля начала жаловаться Богу: „Со дня появления на свет этих великанов я не знаю покоя ни днем, ни ночью. Они всю меня перетоптали“. Бог послал на великанов заразную болезнь, и они все вымерли. Потом Бог создал человека. И тогда земля успокоилась» («Ингушский нартский эпос». – Нальчик, 2012, стр. 5).

Гарског-хромоножка

Сидел как-то на большом камне Боткий Ширтка и увидел человека, идущего по дороге. Он опирался на посох, и походка его была неровной. К тому же был он одноглазым. После взаимных приветствий и расспросов у них повелась беседа и Боткий Ширтка спросил:

– На какой это войне тебя так изувечило?

– Хорошо бы на войне. Если у тебя есть желание узнать про все, я тебе расскажу. Было нас семеро товарищей, славившихся среди нартов. Все завидовали нашему мужеству. Жили мы так: когда вздумается – скачем за добычей, а как захотим развлечься – ходим на охоту. Както мы прослышали, что в неком месте обитает необыкновенной силы вампал, который владеет огромной отарой овец. «Каким бы сильным он ни был, чего он стоит, узнаем, когда мы до него доберемся», – гордо сказали мы, не сомневаясь в своей победе над ним, и отправились в дорогу.

Расспрашивая встречных, проделали большой путь, и, наконец, в дальней стороне дошли до пещеры вампала. Лишь увидев огромный камень, которым заваливался вход в пещеру, мы поняли, что нам не под силу тягаться с тем вампалом. Камень, которым он на ночь заваливал вход в пещеру, мы всемером не могли сдвинуть с места. Оценив все это, наш тамада сказал, что самое лучшее – поскорее убраться отсюда. Заспешили мы прочь.

И тут вдруг потемнело, словно туча нашла на небо. А это, оказывается, вампал шел к своей пещере и загораживал солнце. Заговорил он с нами, словно гром прогремел: «Почему это вы чураетесь моего гостеприимства? Поворачивайте назад!».

Тамада сказал, чтобы мы дали ходу врассыпную. Но что толку! Издали полукругом провел он посохом по земле и всех нас сгрудил в свою горсть. «Давно мне не попадались такие, как вы, зайчата!», – сказал он, отнес нас в пещеру и накрыл огромным котлом. Заием он загнал овец и камнем плотно прикрыл пещеру. Брал он нас из-под котла и по-одному стал ощупывать, проводя пальцем по спине. «Какие же вы худые твари, – сказал он, и добавил, – но мне надоела баранина, и я давно не ел человечины. Думаю, вас семерых мне на ужин будет достаточно».

Разжег он очаг. Достал огромный вертел и стал нас по-одному насаживать на него. Насадив шестерых, он сказал: «Что толку от тебя, худышки, когда-нибудь и тебя слопаю». С этими словами отбросил он меня в сторону. Слегка повертел он вертел над огнем и полусырыми поодному стал поедать моих товарищей. Наевшись, он уснул крепким сном.

Решив, что пропал совсем, я, было, совсем отчаялся. Все же стал думать, что бы такое предпринять. Надумал его лишить одного-единственного глаза. Очаг еще тлел, и я в его угли сунул острие того вертела. Вскоре оно накалилось докрасна. С трудом я поволок вертел и изо всех своих сил ткнуд его в глаз вампала. Тут же отскочил далеко в сторону. Со страшным криком вскочил он. Стал метаться по пещере, биться по ее стенам. Наконец угомонился и обратился ко мне: «Зачем ты так поступил? Неужели же за то, что я оставил тебя в живых? Так ли это?».

Поняв, что он хочет услышать мой голос, чтобы изловить меня, я промолчал.

На рассвете овцы стали громко блеять. Вампал откатил входной камень, загородил вход в пещеру и стал выпускать овец по-одной. При этом он ощупывал их со спины. Огромный козел, величиной с бугая, еще не успел выйти. Я ухватился за его шерсть под брюхом и так, незамеченным, выбрался из пещеры и остановился в отдалении. Закрывая пещеру, вампал сказал: «Остаешься ты теперь в пещере, но вечером я разделаюсь с тобою». «Да что ты мне сделаешь, дуралей огромный, ведь ты же совершенно слеп?», – издали крикнул я. Я настолько обрадовался своей свободе, что за был об опасности, о чем сразу же и пожалел. Вампал тут же метнул в меня тот огромный камень, что был у него в руках.

Хорошо, я успел отпрыгнуть, иначе от меня ничего не осталось бы. Ударился камень об соседнюю скалу и от него отлетели куски, один из которых выбил мне глаз, а другой –

перебил мне голень. Мне было очень больно, и все же я не издал ни единого звука. Потом с большими трудами я добрался до дома. С тех пор меня и прозвали Гарскогом-Хромоножкой.

Пожалел его Боткий Ширтка. Тут же он пропал под землю. Вскоре вновь появился. Принес он волшебный точильный брусок. Провел он им по глазам, рукам и ногам Гарскога, как он тут же прозрел на оба глаза и совершенно перестал хромать.

Комментарии И. Дахкильгова.

«Ингушский нартский эпос», стр. 286—288. Нальчик, 2012. В 1962 году от 85-летнего жителя села Джейрах Гапура Эльбазковича Льянова записал Магомет Арскиевич Льянов.

Сюжет этого сказания является общемировым и восходит еще ко временам «Одиссеи» Гомера. Имеется он и в «Тысяче и одной ночи» (Путешествие Синдбада). Также этот сюжет представлен в кавказской Нартиаде, в том числе и в ингушском фольклоре.

Орхустойцы и Ботоко Ширтга

Соска Солса с прочими орхустойцами решил переселиться с гор на плоскость. Но так как орхустойцы не могли обойтись без Ботоко Ширтги, то пригласили и его переселиться вместе с ними. Ботоко Ширтга переселился, и для своей единственной лошади получил позволение орхустойцев пасти ее только около дороги. Маштачок его через три месяца разжирел до того, что нельзя было нащупать, где у него хребет. Лошади же орхустойцев, несмотря на то, что паслись на приволье, были худы.

Стали орхустойцы завидовать Ботоко Ширтге. Зависть их дошла до того, что они решили назло Ботоко Ширтге обрезать губы у его лошади. Сын его, ходивший часто в поле поглядеть за лошадью, узнал, что орхустойцы обрезали ей губы, и поспешил сообщить об этом отцу. Ботоко, недолго думая, отправился в поле, где паслись лошади орхустойцев, и обрезал им хвосты. К вечеру он возвратился домой как ни в чем не бывало; сел в пхегате и смотрел на возвращающийся с поля табун.

«Смотри-ка, – говорят орхустойцы Ботоко Ширтге. – Вон впереди идет твоя лошадь и смеется чему-то». «Да, – отвечает он, – она смеется над идущими сзади нее вашими лошадьми, похожими на девиц с обрезанными косами». Орхустойцы смекнули, что Ботоко Ширтга сыграл с ними шутку. Рассерженные, бросились они на него, но он в один миг исчез под землей. Он отправился на тот свет. [1]

Орхустойцы не могли долго обходиться без Ботоко Ширтги. Они вызвали его с того света, затаив до поры в душе злобу. Однажды орхустойцы и Ботоко Ширтга с сыном отправились на поминки. Сын Ботоко на поминках встал около котла, в котором варилось мясо, и орхустойцы бросили мальчика в котел, сказав: «Сын Ботоко не хотел подождать, пока сварится мясо, и полез в котел». Ботоко видел, как бросили сына в котел, и как он там сварился, но не показал вида, что заметил это, и молча поклялся в душе жестоко отомстить орхустойцам за этот поступок.

Прошло несколько времени. Ботоко однажды отправился на охоту в горы. Долго ходил он и нечаянно наткнулся на избу Горбож. Он вошел в избу и увидел рабыню огромного роста и спросил, где ее сыновья. «Они отправились искать добычи, и вот уже более месяца их нет дома», – отвечает рабыня. «Послушай, Горбож, – говорит Ботоко, – я тебе приведу тринадцать человек. Можешь ли ты справиться с ними?». «Пусть между ними будет и Соска Солса, – отвечает Горбож, – и тогда я с ними справлюсь!». [2]

Ботоко Ширтга обрадовался, что нашел случай отомстить орхустойцам за сына. Возвращаясь с охоты, он зашел к Соска Солсе и говорит ему: «Я нашел в горах хорошую добычу. Не хочешь ли завтра с прочими орхустойцами отправиться со мной на охоту?». «Я никогда не пропускал такого случая, и завтра с орхустойцами, сам-двенадцать, отправимся в горы». На другой день Солса в сопровождении двенадцати орхустойцев и Ботоко Ширтги отправился в горы за добычей. Ботоко привел их в избу Горбож.

Лишь только они показались на пороге, Горбож вырвала из своей косы волос и связала им Солсу с орхустойцами. «Неужели эта ведьма хочет меня обесславить перед целым светом?», – вскричал Солса и рванулся так сильно, что волос, который связывал его, врезался ему до самых костей. Между тем рабыня преспокойно натачивала свой острый нож, а Ботоко Ширтга с удовольствием смотрел на своих связанных врагов.

К вечеру возвратились с охоты сыновья Горбож и говорят: «Ну, матушка, искали, искали мы, хоть бы на одни сутки найти что-нибудь, и возвратились с пустыми руками». «Э, дети! Странствовали вы столько времени и пришли домой с пустыми руками, а ко мне вот сами пришли незваные гости. Поточите свои ножи, нам хватит этой добычи на целый месяц». С этими

уловами Горбож вышла на двор и стала советоваться с сыновьями, как зарезать гостей, – поодиночке или сразу всех вместе.

Соска Солса, видя, что дело разыгрывается не на шутку, стал умолять Ботоко Ширтгу, чтобы он спас их, дав им совет, как это он всегда делал в опасную для орхустойцев минуту, и чтобы он забыл нанесенную ему обиду. Ботоко не мог устоять против мольбы Соска Солсы, и как всегда прощал орхустойцам наносимые ему оскорбления, так простил им и смерть своего сына. Он твердо решил спасти их от неминуемой гибели.

Вот является Горбож с сыновьями и хочет зарезать всех орхустойцев. Ботоко Ширтга обращается к ней и говорит: «Послушай, Горбож, я знаю, что ты сильна и не выпускаешь от себя гостей живыми. Но прежде, чем зажарить вот этих гостей, разгадай загадку, которая была причиной моей с ними ссоры.

Загадка эта следующая. На одной горе лежал бык. Величина его была такова, что он, лежа на горе, щипал траву на плоскости и пил воду из реки, протекавшей у подошвы горы. Быка этого однажды схватил орел и унес. С этой добычей орел сел на рогах козла, под бородой которого сидел пастух. Сидя на рогах козла, орел пожирал свою добычу. От съеденной части он уронил кость – лопатку, которая попала в глаз пастуху, сидевшему под бородой козла. «Посмотри мой глаз, – говорит жене пастух, возвратившись со стадом с поля, – чем-то я засорил его нынче!». Жена посмотрела в его глаз и вынула оттуда лопатку быка, говоря: «Да вот эта лопатка находилась в твоем глазу», и бросила лопатку на землю. На этой лопатке поместился аул с девятью тысячами жителей. [3]

Аул этот часто подвергался тряске, как бы от землетрясения, и жители думали, что подземный бог прогневался на них, и для умилостивления бога приносили ему различные жертвы. Со временем стали они замечать, что аул их подвергается тряске только тогда, когда подходит к нему лисица, которая ходила грызть жилу, оставшуюся на лопатке быка. Жители убили эту лисицу и содрали с нее шкуру, но только с одного бока, потому что не могли повернуть лисицу на другой бок. При разделе шкуры, каждому из жителей аула достался такой кусок, что из него каждый мог сделать себе шубу.

В то время, когда жители старались перевернуть лисицу на другой бок, в ауле том одна женщина разрешилась от бремени сыном. Спустя три дня после родов, женщина эта отправилась с кувшином по воду на речку, возле которой лежала убитая лисица. Подойдя к лисице, она корцом с длинной ручкой перевернула ее на другую сторону, содрала остальную половину шкуры и сделала из нее своему сыну шубу, но шуба мальчика вышла без рукавов. [4]

Теперь отгадай, Горбож, или пусть твои сыновья отгадают, кто больше по величине и силе: бык ли, который был такой громадный, что, лежа на горе, щипал траву на равнине и на лопатке которого построился аул, состоявший из девяти тысяч жителей; орел ли, который унес этого громадного быка; козел ли, на рогах которого орел пожирал свою добычу; пастух ли, которому лопатка быка показалась пылинкой; лисица ли, подвергавшая аул тряске и из половины шкуры которой каждому жителю аула досталось на шубу; женщина ли, перевернувшая корцом лисицу на другой бок; мальчик ли, которому недостало половинной шкуры лисицы на шубу?».

Рабыня и ее сыновья стали разгадывать предложенную Ботоко Ширтгой загадку. Один говорил, что бык больше всех; другой – орел, который унес этого быка; третий настаивал на том, что козел больше всех по величине и силе. Между матерью и сыновьями произошел самый горячий спор. И в конце концов они схватились за ножи и перерезали друг друга. Тогда Ботоко Ширтга развязал орхустойцев и отправился с ними домой. С этого времени Ботоко и орхустойцы стали жить между собой дружно. [5]

Комментарии У. Б. Далгат.

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 298. Сказание записано Ч. Ахриевым на русском языке в 1870 г. в ауле Озик.

По всем сказаниям, Ботоко Ширтга отправляется в Эл – мир мертвых, когда оказывается в опасности. «Ширткъа» по-ингушски означает «ласка». Ласка почиталась у ингушей, и ее нельзя было убивать, если она поселялась в доме, это считалось счастливым предзнаменованием. Говорят, что, если подойти к норке ласки и произнести: «Ширткъа дика, дахка во» (ширтка – хорошая, а мышь – плохая), ласка выбегает из норы и начинает бегать по кругу (примеч. И. Дахкильгова). Исходя из того, что некоторым языческим богам у вайнахов были посвящены птицы (например, Тушоли – удод, Сеска Солсе – голубь), возможно предположить, что и ласка (ширткъа) была посвящена богу подземного мира. [1]

Горбож – по-ингушски и по-чеченски значит «рабыня». Во многих вайнахских сказках Горбож изображается с таким же характером, как в русских Баба-Яга. Подобно ей, Горбож живет в безлюдном месте. Иногда ее изображают девятиголовой. Она имеет оселок, оживляющий мертвого человека. Кроме того, чеченские сказания представляют ее как людоедку, готовую встретить с острым ножом заблудившегося путника, принять его на ночлег и сожрать на утро (примеч. Ч. Ахриева). В данном рассказе Горбож – не рабыня, служанка, а могучая великанша-людоедка. [2]

Подобные «загадки» бытуют в фольклоре многих народов. В кавказских же сказаниях этот известный мотив вмонтирован в эпический контекст. Чеченский вариант – «Загадки Боткий Ширтки» записан Х. Ошаевым (ЧФ, т. III. Грозный, 1964, стр. 98—100). [3]

Корец – ковш для воды. [4]

Записывая эту сказку, я имел в виду пополнить характеристику орхустойцев, о которых я говорил в своей заметке (ССКГ, вып. IV), как о героях, играющих главную роль почти во всех чеченских сказаниях (примеч Ч. Ахриева). [5]

Смех, идущий за позорищем

Жил некогда князь Соска Солса. За ним стояло много людей. Жил с ними и Батига Шурда. Он был шустрым и известным человеком, поэтому к нему питали зависть и Соска Солса, и его сподвижники. Чтобы опозорить Батига Шурду, они до основания срезали волосы хвоста его коня. А конь этот всегда ходил впереди нартского табуна. Вот вечером возвращается табун, а впереди идет лошадь, у которой вместо хвоста торчит культя. [1]

Тут нарты стали высмеивать Батига Шурду:

– Смотрите, смотрите! – восклицали они. – Во-он, идет позорщие!

Батига Шурда промолчал, словно ничего не случилось. На второй день он тайно пошел в табун и поотрезал верхние и нижние губы лошадей тех людей.

Вечером нарты вновь заголосили:

– Смотрите, во-он идет позорище!

На что Батига Шурда ответил:

– А вы посмотрите на смех, идущий вслед за позорищем.

Так он их осрамил, и они стали враждовать с ним. Тогда Батига Шурда ушел в неизвестную сторону. [2]

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», стр. 60. Нальчик, 2012. В 1974 году от пожилого жителя села Бамут Хасана Усуповича Терлоева записал И. Дахкильгов.

Тут проявились диалектные особенности, и потому вместо обычного произнесения имени героя как Боткий Ширтка, здесь он назван искаженно. [1]

Утверждение, что Боткий Ширтка ушел в другую сторону, появилось позднее. В подобных случаях традиционно утверждается, что Боткий Ширтка скрылся в подземном мире Эл (Iел). [2]

Ответы Батоко Шертуко, или Цена Соска Солсы

Сидели, как мы вот теперь, Соска Солса, Батоко Шертуко и другие орхустойцы в пхегате. Соска Солса чистил ружье. «Во что ты оцениваешь мое ружье?», – спросил он Батоко Шертуко. «Я оцениваю твое ружье ценой проса, помещающегося в дуле твоего ружья!». Соска Солса очень обиделся и рассердился на Батоко Шертуко, что он так оценил его ружье. «Коня моего во что ты оцениваешь?», – спросил Соска Солса у Батоко Шертуко. «Твоего коня я оцениваю в корову!», – ответил Батоко Шертуко. «Как же ты так оцениваешь, когда мне за него давали пленника!», – возразил Соска Солса. [1] [2]

«Почему я оцениваю твоего коня в корову, я объясню тебе: корова имеет вымя и четыре соска и выкармливает [ими] четырех человек. Неужели твой конь стоит больше четырех человек, выкормленных коровой?». «Во что ты меня оцениваешь?», – спросил Соска Солса у Батоко Шертуко. Батоко Шертуко стеснялся ответить на вопрос. «Без боязни можешь ответить!», – сказал Соска Солса. «Ты стоишь хорошей собаки», – сказал Батоко Шертуко. Соска Солса рассердился на Батоко Шертуко, но раз дал ему слово, что не будет ничего делать, то и оставил его в покое.

Через некоторое время Соска Солсе пришлось путешествовать. Он наткнулся на пастухов, пасших овец, и увидел собаку, далеко отставшую от стада. Он спросил пастуха, почему он пренебрегает собакой. «Она стара», – ответил пастух. Соска Солса остался ночевать у пастухов. Пастухи, по обычаю, зарезали барана. Соска Солсе было жаль собаки, и он поделился с ней ужином. Настала темная ночь, поднялась страшная буря и гроза. Ночью волки беспокоили стадо. Только старая собака отгоняла волков.

На другое утро пастухи нашли трех из них мертвыми. Поднялся спор между пастухами: какой собакой убиты волки? Чтобы узнать, Соска Солса велел поставить волков на ноги, как живых, и затем натравить собак. Так и сделали. Все пастушеские собаки испугались и разбежались, только одна старая собака бросилась на убитых волков. Соска Солса расстался с пастухами и сделал наказ, чтобы они ценили достоинство старой собаки.

Соска Солса вспомнил страшную ночь, вспомнил, как старая собака караулила их, а он спал под буркой и боялся показать свою голову. Он оценил достоинство собаки. Вспомнил он, как Батоко Шертуко оценил его наравне с хорошей собакой и остался доволен.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 297. Текст записан Ч. Ахриевым на русском языке; опубликован без названия.

Пхегат – постоянное место, куда собираются аульные зеваки (примеч. Ч. Ахриева). [1]

Просо в древности было у горцев одним из основных злаков, со временем оно стало вытесняться ячменем. [2]

Сравнение человека с собакой в быту ингушей и чеченцев носит оскорбительный характер. Вот почему Солса сначала рассердился на Батоко Шертуко. Дальше в сказании раскрываются такие положительные качества собаки, как смелость и преданность человеку, в чем убеждается и Солса, который впоследствии «остался доволен» таким сравнением. Примечательно, что для Батоко Шертуко ружье, сабля, богатырский конь (т. е. боевое снаряжение), как и сам воин Солса, не представляют особой ценности. Всему этому он противопоставляет просо, корову, собаку, т. е. то, что в глазах трудового земледельца составляет мерило ценности. [3]

Соска Солса и Батыг Шертга

Когда умирал Соска Солса, он позвал к себе Батыг Шертгу и спросил его: «Что стоит моя лошадь, которая перепрыгивает через башню, когда я рассержусь?». «Какая цена бывает дойной корове, когда бывает засуха и голодуха среди людей, столько стоит твоя лошадь», – ответил Батыг Шертга. «А сколько стоит моя шашка, которой я разрубаю скалу?». «Шашка твоя стоит столько, сколько стоит в неурожайный год ствол ружья, наполненный просом». «Ну хорошо, я-то сам сколько стою?». «Я тебя не сравню и с последним человеком, так как ты против бога войну вел». «Подобных насмешек я никогда не переносил», – сказал Соска Солса и положил руку на рукоятку шашки. «Ну, если так, я сам не останусь на этом свете», – сказал Батыг Шертга и скрылся на тот свет. [1]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 297. Записано Б. Далгатом на русском языке со слов сказителя Ганыжа.

Солса часто воюет с богами, например, в сказаниях «Рождение Села Саты» и «Соска и Горжай», в которых он сталкивается с Селой – одним из главных богов языческого пантеона вайнахов. [1]

VIII. ОСМЕЯНИЕ НАРТОВ

Гезама Али и Толам-Аго [1]

Гезама и его сын Гезама Али происходили из чеченцев. Однажды сын задумал отправиться с овцами в горы, где они давали хороший приплод.

Толам-Аго был среди нартов именитый нарт. Толам-Аго узнал, что Гезама Али с овцами находится в его крае. Имени Толам-Аго не смел назвать ни один житель города, в котором горело девять тысяч огней. На коне величиной с гору, а сам величиной с половину горы направился он к Гезама Али. «Придет – по воле приведу, не придет – силой приведу и овец пригоню», – так решил Толам-Аго.

До полудня дошел до Гезама Али конь, а после полудня показался [на коне] и сам Толам-Аго. Не ожидая салама от Толам-Аго, Гезама Али первым приветствовал его. После этого робость закралась в сердце Толам-Аго. Спешил своего гостя Гезама Али. Окинув его взглядом, он подумал: «Сколько баранов стоит зарезать такому гостю? Да, он и не съест больше одного, а если и съест, так этого будет для него достаточно». Так рассуждая, Гезама Али зарезал ему и себе по одному барану и стал смотреть, как ест гость, а ел он медленно. [2]

Не успел Толам-Аго съесть и половину барана, как Гезама Али съел целого барана; не успел Толам-Аго выпить и одной чаши бульона, как Гезама Али опорожнил весь котел. После ночи, поутру, отогнав своих овец подальше, спрашивает Али у Толама: «Что у тебя за дела? Без причины ты бы не явился. Теперь я к твоим услугам». «Нет у меня особых дел. Услышав, что ты появился в малообитаемом крае, я пришел установить с тобой родство [дружбу]», – ответил Толам-Аго.

Толам-Аго возвратился домой. Прошло четыре года. Однажды говорит он своим хилым [слабым, трусливым] нартам: «У Гезама Али овцы уже расплодились. Я был у него четыре года назад. Пойдите, пригоните овец и по доброй воле приведите и его самого». Прибыли они к Гезама Али, а было их 63 нарта. «Мы заберем твоих овец, по своей воле можешь пойти и сам». «Сам я не пойду, а овец забирайте», – сказал Гезама Али. Они взяли овец и ушли.

Когда они скрылись, Гезама Али вскочил на коня и прибыл домой. Он сказал отцу, сидевшему на сходке: «Дада, у меня есть к тебе дело». Отец не обратил на его слова никакого внимания. Тогда он обратился к матери: «У меня нарты забрали овец, и поэтому я приехал домой. Приготовь мне 63 стрелы». Сам Гезама Али поспешно принялся за изготовление лука. Мать посоветовала ему: «Иди, покушай. Один раз проглоченное [пища] хватает на двадцать дней пути, два раза проглоченное – па сорок дней пути, три раза проглоченное – на шестьдесят дней пути».

Пищу, застревавшую в горле, отведав трижды, собрался он в погоню за нартами. Мать ему говорит: «Если будешь ехать быстро по селу и, догнав их, возвратишься [ни с чем], тебя посчитают трусом. Проедешь по селу медленно, люди скажут: «Он не догнал их, потому что и за селом не спешил». Гезама Али проехал через село медленно, но за селом пустил коня. Один из самых хилых нартов, оглянувшись, увидел разлетающиеся искры. Он спросил нарта, главного среди нартов: «Что это за огни горят?». «Это пламя от копыт коня Гезама Али, бьющих о гору». «А что это за туман стелется?». «Это пар, бьющий из ноздрей коня Гезама Али», – ответил нарт, главный среди нартов. «Оставим овец и убежим». «Нет нужды бежать, ведь тогда нас убьет Толам-Аго; здесь останемся – Гезама Али убьет», – ответил нарт, главный среди нартов.

Догнал их Гезама Али, 63 стрелами убил 63 нартов и направился со своими овцами на кутан. Там забрал он свои вещи и возвратился домой к отцу. Дома он говорит отцу. «В малообитаемом крае я имею родственника [друга] Толам-Аго. Позволь мне съездить к нему». Отец разрешил и снарядил его в дорогу.

Прибыл Гезама Али к Толам-Аго, у которого была жена-красавица. С первого взгляда жене Толам-Аго понравился Гезама Али. Она поведала ему о подлом поступке мужа. Утром Гезама Али говорит хозяину: «Я знаю, что ты сделал подлость, и теперь мы должны драться!». «Как же я буду с тобой драться, когда я величиной с полгоры и тебе не поднять меня?», – спросил Толам-Аго.

«Это ты увидишь, когда мы начнем драться», – ответил Гезама Али. И они начали драться. Гезама Али приподнял Толам-Аго и по голень вогнал его в землю. Толам-Аго приподнял Гезама Али и тоже по голень вогнал в землю. Схватил Али Толама и по самую грудь вогнал его в землю. Только собрался он снять с него голову, как тот взмолился: «Не убивай меня, любое твое желание я исполню!». «Хорошо, принеси [со стороны] землю и сделай для меня три кургана, а три готовых кургана ты вспашешь [до уровня земли]», – сказал Гезама Али, взял пленников и возвратился к отцу. Ныне распаханные курганы были распаханы еще тогда. [3]

Комментарии У. Б. Далгат.

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 317. Сказание записано А. Мальсаговым на чеченском языке в 1966 г. в г. Грозном у Ихвана Ибрагимова, который слышал его от своего деда.

Гезама Али, т. е. Али сын Гезама; Толам-Аго – двойное имя. [1]

По горскому этикету, приветствовать первым должен тот, кто вошел в дом – здесь же это правило нарушается. [2]

Эти распаханные курганы находятся близ сел. Наур, локализация же нартских сказаний в этом районе хорошо известна еще по сведениям У. Лаудаева. [3]

Куллуби – победитель нарт-орстхойцев

У одной матери был сын Куллуби. Он был настолько труслив, что даже боялся выйти из дому. Мать была сильно обеспокоена этим обстоятельством, но не знала, что ей делать. Както она разбросала лепешки, начиная от комнаты, веранды и до самой улицы.

Проснулся утром Куллуби и видит разбросанные по полу лепешки. Подбирая их, Куллуби дошел до веранды, спустился во двор и вышел за ворота. Здесь перед ним открылся

невиданный мир, он увидел людей и, забыв о своем доме, пошел куда глаза глядят. Вскоре ему повстречался нарт-орстхоец, который бродил в поисках добычи для своих детей. Нарт-

орстхоец обрадовался, увидев Куллуби, и подошел к нему. Он не стал сразу убивать Куллуби, а предложил ему помериться с ним силой.

– Каждый из нас должен сжать этот брусок так, чтобы из него выдавилось три капли влаги, а на каменной дороге мы должны выбить пыль ногами, – поставил условие нарт-орстхоец.

– Я согласен помериться с тобой силами, но только через три дня, – сказал Куллуби.

На этом оба и порешили. Каким-то образом Куллуби добрался до своего дома и рассказал матери о своем споре с нарт-орстхойцем. Мать выслушала и дала совет Куллуби:

– Вот тебе брусок и яйцо, чтобы выжать капли влаги, – сказала она, – а вот тебе сумочка золы, чтобы ты мог поднять пыль на каменной лороге.

Взял Куллуби эти вещи и в назначенное время отправился к нарт-орстхойцу.

– Ты готов вступить со мной в спор? – спросил уже ожидавший его нарт-орстхоец.

– Конечно, готов, – ответил Куллуби.

Тогда нарт-орстхоец взял каменный брусок, сжал его, выдавил из него две капли воды и сказал:

– А ну-ка, покажи теперь ты свою силу, Куллуби.

Куллуби взял яйцо (незаметно для нарт-орстхойца), взял брусок и так их сжал, что даже руки у него стали мокрые.

– В этом споре ты превзошел меня, – сказал испуганный нарт-орстхоец. – Теперь посмотрим, кто из нас больше поднимет пыли на каменной дороге.

Разошлись они в разные стороны на значительное расстояние, а затем бросились бежать навстречу друг другу. Куллуби незаметно развязал мешочек с золой, висевший у

него на поясе и, вытряхивая ее, поднял много пыли, нарт-орстхоец же не смог поднять пыли. Нарт-орстхойца это страшно испугало, и он стал умолять Куллуби:

– Прошу тебя, не убивай меня!

– Хорошо, – сказал Куллуби, – но с сегодняшнего дня ты должен быть во всем послушен мне.

Нарт-орстхоец усадил Куллуби себе на спину и принес его в свой дом. Дыхание нарт-орстхойца приподняло Куллуби и стало носить под потолком комнаты.

– Ты что делаешь, Куллуби? Что ты носишься, словно на крыльях, у потолка? – удивился нарт-орстхоец.

– Я слышал, что в этом потолке спрятана ваша прадедовская шашка. Хочу взять ее и снести головы всем нарт-орстхойцам, – отвечал растерянный Куллуби.

Нарт-орстхойцы, испугавшись его слов, бросились бежать из дома. Пробежали они три горы и повстречали лису.

– Кого вы испугались? Куда бежите? – спросила их лиса.

Объяснили лисе нарт-орстхойцы, что бегут они от Куллуби.

– Вы испугались Куллуби, который даже носа боится высунуть из своего дома! – вскричала лиса. – Пойдемте со мной, я нагоню на него страху.

Нарт-орстхойцы поверили ей и следом за лисой двинулись в сторону жилья Куллуби. А Куллуби в это время висел вниз головой на огромной чинаре, зацепившись полой черкески за сучок.

– Что ты выделываешь, Куллуби? – спросила лиса.

– Хочу вырвать эту чинару и пуститься в погоню за нарт-орстхойцами, – ответил Куллуби.

– Ты хотела, чтобы Куллуби нас уничтожил! – вскричал нарт-орстхоец.

Он схватил лису и ударил оземь так, что она лопнула. С тех пор, говорят, нарт-орстхойцы исчезли из этого края, словно в воду канули.

Комментарии А. О. Мальсагова.

«Сказания, сказки и предания чеченцев и ингушей». Грозный, 1986, с. 290—292. Записал С. Джамирзаев со слов Алихановой Амант (91 год) в г. Грозном в 1972 году.

Старик-бедняк и нарт-орстхойцы

В давние времена в горах было одно селние, мимо которого протекала большая река. То были времена, когда нарт-орстхойцы были известны своей силой и могуществом. Они притесняли народы гор; ни один человек не мог оказать им сопротивление. Особенно прославились своей силой и храбростью семеро нарт-орстхойцев, которые жилит неподалеку от этого села. Они не давали покоя жителям села. Нарт-остхойцам на день и ночь не хватало двух быков; село очень страдало от этого: скота становилось все меньше и меньше. Тогда жители села стали советоваться, как бы им избавиться от гнета нарт-орстхойцев. Что бы им предпринять такое, чтобы навсегдда отвадить их от села? Но ничего дельного они придумать не могли. Так они и жили в печали и страхе.

Однажды на майдане собрались старейшины села. Пришел туда и старик-бедняк, который никем не был почитаем.

– Я остановлю нарт-орстхойцев, – сказал он. – Но для этого вы должны дать мне творог, шило и чашку муки, а также сумку, куда бы я мог все это сложить.

Старейшины, хотя и не придали значения словам старика-бедняка, принесли ему творог, шило, чашку муки, сумку и проводили его в путь. Подвесил старик сумку через плечо, вышел из села и стал у реки. Прошло немного времени, и на противоположном берегу показался нарт-орстхоец. Он решил устрашить старика и стал гримасничать, но старик не реагировал на это. Тогда он поднял камень с земли и, сжав руками, выдавил из него несколько капель воды. Старик спокойно достал из своей сумки мокрый творог и сжал его одной рукой: на землю потекла целая струя. Старик превзошел его.

Тогда нарт-орстхоец потер в ладонях камень и поднял пыль. Старик же достал из сумки муку, дунул на нее и поднял еще больше пыли. Это озадачило и испугало нарт-орстхойца. Старик, осмелев, приказал, чтобы он на своей спине перенес его на через реку. Нарт-орстхоец безмолвно взвалил старика на спину и стал переходить реку. Перейдя реку, нарт-орстхоец спросил:

– Если ты такой сильный, то почему ты такой легкий?

– Меня бог на небесах поддерживает цепями, – ответил старик.

– Пусть бог немного ослабит свои цепи, – попросил нарт-орстхоец.

Тогда старик достал из мешка шило и стал колоть им в спину нарт-орсхойцу.

– Хватит, пусть бог вновь натянет свои цепи, – взвыл напт-орстхоец.

Старик убрал шило. До вечера ездил старик верхом на нарт-орстхойце, а вечером заставил его привезти себя домой. По ранней договоренности с женой старик крикнул ей у дома:

– Жена, пойди и быстро свари нам мясо нарт-орстхойцев, убитых мною.

Нарт-орстхоец, испугавшись, глубоко вздохнул. Старика при этом подбросило к потолку, Нарт-орстхоец удивился и спросил у жены старика, что это он делает у потолка. Жена старика ответила, что старик хочет вырвать потолочную балку, чтобы ею избить тебя, нарт-орстхойца. Испугавшись этого, нарт-орстхоец бросился бежать.

Прибежал он к себе, а его спрашивают, что это висит у него на шее. Им оказался дверной косяк, который он зацепил, выбегая из дома старика. Нарт-орстхоец рассказал товарищам о своих злоключениях. Нарт-орстхойцы, говорят, с тех пор, боясь старика, перестали появляться в селе.

Комментарии А. О. Мальсагова.

«Сказания, сказки и предания чеченцев и ингушей». Грозный, 1986, с. 283—285. Записано студентом ЧИГУ им. Л. Н. Толстого на чеченском языке со слов Эльмурзаева Бусы (83 года) в 1971 году в селении Шали ЧИАССР.

60 орхустойцев и Цазик [1]

Это было давно. Жили в одном ауле 60 орхустойцев. Все они происходили от 60 матерей; каждый из них имел по одному быку. В соседстве с орхустойцами жил человек по имени Цазик, имевший также одного быка. Как только наступила весна, орхустойцы отправились в поле для пахоты и захватили с собой быка Цазика без его ведома. Когда они возвратились с поля, то вместо того, чтобы поблагодарить Цазика, стали его бить, зачем-де он не явился к ним в поле на помощь. «Меня сколько угодно бейте, – сказал Цазик орхустойцам, – только, ради бога, не бейте моего быка». «А! Так для него тяжелее перенести побои на быке, чем на себе. Давайте же, – вскричали они, – назло ему убьем быка». И орхустойцы убили быка.

Цазик, собрав кости быка в мешок, отправился в аул, где люди гребли золото лопатами. Вечером подошел он к одному дому. Хозяин пригласил его зайти в дом и оставить свою ношу в передней. «Нет, – говорит Цазик, – благодарю тебя, но я не могу оставить мешок с золотом в передней твоего дома, потому что судьба постоянно преследует меня, и я боюсь потерять его». «Если он пропадет, я дам тебе столько золота, сколько его у тебя в этом мешке». Тогда Цазик оставил свою ношу в передней и вошел в комнату.

На другой день рано утром вышел Цазик посмотреть на свой мешок. «Какой я несчастный, как я глуп! Зачем я оставил в передней мешок, зная, что судьба меня оставляет!?». С такими словами вбежал он в комнату. «Что случилось с твоим мешком?», – спрашивает его хозяин. «Похищено золото, находившееся в мешке, и похититель на смех положил в мешок кости быка или коровы!». Хозяин насыпал ему в мешок золота и отпустил его домой.

Орхустойцы, узнав, что Цазик возвратился домой с огромным богатством, пришли к нему узнать, как это он приобрел столько золота. «Был я, – говорит Цазик, – в таком ауле, где кости, особенно бычьи, ценятся дороже золота, и там променял я кости своего быка, убитого вами, на чистое золото». «А что, дадут нам золото, если мы отвезем туда кости своих быков?», – спрашивают орхустойцы. «Отчего не дадут! Дадут, отвезите только».

Орхустойцы порезали всех своих быков и отвезли их кости в тот аул. Стали они ходить по аулу с костями и кричать: «Кто хочет променять золото на кости?». Жители со смехом выгнали их из аула. «А! Так Цазик вздумал пошутить над нами», – сказали орхустойцы с злобой, – мы сотрем его с земли!».

Как только возвратились они домой, тотчас же напали на Цазика и стали колотить его. «Меня бейте, сколько угодно, – говорит Цазик, – только мать мою не бейте». Назло ему орхустойцы тут же убили его мать. Цазик, одев покойницу, как невесту, и положив ее себе на плечи, отправился в один аул. Подошедши к нему ночью, он остановился у реки, которая текла подле аула, и поставил мать свою на ноги, подперши ее двумя палками, а сам пошел в аул, во двор одной вдовы, которая имела трех дочерей.

Вдова попросила его зайти в ее кунацкую. «Не могу, – говорит Цазик, – зайти к тебе, потому что около реки оставил я свою невесту, а я так несчастлив в жизни, что боюсь, как бы не лишиться ее». «Я, – говорит вдова, – пошлю сейчас своих дочерей за ней». «Не могу послать твоих дочерей за моей невестой, потому что боюсь, как бы не случилось с ней какое-нибудь несчастье». «Если случится, – говорит вдова, – с твоей невестой что-нибудь, то я отдам тогда за тебя свою старшую дочь».

Цазик согласился и остался на ночь у вдовы. Вдова же послала своих дочерей за невестой Цазика. Девушки нашли около реки женщину, одетую, как невеста, но едва дотронулись до нее руками, как она свалилась в реку, и река понесла ее. Девушки возвратились домой и рассказали матери и Цазику, какое несчастье случилось с ними. Нечего было делать, вдова отдала свою старшую дочь за Цазика. Таким образом Цазик возвратился домой с невестой.

Услыхав об этом, орхустойцы пришли спросить у Цазика, как он приобрел себе невесту. «Был я, – говорит он им, – в таком ауле, где за мертвых, в особенности за мертвых старух, охотно наделяют невестами». Орхустойцам, хотя и имевшим уже жен, показался очень заманчивым такой способ приобретения невест, и они спрашивают у Цазика: «А что, нам могут променять невест на тела наших старух?». «Могут, отчего нет», – отвечает им Цазик. Орхустойцы убили своих матерей и понесли тела их в тот аул, который указал им Цазик. Пришедши туда, они стали кричать: «Кто меняет невест на мертвые тела?». Жители со смехом прогнали их. «А, – говорят тогда орхустойцы, – опять Цазик вздумал над нами подшутить! Постой же, мы его сотрем с земли!».

Возвратившись домой, стали они его колотить. «Бейте меня, сколько хотите, – говорит им Цазик, – только не бросайте, положив на доске, в реку». Они положили Цазика на доску и кинули его в реку. Цазик поплыл по реке. Долго ли, коротко ли плыл он, не знаем, но вот стал он плыть мимо пастуха, стадо которого расположилось на берегу.

Пастух говорит ему: «Спасти ли тебя?». «Спасай, – отвечает Цазик, – если только тебе хочется отдать мне корову из своего стада». «Вот еще что выдумал! Спасай тебя, да еще отдай тебе корову! Тони, если тебе хочется!». Проплывает Цазик мимо табуна лошадей. Табунщик тоже предлагает ему свои услуги. «Спасай, – говорит ему Цазик, – если тебе хочется отдать мне потом лошадь из своего табуна!». «Вот еще! Спасай тебя, да еще отдай тебе лошадь! Погибай, если тебе хочется!». Проплывает он мимо стада овец. «Вытащить тебя из реки?», – спрашивает его пастух. «Вытаскивай, если тебе хочется отдать мне потом барана из своего стада». «Отчего же нет? Можно отдать. Ведь не погибать же человеку из-за одного барана!». И пастух вытащил Цазика из реки.

Когда же получил он барана, то стал было прощаться с пастухом, но тот упрашивал его остаться с ним на ночлег. «Нет, не могут остаться, – говорит Цазик. – Я так несчастлив, что боюсь, как бы ночью не случилось что-нибудь с моим бараном». Пастух обещал ему, если только случится какое-нибудь несчастье с бараном, отдать ему 60 овец. Цазик согласился и остался ночевать. В полночь, когда пастух заснул, он встал потихоньку и, поймав своего барана, зарезал его, а потом стал мазать его мясом по губам всех овец, а кожу его разорвал на мелкие куски. Затем он опять лег спать, как ни в чем не бывало.

На утро Цазик пожелал видеть своего барана и вместе с пастухом пошел посмотреть стадо. Видят они, что у всех овец губы в крови, а барана Цазика совсем нет. Тогда Цазик стал громко роптать на свою судьбу, жалуясь, что ему ни в чем удачи нет и что он потому именно и не хотел оставаться на ночь у пастуха, что предчувствовал несчастье. Пастух отдал ему 60 овец и отпустил его.

Узнали орхустойцы, что Цазик возвратился домой с барантой, пошли к нему и начали спрашивать его, как он приобрел баранту. «Да вот как, – говорит Цазик, – Когда вы бросили меня в реку и я доплыл уже до моря, Мать вод позвала меня на дно морское и дала мне 60 овец в благодарность за то, что я посетил ее море». «А что, если мы посетим Мать вод, то она и нам даст?». «Отчего же нет? Только доплывите до моря каждый отдельно. А когда старший прибудет туда, то он должен броситься с доски прямо в море, и, если он попадет на дно морское, значит Мать вод призывает его к себе. Тогда и остальные тоже нырните в воду». Орхустойцы сели на доски, каждый отдельно, и поплыли по реке к морю. Когда они доплыли до моря, то старший из них бросился в море и стал бить руками, как всякий утопающий. Орхустойцы же, думая, что старший брат зовет и их за собой, бросились все в воду. Таким образом все они и потонули. [2]

Между тем орхустойские жены ждали возвращения своих мужей. Видя, наконец, что их ожидания напрасны, кинулись они к Цазику как виновнику их несчастья. Цазик стал бежать от них, а они за ним. На дороге Цазику встретился еврей, который вез на лошади товар. «Ты куда так бежишь?», – спросил его еврей. «Влюбились в меня, – говорит Цазик, – 60 женщин,

и каждая из них хочет, чтобы я жил с ней. Но я ни с кем из них не желаю жить, так вот они гонятся за мной». «Дай, я заменю тебя», – говорит ему еврей. «С радостью, если ты хочешь этого». Еврей передал свою лошадь с товаром Цазику и поменялся с ним одеждой. Когда жены орхустойцев встретились с Цазиком, то приняли его за торгующего еврея и пропустили мимо себя. Догнав же еврея, они убили его, приняв его за Цазика. Потом они разбрелись в разные стороны. Цазик же возвратился домой и стал жить с этого времени без всяких тревог.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 356—359. Текст записан Ч. Ахриевым на русском язык в 1871 г. в ауле Верхний Назран. Мы приводим эту запись в качестве примера деформации эпоса в сторону анекдотического рассказа.

Цазик – собственное имя, но в обыденном разговоре словом этим называют маленькую чашку, служащую для соли или рассола, которым приправляю баранину; для бедных же рассол этот служит единственной приправой сухого чурека (хлеба) (примеч. Ч. Ахриева). Примечание Ч. Ахриева к этом слову вполне справедливо. Нужно еще отметить, что мизинец у ингушей называется «цIаза пIелг» («цаза-палец»). [1]

Мать вод дает Цазику баранов. Мать вод (Химиханана) – у вайнахов мифологический образ языческой религии. [2]

IX. ГИБЕЛЬ НАРТОВ

Почему была наслана зараза

У Сеска Солсы был ручной лесной голубь. Сеска Солса подкармливал его зерном. Голубь, в свою очередь, указывал ему место нахождения водных источников: ручьев, озер, родников. Раз шли они по безводной местности, и Сеска Солса испытывал жажду. Он спросил у голубя: «Имеется или где-либо поблизости вода?». В ответ голубь, воркуя, сделал несколько кругов по земле и, как бы говоря «пошли за мной», полетел в сторону. Сеска Солса поскакал за ним. Голубь присел под одной из скал.

Сеска Солса вдруг увидел, что со скалы течет ручеек воды. Только было раскрыл рот, чтобы напиться, как голубь закружил над ним и своими крыльями разметал воду по сторонам. Сеска Солса рукою отгнал голубя, вновь было попытался напиться, как голубь опять преградил воду и расплескал ее. Это разозлило Сеска Солсу, и он наотмашь ударил голубя. От богатырского удара голубь замертво упал на землю.

Пожалел Сеска Солса, что погорячился и убил своего верного друга. Глянул он вверх скалы и увидел на ее вершине лежащего сармака. Из его раскрытой пасти текла ядовитая слюна. Понял Сеска Солса в чем дело, что голубь спасал его от смерти. Оказывается, сармак так обманывал и уничтожал проходящих путников. Выхватив свою барсовую шашку, Сеска Солса кинулся на сармака и одним ударом отсек ему голову. Но перед гибелью сармак успел издать ужасный крик. Покончив с сармаком, Сеска Солса взял на руки мертвого голубя и горестно сел в тени невдалеке растущего дерева. Вдруг он услышал шум в кустах. Это, оказывается, полз другой сармак. Схватил он зубами голову убитого сармака и пополз в горы. [1]

Это заинтересовало Сеска Солсу, и он тайно пошел за ним. Приполз сармак на поляну, посреди которой лежал большой синий камень. Сармак положил на него голову убитого дракона. И тут случилось чудо: от головы стало вырастать тело убитого сармака, и затем он ожил. Понял Сеска Солса, что камень этот чудесный. Стал дракон уползать, но Сеска Солса тут же их обоих изрубил.

Взял Сеска Солса голубя и положил его на камень. Голубь ожил и, воркуя, стал кружить по земле.

Едет Сеска Солса далее, кружит над ним его голубь. Вдруг услышали они женский плач, а вскоре показалась и сама женщина, с мертвым мальчиком на руках. Стал Сеска Солса ее успокаивать. Женщина рассказала, что пошла она в лес с сыном за хворостом; змея укусила мальчика, и он умер. Пожалел Сеска Солса эту женщину, повел ее к тому камню и оживил ребенка.

Сеска Солса был вещий. Он знал, что мертвых оживлять нельзя, и потому наказал женщине никому ничего прол тот камень сообщать. Она пообещала, и Сеска Солса уехал своей дорогой. Женщина оказалась хитрой. Она поселилась в шалаше у клабища и за плату стала оживлять мертвецов. Ангел смерти Мулкао-мовта пожаловался Всевышнему на это нарушение, и тогда Бог наслал заразу и уничтожил ее и всех нартов.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос». Нальчик, 2012, стр. 370—371. В 2008 году от 80-летнего жителя города Малгобека записал Магомет Яндиев.

«Барсовая шашка» («цIокъболат» – по-ингушски) – раньше на Кавказе славились шашки с изображением звериной морды на лезвии; считалось, что изображение барса. [1]

Отчего бог истребил орштхоев [1]

Сеска Солса однажды поехал на охоту с несколькими всадниками. Они убили зайца, передали его нарту Хамчи Патрижу и велели ему сварить его для кушанья. Сварив этого зайца, Хамчи Патриж вынул его из котла и положил на куст. Заяц ожил и убежал, и когда Сеска Солса возвратился и хотел закусить, зайца не оказалось. Тогда Сеска Солса стал требовать отчета от Хамчи. Тот сказал, что заяц убежал, когда он его сварил и положил на куст. Сеска Солса не поверил ему и говорит: «Лучше отдай зайца, не может быть, чтобы сваренный заяц убежал. Это ты насмехаешься надо мной». [2]

Тот стал его уверять, что это действительно так и было, хотя сам не знает отчего. Сеска Солса спросил всадников, верят ли они словам Хамчи Патрижа или нет. Те ответили, что это неправдоподобно. Тогда Сеска Солса отсек голову Хамчи Патрижу. Но потом они стали раскаиваться, что убили его, и один из них догадался предложить положить и Хамчи Патрижа на тот куст, о котором он говорил. Хамчи Патриж ожил. С тех пор убитого товарища нарты всегда клали на этот куст и оживляли. За это бог истребил нартов, послав им страшный голод. [3]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 335. Предание записано Б. Далгатом в 1892 г. на русском языке со слов сказителя Газбыка.

Как я уже говорил раньше, Газбык орштхоев называет нартами. Это предание имеет тесную связь со сказанием «Гибель орштхоев» (примеч. Б. Далгата). [1]

Хамчи – имя отца; Патриж – имя сына. Осетинские нарты, соответствующие им – Хамыц и Батрадз (примеч. Б. Далгата). [2]

Смысл сказания таков, что нарты были истреблены богом за то, что они пошли против закона природы, против бога и не хотели умирать (примеч. Б. Далгата). В этом сказании герои, в отличие от других подобных рассказов, не изгоняются, не уничтожаются, не умирают от выпитой расплавленной меди. Здесь бог истребляет их, наслав страшный голод. [3]

Как погиб род нарт-орстхойцев

Нарт-орстхойцы не гнушались плохих поступков. Свои неблаговидные дела они не считали позором. Собирая шайки, они нападали на людей, насильничали, пленяли в рабство. Вот так они и вели себя. Поэтому Дяла и Села уничтожили их. [1]

Однажды, когда нарт-орстхойцы, собравшись в шайку, пошли на свои злые дела, под ними разверзлась земля, и они там так и остались, не сумев выбраться на поверхность. Когда кончились у нартов еда и питье, они съели своих лошадей. Тогда, говорят, Сеска Солса сказал: «Чтобы люди не говорили, что у нарт-орстхойцев опухли ноги и головы и они умерли с голода, умрем достойно, выпив расплавленную медь». Согласились с этими словами орстхойцы и выпили каждый по чаше расплавленной меди.

Сеска Солса выпил сразу три чаши. Орстхойцы, выпившие медь, сразу же умерли. У Сеска Солсы, выпившего сразу три чаши, все горело внутри, но он еще сидел, страшно страдая. Увидев волка, пробегавшего мимо, Сеска Солса сказал ему:

– Из своей добычи я всегда часть уделял и тебе, теперь ты окажи мне помощь. В моей груди все пылает – принеси мне воды глоток.

– Как это я принесу тебе воды глоток? Я ведь жду твоей смерти, чтобы потом съесть твое сердце и легкие.

Солса обратился к пролетающему ворону:

– Из моей добычи и тебе доставалась доля. Принеси мне воды глоток.

– После смерти твоей я ведь выклюю твои очи, как же я тебе воды принесу? – ответил ворон.

Тогда Солса увидел летящего в небе лесного голубя.

– Ничего доброго я не сделал тебе, лесной голубь! Успокой мое горящее нутро, принеси мне воды глоток, – крикнул Сеска Солса.

Пожалев Солсу, быстро полетел голубь и принес ему воды глоток. Выпив глоток воды, умирающий Солса успокоился. Повязав голубю золотистую нить, он сказал:

– Пусть с этого дня люди называют тебя «голубь Солсы». А там, где повязана эта нить, пусть вырастут у тебя перышки цвета золота.

Сказав это, Сеска Солса умер. С тех пор люди называют лесного голубя «голубем Солсы», вокруг его шейки имеются перышки цвета золота. Голубь, носящий имя героя, помнит о нем и, воркуя, говорит:

– Іэл кхо Сеска Солса, Іэл кхо Сеска Солса (для Эла жаль тебя Сеска Солса). [2]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 335. Записано Д. Мальсаговым в 1920 г. на ингушском языке со слов Генардуко Пхугиевича Ахриева, 75 лет, жителя горного аула Фуртоуг.

[1] Дяла и Села – главные боги языческого пантеона вайнахов.

[2] Т. е. голубь хочет сказать: Сеска Солса был слишком хорош, чтобы умирать.

В архиве ЧИАССР, ф. 586, п. 29 имеется другой вариант перевода данного сказания, под названием «Гибель орстхойцев». Этот перевод фольклористы считают принадлежащим Д. Мальсагову. Перевод не имеет абсолютного совпадения с более поздней (1957) ингушской публикацией данного сказания в оригинале, но представляет определенный интерес, поэтому мы считаем нужным поместить его в комментариях:

«В горах был возвеличенный богом аул. Это был очень богатый аул. Ни один человек не осмеливался напасть на него, оттого что он был возвеличен богом. «Я не успокоюсь, пока не возьму этот аул», – сказал Солса, сын Сески, взял своих 60 орстхойцев, пошел и завоевал

его. Когда орстхойцы возвращались домой со взятым там богатством, под ними провалилась земля, и они оказались на большой глубине, откуда не могли выйти. С голоду орстхойцы съели всю пищу, какая у них была, съели и лошадей.

После того Солса, сын Сески, сказал: «Пусть не говорят люди, что орстхойцы умерли с голоду с опухшими ногами и головами. Лучше умрем сами по своей воле». Все орстхойцы согласились со словами Солсы. Тогда они расплавили медь, и каждый из орстхойцев выпил по одной чаше, а Солса, сын Сески, выпил три чаши. Как только орстхойцы выпили медь, они умерли. Только три чаши выпивший Солса, сын Сески, с горящими внутренностями от расплавленной меди сидел, перенося великие муки. И закричал он: «Нет ли в этом мире кого-нибудь, кто принес бы мне глоток воды?».

Мимо бежавший волк сказал: «Если бы ты умер, я бы съел твои легкие и печень, стану я тебе воду носить!». Мимо летевший ворон сказал: «Если бы ты умер, я бы выпил твою теплую кровь, стану я тебе воду носить!». Лесной голубь прилетел с глотком воды для Солсы, сына Сески. Обвязав золотой ниткой шею голубя, который принес ему воду, и сказав: «Отныне да будет твое имя связано с моим», – умер Солса, сын Сески. С того времени лесной голубь имеет вокруг шеи перышки, подобные золотой нитке, которой обвязал его Солса, сын Сески, и его имя связано с именем Солсы, сына Сески, так как называется он «голубем Солсы». И с тех пор он воркует:

Іэл кхо Сеска Солса,

Іэл кхо Сеска Солса».

В данном тексте обращает на себя внимание одна мысль, отсутствующая в других вариантах этого сказания, а именно: Сеска Солса идет завоевывать «возвеличенный богом аул», т. е. он тем самым идет против бога, за что орстхойцы (по велению бога) и проваливаются на большую глубину, откуда не могут выйти.

«Нарты верили в бога…»

Нарты верили в бога и поклонялись ему. Орхустойцы, хотя верили в него, но всегда вели борьбу с ним. В наказание за это бог постоянно противодействовал их желаниям и предприятиям. Если, бывало, орхустойцы посеют хлеб, то на пашне их вырастала одна чистая трава. Если орхустойцы варили себе мясо дичи (они старались питаться одним мясом после неудач в посеве хлеба), то оно в самом котле превращалось в вонючий труп. Тогда они, видя, что борьба их неравносильна, решились на отчаянную смерть: они расплавили красную медь и выпили ее. Так отравились орхустойцы, из которых последним испустил дух Сеска Солса. [1] [2]

Народная легенда говорит, что у Солсы перед смертью появилась страшная жажда, и когда в предсмертной агонии он увидел ворону, летевшую мимо него, то он обратился к ней с просьбой принести ему воды. «А я думала, – говорит ему ворона, – что ты уже умер и прилетела поклевать твой вкусный глаз». Солса проклинает ворону и обещает дать бокал напитка тому, кто убьет ее. [3]

Проходит мимо него волк. Солса обращается и к нему с такой же просьбой. Волк говорит Солсе, что он пришел не помогать, а поесть его внутренности, думая, что он испустил дух. Солса и волка тоже проклинает и обещает дать три бокала напитка тому, кто убьет его. Пролетает затем мимо него голубь, он обращается и к нему своей просьбой. Голубь приносит ему в красных чувяках воды – и Солса, утолив жажду, умирает, поблагодарив голубя и погладив его по шейке. Оттого-то, будто бы, как говорят ингуши, у голубя шея золотистая и кричит-то он так: «кок, Солсан кок», т. е. «голубь, Солсы голубь». [4] [5] [6]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 331. Сказание опубликовано на русском языке без названия в статье Ч. Ахриева «Из чеченских сказаний».

Здесь с первых же слов у Ч. Ахриева нарты и орхустойцы противопоставляются друг другу, что неверно. Соска Солса представлен как орхустоец. [1]

Орхустойцы гибнут не за то, что совершают плохие поступки по отношению к людям (лишая народ благодати), а за то, что вели борьбу с богом. [2]

Давать бокал какого-либо напитка – у горцев значит благодарить (примеч. Ч. Ахриева). [3]

Следует отметить некоторую противоречивость в оценке зверей в вайнахском фольклоре. В одном случае волк символизирует мужество героя, для которого сравнение с волком служит высшей похвалой. Это особенно наглядно в героических песнях, но в сказаниях и сказках волк нередко предстает как жадное, ненасытное и глупое животное. [4]

Голубь у ингушей всегда считался священной птицей. Его нельзя убивать, многие даже не разводят голубей возле жилища, боясь чем-нибудь повредить им. В эпосе голубь предстает как птица Соска Солсы. [5]

Если послушать, когда кричит лесной голубь, то кажется, что он произносит по-ингушски свое собственное имя и имя Солсана (примеч. Ч. Ахриева). [6]

Гибель орштхоев [1]

У нартов был неурожай в течение семи лет. Они отнимали хлеб у других людей и кое-как перебивались. Но, в конце концов, им волей-неволей надо было умереть голодной смертью. Поэтому они начали пить расплавленную медь, чтобы поскорее избавиться от мучений. Все они от этого умерли, не умер только один Сеска Солса. Ему сильно захотелось пить, но он не имел сил встать и, лежа, стал просить воды у птиц, пролетавших над ним. Ни одна птица не исполнила его мольбы. Один лишь голубь сжалился над умирающим и принес ему воды. За это Сеска Солса оторвал волос от своего уса и привязал к шее голубя, велев ему произносить имя свое до светопреставления. У этого голубя и теперь на шее видна белая полоса от волоса Сеска Солсы, и он постоянно выкрикивает: «Калиг Соск Солса, Калиг Соск Солса». [2] [3] [4] [5]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 334. Сказание записано Б. Далгатом на русском языке в 1892 г. со слов сказителя Ганыжа.

Рассказчик Газбык смешивает нартов и орштхоев, но, как мы увидим ниже, другой рассказчик, Ганыж, проводит между теми и другими большую грань (примеч. Б. Далгата). [1]

Собственно у орштхоев (примеч. Б. Далгата). [2]

Соска Солса – главный из всех орштхоев. У ингушей он считается святым (примеч. Б. Далгата). [3]

Подобные древние этнологические мотивы постоянно встречаются в нартском эпосе. [4]

Это означает «бедный Соска Солса». Газбык меня уверял, что он сам видел голубя и слышал его крик. Не нужно думать, что голубь этот тот самый, который дал пить нарту. От него размножилась целая порода подобных ему голубей (примеч. Б. Далгата). В других вариантах этого сказания (записи Д. Мальсагова, И. Дахкильгова) голубь выкрикивает другие слова. В данном случае, на первый взгляд, здесь имеет место сюжетный иррационализм. Ведь голубь выражает жалость по поводу гибели нарт-орстхойца. В эпическом контексте акцент делается не на то, что Соска Солса и его товарищи были плохими, а на их героической смерти. Героизм же в кавказском эпосе всегда восхваляется. [5]

Погибли в пещере

В горе Загал-дук у нартов имелась своя большая пещера, в котрой они отдыхали, вернувшись из походов. Как-то они пришли в нее после длительного отсутствия и сели пировать. Вдруг грянул страшный гром, затряслась земля. Внезапно гора треснула, произошел обвал, который наглухо закрыл вход в пещеру. Это Бог почему-то рассердился на нартов и обрек их на гибель. Лишь высоко вверху остался просвет величиною с кулак.

Как нарты ни старались, но освободиться не могли. Когда съели всех коней, нарты поняли, что их ожидает голодная смерть. «Мы должны умереть так, – сказал их предводитель Сеска Солса, – чтобы люди и по смерти прославляли нас, высоко чтя наши имена». В большом котле расплавили нарты медь, а в котле поменьше – золото. Всем нартам в кубки налили медь, а Сеске Солсе налили золото, тем самым проявляя к нему свое уважение. Сеска Солса произнес тост: «Пусть мы умрем, но слава о нас пусть будет бессмертной!». Дружно все выпили медь и золото.

Лежит, умирает Сеска Солса. Он настолько силен, что сразу умереть не может. Мучает его жажда. И он воскликнул: «Великий Боже, хотя бы выпить глоток воды!». Над отверстием в пещере пролетел голубь. Он услышал мольбу Сеска Солсы и в своем клюве принес ему воды. Выпил ее Сеска Солса, обмакнул в свой кубок пальцы и золотом провел по шее и груди голубя, сказав при этом: «Пусть люди с сего дня величают тебя Голубем Сеска Солсы!». Тут он и умер.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос». Нальчик, 2012, стр. 372—373. В 1998 году от 78-летнего жителя гор. Малгобека Идриса Магометовича Ханиева записал И. Дахкильгов.

Сеска Солса и Жербаба

Однажды ночью Сеска Солса со своими 60 орстхойцами оказался в доме Жербабы. Жербаба хорошо приняла гостей, дала им хорошо отдохнуть. Посадила их, а сама начала готовить ужин. В котел, висящий на очажной цепи, она опустила одно баранье ребро и села замешивать одну пригоршню пшеничной муки. [1]

– Вай! Что она хочет делать? Что нам даст ужнн, который готовит она? – сказал удивленный Сеска Солса и спросил у Жербабы:

– Эй, Жербаба, ведь нас так много – твоих гостей. Достаточно ли будет нам сваренного тобой мяса, замешенной тобой муки?

– Не волнуйся, сынок, – сказала Жербаба. – Еще останется пища, которую я готовлю. Эта мука и мясо у меня от того времени, когда на свет еще не появились Сеска Солса и 60 орстхойцев. Чтобы род их вывелся! Они, чтобы род их вывелся, забрали всю благодать, – сказала Жербаба, глубоко вздохнув.

– Эй, Жербаба, какое же было в те времена изобилие? – спросил еще более удивленный Солса.

– В те времена овцы лежали в тени трав, точно под деревом. Дети, ищущие своих овец, на стебель травы взбирались, словно на ствол чинары, и смотрели, где овцы, – сказала [грустно-серьезно] хозяйка дома.

Услышав этот разговор, Сеска Солса и его 60 орстхойцев, говорят, остались с разбитыми сердцами.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 329. Записал Д. Мальсагов со слов Генардуко Пхугиевича Ахриева (75 лет) в 1920 г. В отличие от других, вариантов, здесь дано описание благодатного периода (мифического «золотого века»). Об этом упоминается и в сказании «Соска Солса и тазовая кость» (Ч. Ахриев).

Жербаба – вдовая, старая женщина (чечен.-ингуш.). [1]

Чтобы котел говорил о нас

По реке Ямсу жил некий нарт-эрстхоец. Одна старуха попросила его сходить в лес за дровами. Она пообещала: «Когда вернешься, я тебя обильно накормлю вкусной едой».

Сходив в лес, нарт-эрстхоец возвращался к старухе и нес ей три ствола дерева. Один ствол он заткнул за пояс, два других нес на плечах. Увидел его черт и, чтобы разозлить нарта, сказал: «Старуха не приготовила еды столько, чтобы ты насытился. Зачем ты несешь ей дрова?». Разозлился нарт-эрстхоец и тут же отбросил от себя два ствола, которые он нес на плечах, а про тот ствол, который был у него за поясом, забыл. С ним он пришел к старухе. Она обрадовалась, что ей принесли ствол дерева и дала нарт-эрстхойцу три большие лепешки. Нарт-эрстхоец был недоволен, считая, что три лепешки для него недостаточны, однако он стал их есть, насытился, а лепешки еще остались.

Это удивило его, и он спросил старуху:

– Что за чудо! Я думал, что мне этих трех лепешек не хватит, чтобы и горло смазать. Думал я эти три лепешки у меня в зубах застрянут, а они меня не только насытили, но еще и остались. Почему это так, в чем здесь причина?

Старуха ответила:

– До того, как появились среди нас нарты, пища была благодатной. А когда вы появились, пропала наша благодать. Мука, из которой я сделала лепешки, была смолота до того, как вы появились. Ты быстро насытился потому, что она благодатная.

Нарт-эрстхоец ушел, подобрал брошенные им два ствола дерева и, поблагодарив старуху, отдал их ей.

Когда нарт-эрстхойцы узнали, что благодать [изобилие] пропала из-за них, они докрасна расправили медь и, выпив ее, все погибли. Люди употребляли брагу, а нарты, по гордости своей, пили расплавленную медь. Перед тем, как взять в руку чашу с расплавленной медью, выпив ее, нарты произнесли: «Пусть котел говорит о нас!». Поэтому, говорят, что котел, стоящий на огне, шипит «цазз-цизз». [1]

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 334. Текст записан С. Эльмурзаевым на плоскостном диалекте чеченского языка в 1960 г. от Ханмагомеда Болтукаева, колхозника, 1911 г. рождения, жителя сел. Алерой (Ножай-юртовского района).

Здесь мотив гибели нарт-эрстхойцев, выпивших расплавленную медь, перекликается с «Ялхой-мохкским сказанием» Н. Семенова. Примечательно, что в эпосе вайнахов многие сказания, в которых фигурируют нарты, посвящены теме их гибели, уничтожения, изгнания. [1]

Сирая вдова и нарты

Жила в Ичкерии сирая вдова, лишившаяся двух сыновей, убитых нартами. Сидя в землянке, старуха вспоминала о своем несчастье и горько плакала. Стенания ее были прерваны раздавшимся на дворе шумом. Выйдя из землянки, она, к ужасу своему, увидела семерых нартов и готова была бежать, когда один из них задержал ее и попросил накормить их. Делать было нечего. Она ввела их в землянку, развесила их щиты и оружие по стене и принялась за стряпню. [1]

Вложив в маленький котелок ребрышко сушеной баранины, она повесила его на огонь и, взяв горсть муки, замесила лепешку. Нарты забавлялись над таким легоньким обедом, ибо каждый из них съедал по барану. Но каково же было их удивление, когда, принявшись за поданный обед, они не съели всего мяса и хлеба. Они попросили старуху объяснить им это чудо.

Старуха отвечала: «До нашествия нартов на Ичкерию страна благоденствовала: хлеба, молока и масла было в изобилии. Дети наши росли и хорошели на радость наших старых лет. С появлением нартов все изменилось, видно бог наказал нас за грехи наши вашим нашествием. Урожаев не стало, коровы не дают молока, Благодать, как река в море, утекла из Ичкерии. Глядя на детей наших, мы выплакиваем глаза и ускоряем печальные дни нашей жизни. Нарты убивают мужчин, а дочерей уводят к себе для бесчестья. Да будут прокляты нечестивые нарты со своим семенем, уж лучше бы бог наслал на нас моровую язву и истребил бы всех! Мясо и мука, вам поданные, сбережены еще с того благодатного времени, когда мы не ведали о нартах».

Услышав этот рассказ, нарты устыдились за самих себя, устыдились того, что они служат карой для народа, что они даже саму природу разгневали своими беззакониями. Раскаяние овладело их жестокими сердцами. Они сделались названными сыновьями старухи, обстроились жилищами вокруг ее землянки и, поженившись на невестах, ею избранных, слились с чеченцами. Некоторые, изменяя этот рассказ, говорят, что нарты после чудного обеда вместо браги (нихи) растопили красную медь, выпили и погибли.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 337. Текст сказания опубликован У. Лаудаевым на русском языке без названия в примечаниях к статье «Чеченское племя».

Ичкерия – название местности, происходит от кумыкского Ичи-ери, что обозначает «местность среди гор». По-чеченски она называется «Нахчой-Мохк», т. е. «страна чеченцев». [1]

Нарты выпили медь

Странствовали шестьдесят три нарта. Они поклялись: «Будем совершать дурные поступки и не будем делать добрых дел!». Они убивали мужчин, пленили женщин – никому житья не давали. Как-то ночью они остановились у некой старухи.

– Проголодались мы, приготовь нам ужин, – попросили они.

– Располагайтесь поудобнее, – предложила старуха.

Стала она стряпать: на сале и масле приготовила три лепешки. По природе своей нарты никогда не насыщались съеденным и вдоволь не могли пресытиться выпитым. Они с пренебрежением смотрели на пищу, которую готовила старуха. С усмешками они перестукивались коленями. Хозяйка разрезала лепешки на куски и преподнесла их нартам. Лишь только они их чуточку поели, как тут же и насытились.

– Странно! Что это за столь сытная пища, которую ты нам приготовила? – удивились они.

– Не ведаю, кто это такие нарты, но пусть искоренится их род! Лепешки, которые я вам приготовила, сделаны из муки того урожая, который вырос до появления нартов на этом свете. Они виновны в исчезновении благодати и божественности.

Ничего не сказали нарты. Они ушли в какую-то далекую горную пещеру, выпили расплавленную медь, и все погибли.

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос». Нальчик, 2012, стр. 341—343. В 1974 году от пожилого жителя села Бамут Хасана Усаповича Терлоева записал И. Дахкильгов.

Когда оживут нарты

Как-то установилась долгая засуха. Тяжело пришлось нартам. Мать посоветовала Соска Солсе попросить пропитание у камня, из которого он вышел. Пошел Сеска Солса к тому камню, пожаловался на горькую долю нартов и попросил им пропитания. Тут на камне появились и еда, и питье. Сколько бы нарты ни ели и ни пили, на камне все не иссякала пища. Но прошло два года, камень перестал кормить нартов. Кончилась его благодать. [1]

До Соска Солсы дошло, что его молочный брат Батига Ширтка где-то хорошо устроился: разжирел. Послал Соска Солса нартов проведать, где это Батига Ширтка так сытно устроился. Наконец, Соска Солсе донесли, что Батига Ширтка находится в подземном мире Эл, сидит у водяной мельницы и голода не знает. Спустился Соска Солса в тот мир и увидел справного телом Батига Ширтку, сидящего у водяной мельницы. Лишь завидел он Соска Солсу, как тут же исчез. Мельница была чудесной. Она без зерна давала помол, и какое-то время кормила Соска Солсу и его нартов.

Но прошло время, и мельница без зерна перестала давать муку. Правда, с тех пор у людей появилась водяная мельница и им легче стало молоть зерно. Наконец, голод окончательно одолел нартов. Все их старания были напрасны. Тогда Соска Солса повел нартов в глубь наших гор. Пришли они к некой большой пещере. Тут Соска Солса сказал нартам: [2]

– Чем будут наши трупы валяться по земле, чем будут о нас злословить, говоря, что скончались мы от голода, выпьем расплавленную медь и все помрем в этой пещере.

Стали нарты пить по одной чаше расплавленной меди и замертво ложиться в пещере. Соска Солса последним выпил целых три чаши меди, и все же смерть не брала его. Горит и болит у него все нутро. Лежит он в муках. Вдруг откуда-то прилетела пестрая ворона.

– Зачем прилетела? Чего тебе тут надо? – спросил Соска Солса.

– Прослышала я, что ты умер, и прилетела поклевать твои глаза, – ответила ворона. Соска Солса стрельнул из лука и убил ее.

Тут неожиданно появился волк. И его Соска Солса спросил, чего ему тут понадобилось.

– Сказали мне, что ты умер, вот я и пришел погрызть твои внутренности, – ответил волк. И его Соска Солса убил. Вдруг оопустился рядом лесной голубь. И ему Соска Солса задал тот же вопрос. На что голубь ответил:

– Прослышал я, что тебя одолевают смертельные муки и решил узнать, чем могу помочь тебе. Скажи, что я могу для тебя сделать?

– Принеси мне воды, – попросил Соска Солса.

– Да как же я принесу, ведь я всего-навсего голубь?

– Мне хватит и той капли воды, что поместится в твоем клюве, – ответил Соска Солса.

Улетел голубь и вернулся с водою в клюве. Выпил эту каплю Соска Солса, и ему несколько полегчало.

Тут он проклял и ворону, и волка, сказав:

– Пусть люди вечно преследуют ваше потомство!

А голубю он пожелал, чтобы люди высоко чтили его породу.

Поднял Соска Солса мертвого волка и подвесил его в пещере, затем произнес заклинание:

– Пусть закроется вход в пещеру, и пусть мы, нарты, будем лежать в ней, пока волк не превратится в «кит» (опадут с него все волосы). Как только это случится, пусть все мы оживем, и пещера раскроется.

…Никто не знает, где эта пещера находится, но люди говорят, что когда этот волк полностью облезет, нарты оживут, выйдут из пещеры и станут нашими защитниками. [3]

Комментарии И. Дахкильгова

«Ингушский нартский эпос», с. 373. Нальчик, 2012. В 2003 году от 71-летнего жителя гор. Малгобека Ази Ахметовича Куштова записал И. Дахкильгов.

В сказании полностью отсутствует мотив гибели нартов по их собственной вине.

По совету приемной матери Соска Солсы нарты в голодное время кормятся с камня, из которого «родился» Соска Солса. Камень – своеобразная «скатерть-самобранка». По всей вероятности, в прежние времена вместо безымянной матери в сказании присутствовала Села Сата. [1]

Здесь имеет место второе упоминание в эпосе того факта, что водяная мельница была принесена в мир живых из мира мертвых (первое упоминание – в ранее приведенном тексте «Сеска Солса и Селий Пиръа». [2]

Нарты станут нашими защитниками – подобное утверждение нигде больше не встречается и, скорее всего, является выражением народной мечты о светлом будущем. [3]

Царь нарт-эрстхойцев Науразе

Говорят, что нарт-эрстхойцы жили в Большой Чечне, над Тереком и в Ингушетии. Нарт-эрстхойцы жили также вокруг Ножай-Юрта. Говорят, что царем – тамадой нарт-эрстхойцев, которые жили там, был Науразе. Недалеко от Ножай-Юрта, на горном хребте, есть место, где, якобы, была крепость, в которой жил Науразе. Место, где была крепость, разрушилось. Видны уступы, осевшие за долгие годы.

За крепостью тянется гора «Коновязь Геры». Там жил нарт-эрстхоец Гера. Место, где жил нарт-эрстхоец Гяла, называется «Гяла-памятник» (т. е. надгробный камень Гялы) *. Гяла поднял его на гору высотой в три километра. Подняв на гору этот камень, он ударом вогнал, говорят, его в землю. Поэтому это место называется «Гяла-памятником». На трех горах жили Науразе, Гяла и Гера*. Когда случалось, что понадобится топор, то стоило только крикнуть, как с одной горы на другую гору перебрасывали топор.

В те времена, когда вокруг Ножай-Юрта жили нарт-эрстхойцы, в поисках земли из аула Нашха пришли, говорят, чеченцы в Цонтарой, что в Саясановском районе, выше Ножай-Юрта. Там чеченцы сговорились отнять у нарт-эрстхойцев землю, чтобы жить на ней. Сперва чеченцы мирно просили землю. Нарт-эрстхойцы не отдали ее. Тогда чеченцы сказали:

– Мы ничего вам не сделаем, если в течение семи дней вы уйдете отсюда. Если же к этому времени вы не отдадите нам землю, мы пойдем на вас войной.

Когда в назначенный срок царь Науразе и его товарищи не ушли, чеченцы приготовились пойти войной на них. На восьмой день на всех прилежащих хребтах и склонах гор чеченцы, привязав осоку к концам длинных жердей, зажгли ее и начали наступление на Ножай-Юрт. Когда Науразе увидел все горы в огне, он испугался и, говорят, вместе со своим войском удрал за Терек, не оказав никакого сопротивления.

*Этот каменный памятник, говорят, весит пять центнеров (примеч. сказителя).

**Между этими тремя горами будет расстояние в пять-восемь километров (примеч. сказителя).

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 340. Текст записан С. Эльмурзаевым в 1959 г. на чеченском языке со слов жителя сел. Ножай-Юрт Муски Муллаева, 80 лет.

Предание сухо излагает эпические факты, но представляет немалый интерес со стороны топонимических указаний мест, где жили некогда чеченцы и нарты. По рассказу выходит, что они жили рядом, но чеченцы отвоевывали у них землю. Здесь примечательно указание на то, что свои «походы» за землю чеченцы начинают из страны Нашха, легендарной прародины чеченцев. Из предания следует, что нарты – это не чеченцы. Заслуживает внимание само иранское имя «царя» – тамады нарт-эрстхойцев – Науразе (от «нау» «новый», «руз» – «год»). Предание в эпической форме отражает отдаленные события, имевшие место на территории, населенной чеченскими племенами.

Башня Науразa [1]

Близ дороги, ведущей в Ножай-Юрт, проходит хребет, который называется «Разрушенный хребет» («Боьхна-берд»). На его гребне, говорят, стояла башня царя, предводителя нарт-эрстхойцев – Науразa. На хребте видны какие-то насыпи – будто бы там стояла большая башня. Земля там местами обгоревшая, имеются большие комья, будто бы там были какие-то строения. Старики-сказители из Ножай-Юрт рассказывают: [2]

– Когда с горных высот вайнахи войной пошли на царя нартов Науразa и уже настигали его, он оттуда (где была крепость) забрал свою золотую казну и унес ее на восток, за речку Ямсу. Вот как он ее переносил: он заставил войти в речку Ямсу подчиненных себе нартов, они стояли в ряд поперек реки, заставил их возвести каменный вал и по нему перенес свою казну на восток к хребту, на котором имеются Молланийн-бярзанаш («Холмы мулл»). Там, по воле Науразa, и спрятали эту казну. Он надеялся при удобном случае вернуться и забрать ее оттуда. Однако Науразы и его воины, разгромленные и разогнанные чеченцами, никогда больше не возвращались.

У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 341. Текст записан С. Эльмурзаевым в 1958 г. в сел. Ножай-Юрт со слов учителя Хасмагомеда Битиева на плоскостном диалекте, опубликован без названия.

Это предание дополняет предыдущее («Царь нарт-эрстхойцев Науразы»). [1]

Науразы и здесь «предводитель» нарт-эрстхойцев, возможно, что «Науразы» и Наур из сказания «Наур и Гожак» имеют аналогии. [2]

Сказание о девушке-нарт

Чеченцы жили в горах. Когда не стало хватать своего края, они попросили земли у предводителя нарт-орстхойцев Наура, проживавшего в Ножай-Юрте. Нарт-орстхойцы, считая себя сильными людьми, не откликнулись на эту просьбу. Тогда чеченцы послали им сообщение о том, что если те добровольно не отдадут свои земли, то они придут к ним с войной. На восьмой день после этого сообщения чеченцы с длинными остроконечными пиками в руках и громкими криками стали приближаться к землям нарт-орстхойцев. Нарт-орстхойцы, испугавшись, бежали за Терек. Там они воздвигли башню и прорыли пещеру.

У Наура была жена по имени Саги. Она жила в ауле Давлетгири. Бывало, заиграет Наур у одного края пещеры на пондаре, она пускается в пляс у другого края пещеры.

Нарт-орстхойцы жили в шалашах, где находился аул Бан. Нарт-орстхойцы постепенно вымерли. Говорят, что их уничтожили низкорослые люди. Осталась от них только одна девушка.

Однажды один человек с шестьюдесятью всадниками отправился на поиски людей. Он прошел Дагестан, Нясаре, Хребет Давлетгирея, но никого не встретил. «Если бы в этих краях жили люди, то где-нибудь курился бы дым», – думал всадник, озираясь по сторонам.

Как-то они заметили, что вдали клубится небольшой дым. Подъехав к этому месту, всадники увидели, что это не дым, а пар: он поднимался над (лечебной) водой. Около воды они заметили огромные следы от копыт коня. Они сели у воды в надежде, что конь этот вернется к этому источнику. Прошло некоторое время, и перед ними верхом на коне появился огромный человек. Они быстро окружили его, а предводитель сказал:

– Спешивайся, мы славные чеченцы.

Огромный человек тут же похватал их и побросал в шалаш. Убедившись, что спастись от него невозможно, чеченцы стали просить нарта, чтобы он отпустил их. «Они мне ничего плохого сделать не согут», – подумал нарт и отпустил их.

– Мне отец говорил, – сказал нарт, – что в последующие времена появятся люди с мягкими телами, но с храбрыми сердцами. Этими людьми оказались вы. Не вздумайте сделать мне что-нибудь плохое. Я не мужчина, я пятнадцатилетняя девушка, – произнесла девушка-нарт.

Она рассказала, что выйдет замуж лишь за того, кто одолеет ее в схватке. Предводитель предложил приехать через год помериться с ней силой. Девушка-нарт вырвала с головы волос, связала им предводителя, бросила его наземь и сказала:

– За такого не выйду, а выйду за того, кто бремя по дому будет нести сам.

Некоторое время спустя в этих краях оказался человек по имени Ногаймирза. Он дал знать, что готов бороться с девушкой-нарт.

– Спешься с коня, – сказала девушка-нарт.

– Я и верхом на коне одолею тебя, – сказал Ногаймирза, одолел девушку-нарт и уселся ей на спину. Девушка-нарт согласилась выйти за него замуж.

Комментарии А. О. Мальсагова.

«Сказания, сказки и предания чеченцев и ингушей». Грозный, 1986, с. 285—286. Записал студент ЧИГУ им. Л. Н. Толстого на чеченском языке со слов Эльмурзаева М. (97 лет) в 1971 году в сел. Шали ЧИАССР.

Последний нарт

Жили нарты в подземельях… Они были настолько сильны, что вырывали большие чинары с корнями и рукой очищали их от листьев. Тело их, обросшее длинными волосами, прикрывалось кожей диких зверей. Последний представитель этого народа – нарт Тэймысхан встретился одному чеченцу, который спросил его: «Зачем вы, нарты, ходите по свету и причиняете зло повсюду?». Нарт пытался перехитрить чеченца и убить его, но это ему не удалось; он спрятался в подземелье, и больше нартов никто не встречал.

Комментарии У. Б. Далгат.

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, с. 163—164. Из доклада Д. Г. Жантиевой в 1929 г. в Северо-Кавказском горском научно-исследовательском ин-те (Ростов-на=Дону), со ссылкой на рукописную работу Ф. И. Горепекина «Ингуши» (т. IV, кн. 2). Текст доклада не был опубликован.

Нарты из Герменчуга

Между Энгель-аулом и Азамат-Юртом есть курган, носящий название Яшарт. Там и в местности, которая называется Герменчуг, говорят, жили нарты. Раньше нарты издевались над местными людьми, но постепенно люди стали притеснять их. Люди не давали житья нартам, живущим на Яшарт-кургане, и они пошли жить к герменчугским нартам*. Чтобы укрыться, нарты спустились внутрь укрепления Герменчуг. Вынимая землю изнутри, они сделали кругом ров и вал, чтобы люди не добрались до них. После этого тайком от людей нарты прорыли под землей канаву и провели издалека воду, чтобы не выходить из крепости. Запасшись зерном и скотом, они заперлись в укреплении. [1]

Люди, над которыми нарты раньше издевались и насильничали, собрались все вместе и окружили укрепление Герменчуг. Но герменчугское укрепление, величиной с хутор, было сделано прочно, и люди не могли ни пройти через ров, ни войти внутрь укрепления. Когда люди не смогли ничего сделать, они собрали совет, думая, что предпринять. Посоветовавшись друг с другом, они вспомнили о том, что к нартам откуда-то должна идти вода. Если лишить их воды, то они не выдержат. Они пошли за советом к одной старухе, чтобы она высмотрела [нашла] место, откуда к Герменчугу подходит вода. Умная старуха, которая знала то, что неведомо людям, сказала:

– Вода откуда бы ни шла, идет под землей. Чтобы обнаружить ее, нужно из табуна поймать трехгодовалого необученного жеребца. Три дня и три ночи надо кормить этого жеребца жареным ячменем, не давая ему пить. После того, как у него появится сильная жажда, нужно отпустить жеребца. Если проследить, куда он пойдет, то обнаружится то место, по которому вода поступает к нартам.

Люди сделали, как их учила старуха. Они поймали в табуне трехгодовалого жеребца, кормили его жареным ячменем, а затем, пустив его, пошли следом за ним. Необученный жеребец стал метаться в поисках воды. От жажды у него горело все нутро. Жеребец, принюхиваясь, побежал рысью от Герменчуга до Кошкельды. Добежав туда, вблизи Кошкельды, жеребец пошел под гору и начал ударять передним копытом в одно и то же место. Там, где жеребец ударил копытом, показались сначала гончарные трубы, а затем и вода, которая по ним шла до Герменчуга. Человек, следивший за тем, что делает жеребец, наклонился к воде и обрадованный произнес:

– Ой, Кошкельды*.

Люди обрадовались этому. Рассказывают, что нарты, жившие в Герменчуге, когда закрыли воду, протекающую к ним под землей по трубам, испытывали большую жажду. Затем наступил голод, и они все погибли, не осмеливаясь выйти оттуда*. Некоторые же говорят, что нарты поднялись и тайно ушли куда-то далеко отсюда.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 342. Предание записано С. Эльмурзаевым в 1960 г. на чеченском языке со слов Адама Мехтиева, 39 лет, жителя сел Энгель-Юрт (Ножай-юртовского района ЧИАССР).

Герменчуг, Герменчик – тюркское слово, чаще обозначающее «крепость» укрепление». В данном случае название населенного пункта. В Чечне имеется два «Герменчика» – около сел. Шали и между аулами Энгель-Юрт и Азамат-Юрт. Такое же село имеется у кумыков в Дагестане, а «Холм Герминча» – Германч-боарз – в Ингушетии. [1]

*Расстояние между этими двумя местностями равно 9—10 км. Герменчуг лежит в километрах двух к югу от Энгель-юрта. Это круглое место, окруженное рвом и валом, похожее на огромный ток. Посередине есть длинная возвышенность (будто здесь было строение) шириной, примерно, в шагов двадцать (замечание сказителя).

*По-кумыцки «Хошгельды» означает: «да будет счастливым твой приход». На этом месте, говорят, основано село Кошкельды, где и ныне живут люди. Слова, произнесенные в момент обнаружения воды, остались за названием аула (замечание сказителя).

*Много времени спустя там находили оружие, которое они носили, их посуду и другие вещи (пояснение сказителя).

Разгром нартов

В Курчалоевском районе возле Энгель-аула есть местечко Герменчик, обнесенное оврагом, и с ямой посередине. Рассказывают, что в этом месте жили нарты.

Между людьми и нартами возникали раздоры и войны. Когда люди стали размножаться, нарты укрепили свой круг, засели в укреплении. Люди никак не могли туда проникнуть. Тогда люди спросили у Жербабы:

– Как можно одолеть этих нартов? Откуда к ним поступает вода?

Жербаба дала им такой совет:

– Три дня и три ночи кормите жеребца жареным просом, не давая ему воды, и отпустите его вблизи укрепления нартов.

Жеребец, мучимый жаждой, ударом копыта обнаружил место, откуда под землей по трубам шла вода к нартам. Люди разбили эти трубы и остановили воду, поступавшую к нартам. От жажды нарты очень ослабели. Тогда люди и истребили их. На том месте, где жили нарты, люди нашли много золота, серебра, детские колыбельки и другие вещи.

Комментарии У. Б. Далгат

«Героический эпос чеченцев и ингушей». М., 1972, стр. 542. Предание записано А. Ю. Абдулаевым в 1959 г. от Сурхо Адаева, 1929 г. рождения. Оригинальность этого сказания состоит в том, что здесь говорится о войне людей (чеченцев) с нартами и вытеснении последних, причем осуществляется это весьма оригинальным «эпическим» способом. В рассказе впервые фигурирует мудрая старуха – Жербаба.